Ц 114/642

4959.

ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО

КИРГИЗСКИМЪ СТЕПЯМЪ

И

ТУРКЕСТАНСКОМУ КРАЮ

А. Макшеева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1896.

БИБЛІОТЕКА
Генералъ-Лейтенанта
А. Н. КУРОПАТКИНА.

1302
Я

Фототипія П. И. Бабкина, Спб. М. Морская, 20.

И 114/642

ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО

КИРГИЗСКИМЪ СТЕПЯМЪ

И

ТУРКЕСТАНСКОМУ КРАЮ

А. Макшеева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1896.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
18836-44

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197 . г.
12								

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Первое путешествіе въ 1848 году.

I. Наше положеніе въ Оренбургской Киргизской степи въ 1848 году. Начальникъ Оренбургскаго края Обручевъ и его отношеніе къ Киргизской степи. Заведеніе степныхъ укрѣпленій. Войска въ укрѣпленіяхъ. Снабженіе укрѣпленій и сообщенія съ ними. Топографическій очеркъ пути отъ Орска до Раима. Степные походы. Набѣги хивинцевъ въ окрестности Раима . . стр. 6

II. Мой первый походъ на Сыръ-Дарью. Пріѣздъ въ Оренбургъ и назначеніе въ степь. Приготовленіе къ походу. Составъ транспортовъ и отрядовъ. Выступленіе. Походная обстановка. Палъ. Переправа чрезъ Орь. Шевченко. Джангысъ-агачъ. Основаніе Карабутакскаго форта. Дѣла съ хивинцами 26 мая. Уральское укрѣпленіе. Походъ чрезъ Кара-Кумъ. Послѣдній переходъ. Раимское укрѣпленіе и передовые посты. Пребываніе въ Раимѣ. Поѣздки въ окрестности. Извѣстія изъ съемочнаго отряда. Начало метеорологическихъ наблюденій въ Раимѣ. Спускъ шкуны Константинъ. Извѣстія изъ Оренбурга о холерѣ . . . . . стр. 22

III. Плаваніе по Аральскому морю. Описная экспедиція. Выступленіе экспедиціи изъ Раима. Сыръ-Дарья отъ Раима до Косъ-Арала. Фортъ и ватага на Косъ-Аралѣ. Косъ-Аральскіе рыбаки. Составъ и обстановка описной экспедиціи. Сѣверные берега моря: островъ Кугъ-Аралъ и полуострова Кара-тюбе и Куланды. Островъ Барса-Кильмагъ. Западный берегъ моря. Южный берегъ моря. Открытіе Царскихъ острововъ. Окончаніе кампаніи . . . . . стр. 50

IV. Возвращеніе на линію и занятія въ 1849 и 1850 годахъ. Обратное плаваніе по Сыръ-Дарьѣ. Обратное путешествіе по степи. Возвращеніе въ Оренбургъ и представленіе отчетовъ. Записка о военной экспедиціи въ Хиву. Описаніе Аральскаго моря. Статистика Пермской губерніи . . . . стр. 75

ПРИЛОЖЕНІЕ:

О военной экспедиціи въ Хиву. Въ чемъ состоитъ трудность экспедиціи въ Хиву? Обзоръ пространства между предѣлами Россіи и Хивою. Моря Каспійское и Аральское. Пути къ Хивѣ. Отъ Сарайчикова чрезъ Усть-Уртъ. Отъ Оренбурга по западному берегу Аральскаго моря. Отъ Орска чрезъ Сыръ-

Дарью. Сравненіе путей къ Хивѣ. Выборъ пути для экспедиціи. Сила, составъ и пункты выступленія экспедиціи. Время и продолжительность экспедиціи. Обозъ. Устройство этаповъ и раздѣленіе отряда на эшелоны. Заключеніе . . . . . стр. 82

Второе путешествіе въ 1851 году.

V. Второй походъ на Сыръ-Дарью и осмотръ степныхъ укрѣпленій. Смѣна Обручева Перовскимъ. Мое назначеніе въ степь. Набѣги акъ-мечетскихъ киргизъ на окрестности Аральска и разбитіе русскими коканской крѣпостцы Кошъ-курганъ въ 1850 году. Походъ на Сыръ-Дарью и инспектированіе укрѣпленій. Осмотръ окрестностей Аральска. Угонъ табуна въ Уральскомъ укрѣпленіи. Уральскій казакъ Соколовъ. Охота на кабановъ. Оренбурское укрѣпленіе и слѣдствіе о злоупотребленіяхъ его начальника. Ксендзъ—солдатъ. Чумекеевскій аулъ. Возвращеніе въ Оренбургъ и знакомство съ Перовскимъ . . . . . стр. 106

VI. Представленіе отчетовъ и дальнѣйшія работы. Мое положеніе при Перовскомъ. Составленіе правилъ для слѣдованія транспортовъ по степи и исправленіе маршрутовъ. Предложеніе о новомъ способѣ транспортировки тяжестей въ степныя укрѣпленія. Составленіе правилъ о почтовомъ сообщеніи между укрѣпленіями и линіею. Уменьшеніе гарнизоновъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ. Установленіе отчетности по степнымъ укрѣпленіямъ. Составленіе плана и смѣты Казалинскаго форта. Дальнѣйшая судьба форта . стр. 117

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. *Извлеченіе изъ отчета о движеніи транспортовъ по степи въ 1851 году.* Составъ транспортовъ. Слѣдованіе ихъ въ укрѣпленія и обратно. Мѣры для облегченія слѣдованія транспортовъ. Слѣдованіе легкаго отряда съ инспекторомъ укрѣпленій . . . . . стр. 124

2. *Извлеченіе изъ отчета о степныхъ укрѣпленіяхъ въ 1851 году.* Фортификаціонное устройство укрѣпленій и постройки въ нихъ. Заготовленіе сѣна, топлива и овощей. Положеніе гарнизоновъ и состояніе здоровья въ укрѣпленіяхъ. Устройство поселеній при укрѣпленіяхъ. Хлѣбопашество въ Аральскомъ и другихъ укрѣпленіяхъ. Прочіе промыслы поселенцевъ . . стр. 129

3. *Записка о нижней части рѣки Сыра, какъ оборонительной линіи.* Долина праваго берега р. Сыра отъ устья до Кошъ-кургана. Обезпеченіе раіона Аральскаго укрѣпленія съ фронта. Необходимость устройства форта на Сырѣ выше укрѣпленія. Выборъ мѣста для форта. Опредѣленіе силы форта. Примѣрное распредѣленіе войскъ, находящихся въ Аральскомъ укрѣпленіи. Мѣста на Сырѣ, выше Казалинскаго форта, которыя, въ случаѣ надобности, могутъ быть заняты. Польза занятія пункта на Куванѣ . . . . . стр. 147

Третье путешествіе въ 1853 году.

VII. Занятія, предшествовавшія акъ-мечетской экспедиціи. Перемѣна направленія нашего движенія въ Среднюю Азію. Дѣло съ коканцами и хивинцами 4 марта 1852 года. Мнѣніе о Якубъ-Бекѣ султана Ахмеда. Мысль о соединеніи линіею передовыхъ укрѣпленій оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ. Командировка Бларамберга. Составленіе реляціи о походѣ Бларамберга. Лѣтняя кочевка Перовскаго. Опытъ летучей почты. Работы въ виду предстоящей экспедиціи въ Акъ-мечеть. Четырехъ мѣсячный отпускъ и исполненіе порученій Перовскаго въ С.-Петербургѣ. Проектъ занятія низовьевъ Сыръ-Дарьи . . . . . стр. 154

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Предположеніе о занятіи низовьевъ р. Сыра. Цѣль занятія Сыръ-Дарьи. Недостаточность Аральскаго укрѣпленія въ этомъ отношеніи. Выборъ пунктовъ на правомъ берегу Сыра подъ укрѣпленія и опредѣленіе величины гарнизоновъ. О средствахъ къ существованію укрѣпленій на рѣкѣ Сырѣ. Объ отношеніяхъ укрѣпленій къ киргизамъ. Необходимость признать за государственную границу русло Куванъ-Дарьи. Объ экспедиціи для занятія праваго берега рѣки Сыра . . . . . стр. 168

VIII. Третій походъ на Сыръ-Дарью, въ составѣ акъ-мечетской экспедиціи. Мое назначеніе въ экспедицію. Приготовительныя работы въ Оренбургѣ. Выѣздъ. Войска, назначенныя для занятія низовьевъ рѣки Сыра. Движеніе войскъ съ линіи до Аральска. Движеніе экспедиціоннаго отряда отъ Аральска. Ускореніе походнаго движенія. Прибытіе подъ Акъ-мечеть. Составъ и числительность отряда. Крѣпость Акъ-мечеть и расположеніе нашихъ войскъ. Молебенъ и сигнальныя ракеты. Устройство батарей и артилерійскій огонь. Веденіе траншей. Переговоры съ непріятелемъ. Постройка бараковъ и обиліе работъ. Первая рекогносцировка къ Сагазы. Вторая рекогносцировка къ Сагазы, исправленіе дороги и разстановка передовыхъ постовъ. Поискъ къ Джулеку. Послѣдній періодъ осады. Штурмъ Акъ-мечети 28-го іюля. Послѣ штурма на перевязочномъ пунктѣ. Потери наши и непріятельскія. Плѣнные и трофеи. Войска, оставленныя во вновь занятомъ краѣ. Награды. . . . . стр. 182

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Вѣдомость о численности русскихъ войскъ подъ Акъ-мечетью . . . стр. 218
2. Списокъ лицъ офицерскаго званія, бывшихъ подъ Акъ-мечетью . . . стр. 219
3. Вѣдомость о численности отряда, производившаго поискъ къ Джулеку. . стр. 222
4. Диспозиція къ штурму Акъ-мечети . . . . . стр. 223
5. Вѣдомость объ умершихъ, убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ во время акъ-мечетской экспедиціи . . . . . стр. 226

6. Вѣдомость предметовъ, взятыхъ, въ видѣ военной добычи, въ Акъ-мечети . стр. 227
7. Вѣдомость о числѣ войскъ, оставленныхъ въ Акъ-мечети и принадлежащихъ къ ней укрѣпленіяхъ и постахъ . . . . . стр. 228
8. Приказъ по Оренбургскому корпусу, отъ сентября 12 дня 1853 года . стр. 229

IX. Занятія на Сыръ-Дарьѣ послѣ взятія Акъ-мечети. Мое назначеніе по взятіи Акъ-мечети. Пребываніе въ Акъ-мечети. Передвиженіе въ Кумышъ-курганъ. Первое письмо къ Перовскому. Пребываніе въ Кумышъ-курганѣ. Второе письмо къ Перовскому. Пріемъ посольства отъ Хаджи-Ніаза. Дѣло съ коканцами 24-го августа. Поѣздка въ Акъ-мечеть. Воспоминаніе объ Осмоловскомъ. Обратное слѣдованіе на линію. Представленіе отчетовъ. Послѣднее письмо къ Перовскому и оставленіе Оренбурга. Нападеніе коканцевъ на фортъ Перовскій 14—19 декабря и разбитіе ихъ . . стр. 230

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Чертежъ 1. Планъ коканскаго укрѣпленія Джулекъ.
Чертежъ 2. Планъ Кумышъ-курганскаго укрѣпленія.
Чертежъ 3, *а* и *в*. Планъ плотины Карабугутъ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ МАКШЕЕВЪ [1]).

(Некрологъ).

2-го апрѣля скончался членъ военно-ученаго комитета главнаго штаба, почетный членъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ Макшеевъ.

Дворянинъ Новгородской губерніи, А. И. Макшеевъ родился 12-го мая 1822 года, получилъ воспитаніе сначала въ Новгородскомъ графа Аракчеева корпусѣ, а затѣмъ въ Дворянскомъ полку (нынѣ 2-е военное Константиновское училище), 18-го августа 1842 года произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ и, спустя два года, поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. По окончаніи курса въ академіи, А. И. Макшеевъ просилъ объ опредѣленіи его на службу на нашу дальнюю восточную окраину, былъ командированъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ, куда и прибылъ въ декабрѣ 1847 года, а въ январѣ 1848 года былъ произведенъ въ поручики, съ переводомъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ. Въ томъ же году, по распоряженію командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, штабсъ-капитанъ Макшеевъ былъ командированъ въ Киргизскую степь, причемъ въ одну изъ экспедицій, на пути слѣдованія въ Раимское укрѣпленіе, по порученію начальства, избралъ пунктъ для возведенія промежуточнаго поста между Аральскимъ и Раимскимъ укрѣпленіями; въ іюлѣ того же года онъ былъ отправленъ на шкунѣ „Константинъ“ съ лейтенантомъ Бутаковымъ въ Аральское море, для описанія береговъ, и за отличное исполненіе этого порученія награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. По возвращеніи въ Оренбургъ, штабсъ-капитанъ Макшеевъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ

[1]) Русскій Инвалидъ. 1892 г., № 77.

Оренбургскаго корпуса по части генеральнаго штаба, а въ 1850 году былъ командированъ въ Пермскую губернію для составленія статистическаго ея описанія. Посвятивъ болѣе полугода на собраніе необходимыхъ свѣдѣній, Алексѣй Ивановичъ, по возвращеніи въ Оренбургъ, былъ командированъ (въ 1851 году) для осмотра степныхъ укрѣпленій, причемъ ему было поручено обозрѣть въ окрестностяхъ Аральскаго укрѣпленія, на урочищѣ Казалы, мѣсто для возведенія тамъ предполагаемаго форта.

Въ 1852 году А. И. былъ произведенъ въ капитаны, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года, по распоряженію командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, командированъ въ распоряженіе атамана Оренбургскаго казачьяго войска Падурова, назначеннаго начальникомъ экспедиціи, предпринятой для очищенія отъ коканскихъ укрѣпленій низовьевъ рѣки Сыръ-Дарьи. 4-го мая 1853 года отрядъ выступилъ изъ Орской крѣпости въ Киргизскую степь, 3-го іюля прибылъ въ Акъ-мечеть и осадилъ эту крѣпость. 21-го числа капитанъ Макшеевъ, съ личнымъ конвоемъ генералъ-маіора Падурова, былъ посланъ для взятія и раззоренія коканской крѣпости Джулекъ. Исполнивъ порученіе, онъ 26-го іюля возвратился къ Акъ-мечети и 28-го участвовалъ въ штурмѣ этой крѣпости, за что и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною. По взятіи Акъ-мечети, Алексѣй Ивановичъ былъ оставленъ временно въ занятомъ нами краѣ, для руководства производившимися тамъ рекогносцировками, выбора мѣстъ для наблюдательныхъ постовъ въ окрестностяхъ Акъ-мечети и для приведенія въ оборонительное положеніе бывшаго коканскаго укрѣпленія Камышъ-кургана. По окончаніи возложеннаго на него порученія, капитанъ Макшеевъ, въ октябрѣ 1853 года, возвратился въ Оренбургъ и въ ноябрѣ былъ назначенъ на службу въ штабъ командующаго войсками 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, находившагося тогда въ г. Бухарестѣ. Прибывъ къ мѣсту назначенія въ февралѣ 1854 года, Алексѣй Ивановичъ находился при осадѣ крѣпости Силистріи, во время которой участвовалъ въ рекогносцировкахъ, произведенныхъ подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, ночью съ 16-го на 17-е мая, подъ сильнымъ непріятельскимъ

огнемъ, находился въ траншеяхъ на правомъ флангѣ для расположенія передовой цѣпи и прикрытія траншейныхъ работъ, а 28-го мая участвовалъ въ наступательномъ движеніи къ крѣпости Силистріи, произведеннымъ подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. За боевыя отличія, оказанныя имъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, капитанъ Макшеевъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ ноябрѣ 1854 года Алексѣй Ивановичъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ прикомандированъ къ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба) въ должность адъюнктъ-профессора по военной статистикѣ, и въ апрѣлѣ 1856 года произведенъ въ подполковники.

Въ 1857 году онъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, заграницу на годъ, для собранія свѣдѣній по военнымъ наукамъ и военной организаціи и для изученія военной статистики. При этомъ ему было указано, сверхъ главнѣйшихъ государствъ Европы, посѣтить Бельгію, Швейцарію, Испанію, Алжирію, Египетъ, Сирію и Турцію. По возвращеніи изъ командировки, Алексѣй Ивановичъ, въ августѣ 1859 года, произведенъ въ полковники, въ декабрѣ 1860 года утвержденъ профессоромъ военной статистики, а въ ноябрѣ 1864 года назначенъ членомъ совѣщательнаго комитета главнаго управленія генеральнаго штаба. Въ мартѣ 1866 г. Алексѣй Ивановичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ іюнѣ 1867 г., по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ Туркестанскую область для изученія края въ стратегическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. 18-го іюля онъ отправился изъ Орска по Оренбургской линіи въ Киргизскую степь и Туркестанскій край. Проѣхавъ черезъ Семипалатинскъ на Сибирскую линію, онъ въ декабрѣ 1867 г. возвратился въ Петербургъ. Въ мартѣ 1871 г. Алексѣй Ивановичъ былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора и въ слѣдующемъ 1872 г. принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ международнаго статистическаго конгресса. Въ послѣднюю нашу войну съ Турціею въ 1877 — 1878 гг. Государь Императоръ, обративъ особое вниманіе на отличную службу офицеровъ генеральнаго штаба во время военныхъ дѣйствій и видя въ этомъ результаты

плодотворной дѣятельности Николаевской академіи генеральнаго штаба, соизволилъ объявить ему, вмѣстѣ съ прочими членами конференціи академіи, Монаршее благоволеніе. Въ августѣ 1879 г. Алексѣй Ивановичъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ апрѣлѣ 1880 г. назначенъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба, съ оставленіемъ и членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба.

Какъ знатокъ нашихъ средне-азіятскихъ окраинъ и много трудившійся надъ изученіемъ Востока, Алексѣй Ивановичъ оставилъ нѣсколько весьма цѣнныхъ литературныхъ трудовъ, помѣщавшихся въ свое время въ „Военномъ Сборникѣ“, „Русскомъ Инвалидѣ“, „Морскомъ Сборникѣ“, „Вѣстникѣ Географ. Общества“ и др., а также издаваемыхъ имъ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать: 1) Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи, „Морской Сборникъ“ 1856 г. т. XXIII, № 9; 2) Степные походы, „Русскій Инвалидъ“ 1856 г. №№ 19 и 20; 3) Показаніе сибирскихъ казаковъ Милюшина и Батарышкина, бывшихъ въ плѣну у коканцевъ съ 1849 по 1852 г., „Вѣстникъ Русскаго Геогр. Общества“ 1856 г., кн. IV; 4) О военной статистикѣ въ Россіи, „Вѣстникъ Русскаго Географич. Общества“ 1858 г. № 9; 5) Замѣтки о современномъ Египтѣ, по поводу сочиненія: L'Egypte contemporaine, par Paul Merruau, „Вѣстникъ Русскаго Географ. Общества“ 1860 г. № 2; 6) Очеркъ современнаго состоянія Алжиріи, тамъ же, № 3; 7) Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, подъ редакціей полковника Макшеева (книга); 8) Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. С.-Петербургъ, изд. 1867 г. (книга); 9) Остатки стариннаго города на Сыръ-Дарьѣ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1867 г., № 60; 10) Еще нѣсколько словъ о развалинахъ Джанькента, „Русскій Инвалидъ“ 1867 г., № 87; 11) Походъ въ пустыню Гаркуръ. (Переводъ съ французскаго). „Военный Сборникъ“ 1869 г., № 6; 12) Географическія свѣдѣнія книги Большого чертежа о киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ. С.-Петербургъ, изданіе 1879 г.; 13) Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. С.-Петербургъ, изд. 1890 г.; 14) Описаніе Аральскаго моря, „Записки Географ. Обще-

ства“ 1851 г., кн. V; 15) Военно-статистическое обозрѣніе Пермской губерніи. С.-Петербургъ, изданіе 1852 г.; 16) Оренбургскій край, „Военно-Энциклопедич. лексиконъ“ т. IX, изданіе 1855 г.; 17) О рыбоводствѣ на озерѣ Великомъ, Боровичскаго уѣзда. Памятная книжка Новгородской губерніи на 1864 г.; 18) Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ, съ картою. „Записки Географ. Общества“ т. II, 1871 г.; 19) Изъ дневника русскаго путешественника по Алжиріи, „Всемірный Путешественникъ“. С.-Петербургъ, изд. 1869 г.; 20) Вмѣстѣ съ П. П. Семеновымъ составилъ докладъ 8-й сессіи международнаго конгресса, бывшей въ С.-Петербургѣ въ 1872 г.; 21) Хивинская экспедиція, 1839 г. „Русская Старина“ 1873 г.; 22) Нѣсколько дополненій къ біографіи Якубъ-Бека, напечатанныхъ въ трудѣ А. Н. Куропаткина „Кашгарія“. С.-Петербургъ, 1879 г.; 23) Рекогносцировка истока Яны-Дарьи въ 1853 г. Напечатано въ трудѣ барона А. В. Каульбарса „Низовья Аму-Дарьи“. Записки Географ. Общества, т. IX, 1881 г.; 24) Изслѣдованіе карты Джунгаріи. С.-Петербургъ, 1881 г.; 25) Списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ профессоровъ академіи генеральнаго штаба и офицеровъ, получившихъ въ ней образованіе. По поводу 50-ти-лѣтняго юбилея академіи. С.-Петербургъ, 1882 г.

Многочисленные ученики и сослуживцы Алексѣя Ивановича Макшеева съ самымъ теплымъ чувствомъ помянутъ свѣтлую личность покойнаго. Обладавшій большими познаніями, какъ профессоръ, всегда скромный и привѣтливый, Алексѣй Ивановичъ представлялъ собою рѣдкое сочетаніе прекрасныхъ качествъ ума и сердца.

Н. Д.

Заслуженный профессоръ (военной статистики) Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Алексѣй Ивановичъ Макшеевъ скончался 2-го апрѣля 1892 г. По складу своего ума, стремившагося при изслѣдованіи проникать въ глубь предмета, и по ряду занятій это былъ историкъ по преимуществу. Предметъ, избранный А. И., которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, было изученіе Туркестанскаго края, куда онъ попалъ въ молодые годы. Начавъ свою службу въ Генеральномъ Штабѣ въ Оренбургѣ (съ 1848 г.), А. И. принималъ участіе въ тогдашнихъ степныхъ походахъ и экспедиціяхъ, которые дали ему возможность близко познакомиться съ краемъ. Вынесенныя имъ изъ командировокъ наблюденія онъ выражалъ въ представляемыхъ имъ отчетахъ и проектахъ. Воспоминаніямъ объ этой живой, богатой впечатлѣніями эпохѣ своей жизни и посвящены записки А. И., интересныя, какъ свидѣтельство непосредственнаго участника въ нашемъ движеніи въ глубь Средней Азіи и какъ наблюденія одного изъ первыхъ изслѣдователей края. А. И. такъ сильно заинтересовался раскрывшейся передъ нимъ новой страною, гдѣ только-что начиналась русская колонизація, что посвятилъ себя всего изученію ея климатическихъ, бытовыхъ и историческихъ условій. Перейдя изъ Оренбурга въ дѣйствующую армію въ Молдо-Валахіи (въ 1854 г.), онъ обратился къ Милютину съ просьбой о назначеніи его по военно-учебной части или при Академіи, чтобы имѣть возможность на досугѣ разработать собранный имъ за шестилѣтнюю службу въ Оренбургѣ матерьялъ. Назначенный (въ 1855 г.) адъюнктъ-профессоромъ при Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, А. И. продолжалъ заниматься излюбленнымъ предметомъ, посвящая ему свои лекціи и труды. Въ томъ же 1855 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Географическаго Общества, которое еще и раньше, и впослѣдствіи печатало его статьи въ своихъ запискахъ. Средней Азіи посвящены почти всѣ

сочиненія А. И. Его близкое знакомство съ представляющеюся для русской дѣятельности широкою ареною въ Азіи внушило ему мысль о неправильной у насъ постановкѣ военной исторіи. Вотъ что писалъ онъ Начальнику Академіи (въ 1858 г.) во время своего путешествія заграницу, гдѣ подготовлялся къ занятію каѳедры военной статистики, слушая знаменитыхъ профессоровъ въ Берлинѣ и Парижѣ и изучая новѣйшую литературу по занимавшимъ его предметамъ:

«Мнѣ кажется, это одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашей Академіи заключается въ томъ, что она цѣликомъ беретъ военную науку съ запада и не обращаетъ достаточно вниманія на особенности собственно русскаго историческаго опыта и призванія. Академія много толкуетъ напр. о Тюреннахъ, Монтекукуляхъ и проч. и, если не ошибаюсь, ни слова не говоритъ о Чингисъ-Ханѣ, Тамерланѣ, Шахъ-Надирѣ и пр. и особенно о Ермакѣ, въ то время, когда мы давно не воюемъ по примѣру Монтекукули, часто имѣемъ дѣло съ азіатскими полчищами и постоянно продолжаемъ дѣло Ермака. Говорятъ, что въ дѣйствіяхъ азіатскихъ полководцевъ и нашихъ казаковъ-героевъ, завоевавшихъ Сибирь, нѣтъ военнаго искусства, нѣтъ науки. Да, въ смыслѣ нѣмецкой систематичности и догматической непогрѣшимости стоившей намъ такъ много въ послѣднюю войну (въ 1855 г.)— ея нѣтъ дѣйствительно, но есть наука живая, практическая чувствуемая въ Азіи, кому удавалось принимать участіе въ нашемъ движеніи на востокъ» и т. д.

Мысль о Средней Азіи не покидала А. И. и во время его путешествія; о ней онъ думалъ, когда предпринималъ поѣздки въ Алжирію и Египетъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Начальнику Академіи онъ высказалъ, по поводу этихъ поѣздокъ, свой взглядъ на роль Россіи въ Азіи: «Какъ ни далеки Алжирія и Египетъ отъ нашего отечества, но изученіе современнаго состоянія этихъ странъ и мѣстъ имѣетъ для насъ во многихъ отношеніяхъ практическій интересъ. Россія поставлена географическимъ положеніемъ между Европой и Азіей, между міромъ образованнымъ и невѣжественнымъ. Заимствуя сѣмена цивилизаціи съ запада, она разноситъ ихъ далеко на востокъ. Можетъ быть, въ этомъ и заключается

главное историческое назначеніе нашего отечества. Какъ бы то ни было, но на западѣ наши отношенія территоріальныя, экономическія и политическія все болѣе и болѣе устанавливаются, тогда какъ на востокѣ остается еще широкое поприще для самой разнообразной дѣятельности. Со временъ Іоанна IV и даже ранѣе мы неустанно стремимся къ востоку и хотя достигли уже въ этомъ отношеніи громадно-широкихъ результатовъ, но далеко не имѣемъ еще права сказать, что дѣло наше кончено и дальнѣйшее стремленіе прекратилось. Нѣтъ, оно не могло прекратиться, потому что оно есть слѣдствіе не столько политическихъ разсчетовъ, сколько потребностей самого народа. Разборъ историческаго хода постепеннаго движенія нашего въ Азіи, начиная отъ Ермака до заведенія укрѣпленій въ Киргизской степи и на Амурѣ, вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Если, кромѣ этого, примемъ въ соображеніе, что параллельно нашему движенію въ Азіи съ сѣвера на югъ, совершается англичанами такоеже движеніе съ юга на сѣверъ, то убѣдимся, что вопросъ о нашемъ стремленіи на востокъ въ настоящее время никакъ нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, и потому изученіе всего, что можетъ клониться къ его разъясненію, должно быть для насъ близко. Мнѣ удалось познакомиться съ этимъ вопросомъ практически, во время 6-ти лѣтняго служенія въ Оренбургѣ и частаго пребыванія въ Киргизской степи въ то время, когда тамъ только что началась заводиться русская осѣдлость, строились первыя укрѣпленія и дѣлались попытки земледѣльческихъ поселеній. Мнѣ бы хотѣлось теперь дополнить свои наблюденія сравненіемъ. Въ Алжиріи я бы желалъ посмотрѣть поближе на природу африканскихъ горъ и степей, на бытъ и характеръ кабиловъ и кочующихъ арабовъ, на отношенія къ нимъ французовъ, на систему администраціи, на успѣхи колонизаціи и т. п., а въ Египтѣ на долину р. Нила, имѣющую много общаго съ долинами рѣкъ Сыръ- и Аму-Дарьи, на систему ирригаціоннаго земледѣлія, на свойства степей, находящихся внѣ долины Нила и особенно около Суэцкаго перешейка, на отношенія европейцевъ къ странѣ и проч.».

Эти слова показываютъ намъ историка съ глубокимъ взглядомъ на изучаемую имъ страну. Культуртрэгерство Россіи въ Азіи—

*

вотъ основная идея всей дѣятельности А. И. Ею онъ былъ проникнутъ и въ своихъ путешествіяхъ, и въ кабинетныхъ трудахъ, которыми онъ занимался почти до самой смерти. Многолѣтнее изученіе Туркестана онъ положилъ въ свое серьезное изслѣдованіе «Историческій очеркъ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ». Онъ собралъ довольно большую библіотеку по исторіи и географіи занимавшаго его края.

Думаемъ, что путешествія этого полезнаго дѣятеля будутъ прочтены съ интересомъ и по живости ихъ изложенія, и какъ страничка изъ русской исторіи на нашихъ средне-азіатскихъ окраинахъ. Что же касается началъ, проводимыхъ А. И., то они самыя гуманныя, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ, знавшіе покойнаго. Гуманность была основою его жизни.

Путешествія по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю А. Макшеева.

Во время службы, съ 1848 по 1854 годъ, въ Оренбургскомъ краѣ мнѣ удалось принять дѣятельное участіе въ только что начинавшемся тогда непосредственномъ движеніи русскихъ въ Киргизскую степь и на Сыръ-Дарью. Три лѣта (1848, 51 и 53 годовъ) я провелъ въ степи, а остальное время въ занятіяхъ, касавшихся русской колонизаціи въ ней. Оставивъ край, я продолжалъ заниматься вопросомъ объ отношеніяхъ Россіи къ Средней Азіи, и для расширенія массы личныхъ наблюденій о природѣ степей и оазисовъ, о кочевыхъ и осѣдлыхъ обитателяхъ ихъ и объ отношеніяхъ европейской цивилизаціи къ мусульманскому востоку, предпринялъ въ 1858 и 1859 годахъ путешествія по Алжиріи, Египту, Сиріи и вообще Турціи, а въ 1867 году обозрѣлъ весь вновь занятый нами Туркестанскій край. Такимъ образомъ, у меня накопилось довольно много разнообразныхъ матеріаловъ. Съ 1870 года, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, я началъ приводить въ порядокъ свои готовыя уже, но еще ненапечатанныя замѣтки и изслѣдованія, касающіяся русскаго движенія въ Киргизскія степи и Туркестанскій край, пріурочивая ихъ къ путешествіямъ моимъ въ эти страны, и въ 1877 году окончилъ эту работу, хотя и продолжалъ затѣмъ дополнять ее новыми, случайно написанными замѣтками. Изъ этой работы я выдѣлилъ только лекціи о наступательномъ движеніи русскихъ въ Среднюю Азію, читанныя мною въ Академіи Генеральнаго Штаба въ 1866, 67 и 68 годахъ. Значительно дополненныя новыми данными и указаніями, онѣ составляютъ предметъ особаго труда, который, однако, едва-ли будетъ приведенъ къ окончанію.

Первое путешествіе въ 1848 году.

I.

Наше положеніе въ Оренбургской Киргизской степи въ 1848 году.

Начальникъ Оренбургскаго края Обручевъ и его отношеніе къ Киргизской степи.

Въ 1848 году начальникомъ Оренбургскаго края былъ генералъ отъ инфантеріи Обручевъ, смѣнившій Перовскаго послѣ хивинской экспедиціи 1839—40 года. Имя Обручева займетъ со временемъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи развитія нашихъ отношеній къ Средней Азіи. До него, въ теченіе болѣе ста лѣтъ владѣнія киргизами Малой Орды, вліяніе наше на нихъ было такъ слабо, что мы должны были еще оберегаться отъ ихъ набѣговъ содержаніемъ значительнаго числа войскъ на Оренбургской линіи и принятіемъ другихъ, не менѣе дорогихъ, а иногда и нѣсколько странныхъ мѣръ. Такъ, въ 1836 году предпринято было окапываніе рвомъ и валомъ всей неприкрытой рѣкою Ураломъ новой линіи отъ Орска до Троицка, для обезпеченія ея отъ прорывовъ, степныхъ пожаровъ и угона скота. Часть земляныхъ работъ была уже окончена; довершеніе же остальной было отсрочено, по причинѣ значительной выкомандировки башкиръ для хивинской экспедиціи, и совершенно оставлено Обручевымъ. До него Киргизской степи мы основательно не знали, а между тѣмъ нерѣдко отправляли черезъ нея большія экспедиціи, которыя, какъ непринаровленныя къ мѣстнымъ условіямъ, сопровождались большею частью неудачами и значительными потерями. Таковы были, кромѣ несчастной экспедиціи князя Черкасскаго въ Хиву въ 1717 году, походы генералъ-маіора Траубенберга для преслѣдованія калмыковъ въ 1771 году, полковника Берга—для изслѣдованія Усть-Урта въ 1824—25 году,

генералъ-адъютанта Перовскаго—въ Хиву въ 1839—40 году и другіе. Генералъ Обручевъ, заведеніемъ укрѣпленій въ степи, обезпечилъ Оренбургскую линію отъ набѣговъ киргизъ и пріобрѣлъ на нихъ непосредственное вліяніе, а безпрестаннымъ передвиженіемъ отрядовъ между укрѣпленіями и линіею для прикрытія сплошной топографической съемки степи, начатой съ 1843 года, пріучилъ войска ходить по степи, какъ у себя дома. Такимъ образомъ, не увлекаясь лично дальними предпріятіями въ Среднюю Азію, онъ обезпечилъ ихъ успѣхъ для послѣдующихъ дѣятелей. Конечно, многое, сдѣланное Обручевымъ, было вызвано обстоятельствами, временемъ, но заслуга всякаго администратора въ томъ и состоитъ, чтобы понять требованія времени и дѣйствовать сообразно съ ними.

Заведеніе степныхъ укрѣпленій.

Заведеніе укрѣпленій въ Оренбургской Киргизской степи, какъ главнѣйшая мѣра для упроченія въ ней русскаго вліянія, было сдѣлано по иниціативѣ Обручева. До него въ степи существовало только одно *Новоалександровское* укрѣпленіе, основанное въ 1834 году на сѣверовосточномъ берегу Каспійскаго моря, у Мертваго Култука, при началѣ залива Кайдакъ или Карасу, съ цѣлію обузданія сосѣднихъ кочевыхъ племенъ и открытія ближайшихъ торговыхъ сношеній съ Хивою; но, по неудачному выбору мѣста, оно не могло пріобрѣсти никакого значенія, ни на сушѣ, ни на морѣ. Вслѣдствіе дурного свойства климата и воды, открылась значительная смертность въ гарнизонѣ, недостатокъ корма лишилъ возможности содержать лошадей въ укрѣпленіи и, слѣдовательно, дѣйствовать на окрестныя кочевья, а неудобство плаванія въ Кайдакъ и трудность выгрузки подъ крѣпостью дѣлали ее безполезною для торговли. Поэтому въ 1846 году укрѣпленіе было перенесено Обручевымъ на полуостровъ Мангишлакъ къ Тюкъ-Караганскому заливу, защищенному отъ всѣхъ вѣтровъ, и названо *Новопетровскимъ*, потому что при Петрѣ Великомъ здѣсь существовало уже русское укрѣпленіе, во время экспедиціи князя Черкасскаго. Изъ Новопетровскаго укрѣпленія, переименованнаго впослѣдствіи (въ 1857 году) въ Александров-

скій фортъ, кромѣ мѣста стоянки для морскихъ судовъ, предполагалось образовать промежуточный торговый пунктъ между Астраханью и Хивою, на томъ основаніи, что на Мангишлакѣ издавна производился размѣнъ товаровъ между промышленниками астраханскими, приплывавшими сюда на судахъ, и хивинскими, приходившими съ караванами. Но это предположеніе не осуществилось, такъ какъ со времени построенія укрѣпленія хивинскіе караваны перестали ходить на Мангишлакъ и Александровскій фортъ сохранилъ, до основанія въ 1869 году Красноводска, только значеніе единственнаго русскаго осѣдлаго пункта на всемъ восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Внутри Киргизской степи были основаны Обручевымъ въ 1845 году два укрѣпленія: *Оренбургское* на рѣкѣ Тургаѣ и *Уральское* на рѣкѣ Иргизѣ, переименованныя въ 1868 году въ города Тургай и Иргизъ. Заведеніе этихъ первыхъ русскихъ поселеній въ Оренбургской Киргизской степи было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ киргизскія степи были взволнованы мятежнымъ султаномъ Кенисарою Касымовымъ. Кенисара со своею шайкою свободно гулялъ по широкимъ степямъ и не боялся преслѣдованія русскихъ. Когда противъ него высылались отряды съ Оренбургской линіи, онъ уходилъ въ сибирскую степь, а когда направлялись отряды изъ Сибири, онъ опять являлся въ Оренбургской степи и такъ далѣе. Наши отряды не успѣвали догонять его въ теченіе лѣта, такъ какъ на сборъ и снаряженіе ихъ, послѣ появленія Кенисара вблизи линіи, терялось очень много времени. Это заставило Оренбургское начальство просить разрѣшенія выставить отряды въ глубь степи осенью, съ тѣмъ, чтобы весною они могли прямо начать преслѣдованіе Кенисары. Но тутъ естественно явился вопросъ: какъ обезпечить зимнее пребываніе отрядовъ въ степи? Началась переписка по этому вопросу, въ которой отъ временного зимняго пребыванія отрядовъ въ степи незамѣтно перешли къ ихъ постоянному пребыванію тамъ, къ устройству укрѣпленій.

Въ слѣдующемъ 1846 году Обручевъ предполагалъ устроить третье степное укрѣпленіе, около соединенія рѣки Темира съ Эмбою, съ тѣмъ, чтобы привести въ бо́льшую покорность Адаев-

скій родъ, кочевавшій съ батыремъ Исетомъ Кутибаровымъ около сѣверовосточныхъ береговъ Каспійскаго моря, и чтобы этими тремя укрѣпленіями положить начало передовой линіи, которая обезпечивалась бы съ праваго фланга двухъ-сотеннымъ казачьимъ отрядомъ, состоявшимъ при султанѣ-правителѣ западной части орды, около Калмыковской станицы, а съ лѣваго—Улутаускимъ укрѣпленіемъ сибирскаго вѣдомства, впослѣдствіи упраздненнымъ. Но это предположеніе было отложено, вслѣдствіе возникшаго въ это время вопроса о занятіи пункта на Сыръ-Дарьѣ, для пріобрѣтенія большаго вліянія на отдаленныхъ киргизъ и на наши политическія и торговыя сношенія съ среднеазіатскими ханствами, и приведено въ исполненіе только въ 1862 году, основаніемъ генераломъ Катенинымъ Эмбинскаго поста.

Устройство перваго русскаго укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ вызвано было также случайностью. Въ 1846 году департаментъ генеральнаго штаба отправилъ корпуса топографовъ капитана Лемма въ Оренбургъ, для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ въ степи, по которымъ бы можно было установить производившуюся тамъ съемку. Генералъ Обручевъ, желая воспользоваться этимъ случаемъ для пріобрѣтенія положительныхъ свѣдѣній о мѣстности около Сыръ-Дарьи, отправилъ съ Леммомъ единственнаго свободнаго въ то время отъ занятій офицера генеральнаго штаба капитана Шульца. Шульцъ принялъ на Сыръ-Дарьѣ камышъ за траву и въ своемъ донесеніи написалъ, что около урочища Раимъ, въ 60 верстахъ выше устья рѣки, можно накашивать до милліона пудовъ душистаго сѣна. Это извѣстіе обрадовало Обручева. Наградивъ Шульца, онъ сталъ просить разрѣшенія построить на Раимѣ укрѣпленіе. Изъ Петербурга ему возражали, но онъ настаивалъ, говоря, что если мы не займемъ низовьевъ Сыръ-Дарьи, то могутъ занять англичане!... Ему дали, наконецъ, разрѣшеніе и въ слѣдующемъ 1847 году онъ отправился самъ на Сыръ-Дарью, взялъ съ собою значительный отрядъ и все необходимое, какъ для устройства укрѣпленія, такъ и для содержанія его гарнизона въ теченіе года. По прибытіи на мѣсто, увидавъ съ высоты Раимскаго мыса массу камыша въ долинѣ Сыра, сзади котораго нельзя было и предполагать травы, онъ былъ по-

раженъ и могъ только произнести: „такъ это Раимъ“! Не легко было заботливому до мелочности генералу оставлять войско въ степи, не обезпечивъ ихъ вполнѣ; но возвращаться съ ними назадъ, послѣ всей предыдущей переписки съ министерствами и послѣ громадныхъ расходовъ на снаряженіе войскъ въ степь, было выше его силъ, и онъ основалъ укрѣпленіе. Такимъ случайнымъ образомъ осуществилась, наконецъ, мысль о заведеніи русскаго поселенія въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, занимавшая болѣе ста лѣтъ тому назадъ основателя Оренбургской линіи Кирилова! Для успокоенія своей совѣсти, Обручевъ оставилъ Шульца въ Раимѣ отыскивать траву. Шульцъ, конечно, ея не нашелъ и упорно настаивалъ, что трава обратилась въ камышъ, вслѣдствіе сильнаго разлива Сыра. Долго продолжалась по этому поводу переписка, но когда отыскались способы къ дальнѣйшему обезпеченію укрѣпленія, помимо Шульца, дѣло о его донесеніи было предано забвенію. Не будь, однако, ошибки капитана Шульца, мы бы, можетъ быть, до сихъ поръ не были на Сыръ-Дарьѣ, а не только въ Ташкентѣ, Коканѣ и Самаркандѣ.

Войска въ укрѣпленіяхъ.

Степныя укрѣпленія, обезпечившія линію отъ нападеній киргизъ и водворившія спокойствіе въ самой степи, потребовали отдѣленія съ линіи относительно незначительнаго числа войскъ. До 1837 года въ Оренбургскомъ краѣ было 16 линейныхъ баталіоновъ, въ томъ числѣ 12 на самой линіи, а съ этого времени только 10, изъ которыхъ 6 на линіи, а 4 внутри края. Изъ 6 оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, бывшихъ на линіи, $4^1/_2$ остались на ней (2 роты 1-го баталіона въ Уральскѣ, 2-й и 3-й баталіоны въ Оренбургѣ, 5-й въ Орскѣ и 6-й въ Троицкѣ) и только $1^1/_2$ переведены въ степь (2 роты 1-го баталіона въ Новопетровское укрѣпленіе и изъ 4-го баталіона 2 роты въ Раимское и по одной въ Оренбургское и Уральское); прочіе 4 оренбургскихъ линейныхъ баталіона остались по прежнему при уральскихъ горныхъ заводахъ (7-й, 8-й и 9-й) и въ Уфѣ для исправленія обязанностей внутренней сражи (10-й). Уральское казачье войско посылало въ Новопетровское укрѣпленіе 2 и въ Раимское

3 сотни, а Оренбургское войско—въ Оренбургское и Уральское укрѣпленія по 2 сотни казаковъ. Для казаковъ Новопетровскаго укрѣпленія лошади покупались на мѣстѣ отъ казны, а всѣ прочіе казаки выкомандировывались на своихъ лошадяхъ. Казаки мѣнялись ежегодно на половину. Башкиро-Мещерякское войско перевозило тяжести въ степныя укрѣпленія и впослѣдствіи занималось въ нихъ также сѣнокошеніемъ. Конно-артилерійская бригада Оренбургскаго казачьяго войска оставалась на мѣстѣ внутри края, а степныя укрѣпленія были снабжены разнокалиберными орудіями изъ крѣпостей Оренбургской и Орской, при чинахъ гарнизонной артилеріи. Такимъ образомъ, степныя укрѣпленія, при самомъ началѣ своего существованія, когда еще не выяснилось ихъ значеніе и когда они возбуждали сильное неудовольствіе хивинцевъ, потребовали незначительнаго числа войскъ, а впослѣдствіи гарнизоны ихъ были даже уменьшены.

Снабженіе укрѣпленій и сообщенія съ ними.

Все необходимое для устройства и существованія степныхъ укрѣпленій доставлялось: въ Новопетровское укрѣпленіе моремъ изъ Астрахани и частію изъ Гурьева городка, а въ остальныя посредствомъ выкомандированія раннею весною транспортныхъ командъ Башкиро-Мещерякскаго войска съ подводами и наймомъ верблюдовъ у киргизъ. Приготовленіе всего необходимаго для отправки въ степь и снаряженіе транспортовъ составляло предметъ особенной заботливости Обручева. Онъ самъ лично входилъ во всѣ мелочи, составлялъ списки отправляемыхъ предметовъ, распредѣлялъ ихъ, укладывалъ на подводы и прочее, и всѣ служащіе при немъ, волею-неволею, должны были въ это время усиленно работать. Такая лихорадочная дѣятельность, сначала въ Оренбургѣ, а потомъ въ Орскѣ, откуда отправлялась большая часть транспортовъ въ степь, не нравилась никому и потому о мелочности Обручева пускались въ ходъ самые забавные анекдоты. Разсказывали, напримѣръ, что однажды онъ приказалъ своему писарю привести составленный имъ списокъ предметовъ, отправляемыхъ въ степь, въ алфавитъ, и когда писарь, за неимѣніемъ предметовъ на букву *а* и *б*, сталъ писать *вино*, Обру-

чевъ обругалъ его пьяницей и приказалъ писать *абраза*. Si non é vero, é ben trovato, хотя справедливость требуетъ сказать, что Обручевъ былъ человѣкъ не только грамотный, но и образованный. Гораздо вѣроподобнѣе другой разсказъ, характеризующій между прочимъ безпредѣльную наивность башкиръ. Тяжести были уже разложены на подводы, корпусный командиръ осмотрѣлъ въ мѣру ли онѣ нагружены, то есть нѣтъ ли на которой болѣе двадцати пудовъ, и удостовѣрясь, что все хорошо, приказалъ смазывать телѣги и запрягать лошадей. Обходя въ это время снова транспортъ, онъ видитъ, что одинъ башкиръ пропускаетъ мазилку сквозь все колесо и деготь безполезно льется на землю. Заботливый до крайности о казенномъ интересѣ, Обручевъ быстро подходитъ къ башкиру, беретъ у него мазилку и начинаетъ самъ показывать какъ нужно смазывать колеса. Въ это время другой башкиръ подкатываетъ къ нему свою телѣгу и съ добродушіемъ говоритъ: „бачка! смажь и мнѣ“... Мелочность Обручева была конечно непріятна для служащихъ при немъ, но за то въ высшей степени благодѣтельна для войскъ, заброшенныхъ въ дальнія укрѣпленія, въ безпріютную степь. При немъ гарнизоны степныхъ укрѣпленій не нуждались ни въ чемъ необходимомъ, не болѣли отъ пренебреженія ихъ незатѣйливыми потребностями и не роптали на свою невеселую обстановку, а привыкали къ ней скоро и легко. Гораздо справедливѣе можно сдѣлать упрекъ Обручеву другого рода. Увлекаясь до крайности сбереженіемъ интересовъ казны, онъ тѣмъ самымъ наносилъ ей ущербъ и вредилъ краю. Такъ ежегодное выкомандированіе въ степь, почти на цѣлое лѣто, значительнаго числа башкиръ съ подводами было чрезвычайно обременительно и даже разорительно для нихъ, а между тѣмъ, вопреки мнѣнію Обручева, стоило казнѣ гораздо дороже вольной наемки подводъ. Казна тратила огромныя суммы на прокормленіе въ степи башкиръ и ихъ лошадей дорогимъ провіантомъ и фуражемъ и на вознагражденіе за палыхъ лошадей.

Кромѣ ежегоднаго отправленія транспортовъ, сообщенія съ степными укрѣпленіями производились постоянно разъ въ мѣсяцъ чрезъ наемныхъ почтарей изъ киргизъ, а по временамъ, посредствомъ высылки небольшихъ отрядовъ и командъ. Для со-

общенія же Новопетровскаго укрѣпленія съ Астраханью и Гурьевымъ городкомъ употреблялся лѣтомъ казенный пароходъ, совершавшій между означенными пунктами ежемѣсячные рейсы, и состояло при укрѣпленіи два почтовыхъ судна; а зимою раза два или три бумаги доставлялись изъ укрѣпленія въ Гурьевъ и обратно чрезъ наемныхъ киргизъ.

Топографическій очеркъ пути отъ Орска до Раима.

Съ основанія укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ, дорога изъ Орской крѣпости, чрезъ Уральское укрѣпленіе, въ Раимское сдѣлалась нашимъ главнымъ операціоннымъ путемъ въ киргизскія степи и въ Среднюю Азію, и потому заслуживаетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Пройдя по ней съ войсками три раза взадъ и впередъ, на основаніи этихъ личныхъ наблюденій, представлю характеристику ея.

По топографическимъ свойствамъ, дорога отъ Орска до Раима раздѣляется Уральскимъ укрѣпленіемъ на двѣ части: сѣверную, удобную для движенія транспортовъ и отрядовъ и даже для устройства мѣстами поселеній, и южную, крайне затруднительную для движенія и невозможную для осѣдлаго населенія, по причинѣ сыпучихъ песковъ и недостатка воды и подножнаго корма.

Сѣверная часть дороги въ первые годы направлялась сначала по лѣвому берегу рѣки Ори, потомъ, послѣ переправы черезъ эту рѣку, пересѣкала притоки рѣки Иргиза, затѣмъ шла вдоль послѣдней, по правую и по лѣвую сторону ея. Маршрутъ отъ Орска, по переходамъ, былъ слѣдующій:

1. Рѣчка Мендыбай . . .	23 вер.	8. Рѣчка Уй-Мула . . .	22 вер.
2. Рѣка Орь	22 »	9. » Кара-Бутакъ .	20 »
3. » Орь	16 »	10. » Аще-Бутакъ . .	17 »
4. » Орь послѣ переправы	18 »	11. » Яманъ-Кайраклы	15 »
5. Рѣчка Таеты-Бутакъ .	22 »	12. » Якши-Кайраклы	20 »
6. Лощина съ весеннею водою	20 »	13. Рѣка Иргизъ	23 »
7. Рѣчка Аще-Сай . . .	22 »	14. Иргизъ послѣ переправы на половинѣ перехода.	24 »

15. Иргизъ противъ горы Мана-ауліе . . . . . 23 вер.
16. Иргизъ у могилы Достана . . . . . 17 »
17. Иргизъ при урочищѣ Кызылъ-яръ . . . . . 24 вер.
18. Иргизъ . . . . . 25 »
19. Укрѣпленіе Уральское 14 »

Итого . . . . . 387 верстъ.

Въ сѣверной части пути, отъ Орска до Сыръ-Дарьи, воды вездѣ довольно, особенно въ началѣ лѣта, когда самыя маленькія рѣчки не успѣваютъ еще пересохнуть. Переправа черезъ рѣчки въ бродъ нѣсколько затруднительна, особенно для транспортовъ, по причинѣ крутости спусковъ и вязкости грунта, и черезъ рѣку Иргизъ—по причинѣ сильной песчаности дна и береговъ, а черезъ рѣку Орь, имѣющую при переправѣ 6 саженъ ширины, болѣе аршина глубины и весьма значительную быстроту, въ весеннее время приходилось даже наводить мостъ. Въ сѣверной части пути не встрѣчается также недостатка въ подножномъ кормѣ. Степь покрыта ковылемъ, а по берегамъ рѣчекъ растилаются иногда поемные луга. Особенно богаты травою берега рѣки Ори, по которымъ въ послѣдніе годы киргизы стали производить сѣнокошеніе въ значительныхъ размѣрахъ, оставляя для пастбищъ скота ковыльную степь. Топливомъ въ сѣверной части пути служитъ кизякъ или сухой скотскій пометъ, находимый въ степи, и иногда коренья нѣкоторыхъ растеній, древесной же растительности здѣсь нѣтъ никакой. Подобныя же свойства имѣютъ и другія дороги, по которымъ ходили транспорты съ линіи въ степныя укрѣпленія, а именно: отъ Илецкой защиты, вдоль рѣки Илека, до Карабутакскаго форта—378 верстъ и 16 переходовъ; изъ Орской крѣпости въ Оренбургское укрѣпленіе—415 верстъ и 20 переходовъ, и между укрѣпленіями Уральскимъ и Оренбургскимъ—197 верстъ и 8 переходовъ.

Южная часть пути къ Сыръ-Дарьѣ направляется отъ Уральскаго укрѣпленія, сначала по солонцеватой равнинѣ, а потомъ по западной окраинѣ песковъ Кара-Кумъ. Маршрутъ этой части пути до озера Камышлы-башъ остался до настоящаго времени безъ всякой перемѣны, именно:

1.	Озеро Джалангачъ . .	20	вер.
2.	» Китай-куль . .	16	»
3.	Рѣчка Джалавлы . . .	36	»
4.	» Копани-Терекли	32	»
5.	» Джулюсъ . . .	17	»
6.	» Кара-кудукъ . .	18	»
7.	» Дунгурлюкъ-Соръ	30	»
8.	» Куль-кудукъ . .	31	»
9.	Рѣчка Алты-кудукъ .	16	вер.
10.	» Акъ-джулпасъ около Аральскаго моря	18	»
11.	Рѣчка Акъ-кудукъ . .	11	»
12.	» Сапакъ . . .	15	»
13.	Озеро Камышлы-башъ	30	»
14.	Укрѣпленіе Раимское	25	»
	Итого	315	верстъ.

Южная часть пути имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ сѣверная. Водные бассейны находятся только въ началѣ и въ концѣ его, но и въ нихъ вода неудовлетворительна. Въ озерѣ Джалангачъ она сильно солоновата. Озеро Китай-куль, вслѣдствіе жаровъ, иногда совершенно пересыхаетъ; такъ было въ 1848 году и транспорты должны были направляться въ сторону, къ Тополанъ-кулю, гдѣ вода была переполнена крупными инфузоріями. Рѣчка Джалавлы въ жаркое время мѣстами пересыхаетъ. Озеро Камышлы-башъ, входящее въ систему ирригаціоннаго хлѣбопашества сыръ-дарьинскихъ киргизъ, то осушается, то наполняется водою, которая, не имѣя теченія, застаивается и сильно портится. Затѣмъ, на всемъ остальномъ протяженіи, слишкомъ въ двѣсти верстъ, вода добывается исключительно изъ кудуковъ или копаней, ямъ аршина въ два глубиною, вырытыхъ въ небольшихъ котловинахъ, среди сыпучихъ песчаныхъ бугровъ или бархановъ. Кудуки могутъ быть вырыты не вездѣ, а только въ извѣстныхъ мѣстахъ. По западной окраинѣ песковъ Кара-Кумъ они находятся на переходъ разстоянія одни отъ другихъ и опредѣляютъ собою древнѣйшій и безспорно лучшій, если не единственный, сколько нибудь удобный, путь къ Сыръ-Дарьѣ. Ни въ какомъ другомъ направленіи нѣтъ кудуковъ, отстоящихъ другъ отъ друга такъ близко, а между тѣмъ путь лежитъ чрезъ сыпучіе пески, тогда какъ здѣсь только захватываетъ окраины ихъ и затѣмъ большею частью слѣдуетъ по солонцоватымъ равнинамъ. Тѣмъ не менѣе, однако, дорога по западной окраинѣ Кара-Кума чрезвычайно трудна, особенно для большихъ отрядовъ и транспортовъ. Вода въ кудукахъ вообще дурна, хотя не производитъ замѣтно вреднаго вліянія на здоровье людей. Количе-

ство ея, не смотря на обиліе копаней на этомъ мѣстѣ, бываетъ часто недостаточно для большого отряда и это заставляетъ дѣлить его на эшелоны. Въ 1851 году копаней было разработано:

На Терекли	35	На Алты-кудукѣ	28
» Джулюгѣ	30	» Акъ-Джулпасѣ	26
» Кара-кудукѣ	28	» Акъ-кудукѣ	17
« Дунгурлюкъ-Сарѣ	26	» Сапакѣ	13
» Куль-кудукѣ	43		

Эти числа можно принять за пропорціональныя количеству воды на различныхъ станціяхъ, такъ какъ въ 1851 году было употреблено наибольшее усиліе для разработки копаней. И не смотря на такое значительное число ихъ и на относительно небольшую величину эшелоновъ, на нѣкоторыхъ стоянкахъ, особенно на Акъ-кудукѣ и Сапакѣ, недоставало воды для напоенія лошадей и верблюдовъ. Опытъ 1851 года положительно доказалъ, что, для безпрепятственнаго прохода по западной окраинѣ Кара-Кума, эшелонъ не долженъ имѣть болѣе тысячи головъ различнаго скота. Далѣе, кудуки, не обдѣланные ничѣмъ, скоро засоряются и заносятся пескомъ; потому каждый разъ необходимо ихъ расчищать, выбрасывая вонъ всю накопившуюся грязь и даже воду, и затѣмъ давать нѣсколько часовъ времени накопляться свѣжей водѣ. Самое вычерпываніе воды изъ кудука должно производиться съ соблюденіемъ тщательнаго порядка, иначе онъ скоро засаривается и вмѣсто воды получается грязь. Отсюда является необходимость отдѣлять отъ отряда значительное число людей для очистки кудуковъ и для караула при нихъ. Наконецъ, такъ какъ кудуки расположены среди глубокихъ сыпучихъ песковъ, то доступы къ нимъ чрезвычайно трудны, а для подводъ почти невозможны. Поэтому отрядъ по необходимости долженъ располагаться вдали отъ кудуковъ, въ двухъ, трехъ и болѣе верстахъ, а такое удаленіе отъ водопоя въ высшей степени утомительно для людей и лошадей. Недостатокъ воды на пути отъ Уральскаго укрѣпленія до Раима—сопровождается еще крайнею бѣдностью подножнаго корма. Степь безотрадно гола и только мѣстами встрѣчаются: на солонцеватыхъ равнинахъ сухой

ковыль, да полынь, по берегамъ солончаковъ, озеръ и Аральскаго моря—осока и камышъ, и въ пескахъ—ржаникъ, разбросанный такъ рѣдко, что лошади много нужно исходить пространства, чтобы насытиться. Зато въ пескахъ довольно много кустарниковъ, саксаула, джангила или гребенщина, джюзгуна и прочихъ, весьма удобныхъ для топлива.

Степные походы.

Недостатокъ прѣсной воды въ южной части Киргизской степи былъ причиною господствовавшаго въ прежнее время мнѣнія, что войска могутъ двигаться тамъ только зимою, когда снѣгъ замѣняетъ воду. Но опытъ доказалъ, что въ эту пору года глубокіе снѣга, затрудняющіе движеніе и отнимающіе возможность подножнаго корма, сильные морозы при недостаткѣ закрытія и топлива и жестокіе бураны, или снѣжныя мятели при рѣзкомъ вѣтрѣ, гибельны для людей, лошадей и верблюдовъ. Лишенія и потери, понесенныя отрядами полковника Берга въ 1825—26 году и генералъ-адъютанта Перовскаго въ 1839—40 году, произошли именно отъ этихъ причинъ. Послѣ этого генералъ Обручевъ отвергнулъ совершенно зимніе походы и сталъ посылать отряды въ степь исключительно только лѣтомъ. Правда, въ это время жары въ степи едва выносимы и воздухъ рѣдко освѣжается дождями и грозами, вода въ рѣкахъ и озерахъ испаряется, застаивается и портится, а подножный кормъ высыхаетъ, но противъ всего этого можно принять дѣйствительныя мѣры для облегченія и сбереженія войскъ. При здоровости степного климата вообще, необходимо было прежде всего предохранить людей отъ палящаго лѣтняго зноя. Киргизы достигаютъ этого надѣваніемъ на себя шубы или нѣсколькихъ халатовъ одинъ на другой, забранныхъ въ кожаные шаровары, и на голову—малахоя, или мѣховой шапки; но такую одежду могутъ употреблять только верховые люди, а не пѣшіе. Генералъ Обручевъ, извѣстный своею любовью къ соблюденію формъ, въ степи не требовалъ однако этого ни отъ кого, а пѣшимъ солдатамъ самъ приказалъ быть во время жары не только безъ ранцевъ, но даже безъ шинелей, въ однѣхъ рубашкахъ, имѣя перевязь съ патронною сумою черезъ плечо и

ружье въ рукахъ. Въ такой формѣ солдаты стояли даже на часахъ на бивуакахъ и въ укрѣпленіяхъ. Ранцы же и шинели возились на артилерійскихъ орудіяхъ, подводахъ или верблюдахъ. Эта мѣра такъ облегчала солдатъ, что въ самую сильную жару они дѣлали переходы, иногда въ 35 верстъ, не имѣя ни одного человѣка отсталаго. Во избѣжаніе же недостатка воды и подножнаго корма, Обручевъ старался направлять транспорты и отряды въ степь весною, когда воды вездѣ довольно и трава не успѣла еще выгорѣть. Наконецъ, желая еще болѣе облегчить слѣдованіе ихъ съ линій на Сыръ-Дарью, онъ рѣшилъ построить въ 1848 году небольшой фортъ на 50 человѣкъ гарнизона, на половинѣ разстоянія между Орскомъ и Уральскимъ укрѣпленіемъ, именно на рѣкѣ Карабутакѣ, и предполагалъ основать другой подобный же фортъ между Уральскимъ и Раимскимъ укрѣпленіями, но послѣднее предположеніе не осуществилось, вслѣдствіе естественныхъ затрудненій мѣстности. Кромѣ этихъ мѣръ, Обручевъ въ особыхъ инструкціяхъ давалъ начальникамъ степныхъ отрядовъ совѣты, вынесенные имъ изъ опыта. Опытомъ былъ разрѣшенъ главный вопросъ о степныхъ походахъ, опытомъ же должны были выработаться и второстепенные вопросы, касающіеся подробностей ихъ выполненія. Въ первые годы послѣ основанія Раимскаго укрѣпленія, напримѣръ, мы не умѣли ходить чрезъ пески Кара-Кумъ такъ хорошо, какъ выучились послѣ. Случалось также, что изъ двухъ одинаковыхъ эшелоновъ, слѣдовавшихъ на переходъ разстоянія одинъ отъ другого, въ одномъ не было ни больныхъ людей, ни палыхъ лошадей, тогда какъ въ другомъ болѣзненность и смертность развивались сильно, и это происходило единственно отъ того, что однимъ эшелономъ начальствовалъ человѣкъ опытный, знающій степь, а другимъ новичекъ. Въ 1848 году огромный транспортъ изъ одноконныхъ подводъ, находившійся подъ начальствомъ лицъ, бывшихъ первый разъ въ степи, едва дотащился до Раима; въ 1851 году, когда онъ былъ составленъ изъ меньшаго числа, но за то пароконныхъ подводъ, когда имъ управляли люди, знающіе степь, транспортъ прошелъ Кара-Кумъ почти также легко, какъ и сѣверную часть степи; наконецъ, въ 1853 году 1-й эшелонъ экспедиціоннаго отряда прошелъ пре-

красно пески, тогда какъ 2-й эшелонъ, находившійся подъ начальствомъ новичка, имѣлъ много больныхъ людей и палыхъ лошадей. Къ сожалѣнію, опыты степныхъ походовъ, оставаясь почти до послѣдняго времени личнымъ достояніемъ людей, бывалыхъ въ степи, не доводились до общаго свѣдѣнія и не служили даже предметомъ преподаванія въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, приготовлявшемъ офицеровъ для степной службы.

Набѣги хивинцевъ въ окрестности Раима.

Заведеніе укрѣпленій и постоянное движеніе русскихъ отрядовъ въ степь не встрѣтили никакого противодѣйствія со стороны киргизъ, народа спокойнаго, которымъ очень легко управлять, если его знать и относиться къ нему разумно; но возведеніе нашихъ дальнихъ укрѣпленій, Новопетровскаго и особенно Раимскаго, на землѣ, которую хивинцы считали своею, возбудило сильное неудовольствіе въ послѣднихъ. До прихода русскихъ на Сыръ-Дарью, хивинцы безпрекословно собирали подати съ киргизъ, кочевавшихъ въ низовьяхъ этой рѣки, и пошлины съ каравановъ, ходившихъ изъ Бухары на Оренбургскую линію. Основаніе Раима грозило имъ прекращеніемъ этихъ поборовъ, и потому они употребили всѣ усилія, чтобы удалить русскихъ, но, конечно, безъ всякаго успѣха.

20-го августа 1847 года, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ основанія русскаго укрѣпленія на Сырѣ, явилось около хивинской крѣпостцы Джанъ-кала, находившейся на лѣвомъ берегу рѣки, 70-ю верстами выше Раима, скопище хивинцевъ, силою въ 2.000 человѣкъ, подъ начальствомъ хивинскаго бека Хаджа-Ніаза и киргизскихъ султановъ Джангазы Ширгазыева, называвшаго себя ханомъ, и Ирмухамеда (Илекея) Касымова. Часть скопища переправилась на правую сторону Сыра, разграбила болѣе тысячи киргизскихъ семействъ, изъ двадцати одного семейства забрало съ собою женщинъ, стариковъ и дѣтей, бросила тридцать младенцевъ въ воду, умертвила четырехъ караульныхъ батыря Джанъ-хаджи, извѣстнаго по своему вліянію на Чиклинскій родъ и по своей непримиримой ненависти къ хивинцамъ, и послѣ этихъ неистовствъ возвратилась на лѣвую сторону рѣки къ крѣпости.

*

Начальникъ Раимскаго укрѣпленія, подполковникъ Ерофѣевъ, извѣстясь отъ Джанъ-хаджи о неистовствахъ хивинцевъ, явился противъ Джанъ-калы 23-го августа, съ отрядомъ въ 200 казаковъ и солдатъ, посаженныхъ на лошадей, при двухъ орудіяхъ. Къ нему присоединился батырь Джанъ-хаджа съ 700 киргизъ, и сюда же плылъ по Сыру поручикъ Мертваго на шкунѣ Николай, вооруженной двумя орудіями. Подполковникъ Ерофѣевъ, вызываемый на бой свѣжими слѣдами грабежа, и открытіемъ хивинцами пальбы по отряду, немедленно отвѣтилъ имъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ и нѣсколькими конгревовыми ракетами. Хивинцы, приведенные въ ужасъ, бросились въ бѣгство. Тогда батырь Джанъ-хаджа съ 250 киргизами переправился вплавь черезъ рѣку, очистилъ Джанъ-калу и преслѣдовалъ бѣгущихъ до Куванъ-Дарьи. Поспѣшное бѣгство хивинцевъ навело такой ужасъ на Хиву, что тамошняя чернь ожидала уже нашествія русскихъ, но результаты пораженія хивинцевъ ограничились только тѣмъ, что плѣнные киргизы были освобождены и часть награбленнаго скота (3 тысячи верблюдовъ, 500 лошадей, 2 тысячи рогатаго скота и 50 тысячъ барановъ) возвращено хозяевамъ. Послѣдствія дѣла 23 августа могли бы быть гораздо значительнѣе, если бы рѣка Сыръ, считавшаяся въ это время государственною границею, за которую запрещено было переходить, не удержала нашихъ войскъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Во второй половинѣ ноября того же года, на рѣкѣ Сырѣ явилось скопище хивинцевъ, простиравшееся до 10.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Рахманберды-бея, сына бывшаго хивинскаго хана Илгпезера и дяди властвовавшаго въ это время Мухамедъ-Амина. Въ числѣ начальствовавшихъ лицъ находились также Хаджа-Ніазъ и Илекей. Имѣя въ виду уничтоженіе нашихъ степныхъ укрѣпленій, съ помощью батыря Исета Кутебарова, пріобрѣтшаго значительное вліяніе на киргизъ, кочевавшихъ въ юго-западной части степи, хивинцы хотѣли сначала разграбить Джанъ-хаджинскую орду и запастись, такимъ образомъ, даровымъ продовольствіемъ на цѣлыя зиму и лѣто. Переправясь черезъ рѣку Сыръ по льду въ разныхъ мѣстахъ, выше и ниже Раима, и быстро проникнувъ партіями въ пески Кара-Кумъ, они раз-

грабили множество дюрткиринскихъ и чиклинскихъ ауловъ, на пространствѣ отъ Сыра до Малыхъ Барсуковъ и до урочищъ Терекли и Калмасъ, забрали въ плѣнъ женщинъ, перерѣзали стариковъ и разбросали по степи младенцевъ. Кромѣ того, они захватили два каравана: одинъ купца Зайчикова (Дѣева) изъ 75 верблюдовъ, шедшій съ товарами на 25 тысячъ рублей серебромъ съ линіи въ Раимъ, а другой двухъ казанскихъ татаръ, постоянно торговавшихъ въ степи и въ Бухарѣ, изъ 30 верблюдовъ. На караванъ Зайчикова они напали около копаней Алтыкудукъ, причемъ взяли въ плѣнъ двухъ русскихъ приказчиковъ Ивана Голицына и Якова Мельникова. Подполковникъ Ерофѣевъ направилъ изъ укрѣпленія въ Кара-Кумъ отрядъ изъ 240 казаковъ и конныхъ солдатъ при двухъ орудіяхъ. Высылаемыя изъ этого отряда партіи встрѣчались съ хивинцами въ теченіе четырехъ дней, съ 24-го по 27-е ноября, и вездѣ разбивали ихъ, не смотря на громадное неравенство силъ. Во всѣхъ дѣлахъ у насъ было убитыхъ 2 и раненыхъ 6, а у непріятеля убито 340 и взято въ плѣнъ 6 человѣкъ. Хивинцы принуждены были отложить нападенія на степныя укрѣпленія и воротиться домой, но они успѣли захватить съ собою плѣнныхъ и почти весь награбленный скотъ.

Возвратившійся въ Оренбургъ лѣтомъ 1849 года приказчикъ Голицынъ разсказывалъ, что по привозѣ въ Хиву, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и просидѣлъ болѣе полугода, а потомъ былъ отданъ на поруки одному землевладѣльцу, у котораго употреблялся сначала какъ работникъ, а потомъ какъ приказчикъ. Во время плѣна онъ велъ записки, но къ сожалѣнію до сихъ поръ не публиковалъ ихъ.

Ночью на 6-е марта 1848 года опять явилось на правомъ берегу Сыра хивинское скопище въ 1.500 всадниковъ, большею частью изъ воинственнаго туркменскаго племени Ямудъ. Скопищемъ начальствовали: ямудскій ханъ Абдулъ-Халикъ, хивинскій бекъ Хаджа-Ніазъ и киргизскіе султаны Джангазы и его двоюродный братъ Буре. Хищники грабили и рѣзали киргизъ въ теченіе всей ночи и половины слѣдующаго дня, а 300 ямудовъ не побоялись даже наѣздничать подъ выстрѣлами укрѣпленія и

напасть на сыръ-дарьинскую пристань. Насытясь наконецъ грабежемъ и убійствами, они ушли за Сыръ-Дарью. Не смотря на время года, хивинская шайка была весьма доброконна, что дало ей возможность произвести набѣгъ совершенно неожиданно, въ то время, когда лошади Раимскаго укрѣпленія по случаю безкормицы, паслись вдали отъ него. Новый начальникъ укрѣпленія, подполковникъ Матвѣевъ, выслалъ только для защиты пристани 50 человѣкъ пѣхоты.

Послѣ третьяго хивинскаго набѣга, сыръ-дарьинскіе киргизы приведены были въ крайнюю нищету. У кого остались верблюды, тѣ откочевали къ Уральскому укрѣпленію, а остальные до новаго хлѣба питались рыбою и этимъ поддерживали свое существованіе. Къ счастью, это былъ послѣдній хивинскій набѣгъ на нихъ, но непріязненныя отношенія хивинцевъ къ намъ не кончились, и вскорѣ въ Оренбургѣ получено было извѣстіе о движеніи ихъ по Усть-Урту и о намѣреніи напасть на нашъ транспортъ, долженствовавшій слѣдовать въ началѣ мая съ линіи на Раимъ.

II.

Мой первый походъ на Сыръ-Дарью и пребываніе въ Раимѣ.

Пріѣздъ въ Оренбургъ и назначеніе въ степь.

Разсмотрѣвъ въ главныхъ чертахъ наше положеніе относительно Киргизской степи при генералѣ Обручевѣ, обращаюсь къ личнымъ моимъ путешествіямъ и работамъ, касающимся этой страны.

23-го декабря 1847 года я пріѣхалъ на службу генеральнаго штаба въ Оренбургъ, а лѣтомъ 1848 года мнѣ удалось уже совершить продолжительное путешествіе по Киргизской степи. Генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Бергъ, письмомъ къ корпусному командиру просилъ командировать меня и двухъ другихъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, Каведѣева и Лео, въ степь, для узнанія порядка движенія отрядовъ

и ознакомленія съ мѣстностью. Вслѣдствіе этого, сначала мнѣ назначено было идти съ отрядомъ, долженствовавшимъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія начать съемку Усть-Урта; но вскорѣ полученныя свѣдѣнія о сборищѣ хивинцевъ на Усть-Уртѣ заставили корпуснаго командира отложить эту съемку, и я получилъ предписаніе состоять при отрядѣ, назначенномъ производить съемку въ пескахъ Кара-Кумъ, и приэтомъ: во 1-хъ, вести подробный путевой журналъ по днямъ и, сверхъ того, составить описаніе пройденнаго пространства, имѣя въ виду въ особенности: а) главнѣйшіе предметы мѣстности, заслуживающіе вниманія въ военномъ отношеніи, именно: пути, рѣки, озера, болота колодцы, горы, пески, пастбищныя и луговыя мѣста и прочее, и б) свѣдѣнія о киргизскихъ родахъ и аулахъ, также и о сосѣднихъ азіятскихъ владѣніяхъ, въ той мѣрѣ, въ какой представится случай таковыя собрать, и во 2-хъ, избрать между Уральскимъ и Раимскимъ укрѣпленіями промежуточный пунктъ, для устройства форта, подобнаго Карабутакскому. Передъ самымъ же выходомъ въ степь, корпусный командиръ словесно приказалъ мнѣ состоять при командирѣ 2-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіорѣ Шрейберѣ, назначенномъ для начальствованія надъ отрядами и транспортами въ степи и для инспектированія укрѣпленій, а по прибытіи въ Раимъ, дозволилъ отправиться съ лейтенантомъ Бутаковымъ въ Аральское море для ос[illegible] его береговъ; разумѣется я не упустилъ случая воспользоваться этимъ дозволеніемъ.

Приготовленія къ походу.

По полученіи назначенія въ степь, необходимо было озаботиться средствами къ существованію на все время пребыванія въ ней, такъ какъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ торговыхъ лавокъ въ то время еще не было. Хотя каждому офицеру и выдавалась въ степи солдатская порція сухарей, крупы, мяса и водки, но, по непривычкѣ къ солдатской пищѣ, мнѣ всетаки пришлось запастись на полгода значительнымъ количествомъ провизіи, именно: пшеничными сухарями и мукою, коровьимъ масломъ, закупореннымъ въ бутылки, чаемъ, сахаромъ, виномъ, сигарами и проч.

Затѣмъ оказалось необходимымъ, кромѣ бѣлья, лѣтней одежды и обуви, взять съ собою походную посуду, походную мебель, то есть складную кровать съ тюфякомъ, столъ и стулъ, сбрую для одной верховой и пары подъемныхъ лошадей и прочее. И все это нужно было принаровить, съ одной стороны, къ насущнымъ потребностямъ, а съ другой—къ возможности перевозки на парѣ несчастныхъ лошадей, обреченныхъ въ теченіе всего похода ежедневно и безсмѣнно тащить свой грузъ, не смотря ни на сыпучіе пески, ни на вязкіе солончаки, ни на совершенный порою недостатокъ воды и подножнаго корма. Лошади офицерамъ давались казенныя, взамѣнъ подъемныхъ денегъ, на которыя Обручевъ былъ скупъ. Кромѣ того, для бивуаковъ офицерамъ выдавались джуламейки, то есть небольшія киргизскія кибитки, или круглыя войлочныя съ остроконечнымъ верхомъ палатки. Я не знаю ничего удобнѣе для похода джуламейки. Она отлично защищаетъ, какъ отъ палящаго зноя, такъ и отъ холода и дождя, можетъ быть открыта для вентиляціи съ любого бока и сверху, ставится и убирается необыкновенно скоро, никакъ не болѣе, какъ въ пять минутъ. Одно неудобство, что она нѣсколько тяжела; верблюдъ везетъ не болѣе двухъ, а подвода не болѣе трехъ джуламеекъ.

Окончивъ большую часть приготовленій, я выѣхалъ изъ Оренбурга на почтовыхъ 2-го мая и съ небольшимъ черезъ сутки прибылъ въ Орскую крѣпость. Спокойная круглый годъ крѣпость и станица принимала во время отправленія транспортовъ въ степь необыкновенно оживленный видъ. По улицамъ сновали казаки, башкиры и киргизы, пѣшіе и конные, а около вездѣ были обозы, лагери, табуны лошадей и прочее. Корпусный командиръ со свитою и служащіе въ Орскѣ суетились съ ранняго утра до глубокой ночи.

Составъ транспортовъ и отрядовъ.

Транспорты и отряды были организованы и отправлены въ степь въ слѣдующемъ составѣ и порядкѣ.

Небольшой отрядъ *для заложенія Карабутакскаго форта*, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Герна, и от-

рядъ *для съемки въ пескахъ Кара-Кумъ*, состоявшій, подъ начальствомъ корпуса топографовъ прапорщика Яковлева, изъ 7-ми топографовъ, 160-ти оренбургскихъ казаковъ, 50 казенныхъ верблюдовъ, 15 подводъ и нѣсколькихъ штукъ порціоннаго скота, выступили 8-го мая. При послѣднемъ отрядѣ находился генеральнаго штаба поручикъ Каведѣевъ.

Транспортъ Уральскаго укрѣпленія, состоявшій подводъ изъ 500, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ Оренбургскихъ казаковъ и двухъ орудій съ прислугою и подъ начальствомъ войскового старшины Иванова, выступилъ 10-го мая.

Транспортъ Оренбургскаго укрѣпленія такой же величины выступилъ нѣсколькими днями позже.

Транспортовъ Раимскаго укрѣпленія было два: телѣжный и верблюжій.

Телѣжный транспортъ, состоявшій изъ 1.500 башкирскихъ одноконныхъ подводъ, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, двухъ сотенъ Оренбургскихъ казаковъ и двухъ орудій съ прислугою, выступилъ 11-го мая. При немъ слѣдовалъ генералъ-маіоръ Шрейберъ, а также лейтенантъ Бутаковъ съ флотскою командою и со шкуною Константинъ, построенною въ Оренбургѣ и разложенною по частямъ на подводы, съ тѣмъ, чтобы, по собраніи ея въ Раимѣ, начать опись Аральскаго моря.

Верблюжій транспортъ, состоявшій изъ 3.000 верблюдовъ при 565 киргизахъ, подъ прикрытіемъ полуторы сотни Уральскихъ казаковъ и одного орудія, выступивъ позже телѣжнаго, догналъ послѣдній 25-го мая на рѣкѣ Иргизѣ. Кромѣ главнаго верблюжьяго транспорта, направлено было нѣсколько позже изъ Илецкой защиты въ Раимъ еще 600 верблюдовъ, подъ прикрытіемъ полуторы сотни Уральскихъ казаковъ.

Такимъ образомъ, въ 1848 году, не считая Новопетровскаго укрѣпленія, было выкомандировано въ степь: болѣе 2.500 башкирскихъ одноконныхъ подводъ и 3.600 киргизскихъ верблюдовъ, поднявшихъ вмѣстѣ, по всей вѣроятности, не многимъ менѣе 100.000 пудовъ тяжестей, рота пѣхоты, $10^1/_2$ сотенъ казаковъ ($7^1/_2$ Оренбургскихъ и 3 Уральскихъ) и 7 орудій съ прислугою.

Выступленіе.

11-го мая выступилъ изъ Орска въ степь главный раимскій транспортъ, при которомъ я находился. 1.500 подводъ выстроились, по направленію пути, въ двѣ линіи, каждая въ три нити, и заняли въ глубину болѣе версты. Рота пѣхоты съ двумя орудіями помѣстилась впереди между линіями, а двѣ сотни казаковъ по бокамъ и сзади. Отслужили напутственный молебенъ и транспортъ тронулся. Корпусный командиръ проводилъ его версты три и потомъ, ставъ со свитою на возвышенности, пропустилъ его мимо себя и простился со всѣми. Я ѣхалъ съ вожаками киргизами впереди и былъ уже далеко, когда за мною прискакалъ адъютантъ корпуснаго командира, вспомнившаго, что онъ не простился со мною.

Первое впечатлѣніе, которое произвела на меня Киргизская степь, было въ высшей степени грустное. Солнце ярко палило необозримую равнину, покрытую желтымъ, уже высохшимъ, ковылемъ. Пыль отъ повозокъ широкою полосою закрывала часть горизонта. Кругомъ все было тихо и только скрипъ отъ телѣгъ мѣрно и уныло нарушалъ эту мертвую тишину. Казаки и башкиры повѣсили носы. Солдаты затянули было пѣсню, да скоро умолкли. Даже лошади, какъ будто предчувствуя, что имъ предстоитъ дальній и трудный путь, лѣниво и вяло тащили свои возы. Только киргизы, наши вожаки и посыльные, безпечно и весело ѣхали впереди, глазѣя по сторонамъ, какъ будто находя особенную красоту въ этой безграничной пустынѣ.

Вечеромъ, когда транспортъ остановился на ночлегъ, люди занялись уборкою лошадей и приготовленіями къ отдыху. Жара уже спала и стало темнѣть. Явились огни. Около котелковъ, въ которыхъ варилась незатѣйливая походная пища, образовались мало по малу группы отдыхающихъ послѣ утомительнаго перваго перехода, и отовсюду послышались бойкія рѣчи русскія, татарскія и на языкѣ, которымъ говорятъ русскіе съ татарами и понимаютъ другъ друга. Среди общаго оживленія особенно рѣзко выдавались вблизи, въ солдатскомъ лагерѣ, веселыя остроты и смѣхъ и вдали тихая пѣснь башкира, сопровождаемая звуками

чебезги. Потомъ все смолкло, все успокоилось, и тишина нарушалась только фырканьемъ и ржаньемъ лошадей, да мѣрными окликами часовыхъ вокругъ лагеря. А небо было чисто и ясно, воздухъ легокъ и освѣжителенъ послѣ удушливаго дня, и на душѣ никакихъ заботъ и тревогъ, незамѣтно подъѣдающихъ жизнь въ городѣ. Ночь сгладила тяжелое впечатлѣніе дня, я сталъ привыкать къ степи и мало по малу полюбилъ ее.

Походная обстановка.

Съ слѣдующаго дня походная жизнь приняла однообразную форму. Транспортъ выступалъ съ ночлега въ 6 часовъ утра, двигался со скоростью отъ 3 до 4 верстъ въ часъ, имѣя на половинѣ пути часовой привалъ, и оканчивалъ переходъ за полдень. Черепашье движеніе, при однообразной обстановкѣ степной природы и совершенномъ отсутствіи по пути человѣческаго жилья киргизскихъ ауловъ, откочевавшихъ далеко въ сторону отъ русскихъ отрядовъ, и еще во время жары противъ солнца, сплошь обливавшаго яркимъ свѣтомъ равнинную поверхность, отъ которой некуда отвести усталые глаза, было томительно и физически и нравственно. Но наступалъ наконецъ моментъ приближенія къ ночлегу. Я съ вожакомъ и нѣсколькими казаками уѣзжалъ впередъ выбирать мѣсто для расположенія транспорта. Вожакъ, сдѣлавшій со мною всѣ походы въ степь, почтенный старикъ Агау, зналъ топографію степи до мельчайшихъ подробностей, какъ свои пять пальцевъ. Хотя онъ не говорилъ по русски, но мало по малу мы выучились понимать другъ друга. Въ первое же время переводчикомъ между нами былъ одинъ изъ посыльныхъ, Алмакуровъ, хорошо говорившій по русски. Въ молодости Алмакуровъ былъ лихимъ *джигитомъ*, молодцемъ, и любилъ заниматься барантою, угономъ чужого скота. Однажды онъ вздумалъ побарантовать у насъ на линіи, но былъ схваченъ и отданъ въ солдаты. Такимъ образомъ онъ неожиданно совершилъ путешествіе въ Архангельскъ, Петербургъ и Финляндію; по прослуженіи же 25 лѣтъ въ Вильманстрандскомъ пѣхотномъ полку получилъ знакъ отличія безпорочной службы и унтеръ-офицерское званіе, вышелъ въ отставку, вернулся на родину, женился и

сдѣлался снова кочующимъ киргизомъ, но больше не ходитъ на баранту. Установка транспорта на ночлегъ, въ извѣстномъ порядкѣ, въ первые дни была весьма затруднительна, вслѣдствіе непониманія башкиръ по русски, и продолжалась гораздо болѣе часа, но потомъ, когда всѣ поняли, чего отъ нихъ требуютъ, дѣло пошло какъ по маслу и исполнялось съ поразительною точностью въ самое короткое время.

Когда, по окончаніи всѣхъ хлопотъ о транспортѣ, утомленный, я входилъ подъ тѣнь своей джуламейки, умывался и принимался за чай, то чувствовалъ такое довольство, наслажденіе, какое не можетъ дать городъ со всѣмъ его изысканнымъ комфортомъ. Умственныя силы освѣжались вмѣстѣ съ физическими, мысли собирались мало по малу и являлась потребность говорить и слушать. Въ это время завязывались оживленные разговоры съ лицами самыми разнохарактерными по своему развитію, начиная отъ образованнаго доктора до наивнаго башкира. Въ началѣ похода предметомъ разговора въ отрядѣ была ожидаемая встрѣча съ хивинцами. Интереснѣе всѣхъ соображеній по этому поводу было политическое сужденіе одного башкирскаго заурядъ-хорунжаго. „А что нашъ царь не возьметъ Хиву и не усмиритъ хана? что ханъ? дрянь! Взялъ бы его, да посадилъ на тотъ устровъ, гдѣ здохъ Пунапарта, да и дѣло съ концемъ. Такъ нѣтъ. А отчего? Оттого, что урусъ хитеръ, все дѣлаетъ тихо, зато хорошо, не то, что нашъ братъ башкуръ, или кыргызъ. Вотъ кыргызъ гулялъ себѣ на волѣ и никого не зналъ. Урусъ далъ ему красный кафтанъ и кыргызъ доволенъ и радъ, а получилъ кафтанъ, такъ работай. Урусъ и запрягъ его на пристяжку, а тамъ запряжетъ и въ корень, а тамъ и нагайка будетъ. Такъ было и съ нашимъ братомъ башкуромъ!“ Вечерняя бесѣда оканчивалась всегда роскошнымъ для степи ужиномъ, блюда въ три, которыя умѣлъ приготовлять изъ самыхъ худшихъ матеріаловъ мой человѣкъ Марковей. Онъ сдѣлалъ со мною всѣ безъ исключенія походы по степи, удивлялъ всѣхъ нашихъ спутниковъ своимъ проворствомъ и умѣніемъ примѣняться безъ суеты къ какой бы то ни было обстановкѣ. Всѣ алчущіе, жаждущіе и страждущіе обращались къ нему, такъ какъ у него всегда находились и лишній

кусокъ чего нибудь, и посудина другая съ водою. Не смотря на частыя поѣздки въ степь, онъ не выучился ни слова по татарски, но тѣмъ не менѣе командовалъ киргизами, и тѣ его понимали и охотно исполняли его приказанія, потому что онъ постоянно поилъ ихъ чаемъ. Марковей былъ неоцѣненъ для степныхъ походовъ, и когда, спустя много лѣтъ послѣ совершенія ихъ, мнѣ пришлось снова ѣхать въ Сыръ-Дарьинскій край, я предложилъ ему, давно уже сдѣлавшемуся крестьяниномъ Новгородской губерніи, сопутствовать мнѣ, онъ согласился и исполнилъ принятую на себя обязанность также великолѣпно, какъ въ былое время.

Палъ.

На другой день послѣ нашего выступленія мы видѣли вдали *палъ*, то есть огонь, пущенный киргизами по степи, чтобы сжечь старый ковыль и дать возможность безпрепятственно расти свѣжему, и долго любовались, какъ отдѣльные сначала огоньки постепенно сливались въ непрерывныя нити, сопровождаемыя сильнымъ заревомъ. По желанію генерала Шрейбера, Шевченко нарисовалъ акварелью эту импровизованную иллюминацію и подарилъ ему свой рисунокъ.

Переправа черезъ Орь.

14 мая транспорту нужно было переправиться черезъ рѣку Орь, и такъ какъ вода была высока, то генералъ поручилъ мнѣ съ лейтенантомъ Бутаковымъ навести плавучій мостъ. Дѣло было нелегкое, такъ какъ, употребляя на возведеніе моста бревна и канаты, слѣдовавшія въ укрѣпленія, мы не имѣли права ихъ разсѣкать. Тѣмъ не менѣе, въ нѣсколько часовъ мостъ былъ готовъ и по немъ безпрепятственно были проведены войска, орудія и подводы. Послѣ переправы транспорту была дана первая дневка въ степи.

Т. Г. Шевченко.

На первомъ переходѣ я познакомился съ Т. Г. Шевченко, который, служа рядовымъ въ Оренбургскомъ линейномъ № 5 баталіонѣ, былъ командированъ, по просьбѣ лейтенанта Бутакова, въ описную экспедицію Аральскаго моря, для снятія береговыхъ

видовъ. Я предложилъ несчастному художнику и поэту пристанище, на время похода, въ своей джуламейкѣ, и онъ принялъ мое предложеніе. Весь походъ Шевченко сдѣлалъ пѣшкомъ, отдѣльно отъ роты, въ штатскомъ плохенькомъ пальто, такъ какъ въ степи ни отъ кого и отъ него въ особенности не требовалось соблюденія формы. Онъ былъ веселъ и повидимому очень доволенъ раздольемъ степи и перемѣною своего положенія. Походная обстановка его нисколько не тяготила; но, когда, послѣ продолжительнаго похода, мы приходили въ укрѣпленіе, гдѣ имѣли возможность замѣнять сухари и воду свѣжимъ хлѣбомъ и хорошимъ квасомъ, Тарасъ Григорьевичъ шутливо обращался къ моему человѣку съ словами: „дай братецъ квасу со льдомъ, ты знаешь, что я не такъ воспитанъ, чтобы пить голую воду“. Онъ много разсказывалъ о своихъ мелкихъ невзгодахъ, но о крупныхъ политическихъ никогда не говорилъ ни слова. Особенно свѣжъ у меня въ памяти слѣдующій разсказъ Шевченко о школѣ, въ которой онъ учился: „По субботамъ, передъ роспускомъ по домамъ, всѣхъ насъ, и правыхъ и виновныхъ, сѣкли, причитывая четвертую заповѣдь. Обязанность эту исполнялъ *консулъ*, то есть старшій въ классѣ. Я никуда не ходилъ въ отпускъ, но когда былъ сдѣланъ консуломъ, то зажилъ отлично, всѣ мнѣ приносили изъ дому гостинцы, чтобы не больно сѣкъ, и скоро я обратился въ страшнаго взяточника. Кто приносилъ мнѣ довольно, тому давалъ не болѣе двухъ—трехъ легкихъ розогъ, въ теченіе которыхъ успѣвалъ прочитывать скороговоркою обычную заповѣдь, но кто не приносилъ ничего или мало, надъ тѣмъ съ чувствомъ и разстановкой читалъ: „помни... день... субботній...“ и такъ далѣе. Въ своей краткой автобіографіи, помѣщенной въ Кобзарѣ, Шевченко не упоминаетъ о своемъ консульствѣ, и потому очень можетъ быть, что разсказъ его о субботникахъ, характеризующій вообще прежнія малороссійскія школы, былъ примѣненъ имъ къ себѣ ради краснаго словца. Зато едва-ли подлежитъ сомнѣнію другой его разсказъ о началѣ его солдатской жизни. „Когда меня привезли въ Оренбургъ, то представили корпусному, дивизіонному и бригадному начальникамъ и затѣмъ въ Орской крѣпости—баталіонному и ротному командирамъ. По мѣрѣ пониженія ступеней

военной іерархіи, со мною обращались все грубѣе и грубѣе и когда очередь дошла до ротнаго командира, то онъ пригрозилъ мнѣ даже розгами, если я дурно буду себя вести. Чтобы оградить себя отъ опасности, я прибѣгъ къ очень простой и какъ оказалось весьма дѣйствительной мѣрѣ: купилъ очень много водки и весьма мало закуски, пригласилъ ротнаго командира и нѣсколькихъ офицеровъ на охоту и упоилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ отношенія наши сдѣлались наилучшими, а когда угощеніе начинало забываться, я повторялъ его". Единственная книга, которую Тарасъ Григорьевичъ имѣлъ съ собою, была славянская библія; впрочемъ онъ читалъ ее мало и никогда ничего не писалъ.

Джангысъ-агачъ.

26-го мая, не доходя нѣсколько верстъ до Карабутака, мы увидали влѣво отъ транспортной дороги *Джангысъ-агачъ*, одно дерево, и поскакали къ нему. Это единственное на всемъ пути отъ Орска до Раима дерево было осокоръ, толщиною у корня сажени въ двѣ въ обхватѣ и вышиною саженъ въ пять. На немъ было гдѣздо *тальги*, птицы изъ породы орловъ. Киргизы считали это дерево священнымъ, *ауліе*, и украшали его разными тряпками. Не менѣе священно было оно и для русскихъ странствователей въ лѣтніе жары по степи, ярко освѣщенной палящими лучами солнца и не имѣющей нигдѣ вершка тѣни, гдѣ бы зрѣніе могло отдохнуть. Мало кто изъ верховыхъ проѣзжалъ по дорогѣ, не завернувъ къ *Джангысъ-агачу* и не отдохнувъ подъ его тѣнью. Но теперь и киргизы и русскіе лишены этой отрады, потому что какому-то пьяному казачьему офицеру вздумалось, для своей потѣхи, срубить и сжечь дерево. И этотъ варварскій поступокъ остался безнаказаннымъ, какъ будто это не уголовное и не самое гнусное преступленіе. Видъ Джангысъ-агача сохранился въ альбомѣ киргизской степи, изданномъ Залѣсскимъ въ Парижѣ.

Основаніе Карабутакскаго форта.

Утромъ 21-го мая, послѣ молебствія, совершеннаго священникомъ, слѣдовавшимъ въ Раимъ, въ присутствіи генерала Шрейбера и другихъ лицъ изъ транспорта, который имѣлъ въ этотъ

день дневку, былъ заложенъ на рѣкѣ Карабутакѣ фортъ на 50 человѣкъ гарнизона. По окончаніи закладки, строитель форта генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Гернъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ. Мы пропировали до поздняго вечера и когда возвращались въ лагерь, то, по незнанію отзыва, чуть не были подстрѣлены слишкомъ уже исполнительными башкирами, занимавшими аванпосты. На другой день священникъ, обиженный, что его не пригласили на обѣдъ, и успѣвшій уже, по собственному его выраженію, наполниться духомъ, то есть спиртомъ, обратился въ сторону форта и торжественно поднявъ руки къ верху, произнесъ: „да не будетъ благословенія Божія надъ фортомъ симъ!“ Возгласъ этотъ сопровождался нескончаемыми причитаніями попадьи, любившей еще болѣе мужа наполнять себя духомъ. Это былъ одинъ изъ многихъ скандаловъ, которыми отличалась согласная чета въ походѣ и потомъ въ Раимѣ.

Дѣла съ хивинцами 26-го мая.

Надежда на встрѣчу съ хивинцами вскорѣ оправдалась, но къ сожалѣнію не для всѣхъ. Изъ четырехъ эшелоновъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Шрейбера, только первымъ двумъ, то есть съемочному отряду прапорщика Яковлева и уральскому транспорту войскового старшины Иванова, удалось подраться съ хивинцами, а раимскіе транспорты—повозочный и верблюжій узнали о непріятелѣ когда уже онъ бѣжалъ восвояси.

26-го мая генералъ Шрейберъ не имѣлъ обычныхъ дневныхъ рапортовъ изъ первыхъ двухъ эшелоновъ и только на другой день, во время движенія нашего транспорта отъ Мана-ауліе къ Достановой могилѣ, получилъ донесеніе отъ войскового старшины Иванова, но такое безтолковое и безграмотное, что изъ него нельзя было ничего понять, кромѣ что Ивановъ имѣлъ дѣло съ хивинцами и потерялъ девять казаковъ и нѣсколько крестьянъ рыбаковъ, слѣдовавшихъ при транспортѣ. Чтобы разъяснить дѣло, Шрейберъ, взявъ съ собою меня и человѣкъ 15 казаковъ, поскакалъ въ уральскій транспортъ, но и тамъ мы ничего не разъяснили: Ивановъ также безтолково разсказывалъ, какъ писалъ. Тѣмъ не менѣе, Шрейберъ, приказавъ переписать донесеніе, ис-

правленное граматически, поторопился его отправить въ Оренбургъ, не дождавшись рапорта отъ прапорщика Яковлева, который былъ полученъ только на третій день. Согласовать оба показанія оказалось невозможнымъ безъ разслѣдованія, которое было поручено корпуснымъ командиромъ генералу Шрейберу и произведено послѣднимъ въ Уральскомъ укрѣпленіи, на обратномъ пути изъ Раима, слѣдовательно: во 1-хъ, слишкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ самаго дѣла и во 2-хъ на мѣстѣ, гдѣ находилась большая часть лицъ изъ отряда войскового старшины Иванова и ни одного человѣка изъ отряда прапорщика Яковлева. Разслѣдованіе это показало нѣкоторыя невѣрности донесенія Иванова, но не разъяснило дѣла вполнѣ. Разскажу сначала дѣло 26-го мая съ хивинцами по реляціямъ и произведенному разслѣдованію, а потомъ приведу замѣчательный разсказъ о немъ очевидца, слышанный и записанный мною уже тогда, когда разслѣдованіе было окончено, и выскажу свои личныя соображенія о дѣлѣ.

Въ 10 часовъ утра прапорщикъ Яковлевъ, пройдя Достанову могилу, увидѣлъ, что вдали, мѣстахъ въ трехъ, показались партіи вооруженныхъ всадниковъ, каждая человѣкъ въ тридцать. Тогда, приказавъ отряду взять вправо къ рѣкѣ Иргизу иославъ киргиза къ войсковому старшинѣ Иванову, находившемуся въ нѣсколькихъ верстахъ сзади его, сообщить о появленіи этихъ партій, самъ съ поручикомъ Коведѣевымъ, четырьмя казаками и вожакомъ отправился впередъ, для личнаго удостовѣренія въ ихъ намѣреніяхъ. Подъѣхавъ на довольно близкое разстояніе къ вооруженнымъ всадникамъ, Яковлевъ выслалъ впередъ вожака для объясненія съ ними, а казаковъ спряталъ въ оврагѣ рѣки Иргиза. Лишь только вожакъ отдѣлился отъ Яковлева, какъ на него напало нѣсколько всадниковъ, но онъ былъ спасенъ выѣхавшими въ это время изъ оврага казаками. Убѣдясь, такимъ образомъ, въ непріязненныхъ намѣреніяхъ этихъ людей, Яковлевъ вернулся къ своему отряду и занялся устройствомъ его для обороны. Съемочный отрядъ былъ поставленъ въ каре, одинъ бокъ котораго примыкалъ къ рѣкѣ Иргизу, а остальные составились изъ 15 подводъ, 50 неразвьюченныхъ верблюдовъ, уложенныхъ на землю и 160 спѣшенныхъ казаковъ, размѣщенныхъ въ четыре

линіи, три боевыхъ и четвертая изъ коноводовъ. Въ 11 часовъ непріятель, въ числѣ около 600 человѣкъ, переправился черезъ Иргизъ и посредствомъ выстрѣловъ пустилъ по вѣтру, съ сѣвера, палъ на съемочный отрядъ, въ намѣреніи истребить его огнемъ. Прапорщикъ Яковлевъ, какъ опытный степнякъ, дѣятельно занялся тушеніемъ пала съ сѣвера, а между тѣмъ самъ пустилъ другой на югъ, дабы, въ случаѣ еслибы ему не удалось потушить первый палъ, имѣть возможность отвести отрядъ на выжженное мѣсто. Такимъ образомъ намѣреніе непріятеля не увѣнчалось успѣхомъ и съ этой минуты дѣйствія обѣихъ сторонъ ограничились перестрѣлкою, продолжавшеюся до 4-хъ часовъ по полудни, когда непріятель отступилъ.

Прапорщикъ Яковлевъ преслѣдовалъ его около часа, а потомъ поручилъ это дѣло хорунжему Жаринову, съ 50-ю казаками, который вернулся въ лагерь около полуночи и привелъ съ собою 9 аргамаковъ. Въ продолженіе всего дня въ отрядѣ Яковлева не было ни одного убитаго и раненаго, а о потеряхъ непріятеля судить было трудно, такъ какъ азіятцы имѣютъ обыкновеніе убирать тѣла убитыхъ; въ донесеніи Яковлева было сказано только, что Жариновъ, во время преслѣдованія, положилъ на мѣстѣ человѣкъ десять хивинцевъ.

Войсковой старшина Ивановъ, получа извѣстіе отъ Яковлева о появленіи непріятельскихъ партій, сначала этому не повѣрилъ и когда увидѣлъ впереди палъ, то сказалъ: „врутъ они, собачьи дѣти, просто кабана палятъ, не надуютъ.“ Съемочный отрядъ во время движенія охотился передъ тѣмъ на кабановъ. Вскорѣ, однако, взявъ съ собою 14 казаковъ, Ивановъ пустился впередъ, для личнаго удостовѣренія въ полученномъ извѣстіи, и когда приблизился къ съемочному отряду, неожиданно былъ окруженъ массою непріятеля. Какимъ образомъ казаки могли быть окружены въ степи неожиданно? вопросъ этотъ можно объяснить только тѣмъ, что большинство ихъ, начиная съ начальника, были пьяны. Говорятъ, что окруженный непріятелемъ, Ивановъ приказалъ казакамъ спѣшиться, но они его не послушались. Тогда онъ схватилъ пику у одного изъ убитыхъ уже казаковъ и, обороняясь ею, успѣлъ, безъ шапки и эполетъ, ускакать назадъ съ 5-ю каза-

ками; остальные 9 остались въ рукахъ непріятеля. Опасаясь отвѣтственности за напрасную потерю людей, Ивановъ, въ рапортѣ своемъ, умолчавъ о своевременномъ полученіи извѣстія отъ Яковлева и о распоряженіяхъ своихъ вслѣдствіе этого извѣстія, донесъ, что толпа хивинцевъ, выѣхавъ изъ овраговъ, напала на партію казаковъ, разставлявшихъ ведеты, и захватила, такимъ образомъ, 9 человѣкъ; но несправедливость этого показанія вскорѣ обнаружилась. Обезглавленныя тѣла нѣсколькихъ погибшихъ казаковъ были нами найдены близъ того мѣста, гдѣ стоялъ съемочный отрядъ во время дѣла. Хивинцы преслѣдовали Иванова, но не посмѣли напасть на его транспортъ, устроенный въ каре, а бросились въ сторону къ рѣкѣ Иргизу, гдѣ захватили 5 работниковъ компаніи рыбнаго промысла на Аральскомъ морѣ, безпечно ловившихъ рыбу въ верстѣ отъ транспорта и не знавшихъ ничего о близости непріятеля. Изъ нихъ 3 человѣка погибли, а 2 спаслись потомъ изъ плѣна. Прискакавъ въ транспортъ, Ивановъ собралъ легкій отрядъ, перешелъ съ нимъ за рѣку Иргизъ и погнался за бѣжавшимъ туда непріятелемъ. Отрядъ состоялъ изъ 84-хъ казаковъ и одной 6-ти фунтовой пушки, а въ рапортѣ былъ показанъ въ 115 казаковъ при 3-хъ офицерахъ, желавшихъ, не участвуя въ дѣлѣ, получить за него награды. Ивановъ преслѣдовалъ непріятеля до самаго заката солнца и вернулся въ лагерь на другой день утромъ, часа въ 4 или въ 5. Во время преслѣдованія съ нашей стороны потери не было, а хивинцевъ было положено на мѣстѣ, по показанію Иванова, около 50-ти человѣкъ; кромѣ того, втято въ плѣнъ 4 человѣка и отбито у непріятеля 38 аргамаковъ и 26 верблюдовъ.

Плѣнные показали, что хивинцевъ въ дѣлѣ 26 мая было около 2.000, что они провели въ дорогѣ 50 дней и по причинѣ недостатка подножнаго корма сильно изнурили своихъ лошадей, и что съ ними было 1.000 верблюдовъ, но на поискъ они взяли только 36, изъ которыхъ 26 попали въ руки русскихъ.

Вотъ всѣ данныя, по которымъ корпусный командиръ могъ сдѣлать свои заключенія о дѣлѣ 26 мая. За это дѣло прапорщикъ Яковлевъ былъ произведенъ въ подпоручики, поручикъ Коведѣевъ получилъ орденъ Анны 3-й степени съ бантомъ, а

*

войсковой старшина Ивановъ попалъ подъ слѣдствіе. Онъ былъ виноватъ въ томъ, что, во 1-хъ, получа извѣстіе отъ Яковлева, немедленно не далъ знать объ этомъ генералу Шрейберу, и тѣмъ лишилъ главный отрядъ возможности принять участіе въ дѣлѣ и окончательно поразить хивинцевъ; въ 2-хъ, позволилъ непріятелю неожиданно окружить себя и чрезъ это потерялъ 9 казаковъ; въ 3-хъ, не предупредилъ чиновъ ввѣреннаго ему транспорта о близости непріятеля и чрезъ это потерялъ еще нѣсколько человѣкъ и наконецъ, въ 4-хъ, сдѣлалъ ложное донесеніе. Все это произошло отъ излишней привязанности къ горячимъ напиткамъ, совершенной безграмотности и неразвитости Иванова, ставившихъ его въ полную зависимость отъ офицеровъ. Но съ другой стороны нельзя не отдать справедливости его личной храбрости и лихому преслѣдованію хивинцевъ, о которомъ приведу разсказъ очевидца, одного изъ двухъ освободившихся изъ плѣна рыбаковъ, который осенью того же года плылъ со мною по Сыръ-Дарьѣ отъ Косъ-Арала до Раима.

„Мы ловили рыбу, такъ въ верстѣ отъ колонны, вдругъ, вижу я, на насъ несутся всадники. Братцы! худо! закричалъ я и не успѣлъ вымолвить этихъ словъ, какъ насъ схватили и потащили на арканахъ. Проволочивъ версты съ три, меня представили къ ихнему набольшему. Тотъ что-то сказалъ, меня посадили на лошадь и везли верстъ пять къ тому мѣсту, гдѣ стояли ихъ верблюды, доставшіеся послѣ, вмѣстѣ съ погонщиками, въ руки Иванова. Меня снова ссадили съ лошади и волочили на арканѣ верстъ тридцать. Дорогой я замѣтилъ, что недалеко отъ меня, бѣжитъ, также на арканѣ, одинъ изъ моихъ товарищей. Я не боялся смерти и молилъ только Бога, чтобы отсѣкли голову, не мучая передъ этимъ. При каждомъ движеніи всадника я думалъ, что настала уже моя послѣдняя минута. Вдругъ слышу пушечный выстрѣлъ! Маленько бы повѣрнѣе и картечь положила бы многихъ, но къ несчастію никого не задѣла. Однако хивинцы смѣшались, напрасно ихъ старики суетились и кричали, никто ихъ не слушалъ и всѣ скакали безъ оглядки. Слышу топотъ коней близокъ. Наши, подумалъ я, дернулъ арканъ, онъ опустился и я упалъ на землю. Смотрю—точно наши. Впереди всѣхъ летитъ

Ивановъ и за нимъ два—три казака, а остальные, сердечные, еле тянутся. Увидавъ меня, Ивановъ остановился, проговорилъ „ба! кажись нашъ. Поймай любого аргамака изъ отбитыхъ и жди моего возвращенія“ и снова понесся впередъ. Онъ дрался лихо какъ простой казакъ, съ пикой въ рукѣ вносился въ ряды непріятельскіе и много тѣлъ положилъ на мѣстѣ. Если бы хивинцамъ вздумалось обернуться назадъ, они увидѣли бы, что бѣгутъ отъ трехъ или четырехъ храбрецовъ и вѣрно устыдились бы своей трусости. Не успѣли наши отъѣхать, ко мнѣ бѣжитъ аргамакъ. Вы не вѣрите? Правда, оно похоже на сказку, а было такъ. Когда онъ поровнялся со мною, я закричалъ пррр... у, и онъ остановился, какъ вкопаный. Я сѣлъ на него и хотѣлъ было попридержать, какъ аргамакъ мой понесся во всю прыть. У меня не хватило силъ удерживать его, я опустилъ поводья и онъ пошелъ шагомъ. Тутъ я встрѣтился съ моимъ товарищемъ, ѣдущимъ тоже на аргамакѣ. Мы поѣхали вмѣстѣ впередъ и скоро достигли какого-то озера, слѣзли съ лошадей, напились воды, отдохнули маленько и, не дождавшись Иванова, который вѣрно вернулся другимъ путемъ, рѣшились ѣхать назадъ одни, но едва могли сѣсть на лошадей, такъ разболѣлись наши пятки, а до тѣхъ поръ мы не чувствовали боли. Мы вернулись къ лагерю ночью, но не смѣли въ него въѣхать ранѣе утра. Рана, полученная мною въ этотъ день, скоро зажила и я остался на Косъ-Аралѣ, а товарищъ мой долженъ былъ вернуться на родину, потому что раны мѣшали заниматься рыболовствомъ“.

По всѣмъ этимъ даннымъ и по послѣдующимъ извѣстіямъ видно, что одна и таже толпа хивинцевъ дѣлала нападенія, сначала на Яковлева, а потомъ на Иванова, и что первый прекрасно отбился отъ непріятеля, а послѣдній нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Съ этимъ положеніемъ не согласуются только два обстоятельства; но, по моему убѣжденію, они произошли отъ извѣстной доли неточности донесенія Яковлева, на которое не было обращено, при разслѣдованіи, должнаго вниманія. Первое касается числительности непріятеля. Яковлевъ говоритъ, что передъ нимъ было хивинцевъ около 600 человѣкъ, а плѣнные показали, что въ дѣлѣ 26 мая ихъ было до 2.000; но это ничего

не доказываетъ: съ одной стороны Яковлевъ могъ ошибиться въ счетѣ непріятеля, скрываемаго отъ него дымомъ отъ паловъ, а съ другой плѣнные могли увеличить его число. Гораздо существеннѣе другое обстоятельство. Какимъ образомъ Жариновъ и Ивановъ могли преслѣдовать одного и того же непріятеля и не встрѣтиться! Хотя въ донесеніи Яковлева и говорится, что Жариновъ, во время преслѣдованія, положилъ на мѣстѣ человѣкъ десять хивинцевъ, и отбилъ 9 аргамаковъ, но Яковлевъ самъ не былъ этому свидѣтелемъ, писалъ со словъ другого, и потому могъ ошибиться. Ошибка его тѣмъ болѣе вѣроятна, что въ своемъ донесеніи онъ не обозначаетъ даже направленіе преслѣдованія непріятеля. По всѣмъ соображеніямъ, Жариновъ слѣдовалъ только позади Иванова и подобралъ нѣсколько отбитыхъ послѣднимъ аргамаковъ. Такимъ же образомъ на другой день послѣ сраженія высланная изъ главнаго эшелона партія нашла еще 4 хивинскихъ аргамаковъ, а потомъ находили ихъ киргизы, рыскавшіе по пути преслѣдованія Иванова.

О поводахъ къ набѣгу хивинцевъ плѣнные единогласно показали слѣдующее: батырь Исетъ-Кутебаровъ просилъ у хивинскаго хана защиты отъ русскихъ, обижающихъ подвѣдомственныхъ ему киргизъ и требующихъ насильно отъ нихъ верблюдовъ. Ханъ послалъ шайку въ 600 вооруженныхъ хивинцевъ, подъ начальствомъ бея Ваиса, который прибывъ къ Исету, нашелъ его жалобы несправедливыми, но, уступая убѣдительнымъ просьбамъ батыря, рѣшился напасть на русскіе отряды, слѣдовавшіе къ Раиму. Въ дѣйствительности же инициатива набѣга принадлежала, какъ оказалось впослѣдствіи, самимъ хивинцамъ. Недовольные устройствомъ русскаго укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ, они нѣсколько разъ пытались взять его, но безуспѣшно и потомъ рѣшились напасть на слѣдовавшіе къ нему транспорты, уничтожить ихъ и тѣмъ лишить укрѣпленіе средствъ къ дальнѣйшему существованію.

Въ тотъ же день, то есть 26 мая, другая шайка хивинцевъ явилась въ окрестностяхъ Новопетровскаго укрѣпленія, которое не нравилось имъ столько же, какъ и Раимъ, но она была разбита русскими.

Корпусный командиръ, удостовѣрясь въ справедливости полу-

ченныхъ имъ свѣдѣній о сборищѣ хивинцевъ, отправилъ въ степь отрядъ изъ роты пѣхоты и четырехъ сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Чигиря, которому придалъ генеральнаго штаба поручика Лео. Отрядъ этотъ проводилъ дополнительный раимскій транспортъ изъ 600 верблюдовъ отъ Илецкой защиты до Уральскаго укрѣпленія и потомъ вернулся назадъ, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, поспѣшно бѣжавшаго послѣ дѣла 26 мая по направленію къ Усть-Урту.

Въ первой половинѣ іюля въ Раимѣ было получено извѣстіе чрезъ лазутчика, что хивинскій ханъ весьма недоволенъ результатами дѣла у Достановой могилы. Изъ шайки въ 2.000 человѣкъ, отправленной въ походъ, не вернулось еще въ Хиву 700 человѣкъ, а возвратившіеся представили только 7 русскихъ головъ. Въ двадцатыхъ же числахъ августа, встрѣченные нами, во время плаванія на Аральскомъ морѣ, ордынцы на урочищѣ Аджибай, на западномъ берегу моря, сообщили, что хивинцы, нападавшіе на наши отряды, еще возвращаются домой небольшими партіями въ пять, десять человѣкъ, пѣшіе оборванные, голодные и изнуренные. Одна изъ подобныхъ партій прошла мимо нихъ дней за десять, значитъ въ половинѣ августа, но многіе еще не вернулись. Какъ сильно подѣйствовала на Хиву неудача похода видно изъ того, что онъ былъ послѣдній. Хивинцы поняли, наконецъ, что борьба съ нами имъ не подъ силу, и прекратили враждебныя дѣйствія, ограничивъ свое нелѣпое домогательство объ оставленіи русскими Раимскаго и Новопетровскаго укрѣпленій миролюбивыми представленіями чрезъ посланцевъ, которые пріѣзжали въ Оренбургъ въ 1848, 1849 и 1852 годахъ.

Уральское укрѣпленіе.

30 мая транспортъ прибылъ въ Уральское укрѣпленіе и расположился лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Укрѣпленіе построено редутомъ, котораго каждый бокъ имѣетъ 55 саженъ длины и состоитъ изъ бруствера со рвомъ обыкновенной полевой профили; внутри всѣ строенія, жилыя и холостыя, сложены изъ сырого кирпича и покрыты камышемъ. Это первое осѣдлое жилье, послѣ трехнедѣльнаго похода, произвело на всѣхъ

чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, которому много способствовали и встрѣча съ новыми лицами, и еще болѣе свѣжій хлѣбъ послѣ сухарей, прекрасный холодный квасъ послѣ теплой воды и вообще болѣе разнообразная пища. Трехдневный отдыхъ около укрѣпленія видимо освѣжилъ всѣхъ, и по ночамъ, при ясномъ небѣ и серебристомъ свѣтѣ луны, въ лагерѣ долго раздавались то протяжные, то веселые звуки русской хоровой пѣсни.

Въ Уральскомъ укрѣпленіи раимскій транспортъ, телѣжный и верблюжій, переформировались въ эшелона, въ 500 повозокъ и 1.000 верблюдовъ каждый. Прикрытіе было усилено изъ уральскаго транспорта, что составило всего: 1 роту пѣхоты $5^1/_2$ сотенъ казаковъ и 4 орудія. При первомъ эшелонѣ слѣдовалъ лейтенантъ Бутаковъ съ своею командою, а при второмъ, выступившемъ въ дальнѣйшій походъ 3 іюня, генералъ-маіоръ Шрейберъ.

Походъ черезъ Кара-Кумъ.

Переходъ черезъ пески Кара-Кумъ былъ чрезвычайно труденъ. Телѣжный транспортъ былъ снаряженъ въ Орскѣ крайне скупо изъ одноконныхъ подводъ, поднимавшихъ по 20 пудовъ груза. До Уральскаго укрѣпленія грунтъ дороги былъ большею частію твердый, недостатка въ водѣ и подножномъ кормѣ не было и жары стояли еще не сильныя, потому транспортъ дошелъ благополучно. Въ это время можно было даже наблюдать, чтобы во время движенія онъ не растягивался, и если неисправность въ какой либо подводѣ останавливала всѣ слѣдующія за нею, то ее отдергивали въ сторону и по исправленіи снова вводили въ линію. Но въ Кара-Кумѣ, вслѣдствіе сыпучихъ песковъ, сильнаго недостатка въ водѣ и подножномъ кормѣ и усилившейся жары, утомленіе лошадей дошло до крайности. Подводы растягивались во время движенія на 10, 15 и даже на 20 верстъ, порядка не было никакого, лошади падали, въ телѣги подпрягали казачьихъ лошадей, дѣлали безпрестанныя дневки, и при всемъ томъ транспортъ едва дотащился до Раима.

Верблюжій транспортъ дошелъ до Уральскаго укрѣпленія также благополучно, потому что слѣдовалъ отдѣльно отъ телѣжнаго; но здѣсь верблюды были соединены съ повозками въ три

совершенно одинаковыхъ эшелона. Мѣра эта оказалась крайне непрактичною. Желаніе согласовать ходъ верблюдовъ, дѣлающихъ обыкновенно отъ 4-хъ до 5-ти верстъ въ часъ, съ ходомъ измученныхъ лошадей, еле тянувшихъ свои возы, вредило верблюдамъ. Кромѣ того, каждый эшелонъ былъ такъ великъ, что для него недоставало воды въ кудукахъ. Кудуки въ состояніи напоить до 1.000 головъ скота, а въ эшелонѣ ихъ было до 2.000. Отъ этого, конечно, еще болѣе терпѣли несчастныя лошади.

Положеніе войскъ было не многимъ лучше, чѣмъ упряжного и вьючнаго скота. Переходъ оканчивался только къ вечеру и потому люди, находясь въ походѣ значительную и самую неблагопріятную для этого часть дня, томились отъ медленнаго и неправильнаго движенія, съ непрерывными остановками для поджиданія подводъ и оказанія имъ помощи, отъ пыли, которая въ пескахъ покрывала лицо толстымъ слоемъ на подобіе маски, наконецъ отъ нестерпимой жары и жажды. На половинѣ перехода давался привалъ на одинъ часъ, но такъ какъ онъ приходился обыкновенно въ самую жаркую пору дня и на безводномъ мѣстѣ, то, отымая только время отъ ночлега, не освѣжалъ, а еще болѣе утомлялъ людей. Самый ночлегъ приносилъ имъ мало отдыха. За остановкой огромнаго и разнокалибернаго транспорта, начинались трудные хлопоты о водопоѣ, особенно при расположеніи его далеко отъ кудуковъ, заботы о лошадяхъ и верблюдахъ и прочее; а на ночь значительная часть людей выходила въ караулы. Начальство, заботясь болѣе всего о буквальномъ исполненіи инструкціи корпуснаго командира, въ которой на первомъ планѣ было поставлено охраненіе цѣлости и безопасности транспорта, совершенно забывало о сбереженіи силъ войскъ и наряжало на службу даже болѣе третьей части всего числа людей. Люди, не имѣя отдыха, утомлялись и конечно не могли отправлять самую караульную службу должнымъ образомъ. А между тѣмъ ее можно было значительно облегчить уменьшеніемъ несоразмѣрно большого числа постовъ, внутри вагенбурга при повозкахъ и верблюжьихъ вьюкахъ, для охраненія казеннаго имущества, и внѣ его, для обезпеченія транспортовъ отъ нечаяннаго нападенія. Верблюды, укладываемые на ночь на одномъ изъ фасовъ вагенбурга, около

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

своихъ вьюковъ, не требовали также особенно бдительнаго наблюденія. Что же касается до карауловъ при конскихъ табунахъ, то ослабить ихъ дѣйствительно не представлялось возможности, потому что угонъ лошадей въ степи—вещь не трудная, при темнотѣ южныхъ ночей и при склонности киргизъ къ подобнымъ предпріятіямъ, и потому еще, что въ пескахъ подножнаго корма слишкомъ недостаточно, чтобы можно было загонять табуны на ночь внутрь вагенбурга, какъ это дѣлалось до Уральскаго укрѣпленія. Еще менѣе слѣдовало бы ослаблять заботы о водопоѣ, но на этотъ предметъ не было обращено должнаго вниманія и не назначалось даже ни особыхъ передовыхъ командъ для очищенія кудуковъ, ни карауловъ для соблюденія порядка при водопоѣ. Вслѣдствіе этого войска, утомленныя слѣдованіемъ съ транспортами, сами должны были терять нѣсколько часовъ времени на очистку копаней и при безпорядочности водопоя не всѣ могли имѣть сколько-нибудь сносную воду, а многія лошади, не говоря уже о верблюдахъ, оставались и вовсе безъ воды. Въ довершеніе всего, отдыхъ былъ не полонъ, даже для людей не занятыхъ службою. Ночи въ степи были иногда свѣжи, а между тѣмъ нижніе чины не имѣли никакого прикрытія, кромѣ шинели, которая служила имъ и постелью и одѣяломъ, а джуламейки давались только офицерамъ.

Внимательно наблюдая во время похода за всѣмъ, что касалось движенія, бивуачнаго расположенія, обезпеченія и сбереженія всѣхъ составныхъ частей транспорта и его прикрытія, я пришелъ къ убѣжденію въ несостоятельности многихъ правилъ, предписанныхъ по этимъ предметамъ инструкціею; но, какъ молодой офицеръ, совершавшій въ первый разъ степной походъ, не имѣлъ возможности не только посягнуть на нарушеніе ихъ, но даже заявить о своемъ убѣжденіи корпусному командиру, написавшему инструкцію на основаніи личнаго опыта. Поэтому при генералѣ Обручевѣ я ограничился только тѣмъ, что высказалъ нѣкоторыя изъ своихъ мыслей въ одной представленной ему работѣ; а въ 1851 году, когда при измѣнившейся обстановкѣ я отправился вторично въ походъ, то попытался привести ихъ въ исполненіе. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ и новый корпусный коман-

диръ, генералъ-адъютантъ Перовскій, приказалъ принять къ руководству всѣ мои соображенія, какъ о походномъ движеніи, такъ и о снаряженіи транспортовъ и отрядовъ въ степь; но объ этомъ предметѣ буду имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

Послѣдній переходъ.

На Камышлы-башѣ мы въ первый разъ встрѣтили киргизскіе аулы. Это были жилища *аганчей*, землевладѣльцевъ, обнищалыхъ въ конецъ отъ варварскихъ набѣговъ хивинцевъ. Въ грязныхъ кибиткахъ изъ камыша, замѣнявшаго кошму (войлокъ), не видно было никакого имущества. Мужчины и женщины еле были прикрыты какими-то лохмотьями, а дѣти, даже старше двѣнадцати лѣтъ, ходили голыя. Ни у кого не было ни лошади, ни коровы, ни барана, а только у немногихъ осталось по козѣ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи находились въ 1848 году всѣ киргизы, занимавшіеся земледѣліемъ въ окрестностяхъ Раима.

19-го іюня утромъ, оставивъ транспортъ, я поѣхалъ впередъ въ Раимъ съ султаномъ Гали, который пріѣзжалъ встрѣчать свою жену, слѣдовавшую съ нами отъ Уральскаго укрѣпленія. Мы проѣхали всѣ 25 верстъ легкой рысью, ни разу не перемѣняя аллюра, по киргизски. На первый разъ такая ѣзда была тяжела, но потомъ я къ ней привыкъ и находилъ, что она самая спокойная и для всадника, и для лошади. Только на половинѣ дороги мы остановились на минуту, чтобы выпить по чашкѣ кумыса, который имѣлъ на меня точно такое же дѣйствіе, какъ и киргизская ѣзда. Первая чашка была непріятна, но потомъ я почти пришелъ къ убѣжденію киргизъ, что нѣтъ въ мірѣ напитка лучше кумыса.

Подъѣзжая къ Раиму, мы встрѣтили много солдатъ, шедшихъ небольшими группами встрѣчать своихъ женъ, выписанныхъ Обручевымъ съ мѣстъ ихъ жительства и слѣдовавшихъ съ нашимъ транспортомъ. Одинъ изъ солдатъ спросилъ меня нѣтъ ли въ транспортѣ его жены, съ которою онъ не видался девять лѣтъ. Я былъ смущенъ его вопросомъ, потому что нѣсколько дней тому назадъ она родила на походѣ; но, послѣ минутнаго колебанія, рѣшился сказать ему правду. Почтенный служивый вовсе этому

не огорчился и, какъ разсказывали потомъ, встрѣтилъ жену и ребенка нѣжно и ласково, но когда угостилъ себя съ радости водкою, то побилъ родильницу за невѣрность, а на другой день опять былъ къ ней добръ и нѣженъ.

Раимское укрѣпленіе и передовые посты.

Раимское укрѣпленіе было построено въ видѣ неправильнаго многоугольника, на мысу нагорнаго берега Сыръ-Дарьи, круто возвышающагося саженей на 17 надъ разливами рѣки, которые образуютъ, съ востока и запада отъ мыса, озеро Раимъ и Джалангачъ, а съ юга—протокъ между ними, шириною въ полъ версты и глубиною болѣе сажени. Берега озеръ, протокъ и значительная часть береговой полосы Сыра, имѣющей отъ одной до двухъ верстъ ширины, были въ 1848 году сплошь покрыты густымъ и высокимъ камышемъ. Остальная часть береговой полосы выдѣлялась изъ разливовъ, благодаря замѣчательнымъ по своей простотѣ и цѣлесообразности гидравлическимъ работамъ туземцевъ, по преданію Каракалпаковъ, жившихъ здѣсь еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Желая образовать изъ раимскихъ разливовъ хорошія зимовки и даже мѣста, удобныя для ирригаціоннаго хлѣбопашества, они дали рѣкѣ опредѣленное русло, устроивъ вдоль ея, на протяженіи 20-ти верстъ отъ Тальбугута до Аманъ-уткуля, насыпь въ аршинъ высоты и толщины, а для прекращенія наплыва воды изъ верхнихъ разливовъ насыпали отъ Тальбугута, перпендикулярно къ рѣкѣ, плотину до нагорнаго берега, въ 280 саженъ длины, около сажени ширины и аршина два вышины. Эти двѣ насыпи, уменьшивъ количество воды въ раимскихъ разливахъ, образовали около рѣки полосу сухой земли, удобную для жилья и для хлѣбопашества. Для поддержанія же на ней растительности, туземцы пускали иногда воду въ долину, прорывая для этого береговую насыпь. Водворясь на Раимѣ, русскіе прибавили къ туземнымъ работамъ еще одну. Тотчасъ по основаніи укрѣпленія явилась неотложная необходимость въ устройствѣ удобнаго сообщенія его съ берегомъ рѣки, гдѣ была заведена пристань для судовъ. Съ этою цѣлью гарнизонъ укрѣпленія немедленно приступилъ къ возведенію плотины черезъ протокъ,

соединяющій озеро Раимъ и Джалангачъ. Работы производились въ холодное осеннее время и большею частію въ водѣ, потому усилили болѣзненность и смертность, обычную на новомъ мѣстѣ, при обиліи вновь возводимыхъ построекъ. Плотина, въ версту длины, была готова только къ осени 1848 года, а до этого времени сообщеніе Раима съ пристанью производилось, посредствомъ бударъ и другихъ мелкихъ лодокъ, по расчищенному среди камыша проходу.

Мѣстоположеніе Раима, вдали отъ рѣки и особенно отъ моря, при господствовавшемъ во время его основанія мнѣніи о пассивномъ значеніи укрѣпленія и о непроходимости Сыръ-Дарьи, какъ государственной границы, естественно вызвало занятіе нѣсколькихъ передовыхъ постовъ, именно: *у пристани на Сыръ-Дарьѣ* для обереженія мелкихъ судовъ и шлюпокъ; *на островѣ Косъ-Аралѣ*, прикрывающемъ устье Сыра, для охраненія судовъ, предназначенныхъ къ плаванію по морю; наконецъ, на ближайшихъ въ укрѣпленіи переправахъ чрезъ Сыръ—*Тальбугутѣ и Аманъ-уткулѣ*. На каждомъ изъ этихъ постовъ держалось до 50-ти человѣкъ и устраивались казармы и другія строенія, а также окопы со рвами.

Пребываніе въ Раимѣ.

Въ Раимѣ, въ ожиданіи окончанія сбора шкуны, мнѣ пришлось прожить болѣе мѣсяца. Постройки въ укрѣпленіи, такія же какъ и въ Уральскомъ, далеко еще не были сдѣланы всѣ, и потому я помѣстился среди площади въ кибиткѣ, обращенной дверьми къ полуразрушенной могилѣ батыря Раима, отъ которой получили названіе урочище и самое укрѣпленіе. Могила считалась у киргизъ священною, и потому оставлена Обручевымъ среди укрѣпленія нетронутою; но впослѣдствіи была разрушена, по распоряженію инспектировавшаго въ 1852 году степныя укрѣпленія подполковника Т. Возвратясь въ Оренбургъ и обѣдая на кочевкѣ у корпуснаго командира генерала Перовскаго, Т., среди общей тишины, началъ разговоръ: „А вотъ въ Раимѣ была киргизская могила, такъ я приказалъ ее разрушить“.—„Зачѣмъ“? сухо спросилъ Перовскій.—„Да она безполезна,“ наивно продолжалъ Т.—„А Вы видали полезныя могилы“? еще суше замѣтилъ

Перовскій.—Т. смѣшался и ни слова болѣе не говорилъ о своихъ находчивыхъ распоряженіяхъ. Въ кибиткѣ жилъ со мною Т. Г. Шевченко. По утрамъ онъ рисовалъ съ меня портретъ акварелью, но сходство ему не удалось и потому онъ его не кончилъ. Руки и отчасти платье додѣлалъ потомъ казакъ Чернышевъ, родной братъ извѣстнаго художника, и въ такомъ видѣ портретъ сохранился у меня. Я дорожу имъ, какъ прекрасною картинкою и какъ памятью о Шевченкѣ.

Общество въ Раимѣ было небольшое, но дружное. Въ это время существовалъ еще общій столъ, который спасалъ офицеровъ отъ скуки одиночества и пьянства и давалъ имъ возможность имѣть прекрасный обѣдъ за дешевую цѣну. Конечно, все привозное было страшно дорого и недоступно для бѣдныхъ офицеровъ, но они получали даромъ мясо отъ казны и зелень съ огородовъ около пристани и могли пріобрѣтать дешево рыбу. При мнѣ купили разъ живого осетра въ пудъ вѣсу за 50 копѣекъ. Впрочемъ, такая дешевизна происходила отчасти отъ того, что сыръ-дарьинскіе *байгуши*, бѣдняки киргизы, не понимали еще хорошо значенія денегъ. Разсказывали, что въ первое время по прибытіи на Раимъ солдаты расплачивались съ ними, вмѣсто серебряныхъ денегъ, мундирными пуговицами. Общій столъ продолжался однако не долго и теперь, къ сожалѣнію, не существуетъ ни въ одномъ изъ русскихъ степныхъ поселеній. Послѣ обѣда я часто отправлялся на пристань, гдѣ Бутаковъ съ своими матросами дѣятельно собиралъ шкуну Константинъ. Сдѣлавъ походъ отъ Каспія до Арала, матросы бодро работали съ ранняго утра до поздняго вечера, несмотря ни на палящій зной, ни на миріады комаровъ. Только купанье днемъ и полога ночью спасали ихъ нѣсколько отъ этихъ невзгодъ. Къ пристани часто приходилъ байгушъ киргизъ, оставшійся около Раима, во время прибытія сюда русскихъ, и получившій за это въ потомственную собственность клочекъ земли на берегу Сыра. Бѣдняка звали Джулъ-барсомъ, потому что, для потѣхи русскихъ, онъ забавно представлялъ изъ себя тигра. Гдѣ онъ теперь и осталось ли у него потомство—не знаю.

Поѣздка въ окрестности.

Во время пребыванія въ Раимѣ, мнѣ удалось сдѣлать, вмѣстѣ съ начальникомъ укрѣпленія подполковникомъ Матвѣевымъ и капитаномъ Шульцемъ двѣ поѣздки въ окрестности: первую 27 іюня, въ которой принялъ также участіе генералъ Шрейберъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Раима, въ долину Акъ-герикъ, для осмотра киргизскихъ пашенъ; а вторую 9 іюля на Тальбугутъ и вдоль береговой Сыръ-Дарьинской насыпи, для осмотра такъ называемыхъ сѣнокосовъ укрѣпленія. Впечатлѣнія этихъ поѣздокъ были совершенно различны. Въ долинѣ Акъ-герикъ мы нашли дѣйствительно обширныя поля, покрытыя почти поспѣвавшимъ уже хлѣбомъ, тогда какъ на берегу Сыра—ни одного клочка земли съ чистою луговою травою, безъ примѣси камыша. Около Сыра только мѣстами встрѣчались сухія мѣста съ мелкимъ камышемъ, вмѣстѣ съ кой какою травою, а большею частію намъ пришлось пробираться верхами по водѣ, иногда по брюхо лошади, среди камыша высотою въ два конныхъ всадника. Впрочемъ о хлѣбопашествѣ и сѣнокошеніи на Сырѣ я буду говорить при болѣе обстоятельномъ, вслѣдствіе накопившагося опыта, разсмотрѣніи мѣстныхъ угодій около Раима въ 1851 году.

Извѣстія изъ съемочнаго отряда.

Въ началѣ іюля въ укрѣпленіи получено было извѣстіе отъ подпоручика Яковлева о новой встрѣчѣ съемочнаго отряда съ хивинцами. 3 іюля около переправы Майлибашъ показались въ виду отряда двѣ партіи вооруженныхъ всадниковъ, изъ которыхъ одна, человѣкъ въ 150, устремилась на Яковлева, а другая, человѣкъ въ 100, на отдѣльную съемочную партію топографа Христофорова, состоявшую изъ 20 казаковъ. Яковлевъ, выдержавъ первую атаку хивинцевъ, самъ понесся впередъ и, прогнавъ ихъ за Сыръ-Дарью, поскакалъ выручать Христофорова, котораго непріятель уже тѣснилъ, но, увидя приближеніе къ нему помощи, отступилъ. Встрѣча съ хивинцами не имѣла никакихъ непріятныхъ послѣдствій. Гораздо серьезнѣе бѣло бѣдствіе, вскорѣ постигшее съемочный отрядъ. Съ 11 числа въ немъ открылась си-

бирская язва, и въ нѣсколько дней положила болѣе половины всего числа лошадей, такъ что казаки должны были возвращаться на линію пѣшіе, неся на себѣ все свое имущество, даже сѣдла.

Начало метеорологическихъ наблюденій въ Раимѣ.

11 іюля прибыли въ Раимъ кантонисты, назначенные для производства метеорологическихъ наблюденій. Наливка барометровъ, установка инструментовъ и открытіе наблюденій были поручены мнѣ. Съ этою цѣлью еще до отъѣзда въ степь я познакомился съ инструментами и ихъ употребленіемъ, подъ руководствомъ дерптскаго ученаго Нешеля, занимавшагося въ Оренбургѣ сверленіемъ артезіанскаго колодца. Въ 1847 году Нешель совершилъ, вмѣстѣ съ корпуснымъ командиромъ, путешествіе въ степь и весьма оригинальнымъ образомъ. Въ Орскѣ онъ въ первый разъ въ жизни сѣлъ верхомъ на лошадь, да еще степную, и упалъ съ нея. Тогда, не рѣшаясь сѣсть вторично, онъ прошелъ пѣшкомъ до Раима и обратно, то есть 1.500 верстъ, и конечно не взлюбилъ степь, а о Раимѣ сложилъ даже четверостишіе:

Раимъ стоитъ на высокой го́рѣ,
Недалеко отъ Аральскаго моря;
Кто на этой го́рѣ не бывалъ,
Тотъ въ свѣтѣ горя не видалъ.

Нешель былъ весьма ученый и симпатичный человѣкъ, но сильно каверкалъ русскій языкъ и никакъ не могъ различить словъ: жесть, честь, шерсть, шесть, шестъ и проч.

По наливкѣ барометровъ и установкѣ инструментовъ, постоянныя метеорологическія наблюденія въ Раимѣ были начаты, подъ руководствомъ медиковъ укрѣпленія, но потомъ, не извѣстно по какой причинѣ, прекратились и вновь начаты въ Казалѣ только съ конца 1862 года.

Замѣтка о Стодартѣ и Коѳоли.

17 іюля явился въ Раимъ приказчикъ купца Баранова, торговавшій въ Бухарѣ, съ извѣстіемъ, что бухарскій караванъ въ 3.000 верблюдовъ, идущій въ Оренбургъ, а также и посланникъ со слономъ, назначеннымъ въ подарокъ государю отъ хана, при-

были къ Майлибашу и просятъ изъ укрѣпленія содѣйствія для переправы черезъ Сыръ-Дарью. Начальникъ укрѣпленія съ небольшою свитою и конвоемъ отправились къ переправѣ и пробыли тамъ нѣсколько дней. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія, потому что приказчикъ обѣщалъ Бутакову прислать съ нимъ пріобрѣтенную имъ на бухарскомъ базарѣ книгу, оставшуюся послѣ погибшихъ въ 1844 году въ Бухарѣ Стодартѣ и Конали. Ожидаемая книга оказалась сборникомъ описаній и рисунковъ мундировъ французскихъ войскъ временъ Имперіи. Трудно опредѣлить къ чему была нужна такая книга англійскимъ путешественникамъ по Средней Азіи? Подпоручикъ Яковлевъ, бывшій свидѣтелемъ въ Бухарѣ ихъ ареста, разсказалъ мнѣ объ этихъ путешественникахъ слѣдующее: „Въ 1841 году, когда отправлялись наши миссіи,—генеральнаго штаба капитана Никифорова въ Хиву и маіора Бутенева въ Бухару, капитанъ Коноли былъ въ Хивѣ, а полковникъ Стодартъ въ Бухарѣ, оба въ качествѣ частныхъ путешественниковъ. Изъ Хивы Коноли пробрался въ Ташкентъ и Коканъ, откуда, по настоянію хана, ушелъ въ Бухару со свитою, человѣкъ въ тридцать индѣйцевъ, среди которыхъ были, какъ говорятъ, два англичанина. По прибытіи въ Бухару Бутенева, Коноли жилъ при немъ, а Стодартъ за городомъ, куда перебрался потомъ Коноли, и вскорѣ оба переселились въ городъ. Бутеневъ сдѣлалъ имъ визитъ, но не засталъ ихъ дома, на другой день они отвѣтили ему визитомъ, а на третій ихъ посадили въ тюрьму за какія-то бумаги. Вскорѣ находившихся при нихъ людей вывели на базаръ, одѣли и отпустили на родину, а вещи Стодарта и Коноли продали, бумаги же и карты сожгли. Бутеневъ запретилъ своей свитѣ и конвою покупать что либо изъ вещей англійскихъ путешественниковъ“.

Спускъ шкуны Константинъ.

19 іюля шкуна Константинъ была готова и въ присутствіи чиновъ укрѣпленія, собравшихся къ пристани, спущена на воду. День былъ нестерпимо жаркій. Въ ожиданіи молебствія, я отправился купаться, но не на свое обычное мѣсто. Долго я плавалъ то по теченію, то противъ, наконецъ усталъ, приплылъ къ

стоящей около берега бударѣ и придержался за нее. Отдохнувъ немного, я легъ на спину и, оттолкнувшись отъ будары ногами, почувствовалъ, что я подъ водою, началъ барахтаться и никакъ не могъ выплыть на верхъ. Моментъ инстинктивныхъ усилій вынырнуть прошелъ и далъ мѣсто сознанію въ ихъ безполезности и въ необходимости покончить свои дни въ глубинѣ Сыръ-Дарьи; я успокоился физически и нравственно,—и вдругъ почувствовалъ прикосновеніе воздуха, открылъ глаза и вижу, что плыву на спинѣ далеко отъ берега широкой и быстрой Дарьи. Тогда, собравшись съ послѣдними силами, я направился къ берегу и доплылъ до него, только гораздо ниже будары. Нѣсколько часовъ потомъ я чувствовалъ сильное біеніе сердца.

Извѣстія изъ Оренбурга о холерѣ.

24 іюля были получены печальныя извѣстія изъ Оренбурга. Въ городѣ свирѣпствовала опустошительная холера, похитившая, въ теченіе десяти дней, болѣе четверти всего народонаселенія, то есть 3.000 человѣкъ изъ 11.000 умерли. Всѣ письма были наполнены длинными списками умершихъ. Перечитываніе списковъ производило на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе; но вскорѣ оно уступило мѣсто инымъ чувствамъ и мыслямъ. На другой день мы прерывали всякую связь, не только съ Оренбургомъ, но и съ Раимомъ, и отправлялись въ неизвѣданное еще никѣмъ море, гдѣ, Богъ вѣсть, что еще насъ ожидало.

III.

Плаваніе по Аральскому морю.

Описная экспедиція.

Основывая укрѣпленіе на Сыръ-Дарьѣ, въ 60 верстахъ отъ ея устья, генералъ Обручевъ обратилъ вниманіе и на Аральское море. Море это—одно изъ самыхъ малыхъ на всемъ земномъ шарѣ, такъ что многіе географы называютъ его даже озеромъ, а между тѣмъ оно основательно не было извѣстно и служило пред-

метомъ многихъ гипотезъ. Желая пополнить этотъ пробѣлъ въ географической наукѣ, Обручевъ озаботился принятіемъ мѣръ для пріобрѣтенія о немъ положительныхъ свѣденій. Вмѣстѣ съ этимъ, въ видахъ извлеченія изъ моря возможныхъ выгодъ, ему удалось составить компанію рыбнаго промысла на немъ, въ которой приняли участіе главнымъ образомъ П. В. Голубковъ и другіе московскіе капиталисты. По распоряженію Обручева, въ началѣ 1847 года въ Оренбургѣ были построены два двухъ-мачтовыя судна: одно военное *Николай*, а другое частное *Михаилъ*. Первое назначалось исключительно для изслѣдованія моря, а второе для заведенія на немъ компанейскаго рыболовства. Оба судна были потомъ разобраны и весною перевезены на подводахъ за тысячу верстъ на Раимъ, гдѣ они снова были собраны и спущены на воду. Шкуна Николай тотчасъ-же выступила въ море, подъ командою бывшаго моряка, поручика Мертваго; но первое плаваніе ея, по позднему времени, ограничилось только окрестностями устьевъ Сыра. Весною 1848 года шкуна снова выступила въ море и обозрѣла сѣверный его берегъ. Между тѣмъ въ Оренбургѣ было построено другое военное судно, *Константинъ*, нѣсколько больше перваго, которое такимъ же образомъ было доставлено на Раимъ: на немъ лейтенантъ Бутаковъ долженъ былъ въ томъ-же году начать систематическую опись Аральскаго моря.

Выступленіе экспедиціи изъ Раима.

Шкуна Константинъ, имѣя длины отъ руля до носа 53 фута, сидѣла въ водѣ, безъ баласта—носомъ 3 фута 7 дюймовъ и кормою 3 фута 9 дюймовъ, а съ баластомъ носомъ 3 фута 6 дюймовъ и кормою 5 футовъ 5 дюймовъ; но такъ какъ глубина фарватера Сыръ-Дарьи между отмелями не всегда превышаетъ даже 3 фута, то, для провода шкуны въ море, оказалось необходимымъ всѣ тяжести описной экспедиціи нагрузить на шкуну Николай. 25 іюля, когда всѣ приготовленія экспедиціи были окончены, священникъ отслужилъ напутственный молебенъ, мы размѣстились на шкунахъ и въ 8 часовъ вечера, послѣ теплыхъ прощаній, пустились въ путь, отсалютовавъ укрѣпленіе семью выстрѣ-

лами. Съ берега кричали ура! бросали шапки вверхъ, и посылали намъ попутныя привѣтствія, пока не стемнѣло и шкуны не скрылись за изгибомъ рѣки. Ночь была чудесная, но миріады комаровъ, не отступно преслѣдуя насъ до самаго утра, не давали никакой возможности успокоиться ни на минуту.

Сыръ-Дарья отъ Раима до Косъ-Арала.

Сыръ Дарья течетъ въ глубокомъ и крутоберегомъ корытѣ, такъ что, въ разстояніи сажени и много двухъ отъ берега, вода покрываетъ уже ростъ человѣка, а далѣе глубина достигаетъ мѣстами до пяти саженей. Тѣмъ не менѣе берега рѣки ниже Раима, и острова, которыми она богата, низменны и почти сплошь покрыты камышемъ, заливаемымъ, особенно въ половодіе, водою. Поэтому Сыръ-Дарья отъ Раима до устья представляетъ только двѣ удобныя переправы, *Аманъ-уткуль*, 14 верстами ниже раимской пристани, и *Ханъ-уткуль*—9 верстами ниже Аманъ-уткуля. Обиліе камышей не даетъ удобствъ для лѣтняго пребыванія киргизъ, около береговъ Сыра, но за то зимою привлекаетъ къ нимъ множество ауловъ. Непосредственно защищая отъ холода и вѣтровъ, камышъ служитъ кромѣ того топливомъ и кормомъ для скота, а также и матеріаломъ для плотовъ или *салъ*, на которыхъ киргизы ловятъ рыбу, преимущественно сазановъ, и переправляются черезъ рѣку. При устьяхъ Сыра, верстъ на 15, образуются отмели, между которыми фарватеръ весьма мелокъ, узокъ, извилистъ и подверженъ частымъ измѣненіямъ. По позднѣйшимъ наблюденіямъ Бутакова, зимою, когда ледъ лежитъ во многихъ мѣстахъ на самомъ днѣ, теченіе воды продираетъ себѣ подъ нимъ путь и промываетъ, такимъ образомъ, къ веснѣ фарватера въ $3^1/_2$ и 4 фута; но къ осени они заносятся опять до 2 и $2^1/_2$ футовъ. Обмеленіе устьевъ происходитъ, конечно, отъ осажденія песку и илу изъ переполненной ими мутной рѣчной воды, при встрѣчѣ ея съ морскою водою. Процессъ образованія мелей и острововъ на Сыръ-Дарьѣ совершается такъ быстро, что прибрежнымъ жителямъ легко за нимъ наблюдать. Если, напримѣръ, сала оторвется отъ берега, и отплывъ на середину, остановится на довольно мелкомъ мѣстѣ, то можно сказать навѣрное

что въ скоромъ времени тутъ образуется островъ. Служа преградою для свободнаго теченія воды, салъ останавливаетъ несущіяся съ водою частицы песку и илу, которыя накопляясь образуютъ мало по малу мель, а потомъ и низменный островокъ.

Плаваніе наше по Сыръ-Дарьѣ было сопряжено съ большими затрудненіями: шкуны то припирались къ берегамъ, то устремлялись изъ главнаго русла въ боковые *пророны* или рукава, то становились на мель, такъ что, несмотря на быстроту теченія рѣки, мы прибыли къ Косъ-Аралу только черезъ двое сутокъ.

Фортъ и ватага на Косъ-Аралѣ.

Косъ-Аралъ, по русски *прибавляющійся островъ*, прикрываетъ Сыръ-Дарью съ моря и огибается съ двухъ сторонъ устьями этой рѣки, изъ которыхъ южное совершенно обмелѣло и заросло камышемъ и кугою. Главное-же русло сѣвернаго устья находится между Косъ-Аральскою косою и ближайшими къ ней островами; фарватеръ идетъ здѣсь у самаго берега косы. На концѣ ея помѣстилась въ 1847 году рыболовная ватага; но вскорѣ, вслѣдствіе *моряны*, вѣтра съ моря, коса залилась и это заставило рыболововъ перенести ватагу на другое мѣсто, находящееся верстахъ въ пяти отъ устья. Для прикрытія ватаги и морскихъ судовъ, около нея былъ устроенъ фортъ съ гарнизономъ въ 50 или 60 человѣкъ изъ числа раимскихъ солдатъ, по большей части больныхъ, которымъ было полезно морское купанье. Обѣ шкуны прошли мимо ватаги и форта къ выходу въ море, гдѣ моряки и занялись перегрузкою тяжестей съ Николая на Константинъ, продолжавшейся двое сутокъ.

Среди безконечныхъ мелей, по которымъ тащились въ буквальномъ смыслѣ этого слова наши шкуны, увидалъ я казака, ловящаго рыбу, сѣлъ къ нему въ будару и отправился къ форту. На берегу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ мы пристали, спокойно гуляло стадо сѣрыхъ гусей. Я спросилъ своего спутника что это за гуси? И онъ совершенно неумышленно отвѣтилъ остротою: „были они вольные, да крылья подрѣзали, такъ и обрусѣли“. Природа Косъ-Арала не привлекательна. Кромѣ песку и камыша ничего нѣтъ. Я замѣтилъ впрочемъ особый видъ ка-

мыша, который стелется по землѣ, имѣетъ до пяти саженъ длины и своими отростками въ колѣнахъ прикрѣпляется къ почвѣ. Устройство форта поразило меня своею оригинальностью. Гарнизонный инженеръ, разбивавшій его, расчитавъ линію огня по числу гарнизона, придалъ форту фигуру треугольника, котораго каждый бокъ имѣлъ 20 саженъ длины; тѣмъ не менѣе почти всѣ постройки онъ помѣстилъ внутри форта. Брустверъ былъ сдѣланъ изъ мѣстнаго матеріала, то есть изъ сыпучаго песку, и обшитъ камышемъ. Казармы и всѣ службы были построены также изъ камыша и небольшого количества сѣраго кирпича, привезеннаго, кажется, изъ Раима. Изъ этого можно судить о прочности построекъ и объ удобствѣ жизни въ нихъ; впрочемъ, благодаря морскимъ купаньямъ, цынготные здѣсь скоро поправлялись. Рыболовная ватага обстроена была не лучше форта. Ватага состояла изъ 20 работниковъ, считая въ томъ числѣ приказчиковъ и кормщиковъ, и при нихъ находилось, кромѣ шкуны Михаилъ, нѣсколько кочевыхъ лодокъ, на которыхъ отважные рыбаки пускались даже въ открытое море. Главный предметъ рыболовства составляли осетры, но попадались также сомы, замѣчательные по своей величинѣ. Икра, клей и соленая рыба доставлялись въ Оренбургъ на волахъ.

Косъ-Аральскіе рыбаки.

Косъ-Аральскіе рыбаки, прибывшіе сюда изъ приволжскихъ губерній, не унывали въ непріютной чужой и дальней сторонѣ и если забиралась иногда къ нимъ на душу тоска, то запивали ее чарою зеленаго вина. Одинъ работникъ разсказывалъ, что разъ онъ пропилъ въ вечеръ сорокъ рублей ассигнаціями; впрочемъ, это произошло отъ того, что ему пришлось платить за сивуху едва-ли не дороже, чѣмъ въ трактирахъ платятъ за донское или мадеру. При отсутствіи казенной и вольной продажи спиртныхъ напитковъ, рыбаки давали солдатамъ, получавшимъ казенную порцію, по четвертаку, а иногда и по полтиннику, за чарку сильно разведеннаго вина. Отдавая дань бахусу, рыбаки не забывали и прекраснаго пола, если можно назвать этимъ именемъ весьма некрасивыхъ и не отличавшихся большою нрав-

ственностію нищихъ киргизокъ. Рыбаки одѣвали ихъ въ замысловатыя платья, сшитыя, напримѣръ, изъ разноцвѣтныхъ и разноузорныхъ платковъ, взятыхъ, разумѣется, у старшаго приказчика въ счетъ жалованья. Забирая постоянно въ долгъ и платя за все при расчетѣ въ тридорога, они конечно не могли потомъ вернуться на родину и оставались на Косъ-Аралѣ, пока не рушилась компанія и не прекратилось рыболовство на Аральскомъ морѣ. Одинъ изъ приказчиковъ компаніи, Николай Васильевичъ Захряпинъ, человѣкъ весьма умный, наблюдательный, отлично знавшій по татарски и чрезвычайно краснорѣчивый, но по временамъ сильно запивавшій, разсказывалъ мнѣ много курьезнаго о рыбакахъ. Приведу два разсказа Захряпина.

„Разъ, несмотря на строжайшее запрещеніе приближаться къ южному хивинскому берегу Аральскаго моря, мы забрались въ одно изъ устьевъ Аму-Дарьи и вышли на берегъ. Вскорѣ мы увидали за камышемъ человѣка, должно быть каракалпака, спокойно накачивавшаго воду на свою пашню. Въ это время одинъ изъ моихъ спутниковъ прицѣлился въ него и хотѣлъ уже выстрѣлить, но я вырвалъ у него ружье, сказавъ: „что ты дѣлаешь?“— А что, Николай Васильевичъ, вѣдь онъ татаринъ, такъ отчего же его не подстрѣлить“.

Въ другой разъ мы вышли въ море не надолго и разумѣется въ первые же дни рыбаки выпили всю водку и съѣли крупитчатые калачи, такъ что остались на однихъ черныхъ сухаряхъ, а вѣтеръ, между тѣмъ, не пускалъ насъ назадъ въ Дарью. Сижу я на одномъ концѣ палубы, а на другомъ собрались въ кучку рыбаки и слышу толкуютъ обо мнѣ.—А что, братцы, говоритъ одинъ, вотъ ужъ нѣсколько дней у насъ нѣтъ ни вина, ни калачей, плохо! — Ну, коли нѣтъ провіанту, кто же виноватъ? замѣчаетъ другой.—Извѣстно кто—начальникъ.—А виноватъ начальникъ, такъ надо его наказать, чтобы другимъ не было повадно.— И то надо, только какъ же его наказать?—Да какъ, камень на шею и въ воду. Я сижу ни живъ, ни мертвъ, зная, что у этихъ людей отъ приговора до дѣла недалеко. Вижу, подходятъ ко мнѣ.—А вотъ, Николай Васильевичъ, мы къ тебѣ. Самъ знаешь окромя сухарей, у насъ нѣтъ никакого провіанту, ни водки, ни

калачей. Ты начальникъ и не заботишься о нашемъ продовольствіи. Вотъ мы и порѣшили тебя наказать, то есть камень на шею, да и въ воду. Такъ ужъ ты, Николай Васильевичъ, помолись Богу и приготовься къ концу.—Я собрался съ духомъ и началъ имъ говорить: Братцы! коли я вправду виноватъ, то казните меня, на то ваша воля. Только разберите сначала толкомъ, точно ли я виноватъ, чтобы потомъ не было у васъ на совѣсти, что погубили ни за что, ни про что, человѣческую душу. Вспомните, братцы, что я взялъ изъ дому всего довольно; калачей и водки хватило бы съ умѣренностью безъ малаго на двѣ недѣли, а вы все съѣли и выпили въ нѣсколько дней. Я бы не прочь вернуться въ Дарью за новой провизіей, да, видите сами, вѣтеръ не пущаетъ. На то Божья воля, а не моя вина. Судите, братцы, и рѣшайте, какъ Богъ положитъ вамъ на душу.—Едва я кончилъ свою рѣчь, какъ одинъ изъ рыбаковъ сказалъ: а что, братцы, вѣдь Николай-то Васильевичъ, пожалуй, и не виноватъ? — Да и то не виноватъ, отвѣчалъ другой.—Значитъ ужъ надо оставить его въ покоѣ?—Извѣстно надо, что же намъ трогать невиннаго человѣка. — И толпа вернулась на свое мѣсто.“ Впослѣдствіи я имѣлъ случай лично убѣдиться въ обаятельномъ краснорѣчіи Захряпина, когда онъ держалъ рѣчь толпѣ недовольныхъ имъ киргизъ.

Составъ и обстановка описной экспедиціи.

30-го іюля шкуна Константинъ вышла въ море для описи. На шкунѣ находилось 27 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 офицера; но въ маленькой офицерской каютѣ помѣщалось 7 человѣкъ: начальникъ описной экспедиціи Алексѣй Ивановичъ Бутаковъ, я, корпуса штурмановъ прапорщикъ Ксенофонтъ Егоровичъ Поспѣловъ, корпуса топографовъ прапорщикъ Артемій Акимовичъ Акишевъ, рядовые Шевченко и Вернеръ, и фельдшеръ Истоминъ. Послѣдній, за неимѣніемъ больныхъ во все время экспедиціи, завѣдывалъ хозяйствомъ на шкунѣ и записывалъ показанія лота и лока, а во время стоянки на якорѣ охотился на берегу. Каюта наша была такъ тѣсна, что въ ней не было возможности ни стоять, ни сидѣть; поэтому днемъ всѣ были большею частію на палубѣ, а я оставался на ней и ночью. При неудобствѣ помѣ-

щенія, мы терпѣли большой недостатокъ въ пищѣ и даже иногда въ водѣ. Понятно, что, отправляясь въ экспедицію не изъ европейскаго порта, а изъ небольшой крѣпостцы, только что возникшей въ отдаленной и пустынной сторонѣ, мы не могли запастись ничѣмъ и должны были довольствоваться тою почти совершенно испортившеюся провизіею, которая была приготовлена въ Оренбургѣ задолго до экспедиціи, хранилась, вѣроятно, въ сыромъ мѣстѣ и потомъ провезена, во время сильной жары, болѣе тысячи верстъ. Черные сухари обратились въ зеленые отъ плесени, въ солонинѣ завелись черви, а масло было такъ солоно, что съ нимъ невозможно было есть каши; только горохъ, конечно безъ всякой приправы, не измѣнялъ намъ, но его давали всего два раза въ недѣлю, по середамъ и по пятницамъ. Бутаковъ вывѣшивалъ иногда на ванту кусокъ солонины и когда пили рынду, закусывалъ имъ, предварительно снявъ съ него ножемъ бѣлый слой червей и посыпавъ перцемъ тѣхъ, которые уже забрались въ поры мяса; но, мнѣ кажется, онъ это дѣлалъ, не ради гастрономической причуды или даже голода, а единственно для ободренія команды. По крайней мѣрѣ, я не могъ слѣдовать его примѣру и во всѣ негороховые дни питался исключительно остатками своей провизіи, то есть чаемъ съ сухарями или лепешками и рисомъ. Убогая наша трапеза принимала праздничный видъ, когда кому-нибудь удавалось застрѣлить на берегу птицу другую, или выудить около шкуны нѣсколько маленькихъ рыбокъ вродѣ сельдей, но это случалось рѣдко и только раздражало нашъ апетитъ. Разъ Истоминъ убилъ съ десятокъ бекасовъ и морскую ворону или баклана (pelecanus carbo), птицу, считающуюся не съѣдобною, и всѣ принялись за нее, съ презрѣніемъ отнесясь къ бекасамъ, слишкомъ уже миніатюрнымъ для нашихъ тощихъ желудковъ. Вода по временамъ была также дурна, какъ и пища. Хотя въ двухъ желѣзныхъ ящикахъ вмѣщалось до 150-ти ведеръ и хотя рѣчная вода вообще всегда мутная, но скоро отстаивающаяся и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, сохранялась въ нихъ долго; но мы запасались ею только два раза, въ устьяхъ Сыра и Аму-Дарьи, и затѣмъ наливались водою изъ кудуковъ, которая на другой же день начинала портиться и дѣлаться негодною

для употребленія. Однажды колодезная вода такъ испортилась, что мы принуждены были ее вылить, не замѣнивъ свѣжею, и сутокъ двое или трое употребляли въ пищу морскую воду. Бѣлье же мыли постоянно въ морской водѣ и хотя перемѣняли его часто, до двухъ разъ въ день, но во всю экспедицію не могли избавиться отъ насѣкомыхъ. При этой некомфортабельной обстановкѣ, единственными развлеченіями нашими въ свободное отъ занятій время служили: чтеніе, хватившее только на начало кампаніи, шахматы, купанье въ глубинѣ моря около шкуны, разумѣется въ штиль, а главное—высадки на берегъ; но послѣднія не всегда были безопасны. Изъ гребныхъ судовъ мы имѣли только двухвесельную шлюпку и будару—или длинный челнъ. Шлюпка, привезенная въ жару изъ Оренбурга, растрескалась и сильно текла, пробовали заливать ее варомъ, но мало помогало, а на бударѣ нельзя было и подумать пуститься въ море, когда оно волновалось, между тѣмъ море измѣнчиво и за штилемъ скоро наступало сильное волненіе. Помню я двѣ—три поѣздки, когда волны перекидывались уже за борты шлюпки или будары и когда всѣ блѣдные, какъ смерть, молча гребли или отливали шапками воду; но море насъ щадило, мы возвращались благополучно и при первомъ случаѣ снова ввѣрялись непостоянной стихіи. Да, можно привыкнуть къ опасностямъ, можно даже полюбить ихъ, когда побужденіемъ къ преодолѣнію ихъ является такая сила, какъ любопытство увидѣть новый, неизвѣданный еще никѣмъ, уголокъ земли. Каждый изъ насъ съ любовью и энергіею занимался своимъ дѣломъ, ставя на второй планъ лишенія и опасности, съ которыми оно было сопряжено. Результаты работъ описной экспедиціи давно уже сдѣлались достояніемъ географической науки, но оставалась одна работа, почти никому неизвѣстная, а между тѣмъ заслуживающая вниманія. Говорю о прекрасномъ акварельномъ альбомѣ видовъ Аральскаго моря, Т. Г. Шевченко. По особымъ обстоятельствамъ, альбомъ не былъ допущенъ до представленія, вмѣстѣ съ другими описными работами, и подаренъ самимъ художникомъ Карлу Ивановичу Герну, пріютившему его въ Оренбургѣ, у себя въ домѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обратился къ семейству покойнаго Карла Иваныча съ просьбою

отыскать альбомъ и позволить его издать, но, не смотря на сочувственныя отношенія къ моей просьбѣ, ни одинъ изъ видовъ Аральскаго моря Шевченки до сихъ поръ еще не отыскался.

Сѣверные берега моря: островъ Кугъ-Аралъ и полуострова Кара-тюбе и Куланды.

Выйдя изъ устьевъ Сыра 30-го іюля, шкуна направилась на западъ къ *Кугъ-Аралу*. Вѣтеръ намъ не благопріятствовалъ и зыбь была сильная. Бутаковъ сердился на море, называя его расплескавшимся стаканомъ воды, и думалъ уже вернуться въ Дарью. Ночью шкуну сорвало съ якоря, но мы успѣли удержаться на мѣстѣ. Я жестоко страдалъ морскою болѣзнью и во все время кампаніи не могъ вполнѣ освоиться съ качкою. Островъ Кугъ-Аралъ находится всего верстахъ въ тридцати отъ устья Сыра, но шкуна шла это пространство двое сутокъ и бросила якорь за *Южнымъ мысомъ* въ часъ пополудни 1-го августа. Выйдя на берегъ, мы взобрались на примыкавшіе къ нему обрывистые глинистые утесы, которые возвышались саженей на 25 надъ поверхностью моря, и съ вершины ихъ могли видѣть весь островъ, имѣющій видъ солонцеватой степи, и ближайшіе къ нему берега *морей Малаго* (кичкине-денгисъ) къ сѣверу отъ Кугъ-Арала и *Большого* (улу-денгисъ) къ югу отъ него. Незадолго до насъ, Кугъ-Аралъ былъ театромъ печальнаго происшествія, о которомъ разсказывалъ намъ Захряпинъ. Въ январѣ 1848 года сюда перекочевало по льду нѣсколько ауловъ съ Косъ-Арала, гдѣ, по большому скопленію киргизъ съ ихъ стадами, чувствовался недостатокъ въ подножномъ кормѣ и топливѣ. Откочевавшіе киргизы расчитывали весною вернуться назадъ, но дождь и происшедшая отъ того гололедица представляли затрудненія для перегона скота и особенно верблюдовъ. Поэтому, только часть киргизъ возвратилась назадъ, и то съ большими потерями, а прочіе, въ числѣ 46-ти душъ обоего пола, остались на Кугъ-Аралѣ; но вскорѣ, для перемѣны подножнаго корма, перекочевали на *островъ Бюгаргунды*. Здѣсь, въ началѣ іюля, толпа Усть-уртскихъ киргизъ (Чиклинскаго рода, Карабашевскаго отдѣленія) напалана нихъ и, угнавъ весь скотъ (500 барановъ, 85 штукъ рогатаго скота, 20 верблюдовъ

и 16 лошадей), лишило ихъ, не только всего имущества, но и средствъ къ дальнѣйшему существованію. Боясь вторичнаго нападенія, киргизы перекочевали на солахъ на островъ *Киндерли*. Въ продолженіе почти трехъ недѣль они питались оставшимися при нихъ двумя или тремя баранами, но этотъ скудный запасъ уже приходилъ къ концу и ихъ ожидала голодная смерть, когда, 24-го числа, показалось въ виду рыболовное судно Михаилъ, возвращавшееся изъ залива Перовскаго въ Сыръ-Дарью. Рыбаки, увидавъ подаваемые имъ съ острова сигналы, придержались къ нему, стали на якорѣ и, узнавъ о положеніи знакомыхъ имъ киргизъ, взяли ихъ на шкуну и перевезли на Косъ-Аралъ, гдѣ и высадили 27-го іюля.

2-го августа, шкуна Константинъ, благодаря попутному вѣтру и спокойствію моря, прошла съ 3-хъ до 11-ти часовъ по полудни до мыса Кара-тюбе, за которымъ и стала на якорѣ. На другой день мы вышли на берегъ. Прибрежье было усѣяно окаменѣлыми раковинами различныхъ породъ, въ отдѣльныхъ экземплярахъ и въ конгломератахъ, иногда весьма значительной величины, изъ которыхъ можно было бы выдѣлывать вазы, столы и другія вещи. Мысъ Кара-тюбе еще выше и утесистѣе, чѣмъ южный на Кугъ-Аралѣ. Я взбирался на Кара-тюбе съ большими усиліями и рискомъ и былъ уже саженяхъ въ двухъ отъ вершины, какъ увидѣлъ, что болѣе лѣзть нельзя и принужденъ былъ спуститься внизъ, для отысканія другаго входа. Съ высоты Кара-тюбе видны, съ одной стороны, тоже голая солонцеватая степь, а съ другой часть моря, окаймленная берегами Кугъ-Арала, Куланды и Барса-Кильмаса.

4-го августа, съ 8-ми часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, шкуна шла къ полуострову *Куланды*, получившему названіе отъ слова *куланъ* или дикая лошадь, и стала на якорь за юго-восточнымъ его мысомъ. Берегъ передъ нами былъ низменный, но онъ возвышался вправо отъ шкуны мысомъ, а влѣво известковыми высотами, замѣтными съ моря съ дальняго разстоянія. Утромъ, когда мы отправились на берегъ, отмель не допустила къ нему шлюпку ближе, чѣмъ на полверсты, и мы принуждены были пройти это пространство пѣшкомъ по водѣ. Выйдя на пес-

чаный берегъ, усыпанный, впрочемъ, каменьями, мы увидали саранчу, которая облаками налетѣла на камышъ и въ короткое время обгладала его такъ, что остались одни только стебли. За камышами и кустарниками подымался сажени на три надъ уровнемъ моря нагорный берегъ съ каменистою солонцеватою почвою и весьма скудною растительностію. Повернувъ направо, мы пошли къ мысу. Вдоль берега были разбросаны куски каменнаго угля, вѣроятно вымытыя моремъ. Самый большой изъ нихъ имѣлъ болѣе фута въ длину и ширину и до 5-ти дюймовъ въ толщину и находился подъ водою у самаго берега. Находка эта сильно порадовала Бутакова, мечтавшаго о пароходствѣ на Аральскомъ морѣ, и онъ принялся отыскивать пласты угля. Слѣдуя далѣе, я нашелъ весьма интересный бугоръ, довольно значительной высоты, образовавшійся весь изъ осадковъ окаменѣлыхъ раковинъ, но среди ихъ попадались также и куски окаменѣлаго дерева. Всѣ собранныя мною окаменѣлости и штуфы съ береговъ Аральскаго моря я передалъ потомъ Нешелю, который, разобравъ ихъ, препроводилъ, если не ошибаюсь, въ музей Горнаго Института. Въ полуверстѣ за бугромъ возвышался другой, отъ котораго начинался низменный перешеекъ, длиною съ полверсты и шириною мѣстами не болѣе двухъ саженей, соединяющій полуостровъ Куланды съ мысомъ Изень-Аралъ и повидимому все болѣе и болѣе заливаемый водою. Такимъ образомъ Изень-Аралъ имѣетъ видъ острова, въ 170 саженъ длины, около 80 саженъ ширины и отъ 6 до 7 саженъ высоты надъ водою. Южная сторона мыса, выставленная дѣйствію волнъ, обнаруживаетъ постепенно подмываемую и разрушающуюся известковую скалу, въ которой образовалось десятка съ полтора небольшихъ ущелій, окруженныхъ обрывистыми иногда навѣсно склоняющимися контрфорсами. Восточная оконечность мыса состоитъ изъ перпендикулярной стѣны, у подошвы которой лежатъ нѣсколько большихъ и весьма много малыхъ обломковъ утеса. Сѣверная сторона не такъ обрывиста и представляетъ даже возможность для всхода. Вообще весь мысъ окруженъ, болѣе чѣмъ на версту, множествомъ различной величины подводныхъ камней. Вечеромъ мы всѣ собрались къ отмели и, мѣняясь другъ съ другомъ дневными наблюденіями, добрались до шкуны.

Островъ Барса-Кильмасъ.

6-го августа въ два часа пополудни шкуна направилась къ острову *Барса-Кильмасъ*, отстоящему отъ Изенъ-Арала верстахъ въ 30; а на другой день въ 6 часовъ утра стала на якорь у западнаго его берега. 8-го числа я и Акишевъ съ 8 матросами, взявъ съ собою провіанта на недѣлю, высадились, для осмотра острова и производства на немъ полуинструментальной съемки, въ масштабѣ 2-хъ верстъ въ дюймѣ, и устроили свое временное жилье изъ парусины. Между тѣмъ шкуна, налившись водою изъ кудуковъ, подъ утро слѣдующаго дня снялась съ якоря, и пользуясь попутнымъ вѣтромъ, направилась снова къ полуострову Куланды, для продолженія розысковъ каменнаго угля. Вскорѣ послѣ ухода шкуны задулъ крѣпкій порывистый вѣтеръ и море забушевало страшно и повидимому надолго. Трое сутокъ продолжалась буря, постепенно однако ослабѣвая, и только 11-го августа вѣтеръ сталъ совсѣмъ стихать и море начало успокаиваться. Поздно вечеромъ того же числа, когда уже стемнѣло, Акишевъ и большинство матросовъ вернулись со съемки, сдѣлавъ въ теченіе дня, вѣроятно, не менѣе пятидесяти верстъ, такъ какъ островъ растягивается отъ запада къ востоку слишкомъ на 20 верстъ. Всѣ они были до крайности утомлены и мрачны. За чаемъ почтенный мой товарищъ убѣдительно просилъ меня пить въ прикуску, чтобы поберечь сахаръ, потому что шкуна, можетъ быть не вернется. Но что въ такомъ случаѣ значило бы нѣсколько лишнихъ кусковъ сахару?.. Изъ группы матросовъ, молча поѣдавшихъ выброшеннаго моремъ мертваго осетра и потомъ сваренаго, послышалась только разъ начатая рѣчь: „шкуна навѣрное погибла въ бурю и намъ придется, братцы, помереть голодною смертью“, но на нее не послѣдовало никакого отвѣта. Я удалился изъ ставки къ берегу моря и сталъ обдумывать вопросъ: слѣдуетъ ли расчитывать навѣрное на возвращеніе шкуны и ничего не предпринимать, или взять во вниманіе возможность несчастія и теперь же, пока еще не поздно, принять мѣры для спасенія команды? Шкуна можетъ совсѣмъ не вернуться, если она погибла, или вернуться гораздо позже срока, если она получила сильное поврежденіе, а между тѣмъ черезъ три дня у насъ

не будетъ провіанта и начнется голодъ со всѣми его страшными послѣдствіями, и тогда замѣченное мною мрачное настроеніе команды разовьется до размѣровъ, съ которыми уже трудно будетъ совладать. Слѣдовательно, если принимать мѣры, то необходимо теперь, а послѣ—будетъ поздно, необходимо съ утра же воспользоваться установившимся штилемъ, чтобы отправить оставленную намъ будару на Косъ-Аралъ дать о насъ вѣсть. Но возможно ли пуститься на бударѣ въ открытое море, не имѣя на пути никакого пристанища, на случай непогоды? и вѣроятно ли, чтобы эта щепка проплыла благополучно отъ 100 до 150 верстъ? Однако другого, лучшаго, средства я не могъ придумать, а оставлять трудное наше положеніе на произволъ случайностей—не считалъ себя въ правѣ. Послѣ долгихъ колебаній, я наконецъ рѣшился: утромъ, если шкуна не вернется и штиль установится, собрать команду, объяснить имъ свои соображенія и предложить двумъ охотникамъ отправиться на Косъ-Аралъ и, давъ тамъ вѣсть о нашемъ положеніи, просить о немедленной высылкѣ шкуны Николай или даже носовыхъ лодокъ съ провіантомъ. Если же охотниковъ не явится, то я рѣшился отправиться самъ съ моимъ человѣкомъ, думая, что все равно какъ не погибнуть, и даже лучше погибнуть разомъ въ глубинѣ моря, чѣмъ умирать на пустынномъ островѣ медленною голодною смертью. Принявъ рѣшеніе, я успокоился и думалъ уже отправиться спать, какъ вдругъ увидалъ вдали надъ моремъ фальшфейеръ. Я тотчасъ вернулся въ ставку и приказалъ собрать побольше кустарнику и зажечь костеръ, чтобы показать мѣсто нашей стоянки. На другой день утромъ, когда мы свидѣлись съ Бутаковымъ, онъ встрѣтилъ меня словами: „я вытерпѣлъ около Куланды сильнѣйшій штормъ и крѣпко боялся, но больше за васъ, чѣмъ за себя. Если бы шкуну разбило, я бы собралъ изъ обломковъ лодку и достигъ бы Сыръ-Дарьи, а вы всѣ умерли бы съ голоду“. Бутаковъ сообщилъ мнѣ также, что онъ отыскалъ на Куландѣ, на глубинѣ 6-ти футовъ, пластъ каменнаго угля, толщиною въ одинъ футъ, именно на нагорномъ берегу, верстахъ въ трехъ къ западу отъ бугра окаменѣлостей и въ верстѣ отъ моря. Вскорѣ послѣ свиданія съ Бутаковымъ, мы увидали съ острова приближающуюся шкуну

Михаилъ, а вечеромъ, окончивъ съемку, вернулись на Константинъ.

Шкуна Михаилъ, возвращаясь отъ мыса Узунъ-Каиръ на полуостровѣ Куланды въ устье Сыръ-Дарьи, завернула къ Барса-Кильмасу и 13 августа высадила къ намъ приказчика Захряпина, желавшаго воспользоваться случаемъ, чтобы получше изучить съ нами море, и находившагося при немъ Косъ-Аральскаго киргиза, старика *Альмобета*, хорошо знавшаго окрестности Аральскаго моря. Впослѣдствіи оказалось однако, что Альмобетъ не могъ отличить съ моря тѣ самыя урочища, которыя, вѣроятно, прекрасно зналъ съ суши, и потому, какъ вожакъ, былъ намъ не настолько полезенъ, насколько мы ожидали; но тѣмъ не менѣе онъ иногда сообщалъ любопытныя свѣдѣнія. Такъ напримѣръ, по поводу Барса-Кильмаса, онъ разсказывалъ, что, хотя теперь островъ необитаемъ, но до послѣдней зимы на немъ безвыходно кочевали, семь лѣтъ сряду, много киргизскихъ ауловъ, со стадами верблюдовъ и барановъ, и что въ это время, находясь въ безопасности отъ грабежей хивинцевъ и своихъ одноплеменныхъ барантовщиковъ, киргизы значительно разбогатели скотомъ; зимою же, боясь русскихъ судовъ, откочевали на берегъ и были тотчасъ ограблены. По всей вѣроятности, однако, Барса-Кильмасъ не имѣлъ и до прихода русскихъ судовъ постояннаго населенія. Зимою, когда часть моря, отдѣляющая островъ отъ материка, покрывается льдомъ, Барса-Кильмасъ привлекаетъ къ себѣ аулы нетронутостью подножнаго корма и обиліемъ кустарника, топлива. При наступленіи же весны поселенцы не всегда имѣютъ возможность откочевать и остаются на немъ, такимъ образомъ, на годъ, а при теплыхъ зимахъ и на нѣсколько лѣтъ. Это составляетъ невыгоду перекочевки на островъ, о которой намекаетъ самое его названіе: Барса-Кильмасъ значитъ дойдетъ и не вернется.

14 августа въ 4 часа утра шкуна Константинъ направилась опять къ Куланды и въ 2 часа пополудни стала на якорь близъ извѣстныхъ возвышеній, огибающихъ небольшой заливъ, который можетъ служить довольно хорошею гаванью. Здѣсь шкуна запаслась водою изъ кудуковъ, но запасъ не пошелъ въ прокъ. Вода стала портиться еще скорѣе барса-кильмаской, что мы при-

нуждены были скоро ее вылить и довольствоваться, въ теченіе нѣсколькихъ дней, какъ я уже сказалъ, морскою водою. На другой день шкуна обогнула юго-западный мысъ Куланды, называемый Узунъ-Каиръ и отстоящій отъ Изенъ-Арала верстахъ въ 20-ти, и вторично стала на якорь. Узунъ-Каиръ, имѣя въ основаніи известковый камень, покрытъ песчаными наносами, поросшими большею частью камышемъ и кустарникомъ. Мысъ продолжается подъ водою каменистою косою, шириною саженъ въ 25, и окруженъ кромѣ того песчаными отмелями и косами. Мелко сидящая въ водѣ шкуна прошла черезъ нихъ благополучно.

Западный берегъ моря.

16 августа въ 10 часовъ утра шкуна направилась на юго-западъ къ западному берегу моря, и приблизилась къ нему на другой день вечеромъ, а съ 16 по 25 августа слѣдовала вдоль него до мыса Ургу-Мурунъ, въ разстояніи отъ двухъ до пяти и болѣе верстъ отъ берега. Во все это время шкуна остановилась на якорь только на ночь и рѣдко когда днемъ, вслѣдствіе довольно свѣжаго вѣтра, дувшаго постоянно съ сѣвера, и совершеннаго неимѣнія удобныхъ мѣстъ для якорныхъ стоянокъ. Западный берегъ, ограничивая Усть-Уртъ, возвышающійся надъ уровнемъ моря саженей на 75, тянется почти прямою линіею, по крайней мѣрѣ не образуетъ замѣтныхъ заливовъ и взгроможденъ неправильными каменистыми обвалами и утесами, нерѣдко совершенно вертикально упирающимися въ море. Усть-уртскія высоты наиболѣе высоки и обрывисты около середины западнаго берега, по мѣрѣ же приближенія къ югу замѣтно понижаются Глубина моря у подножья Усть-Урта вполнѣ соотвѣтствуетъ высотѣ и крутости послѣдняго. Когда шкуна приближалась къ западному берегу, глубина моря, обыкновенно не превосходящая 15 морскихъ саженей, начала быстро возростать, такъ что, съ наступленіемъ ночи, шкуна стала на якорь, въ двухъ верстахъ отъ берега, на глубинѣ 26 саженей, а на другой день стояла; также верстахъ въ двухъ отъ берега, на 37 саженяхъ.

Утесы Усть-Урта, разнообразясь безпорядочнымъ размѣщеніемъ и разноцвѣтностью слоевъ каменистыхъ породъ, производили

при солнечномъ освѣщеніи какой-то волшебный видъ съ моря. Взоръ обманывался невольно, и на этихъ пустынныхъ берегахъ рисовались храмы, башни, шатры, колонны и прочее. Вслѣдствіе такого разнообразія рисунковъ, весьма трудно было распознать дѣйствительное очертаніе береговъ, и хотя со шкуны производилась съемка ихъ, но вѣрность ея была сомнительна по многимъ причинамъ. Во 1-хъ, съемщикъ не имѣлъ возможности съ достаточною точностью опредѣлять направленія движенія шкуны и пройденныя ею разстоянія, такъ какъ она двигалась съ уклоненіями отъ прямого курса и съ неравномѣрною скоростью. Во 2-хъ, онъ еще менѣе могъ дѣлать правильно засѣчки, такъ какъ на берегу не было такихъ рѣзко выдающихся предметовъ, которые бы, при движеніи шкуны, по своему виду не мѣшались бы съ другими и не терялись изъ глазъ. Въ 3-хъ, очертаніе береговъ между засѣчками онъ дѣлалъ на глазъ, который въ этомъ случаѣ сильно обманывалъ, тѣмъ болѣе, что мы шли въ различномъ разстояніи отъ берега, но въ какомъ именно сами не знали. Въ 4-хъ, вожакъ не могъ отличить съ моря береговыхъ урочищъ и называлъ ихъ гадательно, такъ что надписи на съемкѣ были положительно невѣрны. Наконецъ, въ 5-хъ, мы не могли выходить часто на берегъ, для провѣрки съемки. Возвратясь въ Оренбургъ и представивъ съемки береговъ Аральскаго моря, я высказалъ всѣ недостатки ихъ и предложилъ, принявъ нѣкоторыя мѣры для исправленія неудовлетворительныхъ работъ, ждать окончанія описи; но генералъ Обручевъ, увлекаясь новизною географическихъ свѣдѣній, приказалъ передѣлать, по привезеннымъ съемкамъ, всѣ карты, имѣвшіяся въ генеральномъ штабѣ Оренбургскаго корпуса. Приказаніе это оказалось, конечно, преждевременнымъ, потому что, на слѣдующій годъ, по окончаніи описи Аральскаго моря, пришлось вторично передѣлывать карты. Я не увѣренъ впрочемъ, что и въ настоящее время западный берегъ Аральскаго моря установленъ совершенно правильно.

Во время плаванія вдоль Усть-Урта мы пытались выдти на берегъ три раза. Въ первый разъ попытка наша была неудачна. 19 августа вечеромъ шкуна стала на якорь, казалось, весьма въ близкомъ разстояніи отъ берега. Въ числѣ десяти человѣкъ мы

сѣли на шлюпку съ намѣреніемъ осмотрѣть *чинкъ* или край Усть-Урта и взобраться на него; но, противъ ожиданія, мы плыли около часа, а берегъ казался все въ томъ же разстояніи отъ насъ. Наконецъ, когда мы приблизились къ нему настолько, что могли отличить довольно мелкіе береговые предметы, то, къ крайнему огорченію, увидѣли, что утесы совершенно отвѣсно упираются въ море и около нихъ бушуетъ бурунъ. Убѣдясь въ невозможности не только взобраться на высоты Усть-Урта, но даже пристать къ берегу, мы должны были вернуться назадъ. Между тѣмъ дырявая шлюпка уже успѣла наполниться водою, вѣтеръ сталъ свѣжѣть и море разыгрываться, а шкуна виднѣлась едва замѣтною точкою на горизонтѣ. Бутаковъ посадилъ на каждое весло по два матроса, всѣмъ сидѣвшимъ на шлюпкѣ приказалъ выливать изъ нея шапками воду, а самъ, управляя рулемъ, разсказывалъ, для приданія бодрости командѣ, забавные анекдоты. Въ это время было, однако, не до анекдотовъ; не обращая на нихъ вниманія, всѣ предались работѣ. Гребцы напрягали крайнія усилія, отъ которыхъ могли сломаться весла и тогда не было бы никакого шанса на спасеніе, потому что запасныхъ веселъ мы не имѣли. Прочія лица, сидѣвшіе въ шлюпкѣ, безостановочно выгребали изъ нея воду, но волны, перекидываясь черезъ бортъ, снова подбавляли намъ ее. Одна волна такъ сильно ударила въ спину сидѣвшаго на носу, что тотъ свалился въ шлюпку. И ни одной улыбки, ни одного слова по этому поводу, всѣ молча продолжали работу. Когда шлюпка приближалась къ шкунѣ, Бутаковъ закричалъ: „спасательныя машины“. Намъ были брошены на веревкахъ пустыя бочки, но мы ими не воспользовались и собственными усиліями добрались до шкуны.

Въ другой разъ намъ удалось пристать къ берегу, образовавшему небольшой заливчикъ, скалистые берега котораго были покрыты осетровою икрою, выброшенною вѣроятно весною; но на вершину Усть-Урта мы не могли взобраться.

Наконецъ, въ третій разъ мы выходили на берегъ на урочищѣ Аджибай, гдѣ кочевало въ это время нѣсколько кибитокъ. Желая воспользоваться близостію человѣческаго жилья, чтобы достать свѣжаго мяса, котораго мы не имѣли давно, Бутаковъ

отправилъ на шлюпкѣ Поспѣлова, но лишь только послѣдній вышелъ на берегъ, какъ раздался ружейный выстрѣлъ. Думая, что кочевники напали на нашихъ, Бутаковъ, забравъ съ собою оружіе, немедленно отправился самъ на бударѣ, но оказалось что выстрѣлъ былъ сдѣланъ Поспѣловымъ по красному гусю (flamingo). Кочевники же, то есть киргизы (Чиклинскаго рода, Джакоимова колѣна, Карабашевскаго отдѣленія) и туркмены приняли насъ дружелюбно. Въ разговорахъ съ нами они выражали свое неудовольствіе на хивинское правительство, завидовали участи киргизъ, находящихся въ подданствѣ Россіи, и изъявляли желаніе перекочевать въ нашу степь, еслибы не боялись мщенія Хивы. Хивинскій ханъ, говорили они, недоволенъ устройствомъ русской крѣпости на Сыръ-Дарьѣ, но мы понимаемъ, что русскіе основали ее не для враждебныхъ дѣйствій, а для облегченія торговли съ Хивою же помощію Аральскаго моря, и видимъ, что они никакого зла намъ не дѣлаютъ, напротивъ киргизы имъ подвластные, благоденствуютъ. На чистосердечіе этихъ отзывовъ конечно нельзя было полагаться, такъ какъ карабашевцы пользуются въ степи незавидною репутаціею; но они не скрыли отъ насъ печальныхъ для хивинцевъ послѣдствій дѣла 26 мая при Достановой могилѣ и въ заключеніе дружественной бесѣды промѣняли намъ барана за чекмень (кафтанъ). Благодаря карабашевцамъ и скорому прибытію шкуны въ заливъ *Кинъ-камышъ*, въ которомъ вода была прѣсная изъ Аму-Дарьи, мы подкрѣпили свои силы, истощенныя слишкомъ продолжительнымъ уже постомъ. Заливъ Кинъ-камышъ, находящійся въ юго-западномъ углу Аральскаго моря, мелокъ и по берегамъ заросъ камышемъ и кугою, потому неудобенъ для якорной стоянки, особенно при господствѣ на морѣ сѣверныхъ вѣтровъ, отъ которыхъ онъ не закрытъ. Шкуна не могла приблизиться къ мысу *Ургу-Мурунъ* ближе чѣмъ на 10 верстъ.

Южный берегъ моря.

Въ сороковыхъ годахъ, послѣ надѣлавшей столько шума хивинской экспедиціи, наша политика въ Средней Азіи была крайне осторожна. Изъ боязни возбудить недовѣрчивость Англіи, министерство графа Нессельроде дѣлало иногда такія распоряженія,

которыя не только не соотвѣтствовали достоинству и интересамъ Россіи, но и не могли быть исполнены на мѣстѣ. Поэтому лучшіе непосредственные дѣятели, чтобы не ронять кредита Россіи на дальнихъ ея окраинахъ, принуждены были обходить эти распоряженія, принимая послѣдствія на свой страхъ и отвѣтственность. Между такими распоряженіями особенно странны были два запрещенія: одно гарнизону Раимскаго укрѣпленія и вообще всѣмъ русскимъ переходить, за чѣмъ бы то ни было, на лѣвый берегъ Сыра, и другое—не только рыболовамъ, но и описной экспедиціи Аральскаго моря приближаться къ южному, хивинскому его берегу. Въ интересахъ Россіи и науки, Бутаковъ не могъ подчиниться этому пункту данной ему инструкціи. Нарушая его, онъ оправдывался противными вѣтрами, штилемъ и прочее, но послѣ успѣха дѣла, оправданія эти оказались излишними.

25-го августа, въ часъ пополудни, шкуна направилась отъ Ургу-Муруна на сѣверо-востокъ и, сдѣлавъ верстъ 25, увидѣла передъ собою островъ *Токмакъ-Ата*, а влѣво обозначился другой небольшой островокъ, оказавшійся впослѣдствіи косою перваго. Тогда шкуна перемѣнила курсъ на сѣверо-западъ. Между тѣмъ, вѣтеръ сталъ свѣжать и заставилъ насъ, обогнувъ островокъ, искать за нимъ убѣжище. На слѣдующій день вѣтеръ стихъ совершенно и затѣмъ въ остальные дни августа и въ первые дни сентября стоялъ сначала глубокій штиль, а потомъ подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Шкуна принуждена была лавировать, черезъ что, хотя весьма мало, подвигалась впередъ. Такимъ образомъ мы двѣ недѣли находились около южныхъ береговъ Аральскаго моря и успѣли довольно хорошо осмотрѣть островъ Токмакъ-Ата и устья двухъ главныхъ протоковъ Аму-Дарьи, именно *Талдыка* и *Улу-Дарьи*.

Островъ Токмакъ-Ата получилъ свое названіе отъ находящейся на немъ могилы одного святаго. У хивинцевъ существовало преданіе, что пока этотъ святой будетъ покровительствовать имъ, ни одно чужеземное судно не подойдетъ къ устьямъ Аму-Дарьи. Другое преданіе гласило, что къ сѣверу отъ острова находится пучина, втягивающая въ себя всякое приближающееся судно. Наша экспедиція достаточно доказала нелѣпость этой молвы.

Островъ Токмакъ-Ата, имѣющій въ длину отъ сѣверо-запада къ юго-востоку верстъ 25 и въ ширину верстъ 5, вообще низменъ, песчанъ и покрытъ въ изобиліи кустарникомъ, а берега его обросли камышемъ; но въ двухъ мѣстахъ есть глинисто-солонцеватыя высоты, именно въ восточной части острова, гдѣ находится могила святаго, и въ юго-западной. На островѣ виднѣлось довольно много ауловъ, но постоянныхъ кочевокъ на немъ, говорятъ, не бываетъ. Только съ августа мѣсяца сюда приходитъ на поклоненіе много богомольцевъ, а зимою разъ въ годъ ѣздитъ по льду и самъ ханъ. Богомольцевъ не пускаютъ на островъ, пока особые чиновники не соберутъ для хана растущую здѣсь въ большомъ изобиліи ягоду джиду, для сбереженія которой строго запрещается рубить кустарникъ. Токмакъ-Ата отдѣляется отъ материка проливомъ съ прѣсною водою, шириною версты 4 и глубиною фута въ два и даже меньше. Хивинцы сообщаются черезъ него въ бродъ или посредствомъ небольшихъ лодокъ, на которыхъ управляются на шестахъ.

Къ востоку отъ Такмакъ-Ата южный берегъ моря вообще низменъ, песчанъ и оброслъ камышемъ и кугою. Отмели отходятъ отъ берега такъ далеко, что только на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ него море достигаетъ глубины одной сажени. На всемъ протяженіи южнаго берега въ море впадаетъ многими рукавами Аму-Дарья, образуя заливы *Кинь-камышъ*, *Талдыкъ*, *Иске* и *Теце-башъ*. Въ заливахъ Талдыкъ и Иске, куда впадаетъ главный рукавъ Аму *Улу-Дарья*, глубина нисходитъ до двухъ и даже до одного фута, а въ заливъ Теце-башъ, куда впадаетъ *Янги-су*, мы не входили. Прѣсная вода выбивается въ море отъ всего южнаго берега верстъ на 15; но при продолжительныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, она смѣшивается съ морскою, даже въ заливахъ.

Во все время нашего плаванія вдоль южнаго берега Аральскаго моря, на немъ виднѣлись и днемъ и ночью сигнальные огни, а наравнѣ со шкуною слѣдовала партія, человѣкъ въ сто, богато одѣтыхъ всадниковъ на прекрасныхъ аргамакахъ. Однажды во время осмотра нами на шлюпкѣ одного изъ устьевъ Аму-Дарьи мы подошли къ берегу такъ близко, что могли переговариваться съ хивинцами, „*Берекиль! берекиль!* (подите сюда! подите

сюда!) кричали они, у насъ есть все, что нужно *балыкчамъ* (рыбакамъ) и мы охотно вамъ вымѣняемъ". Захряпинъ разсуждалъ съ ними до тѣхъ поръ, пока можно было дѣлать промѣры, а когда шлюпка сѣла на мель и не могла далѣе идти, мы повернули ее назадъ. Тогда нѣсколько всадниковъ бросились за нами въ воду, но мы уплыли, такъ какъ не имѣли ни малѣйшей охоты тащиться на арканѣ въ Хиву. По ночамъ, когда шкуна стояла на якорѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ, мы принимали мѣры осторожности отъ нападенія близкихъ сосѣдей, хотя и не вѣрили въ возможность такой предпріимчивости съ ихъ стороны, но Альмобетъ сильно трусилъ и постоянно уговаривалъ Бутакова удалиться отъ хивинскаго берега. Разъ днемъ, во время лавированія шкуны, на горизонтѣ показалось что-то бѣлое. Мы всѣ приняли это за паруса и думали, что скоро встрѣтимся съ которою нибудь изъ нашихъ шкунъ, но Альмобетъ увѣрялъ, что это хивинскій флотъ. „Я говорилъ вамъ, сказалъ онъ, что у сартовъ есть парусныя суда, вы не вѣрили, вотъ и вышло по моему. Я бы не боялся, еслибы у насъ было нѣсколько судовъ, а съ однимъ что сдѣлаешь". Мы всѣ однако ошиблись: бѣлѣвшая вдали точка была ничто иное, какъ птица баба (pelecanus onocrutalus).

7-го сентября, во время лавированія въ юго-восточной части Арала, вдали отъ береговъ, матросъ Сохновъ, первый канканеръ и весельчакъ на шкунѣ, замѣтилъ съ мачты какую-то землю среди моря. Бутаковъ взялъ направленіе, указанное Сохновымъ, и мы скоро увидѣли низменный и песчаный островокъ, длиною версты въ двѣ и шириною саженъ въ 50. Какъ первое открытіе на Аральскомъ морѣ, Бутаковъ назвалъ островъ именемъ виновника описной экспедиціи, Владиміра Афанасьевича Обручева.

Открытіе Царскихъ острововъ.

8-го сентября вѣтеръ началъ отходить къ западу. Лейтенантъ Бутаковъ, не имѣя надежды, по случаю приближенія глубокой осени, при постоянно дующихъ сѣверо-восточныхъ, противныхъ вѣтрахъ, успѣть осмотрѣть восточный берегъ со множествомъ прилегающихъ къ нему песчаныхъ острововъ, рѣшился приблизиться къ Косъ-Аралу, лавируя въ открытомъ морѣ большими галсами

и дѣлая, между прочимъ, промѣръ. Съ этою цѣлью въ 9 часовъ утра шкуна снялась съ якоря и направилась на сѣверо-западъ. 9-го сентября въ 6 часовъ утра въ лѣвой рукѣ открылся какой-то островъ. Принявъ его за Барса-Кильмасъ, Бутаковъ перемѣнилъ курсъ на сѣверъ, расчитывая въ скоромъ времени увидать Кугъ-Аралъ. Въ 2 часа пополудни дѣйствительно открылась передъ нами въ правой рукѣ земля, но которая, по своему виду и очертанію береговъ, не походила на Кугъ-Аралъ. Вскорѣ мы убѣдились, что это Барса-Кильмасъ и что прежде пройденный нами островъ — новое открытіе. Въ 6 часовъ вечера шкуна стала на якорь по серединѣ между Барса-Кильмасомъ и Куланды, а на другой день перешла къ мысу Узунъ-Каиръ, чтобы избавиться отъ сильнаго волненія и запастись прѣсною водою и солью изъ находящагося тамъ озера съ самосадочною солью. На всемъ пройденномъ пространствѣ среди моря, глубина его нигдѣ не превосходила 15-ти саженъ.

12-го сентября въ 6 часовъ утра шкуна направилась отъ Узунъ-Каира къ новому острову. Волненіе на морѣ было сильное: волны горами подымались вверхъ и стремительно опускались внизъ, шкуна почти лежала на боку, вода хлестала за бортъ, по палубѣ не было возможности ходить, а въ каютахъ все падало. На этотъ разъ однако я не страдалъ морскою болѣзнію, должно быть освоился нѣсколько съ качкою. Въ полдень мы увидѣли островъ, а въ 6 часовъ вечера шкуна стала на якорь около западнаго его берега. Выйдя на берегъ, мы были встрѣчены *сайгаками*, которые съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, подпускали весьма близко и не разбѣгались даже послѣ выстрѣла; но на слѣдующіе дни удалились на противоположную отъ нашей стоянки часть острова, покрытаго почти сплошь кустарникомъ. Съ 13-го по 19-е сентября Акишевъ съ 7-ю матросами, производя съемку, подробно осмотрѣлъ весь островъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ котораго оказались еще два другіе, меньшей величины. Бутаковъ назвалъ главный изъ вновь открытыхъ острововъ именемъ Государя Императора Николая, другой, который мы осматривали 21-го, сентября въ честь Наслѣдника и третій именемъ Его Высочества генералъ-адмирала Константина, а всю группу—*Царскими островами.*

О существованіи этихъ острововъ до 1848 года не было извѣстно. Отстоя отъ Усть-Урта, Куланды и Барса-Кильмаса не менѣе, какъ на 60 верстъ, они не видимы ни съ одного берега, а окрестные жители, не имѣя парусныхъ судовъ, съ которыми бы могли пускаться въ открытое море, ограничиваются только, и то весьма рѣдко, самымъ близкимъ береговымъ плаваніемъ. Зимою же море, отдѣляющее острова отъ береговъ, если и замерзаетъ, то не всегда; но и въ эти рѣдкія зимы, окрестные жители, не имѣя никакой нужды переходить черезъ него поперегъ и подвергать себя безъ цѣли опасностямъ отъ бурановъ, не могли на нихъ наткнуться. Наконецъ, судя по мѣстнымъ признакамъ и потому, что объ островахъ не существовало никакихъ, даже темныхъ преданій, до которыхъ азіятцы большіе охотники, съ достовѣрностью можно заключить, что до 1848 года на нихъ никогда не вступала человѣческая нога.

Восьмидневное пребываніе на островѣ Николай I освѣжило насъ всѣхъ и физически и нравственно. Въ это время, вмѣсто почти невозможной для употребленія солонины, мы питались постоянно свѣжимъ сайгачьимъ мясомъ. Въ первые три дня было съѣдено нами 13 сайгаковъ, или, полагая средній вѣсъ каждаго въ пудъ, 13 пудовъ свѣжаго мяса, тогда какъ во всѣ шестьдесятъ дней нашего плаванія по морю солонины израсходовано 20 пудовъ. Среднимъ числомъ въ день приходилось на каждаго человѣка во всю кампанію менѣе $^1/_2$ фунта солонины и въ эти три дня болѣе шести фунтовъ свѣжаго мяса; слѣдовательно мяса въ эти дни съѣдалось въ 12 разъ болѣе противъ обыкновеннаго. За то всѣ люди повеселѣли и снова явилась у нихъ готовность къ новымъ трудамъ. Въ матросскомъ кружкѣ затѣялись пѣсни и пляски. Сохновъ, на пространствѣ какой-нибудь сажени, выдѣлывалъ ногами такія штуки, которымъ бы позавидовалъ любой канканеръ изъ Мабиля. Альмобетъ былъ въ восторгѣ отъ острова и умолялъ Микелея, какъ называлъ онъ Николая Захряпина, перевести его туда, со всѣмъ семействомъ и родными, для кочевки, обѣщая за это, что всѣ они будутъ служить ему рабами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Поселеніе киргизъ на островѣ было бы однако вовсе не выгодно для будущаго развитія пароходства на

морѣ, потому что оно не замедлило бы значительно истребить саксаулъ и сайгаковъ, тогда какъ, оставаясь не заселеннымъ, островъ съ удобствомъ могъ бы снабжать пароходы топливомъ и порою свѣжимъ мясомъ. Захряпинъ имѣлъ относительно острова свои виды. Онъ нашелъ полезнымъ перевести на него ватагу, которая бы, пользуясь своимъ центральнымъ мѣстопребываніемъ среди моря, могла, безъ потери времени, производить ловъ рыбы, какъ въ открытомъ морѣ, такъ и въ устьяхъ рѣкъ Сыръ и Аму, и временно успѣлъ осуществить свою мысль: часть Когъ-Аральскихъ рыболововъ провела зиму 1849—50 года на островѣ Николай I.

21-го сентября утромъ шкуна перешла къ низменному и песчаному острову Наслѣдника, который тянется въ длину отъ сѣвера къ югу верстъ на 9, имѣетъ ширину отъ 100 до 200 саженъ и сплошь покрытъ густымъ камышемъ, заглушившимъ всякую другую растительность, и отчасти саксаулъ. Во время съемки острова матросы бросали въ слои сухаго камыша, изъ котораго съ трудомъ пробивался свѣжій, куски зажженнаго трута. Когда съемка окончилась, всѣ вернулись на шкуну, солнце закатилось и стало темно, передъ нами явилась великолѣпнѣйшая иллюминація. Сначала засвѣтились отдѣльные огоньки, а потомъ, разростаясь мало по малу, слились въ одну непрерывную полосу въ девять верстъ длины. Земли не было видно, видны были только огонь и вода.

Окончаніе кампаніи.

Эта ночь ознаменовалась еще другимъ радостнымъ событіемъ, именно перемѣною вѣтра, который давалъ намъ возможность направиться къ Сыръ-Дарьѣ. Записывая ежедневно, со дня выступленія изъ Орской крѣпости, состояніе погоды, я замѣтилъ, что дувшій постоянно сѣверо-восточный вѣтеръ смѣнялся на нѣсколько дней южнымъ черезъ каждый лунный мѣсяцъ, и за недѣлю предлагалъ пари, что около 21-го сентября вѣтеръ начнетъ измѣняться. Предсказаніе мое оправдалось блистательнымъ образомъ. Шкуна снялась съ якоря и при яркомъ свѣтѣ съ острова Наслѣдникъ направилась къ Когъ-Аралу, а 23-го сентября въ 6 часовъ утра бросила якорь въ устьѣ Сыра и окончила кампанію.

IV.

Возвращеніе на линію и занятія въ 1849 и 1850 годахъ.

Обратное плаваніе по Сыръ-Дарьѣ.

Моряки оставались зимовать на Когъ-Аралѣ, а я долженъ былъ возвратиться въ Оренбургъ. 25-го сентября, простясь съ своими товарищами по морскому плаванію и угостивъ матросовъ, я отправился въ Раимъ на косовой лодкѣ съ Запрягинымъ и рыбаками. Погода была пасмурная, по временамъ накрапывалъ дождь и вѣтеръ намъ не благопріятствовалъ. Бо́льшую часть пути мы тащились на бичевѣ, и должны были провести двѣ ночи въ сырыхъ камышахъ подъ дождемъ. Несмотря однако на эти неудобства, я смотрѣлъ на плаваніе по Сыръ-Дарьѣ, послѣ морскаго путешествія, какъ на прогулку и былъ даже доволенъ скудною трапезою изъ одной рыбы, которою угощали меня гостепріимные рыбаки. Во время пути меня удивила громадная популярность, которою пользовался Захряпинъ среди сырдарьинскихъ киргизъ. Съ береговъ, на которыхъ размѣстились уже аулы на зимовку, постоянно слышались ему теплыя привѣтствія: „аманъ Микелей! аманъ!“ Разъ, во время дождя, мы пристали къ лѣвому берегу Сыра и взяли нѣсколько заготовленныхъ киргизами сноповъ сухаго камыша, чтобы сварить на нихъ уху. Въ это время собралась толпа незнакомыхъ Захряпину киргизъ и съ бранью отняла снопы. Захряпинъ не препятствовалъ, но сталъ имъ держать поучительную рѣчь, послѣ которой киргизы натащили намъ со всѣхъ сторонъ множество сноповъ и стали сами помогать разводить огонь. Послѣ того, вдвоемъ съ Захряпинымъ, я отправился въ ближайшій аулъ, чтобы посмотрѣть житье-бытье киргизъ, и дойдя до него хотѣлъ войти въ первую попавшуюся кибитку, но хозяйка старуха загородила мнѣ входъ. Захряпинъ съ одушевленіемъ началъ ей говорить и видимо было, какъ старуха постепенно умилялась и изъ грозной защитницы своихъ пенатовъ обращалась въ смиренную кающуюся грѣшницу. На рѣчь Захряпина собралось множество киргизъ разнаго пола и возраста, и когда онъ кончилъ и хотѣлъ удалиться со мною, старуха взвыла

и на колѣняхъ умоляла насъ войти въ ея жилище. За нею всѣ, на перебой, упрашивали насъ къ себѣ. Нищета киргизъ была выше всякаго описанія. Съ приходомъ русскихъ на Сыръ-Дарью они очутились между двухъ огней. Съ одной стороны, хивинцы начали дѣлать на нихъ набѣги, и при этомъ безпощадно отбирали у нихъ все имущество, рѣзали для потѣхи стариковъ и дѣтей, насиловали женщинъ и даже малолѣтнихъ дѣвочекъ, если онѣ настолько были крѣпки, что не падали отъ брошенныхъ въ нихъ шапокъ, а съ другой стороны, русскіе, требуя отъ киргизъ преданности, не ограждали ихъ отъ неистовствъ хивинцевъ. Вслѣдствіе этого, киргизы боялись хивинцевъ и не довѣряли русскимъ. Искоренить это недовѣріе можно было только мало по малу и въ этомъ отношеніи Захряпинъ, скромный, никому невѣдомый и случайный дѣятель на нашей дальней окраинѣ, оказалъ, быть можетъ, болѣе пользы, чѣмъ оффиціальные представители русской власти на Сыръ-Дарьѣ. Своимъ краснорѣчіемъ и тактомъ онъ умѣлъ дѣйствовать на киргизъ и направлять ихъ умы къ иному, болѣе благопріятному для насъ, взгляду на вещи. Кромѣ нищеты, киргизы поражали безобразіемъ своихъ лицъ, искаженныхъ оспою и сифилисомъ.

Обратное путешествіе по степи.

Въ Раимѣ я прожилъ у гостепріимныхъ медиковъ нѣсколько дней, въ ожиданіи отправленія оказіи на линію. Кромѣ меня въ Оренбургъ возвращались капитанъ Шульцъ и еще нѣсколько офицеровъ. Намъ были даны верховыя лошади, 6 подводъ для поднятія багажа и провіанта и конвой въ 15 казаковъ, подъ начальствомъ старшаго изъ пяти офицеровъ, поручика Топчевскаго. Кромѣ того, съ нами же должны были слѣдовать: жена султана правителя Араслана съ свитою и воловій обозъ съ кампанейскою рыбою.

3-го октября мы выступили изъ Раима. На другой день Шульцъ, желавшій разыгрывать роль главнокомандующаго, а не простого путешественника, нашелъ, что Топчевскій не способенъ начальствовать конвоемъ и составилъ объ этомъ актъ, который и разослалъ для подписи офицерамъ. Я не подписался, но прочіе офи-

церы, всѣ молодые прапорщики, не могли послѣдовать моему примѣру. Вслѣдствіе этого акта, Шульцъ далъ приказъ объ отрѣшеніи Топчевскаго и о личномъ вступленіи своемъ въ начальствованіе отрядомъ, какъ называлъ онъ нашъ скромный конвой. Въ приказѣ всѣ офицеры, кромѣ меня, были росписаны по дежурствамъ, а мнѣ было поручено завѣдовать авангардомъ, аріергардомъ, боковыми отрядами и аванпостами, а на ночлегѣ устанавливать вагенбургъ. Какъ ни комиченъ былъ этотъ приказъ, но я показывалъ видъ, что исполняю его. Съ этихъ поръ Шульцъ ежедневно упражнялся въ сочиненіи приказовъ, иногда весьма оригинальныхъ, напримѣръ въ такомъ родѣ: до свѣдѣнія моего дошло, что сборища хищныхъ чиклинцевъ, дюрткаринцевъ, карасакаловцевъ, чуменеевцевъ и прочее и прочее рыскаютъ по Каракумамъ, въ намѣреніи напасть на нашъ отрядъ, потому предписываю всѣмъ чинамъ его принять мѣры и прочее. Между тѣмъ дорогой мы не встрѣчали ни одной посторонней души и слѣдовательно не могли получить ни отъ кого никакихъ свѣдѣній о сборищахъ. Любя развивать свои фантазіи при полномъ спокойствіи,—Шульцъ двигался съ своею командою медленно, дѣлая по одному переходу въ день, тогда какъ легкіе отряды дѣлаютъ обыкновенно не менѣе двухъ переходовъ, особенно въ осеннее время. Къ счастью холода стояли еще не сильные и мы имѣли на ночлегахъ прекрасные дрова изъ разбросанныхъ по дорогѣ транспортныхъ телѣгъ.

13-го октября, когда мы подошли на ночлегъ къ рѣчкѣ Джалавли, казаки привели нѣсколько совершенно голыхъ киргизъ, скрывавшихся въ камышахъ. Не зная какъ къ нимъ отнестись, Шульцъ поручилъ ихъ мнѣ. Я сдѣлалъ словесный допросъ каждому по одиночкѣ и изъ сбивчивыхъ показаній ихъ убѣдился, что это были барантовщики, пойманные на мѣстѣ преступленія и по киргизскому обычаю раздѣтые до нога и отпущенные на свободу, и что ихъ должно быть всего восемь человѣкъ. Казаки, посланные мною по окрестнымъ камышамъ, отыскали и привели остальныхъ. Киргизы были страшно голодны, пять сутокъ ничего не ѣли и только сосали кости палыхъ лошадей, находимыхъ ими по транспортной дорогѣ. Кромѣ того, они сильно страдали отъ

холода. Мы накормили и отогрѣли ихъ около костра, но одѣть не могли. Не смотря на холодъ мы сами не имѣли ничего теплаго и по неволѣ были въ лѣтней одеждѣ. Насытившись киргизы изъявили желаніе не безпокоить насъ болѣе и удалиться, но я не могъ ихъ отпустить, потому что, въ благодарность за гостепріимство, они навѣрное бы попытались угнать нашихъ лошадей и привести насъ въ такое же положеніе, въ какомъ находились сами. По неволѣ пришлось ихъ караулить. Чтобы облегчить въ этомъ случаѣ казаковъ и по возможности оградить киргизъ отъ холода, послѣдніе были посажены въ кружокъ около тлѣвшихъ угольевъ, связаны одною веревкою и накрыты общею кошмою (войлокомъ). Конечно, въ такомъ положеніи имъ неудобно было спать, но казаки вовсе не спали, боясь угона своихъ лошадей. Другая подобная ночь была бы для насъ невозможна, а между тѣмъ до Уральскаго укрѣпленія, гдѣ мы могли сдать подозрительныхъ киргизъ, оставалось еще 72 версты, или три перехода. Съ большими усиліями я убѣдилъ Шульца дойти до укрѣпленія въ одинъ день, но этотъ день былъ крайне тяжелъ для бѣдныхъ киргизъ. Чтобы отогрѣвать ихъ, я уѣзжалъ впередъ и по временамъ раскладывалъ костры, отъ которыхъ потомъ приходилось казакамъ насильно ихъ отгонять.

Въ Уральскомъ укрѣпленіи мы пробыли двое сутокъ и въ это время я ѣздилъ въ кочевку султана Гали, переведеннаго сюда изъ Раима дистаночнымъ начальникомъ. Гали зарѣзалъ для меня барана и угощалъ пилавомъ, кумысомъ, чаемъ и прочее. Это было мое первое посѣщеніе богатаго киргиза.

Отъ Уральскаго укрѣпленія Шульцъ рѣшился, по моему настоянію, идти по два перехода въ день, такъ какъ холода начали усиливаться и дѣлаться весьма ощутительными при недостаткѣ теплой одежды и дровъ. Съ нами перекочевывало довольно много киргизъ, разодѣтыхъ по праздничному. У двухъ киргизокъ сѣдла были малиновыя бархатныя, украшенныя цвѣтными каменьями, а стремена серебряныя. Киргизы развлекали насъ дорогою скачками. Въ Карабутакѣ мы отдыхали цѣлые сутки. Фортъ былъ уже оконченъ; онъ былъ построенъ на крутомъ, скалистомъ берегу рѣчки того же имени, въ видѣ редута, три бока котораго

имѣли по 17, а четвертый 13 саженъ длины. Валъ сложенъ изъ мѣстнаго камня и окруженъ рвомъ съ подъемнымъ мостомъ. Въ одномъ углу вала поставлено орудіе, а въ другомъ устроена сторожевая башня. Внутри форта сдѣланы казармы изъ привознаго съ линіи лѣса. Издали фортъ походилъ на рыцарскій замокъ.

На ночлегѣ у переправы черезъ Орь я чуть было не поссорился съ Шульцемъ. При выступленіи съ ночлега нашъ вожакъ заявилъ, что у него украли ружье. Шульцъ приказалъ вожаку осмотрѣть всѣ подводы, не исключая и офицерскихъ, и когда, исполнивъ это и не найдя ружья, вожакъ вернулся, Шульцъ обвинялъ его въ возбужденіи напраснаго подозрѣнія на чиновъ отряда и приказалъ его наказать. Такой шемякинъ судъ возмутилъ меня до крайности. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что ружье укралъ кто-нибудь изъ конвоя и спряталъ въ камышахъ, съ тѣмъ, чтобы взять его на обратномъ пути въ укрѣпленіе. Объяснивъ это Шульцу, я просилъ его отмѣнить произнесенный приговоръ и не выступать съ ночлега, пока ружье не отыщется, а чтобы придать вѣсъ своей просьбѣ прибавилъ, что относительно личнаго оскорбленія, сдѣланнаго мнѣ осмотромъ моей подводы, я оставляю за собою право потребовать удовлетвореніе по прибытіи на линію. Шульцъ извинился, исполнилъ мою просьбу и ружье было отыскано.

Возвращеніе въ Оренбургъ и представленіе отчетовъ.

26-го октября мы прибыли въ Орскую крѣпость. Хотя киргизы считаютъ ее дурною крѣпостью и называютъ *джаманъ-кала*, но, послѣ труднаго полугодоваго странствованія по степи, она произвела на меня неизъяснимо радостное впечатлѣніе и показалась обѣтованною землею. Я прожилъ въ Орскѣ трое сутокъ и вернулся въ Оренбургъ 31-го декабря, представивъ по начальству, кромѣ съемокъ береговъ Аральскаго моря, во 1-хъ, путевой журналъ слѣдованія транспорта отъ Орской крѣпости до Раима, во 2-хъ, записку о Кара-кумахъ, въ которой изложилъ причины невозможности избранія пункта для промежуточнаго между Уральскимъ и Раимскимъ укрѣпленіями форта, подобнаго Карабутакскому, наконецъ, въ 3-хъ, путевой журналъ плаванія по Аральскому морю.

Записка о военной экспедиціи въ Хиву.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ полугодового путешествія по Киргизской степи и Аральскому морю, генералъ Обручевъ поручилъ мнѣ составить подробное соображеніе о военной экспедиціи въ Хиву, съ цѣлью завоеванія ханства. Приступая къ этой работѣ, я разобралъ предварительно топографическій архивъ генеральнаго штаба и выбралъ изъ него все, что давало какія-либо данныя для предстоящаго труда, и въ то же время перечиталъ всѣ, какія только могъ достать, сочиненія о Киргизскихъ степяхъ и Хивинскомъ ханствѣ. Затѣмъ, на основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ и личнаго знакомства со степью, составилъ записку о военной экспедиціи въ Хиву и представилъ ее Обручеву 22-го марта 1849 года. Какое онъ сдѣлалъ изъ нея употребленіе и гдѣ она теперь? мнѣ неизвѣстно. Въ запискѣ я сдѣлалъ потомъ незначительныя редакціонныя поправки и дополненія, отчасти напечатанныя въ Русскомъ Инвалидѣ 1856 года №№ 19 и 20. Въ этомъ видѣ я помѣщаю ее въ приложеніи, какъ матеріалъ, не лишенный значенія, хотя бы только историческаго, относительно изученія путей къ Хивѣ и воззрѣній на самый походъ къ этому традиціонному въ Оренбургѣ предмету военныхъ дѣйствій. Для меня-же лично работа эта особенно дорога, потому что дала направленіе дальнѣйшимъ моимъ занятіямъ, натолкнувъ на подробное изученіе Средней Азіи и на изслѣдованіе вопроса о степныхъ походахъ.

Описаніе Аральскаго моря.

Осенью 1849 года опись Аральскаго моря была окончена лейтенантомъ Бутаковымъ и прапорщикомъ Поспѣловымъ. Первый плавалъ въ этомъ году на шкунѣ Константинъ, а второй на шкунѣ Николай. Въ послѣднюю свою поѣздку изъ устья Сыра въ Малое море Поспѣловъ не погибъ съ командою, единственно благодаря своему присутствію духа. Море бушевало страшно, волны бросали шкуну съ боку на бокъ, перекатывались черезъ нее и каждую секунду угрожали потопленіемъ. Матросы, надѣвъ бѣлыя рубахи, приготовились къ смерти и отказались отъ работы. Тогда Поспѣловъ самъ сталъ рубить мачту. Энергія начальника

подѣйствовала на подчиненныхъ и они послѣдовали его примѣру. Мачты были свалены въ море. Затѣмъ, по приказанію Поспѣлова, всѣ убрались въ каюты и заколотили люки. Двое сутокъ просидѣла команда внизу, а на третьи, когда море стало затихать, вышла на палубу, приладила какъ-то паруса на уцѣлѣвшихъ реяхъ и благополучно добралась до устья Сыра. Поспѣловъ былъ человѣкъ свѣдущій по своей части, предпріимчивый, энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно скромный, добрый и мягкій. По окончаніи описи онъ нѣсколько лѣтъ оставался на Сыръ-Дарьѣ, но мало по малу сталъ впадать въ меланхолію, постепенно угасалъ и наконецъ скончался, оставивъ по себѣ самыя теплыя воспоминанія во всѣхъ, кто его зналъ близко.

По окончаніи описи Аральскаго моря я составилъ, по своимъ замѣткамъ, отчетамъ Бутакова и топографическимъ работамъ бывшихъ при немъ топографовъ, систематическое описаніе моря и 28-го марта 1850 года представилъ по начальству, одинъ экземпляръ корпусному командиру, а другой генералъ-квартирмейстеру Главнаго Штаба. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, статья моя была препровождена въ Русское Географическое общество и напечатана въ V-й книжкѣ его записокъ (1851 года). Она составляетъ и до настоящаго времени единственное описаніе Аральскаго моря, но далеко неудовлетворительное. Во 1-хъ, для историческихъ извѣстій о морѣ у меня были подъ рукою только два сочиненія: Гумбольдта „Asie centrale“ и Левшина „Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей“. Во 2-хъ, для составленія самаго описанія я могъ пользоваться одними работами нашей описной экспедиціи, которыя, при всей своей добросовѣстности, были далеко не полны и можетъ быть даже недостаточно точны, вслѣдствіе кратковременности наблюденій и неудовлетворительности имѣвшихся для этого научныхъ пособій. Я сомнѣваюсь, напримѣръ, въ вѣрности астрономическихъ наблюденій, такъ какъ разъ, во время сильной качки, хронометры, въ числѣ трехъ, упали и остановились, и только послѣ поочереднаго поднятія и встряхиванія ихъ, вновь пошли, сомнѣваюсь въ точности топографическихъ съемокъ со шкуны, въ вѣрности названій нѣкоторыхъ урочищъ, въ опредѣленіи высотъ нагорныхъ береговъ и прочее. Въ 3-хъ, изъ

рѣкъ, впадающихъ въ Аральское море, Сыръ-Дарья описана только на небольшомъ протяженіи, на основаніи наблюденій весьма кратковременныхъ, а описаніе Аму-Дарьи извлечено изъ записокъ покойнаго генерала Генса и не провѣрено по другимъ источникамъ.

Статистика Пермской губерніи.

Вскорѣ по окончаніи описанія Аральскаго моря, я былъ командированъ въ Пермскую губернію, для составленія военно-статистическаго описанія ея. Работа эта продолжалась цѣлый годъ; но съ весны 1851 года, въ управленіе Оренбургскимъ краемъ генералъ-адъютанта Перовскаго, вся моя служебная дѣятельность была исключительно посвящена Киргизскимъ степямъ, или, вѣрнѣе, нашей въ ней колонизаціи.

Приложеніе къ главѣ IV.

О военной экспедиціи въ Хиву.

Въ чемъ состоитъ трудность экспедиціи въ Хиву.

Трудность военной экспедиціи въ Хиву, съ цѣлью завоеванія ханства, заключается не столько въ силѣ сопротивленія, которую могутъ оказать хивинцы русскимъ войскамъ, сколько въ преодолѣніи препятствій для движенія, представляемыхъ самою природою. Поэтому, чтобы судить возможно ли удачное исполненіе подобной экспедиціи, и если возможно, то при какихъ условіяхъ— прежде всего надо обратить вниманіе на физическія данныя пространства, отдѣляющаго русскія границы отъ Хивы, и разсмотрѣть главнѣйшіе и кратчайшіе пути, пролегающіе по этому пространству въ предѣлы ханства.

Обзоръ пространства между предѣлами Россіи и Хивою.

Самые кратчайшіе пути къ Хивѣ идутъ отъ западной части Киргизской степи, находящейся въ вѣдѣніи Оренбургскаго управленія. Въ топографическомъ отношеніи ее можно раздѣлить на четыре полосы.

Сѣверная полоса, ограничивающаяся съ сѣвера и запада рѣкою Ураломъ, съ юга чертою отъ Бударинскаго форпоста, чрезъ мѣсто бывшаго Эмбинскаго укрѣпленія, къ Уральскому укрѣпленію, и съ востока чертою отъ Уральскаго укрѣпленія къ Орской крѣпости, не представляетъ большихъ неудобствъ для движенія войскъ. Русскіе отряды привыкли уже ходить по различнымъ направленіямъ этой полосы. Здѣсь повсюду встрѣчаются рѣчки, хотя небольшія, но съ водою хорошею и достаточною для отряда какой угодно величины. Здѣсь также не можетъ быть большого недостатка въ подножномъ кормѣ, особенно принимая во вниманіе привычку мѣстныхъ лошадей къ степнымъ травамъ. Здѣсь, наконецъ, не встрѣчается ни сыпучихъ песковъ, ни вязкихъ солончаковъ, такъ много затрудняющихъ движеніе отрядовъ, въ особенности если при нихъ находятся орудія и повозки.

Полоса, лежащая южнѣе черты отъ Бударинскаго форпоста къ Мугаджарскимъ горамъ до Каспійскаго моря и Усть-Урта, заключаетъ въ себѣ большія пространства песку, обширные солончаки и озера съ водою, негодною для употребленія. Здѣсь протекаютъ рѣки Уилъ, Сагизъ и Эмба съ ихъ притоками; но вода въ нихъ большею частью горькосолоновата. Вообще въ этой полосѣ и преимущественно въ южной ея части, особенно обильной солончаками, встрѣчается большой недостатокъ въ водѣ и подножномъ кормѣ; водопои рѣдки, а травою, здѣсь растущею, могутъ безъ нужды и во всякое время питаться только верблюды. Кромѣ того, движеніе по этой полосѣ затруднительно по обилію солончаковъ, которые въ сырое время дѣлаются совершенно непроходимыми для войскъ и тяжестей.

Между Каспійскимъ и Аральскимъ морями находится возвышенная равнина Усть-Урта, окруженная со всѣхъ сторонъ обрывистымъ чинкомъ. По твердости и ровности грунта, Усть-Уртъ не представляетъ неудобствъ для слѣдованія войскъ и тяжестей, но за то еще бѣднѣе водою и подножнымъ кормомъ, чѣмъ предыдущая полоса. Здѣсь нѣтъ не только ни одной рѣчки и ни одного прѣснаго озера, но даже копани очень рѣдки и вода въ нихъ находится на значительной глубинѣ, не всегда въ достаточномъ количествѣ и большею частью дурного качества. Травы и кус-

тарники, растущіе по Усть-Урту, хороши для корма верблюдовъ, но годны для лошадей только привычныхъ къ подобной пищѣ.

Къ сѣверу и востоку отъ Аральскаго моря находятся обширныя пространства сыпучихъ песковъ. На сѣверѣ тянутся двумя полосами пески Большіе и Малые Барсуки, которыхъ раздѣляетъ довольно высокій кряжъ, имѣющій характеръ Усть-Урта. Къ востоку отъ Малыхъ Барсуковъ находится солонцеватое пространство, примыкающее съ другой стороны къ пескамъ Кара-кумъ, которые простираются почти отъ рѣки Иргиза до самой Сыръ-Дарьи. Полоса, лежащая между рѣками Сыромъ и Куваномъ, частію покрыта песчаными холмами, а частію глиниста и сравнительно съ окружающими мѣстностями довольно плодородна. Отъ Куванъ-Дарьи на югъ къ пересохшей Яны-Дарьи находятся пески, прерывающіеся глинистыми полосами. Берега Яны-Дарьи состоятъ изъ жирной глины, на которой растетъ въ изобиліи саксаулъ. Между Яны-Дарьею и рѣкою Аму простираются пески Кызылъ-кумъ. Вся эта полоса представляетъ важныя неудобства для движенія войскъ: слѣдованіе ихъ и особенно тяжестей крайне затруднительно по песчаному грунту; на этомъ пространствѣ, кромѣ Сыръ и Куванъ-Дарьи, нѣтъ ни одной рѣки и вода добывается исключительно изъ однихъ копаней, разстоянія между которыми бываютъ иногда слишкомъ велики для обыкновенныхъ переходовъ и вода въ нихъ не всегда хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ; наконецъ, растительность въ пескахъ слабая, потому подножный кормъ скуденъ. Впрочемъ, вообще вода и подножный кормъ въ пескахъ лучше, чѣмъ на солонцеватомъ грунтѣ.

Моря Каспійское и Аральское.

Изъ разсмотрѣнія пространства, заключающагося между предѣлами Россіи и Хивою, видно, что, за исключеніемъ сѣверной полосы, вся остальная часть его представляетъ весьма важныя затрудненія для движенія войскъ; но такъ какъ къ южной части этого пространства примыкаютъ моря Каспійское и Аральское, то здѣсь не лишнее обратить вниманіе на вопросъ: не могутъ ли они, по своему географическому положенію, способствовать къ

облегченію похода въ Хиву перевозкою войскъ съ одного берегового пункта на другой?

Каспійское море представляетъ всѣ удобства для перевозки войскъ, потому что нѣтъ большой трудности сосредоточить для этой цѣли около Гурьева достаточное число пароходовъ и парусныхъ судовъ, взятыхъ изъ Астрахани; но Каспійское море находится еще слишкомъ далеко отъ Хивы и весьма не многимъ сохращаетъ походъ; кромѣ того, пути отъ него пролегаютъ тоже или чрезъ Усть-Уртъ [1]), или чрезъ пески, лежащіе отъ него къ югу [2]). Вотъ почему Каспійское море едва-ли можетъ имѣть важное значеніе для экспедиціи въ Хиву.

Аральское море, въ отношеніи перевозки войскъ, представляетъ совершенно противоположныя выгоды и недостатки Каспійскому. Посредствомъ его можно миновать большую часть безводнаго пространства; но за то перевозочныя средства на немъ въ настоящее время весьма недостаточны для этой цѣли. На три шкуны, находящіяся на Аральскомъ морѣ, изъ которыхъ двѣ военныя и одна частная, едва-ли можно посадить за одинъ разъ, кромѣ людей экипажа, болѣе ста человѣкъ. Принимая во вниманіе господство на морѣ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, можно допустить, что суда достигнутъ устья Аму или острова Токмакъ-Ата въ незначительное число дней; но на обратный путь ихъ за слѣдующею партіею можетъ потребоваться гораздо болѣе продолжительное время. Шкуна Константинъ возвращалась въ 1848 году отъ острова Токмакъ-Ата къ устью Сыръ-Дарьи цѣлый мѣсяцъ. Изъ этого уже видно, что перевозка весьма небольшаго числа людей къ устьямъ Аму должна продолжаться, при настоящихъ средствахъ, нѣсколько мѣсяцевъ, и потому для значительной экспедиціи рѣшительно невозможна, тѣмъ болѣе, что, при выступ-

---

[1]) Напримѣръ—дорога отъ Новопетровскаго укрѣпленія. Она имѣетъ, впрочемъ, преимущество надъ Старо-Ногайскою отъ Сарайчикова, потому что сокращаетъ путь верстъ на 150 и минуетъ самую трудную часть послѣдней дороги до подъема на Усть-Уртъ.

[2]) Напримѣръ—дорога отъ Красноводской косы, по которой шелъ Муравьевъ въ 1819 году и которою, если можно воспользоваться въ случаѣ экспедиціи, то скорѣе войсками Кавказскаго, чѣмъ Оренбургскаго корпуса.

леніи войскъ съ линіи раннею весною, амбаркація можетъ начаться, напримѣръ, у залива Сары-Чаганакъ, никакъ не ранѣе іюня мѣсяца, и кавалерія, при настоящихъ средствахъ, не можетъ быть перевезена по морю [1]).

Пути къ Хивѣ.

Сдѣлавъ краткій географическій очеркъ пространства, заключающагося между юговосточными границами Россіи и Хивою, обратимъ вниманіе на главнѣйшіе пути, идущіе отъ означенныхъ границъ въ предѣлы ханства. Сарайчиковская станица, Оренбургъ и Орская крѣпость суть три пункта оренбургской пограничной линіи, отъ которой отходятъ главнѣйшія дороги къ Хивѣ, именно: отъ Сарайчикова чрезъ Усть-Уртъ (старая Ногайская дорога); отъ Оренбурга по Илеку, Исенбаю, Темиру и западному берегу Аральскаго моря; отъ Орской крѣпости чрезъ Сыръ-Дарью. Остальные пути описаннаго пространства не требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, какъ потому, что они не кратчайшіе, такъ и потому, что имѣютъ всѣ тѣ же свойства, выгоды и недостатки, какъ и главные, находящіеся съ ними въ одной и той же полосѣ.

---

[1]) Чтобы можно было воспользоваться Аральскимъ моремъ, для перевозки войскъ, необходимы пароходъ и баржи, приспособленныя къ помѣщенію не только пѣхоты, но и кавалеріи. Заведеніе пароходства на морѣ потребуетъ большихъ издержекъ, въ особенности если окажется, что куландинскій каменный уголь негоденъ для этой цѣли; но сухопутная экспедиція можетъ обойтись едва-ли не дороже, и, кромѣ того, флотиліею Аральскаго моря скорѣе всего можно упрочить политическое вліяніе Россіи на хивинское ханство и развить торговлю съ Среднею Азіею.

Въ случаѣ экспедиціи чрезъ Аральское море, островъ Токмакъ-Ата можетъ служить хорошимъ складочнымъ пунктомъ. Для занятія его и прекращенія сообщенія съ берегомъ потребуется весьма незначительное число людей. Островъ можетъ быть занятъ совершенно неожиданно, а съѣстные припасы, равно какъ и военные, и войско, назначенное для экспедиціи, могутъ быть подвозимы постепенно, безъ всякой опасности со стороны непріятеля, на судахъ, буксируемыхъ пароходомъ. Для дальнѣйшихъ дѣйствій должно тщательно изслѣдовать проливъ, отдѣляющій островъ отъ берега и устья Аму-Дарьи, послѣ чего перевести на шлюпкахъ людей съ частію запасовъ на твердый берегъ и утвердиться на Аму въ томъ пунктѣ, съ котораго она начинаетъ быть судоходною. Этотъ пунктъ долженъ находиться отъ берега моря, судя по Сыръ-Дарьѣ, верстахъ въ двадцати. Тутъ можно устроить укрѣпленіе, которое и послужитъ основаніемъ дѣйствій вдоль по Аму.

Обращаясь къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ путей къ Хивѣ, необходимо замѣтить, что разстоянія по нимъ опредѣляются, болѣе или менѣе точно, въ верстахъ и переходахъ отъ 20-ти до 30-ти верстъ.

Отъ Сарайчикова чрезъ Усть-Уртъ.

Старая Ногайская дорога издавна служила главнымъ путемъ сообщенія съ Среднею Азіею. По ней въ 1717 году велъ свои войска князь Александръ Бековичъ Черкасскій [1]). Съ основанія Оренбурга дорога эта утратила свое первостепенное значеніе, но въ 1825—26 году по ней шелъ съ отрядомъ полковникъ Бергъ для изслѣдованія Усть-Урта и въ 1841 году возвращался изъ Хивы капитанъ Никифоровъ.

Маршрутъ отъ Сарайчикова:

коп. Джанибекъ	104	вер.	коп. Сартымбетъ . . . . . 7 вер.
рѣка Сагизъ	30	»	» Сапакъ . . . . . 12 »
коп. Думбоянъ	30	»	» прѣсные . . . . . 19 »
рѣка Эмба	52	»	» Саспакъ . . . . . 13 »
коп. Тасъ-чигилъ	49	»	» Джулъ-Джитыргенъ . . 28 »
Далѣе до слѣдующаго водопоя встрѣчаются во многихъ мѣстахъ засоренныя копани.			» Акъ-кудукъ . . . . . 15 »
			» Суня-темиръ . . . . . 18 »
			» Табынъ-су . . . . . 31 »
коп. Тюлинъ	42	»	» Табынъ-су . . . . . 4 »
» Иркибай	33	»	» Табынъ-су . . . . . 30 »
род. Биняу у подъема на Усть-Уртъ	106	»	озеро Айбугиръ . . . . . 70 »
коп. Чаканъ	44	»	» Айбугиръ у спуска съ Усть-Урта. . . . . 28 »
» Джантынъ	25	»	бывш. укр. Кызъ-Кала . . . 38 »
» Сыркебай	24	»	гор. Куня-ургенчъ . . . . . 28 »
» Терескенъ	16	»	хан. домъ Чербакъ . . . . 38 »
На эти колодцы выходитъ караванная дорога отъ Мангишлака (верстъ 400).			гор. Иллалы . . . . . 30 »
			» Ташаусъ . . . . . 28 »
			» Шаватъ . . . . . 32 »
коп. Каска	8	»	» Хива . . . . . 33 »
» Джаннакъ	20	»	Итого . . . 1.085 вер.

Самая трудная часть старой Ногайской дороги отъ Сарайчикова до Усть-Урта, на протяженіи 446-ти верстъ. Несмотря на пересѣченіе ея двумя рѣками, Сагизомъ и Эмбою, водопои здѣсь такъ рѣдки, что по необходимости должно проходить это про-

[1]) Князь Черкасскій, выступивъ изъ Гурьева, слѣдовалъ по близости моря и переправясь черезъ Эмбу, направился черезъ колодцы Учь-канъ, Мынъ-су-алмазъ къ пескамъ Самъ и отсюда къ западному берегу Аральскаго моря.

странство усиленными переходами отъ 30 до 50 верстъ и при всемъ томъ приходится останавливаться на безводныхъ мѣстахъ раза четыре (два раза между Сарайчиковымъ и Джаныбекомъ и два раза между Иркибаемъ и Биняу). Но постоянные усиленные переходы, въ числѣ 12, чрезвычайно трудны для войскъ, особенно если войска не могутъ быть хорошо удовлетворены на мѣстахъ ночлеговъ. Вода въ копаняхъ здѣсь вообще горька и въ недостаточномъ количествѣ. Въ подножномъ кормѣ встрѣчается также недостатокъ. Здѣшнія травы питательны для верблюдовъ, но слишкомъ ѣдки для лошадей, особенно весною и лѣтомъ; мѣстами встрѣчается впрочемъ камышъ, при нуждѣ годный для пищи лошадей. Обиліе солончаковъ дѣлаетъ движеніе по этому пути возможнымъ лѣтомъ только въ сухое время, а зимою въ сильные морозы.

На Усть-Уртѣ разстояніе между колодцами только въ двухъ мѣстахъ превосходитъ величину обыкновеннаго перехода. Все пространство до Айбугира, въ 384 версты, можно пройти въ 15 переходовъ, изъ которыхъ только одинъ въ 44 версты (отъ Биняу до Чакана), четыре болѣе чѣмъ въ 30 верстъ (отъ Суняземира до Айбугира) и только въ одномъ мѣстѣ (между Табынъ-су и Айбугиромъ) придется ночевать безъ воды. Но и здѣсь колодцевъ вообще мало, и вода въ нихъ большею частію дурного качества. Подножный кормъ состоитъ изъ одного почти джюсана (полыни).

Далѣе до Хивы путь, въ 255 верстъ, идетъ чрезъ осѣдлую часть ханства, гдѣ нѣтъ недостатка въ водѣ и подножномъ кормѣ, и можетъ быть пройденъ въ 10—12 обыкновенныхъ переходовъ.

Всего отъ Сарайчикова до Хивы 1.085 верстъ и 39 переходовъ, въ томъ числѣ 17 усиленныхъ; на безводныхъ мѣстахъ придется ночевать по крайней мѣрѣ 5 разъ.

Отъ Оренбурга по западному берегу Аральскаго моря.

Путь изъ Оренбурга въ Хиву по западному берегу Аральскаго моря, какъ кратчайшій, пріобрѣлъ значеніе главнаго. По немъ было направлена въ 1830—40 году зимняя экспедиція генералъ-адъютанта Перовскаго, а въ 1842 году по немъ прошелъ въ Хиву подполковникъ Данилевскій.

Маршрутъ отъ Оренбурга по западному берегу Аральскаго моря:

бывш. Эмбинское укр. . . .	452 вер.	род. Акты-кенды.	58 вер.
рѣчка Аты-джаксы	22 »	» Акъ-булакъ	35 »
род. Чаинды	31 »	разв. Давлетъ-гирея	42 »
» у горы Намазъ-тау . .	23 »	род. Каска	50 »
» у горы Карача-тау . .	36 »	уроч. Аджибай	40 »
рѣчка Чеганъ противъ горы Хаджа-Бергенъ	28 »	» Кара-гумбетъ (спускъ съ Усть-Урта)	34 »
рѣчка Чеганъ	26 »	озеро Айбугиръ (подъемъ на Усть-Уртъ)	31 »
род. Ачу-Тасты послѣ подъема на Усть-Уртъ	26 »	тоже	28 »
коп. Саръ-кудукъ (куль-куд.)	40 »	тоже	[illegible] »
» Тюбя-кудукъ	39 »	заливъ Акъ-Чеганакъ . . .	[illegible]
» Исень-Чагылъ	15 »	гор. Хива	[illegible]
уроч. Каскаджулъ на Аральскомъ морѣ	36 »	Итого . . .	1.393 вер.

Начало пути отъ Оренбурга до бывшаго Эмбинскаго укрѣпленія, въ 452 версты или 15—20 переходовъ, не представляетъ особенныхъ затрудненій для движенія войскъ. Вода и подножный кормъ находятся на всемъ этомъ разстояніи въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества.

Отъ бывшаго Эмбинскаго укрѣпленія дорога идетъ сначала вдоль рѣчекъ Аты-джаксы, Чаинды и Чегану, по солонцеватой равнинѣ, гдѣ встрѣчается уже недостатокъ въ хорошей водѣ и въ подножномъ кормѣ. Потомъ она подымается на Усть-Уртъ; подъемовъ есть нѣсколько, но лучшій, сколько извѣстно, пролегаетъ по оврагу Ачу-Тасты. Отсюда дорога приближается къ пескамъ Большіе Барсуки и направляется вдоль западныхъ окраинъ ихъ къ Аральскому морю. Вода добывается здѣсь изъ копаней, которыя довольно рѣдки и въ небольшомъ количествѣ, отъ одной до шести, не болѣе; воды бываетъ достаточно для водопоя отъ 100 до 1000 верблюдовъ. Подножный кормъ состоитъ изъ джюсана и бююргуна, а для топлива попадается тюясунгаръ и терескенъ. Все пространство отъ бывшаго Эмбинскаго укрѣпленія до Аральскаго моря, въ 322 версты, можно пройти въ 11 большихъ переходовъ, въ томъ числѣ 5 въ 30—40 верстъ.

Отъ урочища Каска-джулъ караванная дорога по западному берегу Аральскаго моря идетъ по гребню Чинка. При урочищѣ Тайкы или при Кара-гумбетѣ она спускается внизъ къ Айбугиру и идетъ берегомъ озера до урочища Каскаджула, при которомъ

снова подымается на Усть-Уртъ, продолжая идти по берегу озера Дорога до Айбугира представляетъ важныя затрудненія для движенія войскъ. Колодцы чрезвычайно рѣдки, такъ что придется дѣлать форсированные переходы отъ 35-ти до 60-ти верстъ. Вода въ колодцахъ горька и солена и въ недостаточномъ количествѣ, такъ какъ на Усть-Уртѣ рѣдко гдѣ находится болѣе двухъ или трехъ колодцевъ вмѣстѣ. Подножный кормъ состоитъ почти исключительно изъ бюргуна, джусана и баялыгъ. Въ Айбугирѣ вода прѣсная и по берегамъ его растетъ камышъ. Весь этотъ путь, въ 370 верстъ, можно сдѣлать въ 10—12 большихъ переходовъ, въ томъ числѣ 6 форсированныхъ.

Далѣе до Хивы остается 255 верстъ или 10—12 обыкновенныхъ переходовъ.

Всего отъ Оренбурга до Хивы по западному берегу Аральскаго моря 1.399 верстъ или 55 переходовъ, въ томъ числѣ 11 усиленныхъ.

Отъ Орска чрезъ Сыръ-Дарью.

Путь отъ Орска, чрезъ Сыръ-Дарью былъ пройденъ и положенъ на карту еще въ 1740—41 году геодезистомъ Муравинымъ; но онъ пріобрѣлъ для насъ особенное значеніе съ основанія въ 1847 году укрѣпленія на Сырѣ. Съ этихъ поръ дорога отъ Орска до Сыръ-Дарьи стала намъ весьма хорошо извѣстною. Маршрутъ между Сыръ-Дарьею и Аму-Дарьею былъ снятъ капитаномъ Никифоровымъ, слѣдовавшимъ въ 1841 году въ Хиву, а въ 1842 году была произведена нашими топографами рекогносцировка осѣдлой части хивинскаго ханства.

Маршрутъ отъ Орска въ Хиву:

Уральское укрѣпл.	387	вер.	коп. Сайкудукъ	22	вер.
Иимское укрѣпл.	315	»	» Айръ-тау	6	»
Переправа чрезъ Сыръ-Дарью:			» Кара-батырь	24	»
колодезъ	14	»	» Биль-кудукъ	39	»
канава	38	»	» Худояръ	32	»
озеро Кара-Куль.	20	»	» Зангари	18	»
укр. Бишь-Кала	9	»	Отъ этихъ копаней дорога		
протокъ Джиль-куванъ . . .	16	»	идетъ то песками, то солон-		
рѣка Куванъ-Дарья	16	»	цеватыми долинами пересох-		
тоже	33	»	шей Яны-Дарьи:		
тоже	40	»	коп. Каска	10	»
тоже	37	»	» Джауказганъ	25	»
уроч. Яманъ-Чаганакъ на Ку-			» Джилау		
ванѣ	38	»	» Алты-кудукъ	14	»

безводное мѣсто	33	вер.	городъ Кипчакъ на Аму-Дарьѣ	5	вер.
тоже у горы Кокъ-тюбе. . .	44	»	» Мангытъ	22	»
озеро Камышлы-башъ. . . .	39	»	» Клычь-ніазъ	18	»
тоже	19	»	» Ташоусъ.	15	»
озеро Доу-кара	19	»	» Шаботъ	32	»
долина Аму-Дарьи.	68	»	» Хива	33	»

Итого . . . 1.500 вер.

Отъ Орска до Уральскаго укрѣпленія 387 верстъ или 19 переходовъ. Дорога идетъ по рѣкамъ Ори, Иргизу и ихъ притокамъ и не представляетъ затрудненій для движенія войскъ. Вода и подножный кормъ на всемъ этомъ пространствѣ находятся въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества.

Отъ Уральскаго укрѣпленія до Раима 315 верстъ или 14 переходовъ. Дорога идетъ сначала по солонцеватому грунту, а отъ колодцевъ Терекли до самой Сыръ-Дарьи по западнымъ окраинамъ песковъ Кара-кумъ. Вода въ пескахъ добывается исключительно изъ копаней, разстояніе между которыми опредѣляетъ величину перехода. На всемъ этомъ пространствѣ ощутителенъ также недостатокъ въ подножномъ кормѣ. Несмотря, однако, на трудность движенія по пескамъ, на недостатокъ воды и подножнаго корма, пески Кара-кумъ не могутъ составить препятствія для движенія нашихъ войскъ, которыя достаточно съ ними познакомились въ походы 1846, 1847 и 1848 годовъ.

Сыръ-Дарья не имѣетъ около Раима брода, а по быстротѣ теченія устройство черезъ нее плавучаго моста затруднительно; потому придется производить переправу на судахъ и плотахъ. Отъ Сыръ-Дарьи до Куванъ-Дарьи или вѣрнѣе до протока Джилькуванъ, на протяженіи 97 верстъ, или 4 переходовъ, дорога не представляетъ большихъ затрудненій. Въ водѣ и подножномъ кормѣ, сколько извѣстно, большого недостатка встрѣтиться не можетъ. Канавы, проведенныя туземцами для орошенія полей, даютъ возможность располагать временемъ и мѣстомъ ночлеговъ и приваловъ по произволу, но съ другой стороны, по крутости береговъ, онѣ представляютъ невыгоду для самаго движенія войскъ, которая, впрочемъ, легко можетъ быть отстранена людьми

передового отряда, снабженными для этой цѣли шанцевымъ инструментомъ [1]).

По Куванъ-Дарьѣ вверхъ до урочища Яманъ-Чагнакъ 164 вер. или 6 переходовъ. Дорога идетъ по солонцеватой долинѣ, находящейся между лѣвымъ берегомъ Кувана и песками [2]). Здѣсь также недостатка въ водѣ нѣтъ и переходы могутъ вполнѣ зависѣть отъ начальника. Вѣроятно, можно найти кой-какой подножный кормъ [3]).

При урочищѣ Яманъ-Чаганакъ дорога въ Хиву отходитъ вправо отъ Куванъ-Дарьи и слѣдуетъ, на протяженіи 190 верстъ или 7 переходовъ, до копаней Алты-кудукъ бугристыми и кочковатыми песками, прерывающимися солонцеватыми долинами. Дорога эта очень затруднительна для повозокъ. Вода добывается исключительно изъ копаней, число которыхъ весьма ограничено, потому что ихъ засыпаетъ пескомъ, и вода показывается не ближе, какъ на глубинѣ четырехъ и пяти саженей.

Разстоянія между копанями только въ двухъ мѣстахъ превышаютъ величину обыкновеннаго перехода. Подножнаго корму, состоящаго изъ джюсана, боялычъ и селсу, также саксаула, на всемъ этомъ пространствѣ достаточно.

---

[1]) Въ 81 верстѣ отъ Раима и въ 16 отъ Джиль-кувана, находилась въ 1841 году хивинская крѣпостца *Бишъ-Кала* или *Бабаджанъ*, въ которой прожилъ нѣкоторое время капитанъ Никифоровъ и которая была уничтожена впослѣдствіи батыремъ Джанъ-ходжею; верстахъ въ 9-ти сѣверо-восточнѣе ея находятся развалины *Джаны-кента*.

[2]) Капитанъ Никифоровъ переправился черезъ Джилъ-куванъ на косовыхъ лодкахъ, а чрезъ Куванъ-Дарью по плотинѣ. Далѣе путь Никифорова отдалялся отъ Аральскаго моря верстъ на 200 и былъ значительно кружнѣе пути, пройденнаго близъ моря Муравинымъ, но трудно полагать, чтобы для прохода войскъ можно было найти болѣе удобную и кратчайшую дорогу; по крайней мѣрѣ попытка Никифорова приблизиться къ Аральскому морю не увѣнчалась успѣхомъ; онъ встрѣтилъ непроходимые пески. Что же касается до маршрутовъ, составленныхъ по разспросамъ киргизъ, то на нихъ едва ли можно положиться.

[3]) Изъ записанныхъ показаній киргизъ видно, что на Куванъ-Дарьѣ находились слѣдующія хивинскія крѣпостцы: Чаганай-ходжа, верстъ въ 20 выше Яманъ-Чаганака, Киногребай-Сатыкъ, верстахъ въ 30 выше предыдущей, и Чиркалы, верстъ на 15 выше. Существуютъ ли они въ настоящее время— неизвѣстно.

Отъ копаней Алты-кудукъ до самой Аму-Дарьи, на протяженіи 227 верстъ или 7 переходовъ, дорога идетъ песками Кизылъ-кумъ, прерываемыми по временамъ солонцеватыми полосами. На всемъ этомъ пространствѣ дорога бугриста и кочковата, травы и топлива достаточно, но воды, за исключеніемъ Камышлы-башъ или Дау-кара нигдѣ нѣтъ. Озеро это начинается отъ копаней Алты-кудукъ въ 116 верстахъ и тянется вдоль караванной дороги на 38 верстъ; затѣмъ отъ Дау-кары до самой Аму-Дарьи опять идетъ безводное пространство въ 68 верстъ. Снѣжная вода сохраняется въ ямахъ только до іюля мѣсяца.

Послѣ переправы чрезъ Аму-Дарью у Кипчака остается до Хивы 120 верстъ или 5 переходовъ [1]). Дорога пролегаетъ чрезъ города и селенія ханства и не представляетъ уже затрудненій для движенія войскъ.

Всего отъ Орска до Хивы 1.500 верстъ или 62 перехода, въ томъ числѣ 7 усиленныхъ; на безводныхъ мѣстахъ придется останавливаться не менѣе 3-хъ разъ.

Сравненіе путей къ Хивѣ.

Разсмотрѣвъ отдѣльно каждый изъ трехъ главныхъ путей къ Хивѣ, сравнимъ ихъ между собой.

Относительно протяженія: первый путь простирается на 1.085, второй на 1.400 и третій на 1.500 верстъ; но если-бы можно было воспользоваться Каспійскимъ моремъ, для перевозки войскъ къ Мангишлаку и Аральскимъ моремъ отъ Кара-Тамака до Айбугира, или отъ Сары-Чаганока до устья Аму-Дарьи, то протяженіе сухопутнаго похода сократилось-бы по первому пути до 950-ти, а по второму и третьему до 1.000 верстъ, и вмѣстѣ съ этимъ сокращеніемъ миновались-бы самыя трудныя части путей и двѣ важныя переправы черезъ рѣки Сыръ и Аму.

---

[1]) Другая дорога отъ Кипчака вверхъ по Аму:

городъ Мангытъ	22 вер.	городъ Яны-Ургенчь	29 вер.
» Китай	19 »	» Ханки	16 »
» Гурленъ	29 »	» Хазаръ-аспъ	33 »

За Хазаръ-аспомъ плодородная долина Аму-Дарьи съуживается, впрочемъ, по рѣкѣ встрѣчаются еще селенія, хотя гораздо рѣже.

Относительно числа переходовъ, опредѣляемаго разстояніями между водопоями, надобно замѣтить, что первый путь можно сдѣлать въ 39, второй, въ 55 и третій въ 62; но эти цыфры обратно пропорціональны величинѣ переходовъ, такъ какъ средній переходъ на первомъ пути—28, на второмъ—25$^1/_2$ и на третьемъ—24 версты. Самый трудный путь въ этомъ отношеніи первый, такъ какъ здѣсь изъ 39 переходовъ—17 придется сдѣлать усиленныхъ, отъ 30 до 50 верстъ каждый, и не менѣе 5 разъ останавливаться на безводныхъ мѣстахъ. Затѣмъ почти также труденъ второй путь, гдѣ, разсчитывая только на 11 форсированныхъ маршей, отъ 35 до 60 верстъ каждый, можно избѣгнуть безводныхъ ночлеговъ. Наконецъ на третьемъ пути всего 7 усиленныхъ переходовъ (до 40 верстъ), но придется останавливаться на безводныхъ мѣстахъ 3 раза.

Относительно предметовъ бивуачной потребности, то есть воды, подножнаго корма и топлива, трудно съ положительною увѣренностію сказать, который изъ трехъ путей представляетъ бо̀льшія удобства; но, основываясь на наблюденіи, что въ пескахъ копани многочисленнѣе, мельче и съ лучшимъ качествомъ воды, чѣмъ въ солонцеватыхъ равнинахъ, и что относительно растительности песчаная почва имѣетъ также преимущество предъ солонцеватою, можно полагать, что дорога по восточную сторону Аральскаго моря лучше обезпечена, чѣмъ пути по западную его сторону.

Наконецъ, относительно условій грунта, первый путь затруднителенъ, и то не во всякое время года, только отъ Сарайчикова до Усть-Урта (около 450 верстъ) и второй отъ бывшаго Эмбинскаго укрѣпленія до Аральскаго моря (болѣе 300 верстъ), оба, по причинѣ обилія солончаковъ. Что-же касается до третьяго пути, то по значительной части своего протяженія онъ пролегаетъ по пескамъ (по Кара-куму верстъ 200 и по Кизылъ-куму верстъ 400), движеніе по которымъ чрезвычайно трудно для войскъ и особенно для колеснаго обоза, безъ котораго никакъ нельзя обойтись, въ виду необходимости артиллеріи и переправочныхъ средствъ чрезъ рѣки Сыръ и Аму.

Выборъ пути для экспедиціи.

Изъ сравненія главныхъ путей къ Хивѣ видно, что всѣ они имѣютъ весьма важные недостатки и хотя путь по западную сторому Аральскаго моря нѣсколько короче и имѣетъ преимущество въ отношеніи условій грунта, но за то уступаетъ пути по восточному берегу моря по величинѣ переходовъ и можетъ быть также и относительно количества и качества предметовъ бивуачной потребности, такъ что трудно произнести окончательный приговоръ, которымъ изъ нихъ выгоднѣе воспользоваться. При предположеніи возможности перевозки войскъ по Аральскому морю всѣ пути уравниваются по длинѣ, и въ этомъ случаѣ послѣдній пріобрѣтаетъ преимущество надъ остальными, такъ какъ дорога до Сары-Чаганока знакомѣе другихъ и съ нею свыклись наши войска. Не принимая же во вниманіе Аральскаго моря, едва-ли не съ одинаковыми шансами можно воспользоваться путемъ чрезъ Усть-Уртъ или чрезъ пески. Поэтому, чтобы не затрудняться выборомъ дороги, при составленіи предположенія о походѣ въ Хиву, лучше всего принять во вниманіе большее или меньшее удобство сосредоточенія войскъ и принадлежностей экспедиціи на томъ или другомъ пунктѣ линіи.

Сила, составъ и пункты выступленія экспедиціи.

Сила экспедиціи въ Хиву должна соображаться съ препятствіями для удачнаго достиженія цѣли, представляемыми природою и непріятелемъ. Первое условіе требуетъ по возможности меньшаго числа войскъ, потому что съ малымъ отрядомъ легче преодолѣть трудности пути, чѣмъ съ большимъ. Второе тоже не требуетъ большихъ силъ. Хивинцы не имѣютъ постояннаго, регулярнаго войска; но, въ случаѣ надобности, ополченія ихъ составляются скоро изъ Узбековъ, Сартовъ, Туркменъ, Каракалпаковъ и Киргизъ. Такимъ образомъ являются толпы ордынскихъ всадниковъ, громадныя по числу, но не имѣющія никакого военнаго образованія. Наши войска не разъ уже вступали въ бой съ подобными толпами, не обращая никакого вниманія на несоразмѣрность силъ, и всегда оставались побѣдителями. Что же касается до укрѣпленій хивинскихъ городовъ, то они такъ не важны въ

фортификаціонномъ отношеніи, что не потребуютъ ни большого числа войскъ, ни большихъ усилій для ихъ овладѣнія; къ тому же Хивинцы, сколько извѣстно, и не отличаются способностью къ упорной оборонѣ: въ августѣ 1847 года гарнизонъ укрѣпленія Джанъ—кала бѣжалъ при первомъ выстрѣлѣ изъ нашего орудія; а во время экспедиціи полковника Берга къ Аральскому морю, жители Кунграда не покинули городъ и не бѣжали въ Хиву, а остались только вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій и увѣреній хана, что онъ заблаговременно извѣститъ ихъ о дѣйствительной опасности [1]). Русскіе неоднократно предпринимали походы къ Хивѣ. Еще въ началѣ XVII столѣтія ходили туда войною яицкіе казаки [2]). Затѣмъ въ 1717 году отправилась въ Хиву экспедиція князя Бековича Черкасскаго, состоявшая изъ 600 драгунъ (полкъ), 1.400 яицкихъ казаковъ и 500 гребенскихъ, 300 человѣкъ пѣхоты (2 роты), посаженныхъ на коней, и 100 человѣкъ артилеристовъ, при 6 орудіяхъ, и другихъ чиновъ, всего около 3.000 человѣкъ, а съ Ногайскими Татарами, Калмыками, Черкесами и людьми при караванѣ до 4.000. Наконецъ,

[1]) Свѣдѣніе это заимствовано изъ показанія бухарца Гарифъ Атаміева, отобраннаго въ 1826 году.

[2]) О походахъ яицкихъ казаковъ въ Хиву въ Уральскомъ войскѣ сохранились преданія, записанныя Рычковымъ въ Оренбургскихъ исторіи и топографіи, и есть свидѣтельство у извѣстнаго автора «Родословной исторіи о Татарахъ, Хивинскаго хана Абульгази». Въ «Исторіи Оренбургской» (глава 4-я § 70, примѣчаніе 9-е) говорится, что донской казакъ Нечай съ шайкою до 800 человѣкъ, прибывъ на Яикъ, разоривъ Сарайчиковъ и основавъ около 1584 года первое городище выше нынѣшняго Уральска, отправился на поискъ въ Хиву и т. д. Въ «Оренбургской Топографіи» (часть 2-я, глава 2-я) разсказывается это нѣсколько иначе, именно, что въ первое время поселенія казаковъ на Яикѣ, нѣкто изъ нихъ, по прозванію Нечай, собравъ шайку въ 500 человѣкъ, пошелъ съ нею на Хиву. Далѣе гораздо подробнѣе, но сходно съ предыдущимъ, описываются обстоятельства самого похода и затѣмъ повтореніе предпріятія Нечая, совершенное другимъ казакомъ, Шамаемъ съ шайкою въ 300 человѣкъ. Въ «Родословной исторіи о Татарахъ», (издан. Академ. наукъ, томъ II-й, стр. 346) говорится, что въ 1011 году, то есть по нашему счисленію въ 1602 году, Яицкіе Уруссы, въ числѣ 1.000 человѣкъ, дѣлали нападеніе на Ургенчъ, но въ другомъ мѣстѣ (страница 396) это происшествіе отнесено къ году рожденія Абульгази, то есть къ 1014, или по нашему къ 1605; самое же описаніе обстоятельствъ набѣга совершенно сходно съ разсказомъ о походѣ Нечая.

экспедиція въ Хиву генералъ-адъютанта Перовскаго въ 1839 году состояла изъ 3 тысячъ пѣхоты ($3^1/_2$ баталіона) и болѣе 2 тысячъ кавалеріи (около 3 полковъ) и артилеріи, при 22 орудіяхъ и 4 ракетныхъ станкахъ, всего, съ многочисленнымъ штабомъ около $5^1/_2$ тысячъ, а съ киргизами до 6 тысячъ человѣкъ. Отряды Яицкихъ казаковъ и Бековича были исключительно конные, а въ войскахъ Перовскаго главную часть составляла уже пѣхота.

Съ перваго взгляда, кажется, что *пѣхота* не должна имѣть большого значенія въ экспедиціи, имѣющей цѣль наступательную противъ непріятеля, войска котораго составляются исключительно изъ одной конницы, потому что пѣхота можетъ прекрасно обороняться противъ кавалеріи и даже наносить ей значительный вредъ, но не можетъ совершенно разбить и уничтожить ея и тѣмъ достигнуть главнѣйшаго средства къ успѣшному окончанію войны. Съ другой стороны, однако, пѣхота не только полезна, но даже необходима для экспедиціи, какъ для пораженія непріятеля ружейнымъ огнемъ, имѣющимъ особенную важность въ дѣйствіяхъ противъ невѣжественныхъ азіятцевъ, такъ и для овладѣнія укрѣпленными городами и селеніями. Пѣхота имѣетъ въ степныхъ походахъ еще то преимущество, что снаряженіе и содержаніе ея требуетъ меньшихъ хлопотъ и издержекъ, а препятствія, представляемыя природою для движенія по степямъ, имѣютъ на нее несравненно меньшее вліяніе, чѣмъ на конницу.

Кавалерія необходима въ экспедиціи, какъ для обезпеченія движенія отряда отъ внезапныхъ нападеній и для рекогносцировокъ, съ цѣлію развѣдыванія о непріятелѣ и о мѣстности, такъ и для боя, то есть для атакъ и преслѣдованій. Обиліе кавалеріи однако невыгодно, потому что она трудно преодолѣваетъ препятствія, представляемыя природою; неизбѣжный недостатокъ воды и подножнаго корма могутъ сильно ее изнурить и разстроить. Для поддержанія кавалеріи необходимо имѣть зерновой фуражъ, но это значительно увеличиваетъ обозъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудность движенія.

Самый способный родъ кавалеріи для степного похода, безъ сомнѣнія, *казаки*. Они способнѣе регулярной кавалеріи, не только въ отношеніи обязанностей малой войны, но и для боя противъ

нестройныхъ азіятскихъ полчищъ. Кромѣ того, заводскія лошади регулярной кавалеріи рѣшительно не годятся для степи. Здѣсь нужны лошади степныя, привыкшія и зимою и лѣтомъ ходить подъ открытымъ небомъ, на скудномъ корму, и способныя пить не только болотную воду, но даже горькую и соленую. По замѣчанію полковника Берга, лошади Уральскихъ казаковъ и Букеевской орды лучше выносятъ недостатокъ корма и воды, чѣмъ лошади Оренбургскихъ казаковъ и Башкирцевъ. Поэтому главную силу конницы для экспедиціи въ Хиву лучше составить изъ Уральскихъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что они опытнѣе въ военномъ дѣлѣ Оренбургскихъ и хивинцы съ меньшею охотою вступаютъ въ бой съ бородатыми казаками.

Артилерія необходима для экспедиціи болѣе по огромному нравственному вліянію, которое она производитъ на азіятцевъ, чѣмъ по матеріальнымъ выгодамъ; впрочемъ и въ этомъ отношеніи она можетъ принести значительную пользу. Нѣтъ никакой однако надобности придавать экспедиціи значительное количество артилеріи, а также орудія большого калибра, потому что среднеазіятскіе народы почти совершенно не имѣютъ полевой артилеріи, а между тѣмъ излишнія тяжести при экспедиціи могутъ значительно затруднить ея слѣдованіе по степи. Гораздо лучше ограничиться небольшимъ числомъ мелкихъ и горныхъ орудій, но за то имѣть нѣсколько станковъ съ боевыми ракетами, которые должны производить огромное нравственное вліяніе на азіятцевъ.

Въ составѣ экспедиціи желательно было-бы имѣть небольшое число опытныхъ *саперъ*, для попутнаго исправленія дорогъ и для осадныхъ и минныхъ работъ, и при нихъ гальваническую батарею.

На основаніи высказанныхъ соображеній и данныхъ, можно снарядить экспедицію въ Хиву отъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса изъ: 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ полковъ Уральскихъ и Оренбургскихъ казаковъ, пѣшей батареи, сформированной изъ Оренбургскаго артилерійскаго гарнизона и заблаговременно обученной, и конной батареи Оренбургскаго казачьяго войска, всего въ составѣ съ небольшимъ 5 тысячъ людей и 2 тысячъ лошадей.

Экспедиціонному отряду удобнѣе всего собраться, передъ выступленіемъ въ походъ, въ Оренбургѣ; но чтобы Уральскимъ казакамъ не дѣлать излишняго передвиженія въ противоположную сторону, ихъ можно направить прямо изъ Сарайчикова. Раздѣленіе отряда на двѣ отдѣльныя колонны не представляетъ особенныхъ невыгодъ, такъ какъ каждая изъ нихъ достаточно сильна для самостоятельныхъ дѣйствій, а предъ выступленіемъ въ ханство обѣ онѣ могутъ соединиться у Айбугира.

Время и продолжительность экспедиціи.

Недостатокъ воды въ южной части пространства, заключающагося между юго-восточными границами Россіи и Хивой, былъ причиною господствовавшаго до настоящаго времени убѣжденія, что походъ въ Хиву лучше всего предпринимать зимою, когда снѣгъ можетъ замѣнить воду; но опыты экспедицій полковника Берга въ 1825—26 году и генералъ-адъютанта Перовскаго въ 1839—40 году не подтвердили этого мнѣнія. Правда, зимній походъ избавляетъ войска отъ важнаго неудобства, но съ другой стороны влечетъ за собою множество другихъ. Глубокіе снѣга, трудность движенія по нимъ и добыванія для скота подножнаго корма, жестокіе холода, при недостаткѣ топлива, и бураны, при невозможности укрыться отъ нихъ, могутъ быть гибельны для войскъ. Лѣтомъ жары въ степяхъ бываютъ нестерпимы и воздухъ рѣдко освѣжается дождями и грозами, но противъ зноя можно принять дѣйствительныя мѣры для облегченія и сбереженія отряда, тѣмъ болѣе, что степной климатъ, говоря вообще, здоровъ. На этомъ основаніи, въ настоящее время, степныя походы совершаются почти исключительно лѣтомъ, съ прекращенія весенней распутицы около 1-го мая до ноября. Походы бываютъ особенно удобны весною, когда трава въ степи не успѣла еще выгорѣть, воды всегда довольно и жары не такъ сильны, и осенью, когда, при ясномъ небѣ, солнце не палитъ уже такъ сильно, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Продолжительность экспедиціи опредѣляется главнымъ образомъ разстояніемъ до предмета дѣйствій. Принявъ за нормаль-

*

ную величину перехода отъ 20-ти до 30-ти верстъ и сообразивъ топографическія условія путей, было выведено, что до Хивы можно дойти отъ Оренбурга въ 55 переходовъ и отъ Сарайчикова въ 39. Ясно однако, что такой продолжительный походъ не можетъ быть совершенъ безъ дневокъ; но съ другой стороны частыя дневки въ степи невыгодны, потому что, растягивая время похода, увеличиваютъ обозъ, и кромѣ того, на всемъ пространствѣ отъ Эмбинскаго укрѣпленія и отъ Сарайчикова до Айбугира нѣтъ хорошихъ бивуачныхъ мѣстъ, а останавливаться на мѣстахъ, скудныхъ водою и подножнымъ кормомъ, едва-ли облегчитъ слѣдованіе войскъ. При этомъ послѣднемъ условіи нѣтъ никакой надобности назначать заранѣе дневки, систематически черезъ 2 и 3, 3, 3 и 4 и такъ далѣе перехода, но лучше предоставить такое назначеніе колоннымъ начальникамъ, которые могутъ соображаться въ этомъ случаѣ съ мѣстными условіями и со степенью утомленія войскъ. Въ виду же необходимости предварительныхъ разсчетовъ о продолжительности похода, заранѣе можно назначить только общее число дневокъ. Принимая въ соображеніе, что при движеніи большихъ транспортовъ отъ Орска до Аральска, на протяженіи 700 верстъ и 33 переходовъ, имъ дается всего 4 или 5 дневокъ, что составитъ среднимъ числомъ одну дневку на 7 переходовъ, для похода въ Хиву можно считать достаточнымъ одну дневку на четыре перехода. Тогда оренбургская колонна употребитъ на походъ около 70 и сарайчиковская около 50 дней; такимъ образомъ послѣдняя колонна можетъ выступить съ линіи 20 днями позже первой. Считая на устройство дѣлъ въ Хивѣ и на отдыхъ войскъ около 40 дней и на обратный походъ около 70 дней, вся экспедиція можетъ быть окончена въ полгода, то есть, если она выступитъ съ линіи 1 мая, то вернется къ 1 ноября. Это крайній срокъ, который желательно было бы по возможности сократить, потому что въ ноябрѣ, по случаю наступленія холодовъ и бурановъ, движеніе войскъ по степи затруднительно. Если же обстоятельства задержатъ экспедиціонный отрядъ въ предѣлахъ ханства далѣе назначеннаго времени, то лучше уже оставить его тамъ на зимовку, обезпечивъ продовольствіе реквизиціею.

Обозъ.

Отрядъ, совершающій движеніе по степи, долженъ имѣть съ собою все необходимое на все продолженіе похода, и потому обозъ при немъ всегда бываетъ относительно весьма значителенъ; но если отрядъ отправляется въ дальнюю экспедицію, то обозъ увеличивается до громадныхъ размѣровъ и въ свою очередь увеличиваетъ трудность экспедиціи, граничащую съ невозможностію. Вотъ почему, при составленіи предположенія о дальней степной экспедиціи, расчетъ величины обоза составляетъ самую важную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую трудную задачу, отъ счастливаго разрѣшенія которой зависитъ главнымъ образомъ успѣхъ предпріятія.

Обозъ можетъ быть составленъ изъ вьючныхъ верблюдовъ, или изъ подводъ, конныхъ или воловьихъ. Перевозка тяжести по степи несравненно удобнѣе на верблюдахъ, чѣмъ на подводахъ, потому что верблюды больше лошадей и быковъ выносятъ жажду и почти вездѣ находятъ для себя подножный кормъ и значитъ не нуждаются въ возкѣ фуража, наконецъ безъ утомленія проходятъ тѣ мѣста, чрезъ которыя едва можно провести подводу, какъ напримѣръ черезъ пески. По этимъ причинамъ обозы при степныхъ отрядахъ составляются преимущественно изъ верблюдовъ; но есть предметы, которые, по своей тяжести, громоздкости, или по какимъ либо другимъ свойствамъ, препятствующимъ образованію изъ нихъ вьюковъ, нельзя иначе везти, какъ на подводахъ, какъ напримѣръ артилерійскія орудія, понтоны и прочее. Вьюкъ самаго крѣпкаго и сильнаго верблюда не превышаетъ 16 пудовъ; но среднимъ числомъ можно положить на верблюда 12 пудовъ, съ тѣмъ, чтобы не принимать уже въ расчетъ запасныхъ верблюдовъ, которыхъ обыкновенно полагается 1 на 10, такъ какъ, по мѣрѣ движенія отряда и расходованія провіанта, освобождающіеся изъ подъ него верблюды образуютъ достаточный запасъ. Вьюкъ верблюда необходимо составлять изъ двухъ частей, совершенно равныхъ, не только по вѣсу, но иногда даже и по объему. Подводы воловьи удобнѣе конныхъ только въ томъ случаѣ, когда слѣдуютъ отдѣльно, но въ составѣ отряда они замедляютъ его движеніе, и потому лучше имѣть одни конныя подводы и то въ самомъ ограниченномъ числѣ. Употребленіе же

въ упряжѣ верблюдовъ, не смотря на кажущуюся выгоду, едва ли можетъ быть съ пользою осуществлено.

Величина обоза опредѣляется главнымъ образомъ количествомъ необходимаго на все время похода продовольствія, то есть провіанта и сухого фуража.

Солдатъ получаетъ въ степи по $1^3/_4$ фунта сухарей, $^1/_2$ фунта крупъ и $^1/_2$ фунта мяса въ сутки, по 3 винныхъ порціи въ недѣлю, по 2 фунта соли въ мѣсяцъ и, кромѣ того, по мѣрѣ надобности, извѣстное количество сушеной капусты, уксуса, перцу, луку, табаку и другихъ противуцынготныхъ средствъ, а также чаю и сахару; всего, за исключеніемъ мясной порціи, для которой скотъ гонится обыкновенно при отрядѣ и иногда добывается у кочующихъ киргизъ, около двухъ пудовъ въ мѣсяцъ. Продовольствіе 5-ти тысячъ человѣкъ въ теченіе 6-ти мѣсяцъ составитъ 60 т. пудовъ, на поднятіе которыхъ понадобится 5 тысячъ верблюдовъ.

Зернового фуража понадобится на лошадь, полагая среднимъ числомъ только по 1-му гарнцу въ сутки, около 4-хъ четвериковъ въ мѣсяцъ, или около 3-хъ пудовъ; а на 2 тысячи лошадей въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ—36 тысячъ пудовъ, на поднятіе которыхъ потребуется 3 тысячи верблюдовъ. Огромность числа верблюдовъ, необходимаго для поднятія самаго незначительнаго количества фуража служитъ причиною, что въ степныхъ походахъ лошади почти всегда находятся на подножномъ кормѣ и только въ крайнихъ случаяхъ имъ выдается фуражъ. Здѣсь надобно однако замѣтить, что поддержаніе силъ лошади—предметъ большой важности и требуетъ со стороны начальника не только постоянной заботливости, но и значительной опытности. Лошадь нужно поддерживать, когда она еще не потеряла своихъ силъ, иначе ея ничѣмъ не поправишь и сколько бы ее ни откармливали, пойдетъ „не въ коня кормъ“.

По мѣрѣ расходованія провіанта и фуража, верблюды, освобождающіеся изъ-подъ вьюка, могутъ быть съ пользою употреблены для облегченія движенія пѣшихъ людей; но частію они замѣняютъ слабыхъ и усталыхъ верблюдовъ, отпускаемыхъ совершенно изъ отряда.

Кромѣ провіанта и фуража, при отрядѣ, необходимо еще везти слѣдующіе предметы:

Артилерійскіе, какъ-то порохъ, снаряды, патроны и прочее, боевыя и сигнальныя ракеты, а также запасныя колеса и оси, деготь и коломазь, походныя кузницы со всѣми принадлежностями и прочее.

Инженерныя, какъ-то: гальваническую батарею, со всѣми принадлежностями, понтоны или разборныя лодки, бурдюки (кожанные мѣшки), ведра, лопаты, заступы, мотыги, топоры, косы, серпы, веревки и другіе предметы, необходимые какъ для исправленія дорогъ, такъ и для бивуака.

Госпитальные припасы и принадлежности. Войлочныя палатки. Для сохраненія здоровья людей необходимо имѣть при отрядѣ употребляемыя среднеазіятскими кочевыми народами войлочныя палатки, называемыя кибитками и юламейками; послѣднія меньше первыхъ и потому удобнѣе для похода. Юламейка во многихъ отношеніяхъ имѣетъ преимущество надъ парусинною палаткою; разстановка ея не требуетъ никакихъ предварительныхъ приготовленій и оканчивается не болѣе, какъ въ пять минутъ; свѣтъ и свѣжій воздухъ пускается въ нее сверху, снизу и съ любого боку, по произволу; во время зноя яркій свѣтъ не сквозитъ черезъ палатку, а это обстоятельство не маловажное, если принять въ соображеніе, что тѣнь въ степи едва-ли не также дорога, какъ самая вода; наконецъ даже зимою юламейка въ значительной степени укрываетъ отъ холода и бурана. Единственное неудобство ея заключается въ тяжести, особенно послѣ дождя; на верблюда вьючится только двѣ юламейки. Это обстоятельство служитъ причиною, что степные отряды не всегда имѣютъ возможность везти при себѣ достаточное количество ихъ на все число людей, полагая 2 или 3 на генерала и по 1 на штабъ-офицера, на 3-хъ оберъ-офицеровъ и на 16 нижнихъ чиновъ. Въ случаѣ недостатка юламеекъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, имѣть для нижнихъ чиновъ кошмы (войлоки) на подстилку на бивуакахъ.

Офицерскія и солдатскія вещи. Генералъ Непиръ, говоря объ арміи въ Индіи на походѣ [1]), справедливо замѣтилъ: „въ военное

[1]) Статья Непира переведена на русскій языкъ въ Военномъ Журналѣ 1850 года № 3.

„время всѣ обозы, безъ различія, должны быть перевозимы на „счетъ казны“. Онъ говоритъ, что „офицеръ, получившій деньги „на подъемъ, можетъ лишиться своихъ верблюдовъ, безъ вины „своихъ деньщиковъ или своей собственной. Если же, по уставу, „онъ можетъ имѣть лишь опредѣленное число вьючныхъ живот„ныхъ, то есть столько, сколько достаточно для подъема всего „нужнаго, для сохраненія его здоровья и пользы службы, то ли„шившись одного верблюда, онъ можетъ потерять и все необхо„димое къ службѣ, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуться важнымъ „лишеніямъ. Вотъ почему въ военное время не должно дозволять „офицерамъ имѣть собственныхъ вьючныхъ лошадей, потому что, „если этою частью будетъ завѣдывать правительство, то офицеръ „почти никогда не подвергнется опасности лишиться своихъ „вьюковъ. Армія на походѣ всегда имѣетъ запасныхъ верблю„довъ и такія средства, которыми не можетъ владѣть частный „человѣкъ“.

Вещи нижнихъ чиновъ, не только артельныя, но даже и тѣ, которыя носятся въ ранцахъ, необходимо возить также на казенныхъ верблюдахъ, такъ чтобы на рядовомъ, кромѣ платья, ружья и сумы съ патронами, не было ничего. Лѣтомъ, въ сильныя жары, слѣдуетъ дозволять солдатамъ снимать съ себя верхнее платье и оставаться въ однѣхъ рубашкахъ, а шинели укладывать на свободныхъ верблюдовъ. При этомъ только условіи пѣшій солдатъ безъ усталости дѣлаетъ самые большіе переходы, не рѣдко въ 35 верстъ, безъ излишнихъ приваловъ и дневокъ, что весьма важно. Соображая количество вещей, необходимыхъ въ степномъ походѣ для каждаго чина, можно положить: генералу отъ 4-хъ до 12-ти верблюдовъ, штабъ-офицеру 2, оберъ-офицеру 1, нижнимъ чинамъ 1 на 20 человѣкъ; но въ случаѣ недостатка верблюдовъ, можно сократить эти числа на половину. Нижнимъ чинамъ, какъ пѣшимъ, такъ и коннымъ, слѣдуетъ давать одинаковое число верблюдовъ, на томъ основаніи, что, хотя кавалеристъ и можетъ украсть значительное количество вещей въ переметныя сумы на верховую лошадь, но зато ему необходимо дать средство имѣть при себѣ все нужное, не только для себя, но и для своей лошади.

На всѣ означенные предметы, при самомъ щедромъ расчетѣ, не потребуется и 1 тысячи верблюдовъ; слѣдовательно на весь обозъ экспедиціоннаго отряда понадобится около 9-ти тысячъ верблюдовъ.

Устройство этаповъ и раздѣленіе отряда на эшелоны.

Для уменьшенія обоза при экспедиціонномъ отрядѣ, можно устроить на пути слѣдованія этапныя укрѣпленія и снабдить ихъ запасами продовольствія съ тѣмъ, чтобы экспедиціонный отрядъ имѣлъ возможность возить съ тобою только то количество запасовъ, которое необходимо на время слѣдованія отъ одного укрѣпленія до другого, а не на все время похода. Передъ экспедиціею въ Хиву 1830—40 года были устроены заблаговременно этапныя укрѣпленія Эмбинское и Акъбулакское (Чушкакульское); и теперь, въ случаѣ похода въ Хиву, было бы полезно устроить, хотя во время самаго слѣдованія экспедиціоннаго отряда, этапы на Эмбѣ, около сѣверозападнаго берега Аральскаго моря и у Айбугира. Конечно, они потребуютъ для своего занятія особыхъ гарнизоновъ, но можно избѣгнуть увеличенія войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запасовъ и перевозочныхъ средствъ, отдѣленіемъ для этой цѣли нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, такъ какъ, для дѣйствій въ предѣлахъ ханства, не предвидится надобности въ значительномъ количествѣ кавалеріи.

Слѣдованіе отряда, имѣющаго большой обозъ, облегчается также раздѣленіемъ его на эшелоны, на переходъ разстоянія одинъ отъ другого. Отрядъ Хивинской экспедиціи 1839—40 года дѣлился на 4 эшелона; но, для управленія отрядомъ, удобнѣе дѣлить его на 3 эшелона, съ тѣмъ, чтобы начальникъ находился въ среднемъ. Впрочемъ, недостатокъ воды на ночлегахъ можетъ заставить отрядъ раздѣлиться на гораздо большее число эшелоновъ, что особенно неудачно при большихъ переходахъ, какъ на Усть-Уртѣ. Въ такомъ случаѣ, во избѣжаніе слишкомъ большого разстягиванія отряда, можно устроить движеніе такъ, что въ то время, когда нечетные эшелоны стоятъ на ночлегахъ, на переходъ разстоянія одинъ отъ другого, четные двигаются между

ними, и наоборотъ. Такимъ образомъ на каждый эшелонъ придется въ сутки 12 часовъ движенія, что соотвѣтствуетъ величинѣ переходовъ на Усть-Уртѣ, и 12 часовъ отдыху.

Заключеніе.

Что касается самаго порядка движенія экспедиціоннаго отряда по степи, расположенія его на бивуакахъ и способовъ дѣйствія противъ непріятеля, въ открытомъ полѣ и при осадѣ и оборонѣ укрѣпленій, то входить въ разборъ этихъ общихъ вопросовъ степной войны не представляется удобнымъ въ спеціальномъ изложеніи предварительныхъ соображеній о военной экспедиціи въ Хиву.

Второе путешествіе въ 1851 году.

V.

Второй походъ на Сыръ-Дарью и осмотръ степныхъ укрѣпленій.

Смѣна Обручева Перовскимъ.

1 апрѣля 1851 года въ Оренбургъ пріѣхалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о смѣнѣ генерала отъ инфантеріи Обручева генералъ-адъютантомъ Перовскимъ. Извѣстіе это было такъ неожиданно, что никто не хотѣлъ ему вѣрить, думая, что оно выдумано по поводу 1 апрѣля. Оно было неожиданно для самого Обручева, потому что борьба, предпринятая противъ него командующимъ Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ, полковникомъ Беклемишевымъ, вовсе не обѣщала подобнаго исхода. Обручевъ сдалъ командованіе корпусомъ начальнику штаба и уѣхалъ изъ Оренбурга; но, встрѣтивъ на дорогѣ другого фельдъегеря, съ приглашеніемъ не выѣзжать изъ Оренбурга до прибытія новаго начальника края, вернулся и снова вступилъ въ командованіе корпусомъ.

Мое назначеніе въ степь.

Въ это время назначенія въ степь уже были сдѣланы, но Обручевъ перемѣнилъ ихъ и командировалъ, для завѣдыванія транспортами и для инспектированія степныхъ укрѣпленій, Орен

бургскаго казачьяго войска полковника Падурова, а въ помощь къ нему меня. Кромѣ того мнѣ поручено было осмотрѣть всѣ окрестности Аральскаго (бывшаго Раимскаго) укрѣпленія и въ особенности около урочища Казалы, съ тѣмъ чтобы я могъ пріобрѣсти вѣрный взглядъ на степень важности тѣхъ или другихъ предположеній по означенному укрѣпленію, въ военномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, и дать, въ случаѣ надобности, удовлетворительный отчетъ по этому предмету. То же самое предложено было мнѣ имѣть въ виду и при осмотрѣ другихъ укрѣпленій.

Набѣги акъ-мечетскихъ киргизъ на окрестности Аральска и разбитіе русскими казанской крѣпостцы Кошъ-курганъ въ 1850 году.

Порученіе объ осмотрѣ окрестностей Аральскаго укрѣпленія вытекало изъ извѣстнаго желанія начальства ближе познакомиться съ ними, дабы имѣть возможность принять, наконецъ, дѣйствительныя мѣры для огражденія ихъ отъ набѣговъ сосѣдей. Въ 1848 году набѣги хивинцевъ на окрестности Аральска прекратились, но съ 1850 года начались такіе же набѣги киргизъ, кочевавшихъ около Акъ-мечети и другихъ коканскихъ постовъ, находившихся въ бассейнѣ Сыра ниже Туркестана, въ вѣдѣніи Якубъ-бека, сдѣлавшагося впослѣдствіи правителемъ Кашгаріи. Такъ въ ночь на 16 февраля 1850 года шайка акъ-мечетскихъ киргизъ разграбила до 20 ауловъ Чумекеевскаго рода, кочевавшихъ верстахъ въ 50 отъ Аральска, причемъ убила 6 нашихъ киргизъ и угнала до 1 тысячи лошадей и до 25 тысячъ барановъ; а въ ночь на 25 августа того же года новая шайка, въ 400 человѣкъ, подъ начальствомъ батыря Бухарбая, брата Байкадама, убитаго чиклинцами, разграбила послѣднихъ на Казалѣ и на урочищѣ Арыкъ-балыкъ, убила 11 человѣкъ и угнала $1^1/_2$ тысячи лошадей, верблюдовъ и коровъ и до 21 тысячи барановъ.

Первый угонъ остался безнаказаннымъ, а послѣ второго начальникъ Аральскаго укрѣпленія маіоръ Дамисъ направился, 26 августа, съ отрядомъ въ 150 человѣкъ пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ орудій, вслѣдъ за шайкою, но шелъ такъ медленно, что

не догналъ ее, а 8 сентября прибылъ къ ближайшей намъ коканской крѣпостцѣ Кошъ-курганъ, отстоящей отъ Аральска въ 240 верстахъ и расположенной на правомъ берегу Джаманъ-Дарьи, выше соединенія послѣдней съ Караузякомъ. Крѣпостца имѣла видъ редута, въ $12^1/_2$ саженъ въ боку, съ башнями по угламъ, состояла изъ вала въ 2 сажени высоты съ соразмѣрною толщиною и была окружена рвомъ; ворота, обращенныя къ рѣкѣ, не имѣли прикрытія. 9 сентября киргизы, присоединившіеся къ отряду Дамиса, въ числѣ до 200 человѣкъ, переправясь чрезъ протокъ Караузякъ и приблизясь къ Кошъ-кургану, потребовали возвращенія угнаннаго у нихъ скота, но вмѣсто отвѣта были встрѣчены ружейными выстрѣлами. Тогда маіоръ Дамисъ открылъ по крѣпостцѣ огонь изъ орудій. Видя, однако, упорство сидѣвшихъ въ ней, онъ рѣшился взять Кошъ-курганъ приступомъ. Съ этою цѣлью 70 человѣкъ переправились чрезъ Караузякъ вплавь, и, оцѣпивъ крѣпостцу со всѣхъ сторонъ, стали бросать въ нее зажженые снопы камыша и вскорѣ произвели въ ней пожаръ. Тогда солдаты полѣзли на стѣну, но сверху въ нихъ бросали камни и глыбы глины. Крѣпостца была взята въ часъ пополуночи. Защитники ея, не смотря на свою малочисленность, оборонялись до послѣдней крайности. Ихъ было: 4 коканца и при нихъ 6 женщинъ и 4 ребенка, да наканунѣ нападенія въ крѣпостцу прибыло 6 киргизъ и 2 киргизки, всего, во время приступа, въ Кошъ-курганѣ было 22 человѣка мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Изъ нихъ 2 коканца, 3 киргиза и 1 киргизка, всего 6 человѣкъ были убиты во время дѣла, а остальные, затѣмъ, 2 коканца, 3 киргиза, 7 женщинъ и 4 ребенка, всего 16 человѣкъ были взяты въ плѣнъ и долго потомъ содержались въ Аральскѣ, особенно начальникъ кургана Мурза-Раимъ, между тѣмъ, какъ онъ вовсе не участвовалъ въ киргизскихъ набѣгахъ. Въ крѣпостцѣ было найдено только 5 ружей, 1 шашка, 6 лошадей и 33 барана; остальное имущество частью сгорѣло, частью было расхищено киргизами, ворвавшимися вслѣдъ за русскими. На другой день послѣ взятія Кошъ-кургана маіоръ Дамисъ пошелъ обратно и прибылъ въ Аральское укрѣпленіе 16 сентября.

Урокъ, данный коканцамъ за грабежи подвѣдомственныхъ имъ киргизъ, не могъ принести желаемаго результата: 3 ноября Кошъ-курганъ былъ снова занятъ коканцами, а въ февралѣ 1851 года акъ-мечетскіе киргизы опять угнали у нашихъ киргизъ, кочевавшихъ въ Кара-кумѣ, около 75 тысячъ головъ скота, но послѣдніе, въ свою очередь, разграбили коканскихъ киргизъ, кочевавшихъ около Джулека.

Походъ на Сыръ-Дарью и инспектированіе укрѣпленій.

15 мая я выѣхалъ изъ Оренбурга въ Орскъ, откуда слѣдовалъ вмѣстѣ съ Падуровымъ при транспортѣ до Аральска. Весь путь былъ совершенъ благополучно, и только на Камышлы-башѣ пропало изъ транспорта нѣсколько башкирскихъ лошадей, ловко скрытыхъ игенчами-киргизами, скопившимися на озерѣ въ значительномъ числѣ, вслѣдствіе набѣговъ акъ-мечетскихъ киргизъ. Обратный путь, чрезъ Уральское и Оренбургское укрѣпленія, въ Орскую крѣпость мы сдѣлали налегкѣ, съ конвоемъ въ 25 уральскихъ казаковъ. Подробности о слѣдованіи транспортовъ и объ осмотрѣ степныхъ укрѣпленій помѣщены въ приложеніяхъ 1 и 2.

Осмотръ окрестностей Аральска.

На Сыръ-Дарьѣ мы пробыли три недѣли, въ теченіе которыхъ инспектировали укрѣпленіе и осматривали его окрестности внизъ по Сыру до устья ея и вверхъ до Майлибаша. На поѣздку внизъ по Сыру на лодкѣ мы употребили нѣсколько сутокъ, въ теченіе которыхъ осматривали хорошо извѣстныя уже мнѣ мѣста и форты Аманъ-уткуль и Когъ-аралъ съ рыболовною ватагою, а вверхъ по Сыру ѣздили верхомъ осматривать тоже знакомыя мнѣ мѣста около Тальбугута и въ долинѣ Айгерикѣ, и затѣмъ я занялся подробною рекогносцировкою праваго берега Сыра отъ истока Казалы до Майлибаша. На Учъ-ургѣ мы видѣли переправу черезъ Сыръ бухарскаго каравана. Товары перевозились на лодкахъ, высланныхъ изъ укрѣпленія, и на салахъ или камышевыхъ плотахъ; и тѣ и другіе тащились плывущими лошадьми. Каждый разъ ихъ относило внизъ по теченію версты на двѣ—на три. Несчастныя лошади съ утра до ночи работали, переплывая рѣку

взадъ и впередъ, нѣсколько утонуло, другихъ съ большими усиліями вгоняли въ воду. Переправа продолжалась два дня. Съ Учъ-урги я возвратился въ укрѣпленіе на лодкѣ, осмотрѣвъ по пути старинный курганъ Кара-тюбе, развалины хивинскаго укрѣпленія Джанъ-кала, садъ Тулюнъ, и прочее.

Осмотръ мой низовьевъ рѣки Сыра вверхъ по Майлибаша могъ быть дополненъ производившимися въ 1851 году прапорщикомъ Рыбинымъ топографическими рекогносцировками, въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ, праваго берега Сыра, отъ Майлибаша до коканской крѣпостцы Кошъ-курганъ и пространства между рѣками Сыромъ и Куваномъ отъ Аральскаго моря до меридіана Майлибаша. Рыбинъ только-что окончилъ первую изъ этихъ рекогносцировокъ и располагалъ приступить ко второй. Я просилъ его не довольствоваться при этомъ однѣми топографическими работами, а дѣлать также письменныя замѣтки о всемъ, что онъ встрѣтитъ замѣчательнаго относительно мѣстности, жителей, развалинъ старинныхъ построекъ и прочее, и онъ любезно сообщилъ мнѣ потомъ эти замѣтки. Результаты моей рекогносцировки помѣщены въ приложеніи 3.

Угонъ табуна въ Уральскомъ укрѣпленіи.

Въ Уральскомъ укрѣпленіи, по окончаніи инспектированія его, я сидѣлъ вечеромъ 29 іюля у начальника укрѣпленія маіора Лобанова. Маіоръ былъ добродушный старикъ, а маіорша, не смотря на непервую свою молодость, большая любительница наряжаться. Передъ окнами, посреди укрѣпленія, перетянуты были веревки, на которыхъ красовались крахмаленныя юбки маіорши. Вся обстановка и даже самые разговоры живо напоминали мнѣ „Капитанскую дочь“ Пушкина. По площадкѣ прошла разряженная барабанщица, первая красавица укрѣпленія. Указавъ на нее, маіорша вздохнула и простодушно объяснила мнѣ, почему сожалѣетъ о томъ, къ кому она направляетъ свои стопы. Затѣмъ вышла распорядиться ужиномъ, но чрезъ минуту вернулась испуганная, съ восклицаніемъ: „Тарасинька! у насъ табунъ угнали“. При этихъ словахъ съ бѣднымъ маіоромъ едва не сдѣлался ударъ, онъ растерялся, не могъ ничего сказать и опустился на

диванъ. Предоставивъ его попеченіямъ супруги, я вышелъ изъ комнаты и въ сѣняхъ столкнулся съ солдатомъ, принесшимъ печальное извѣстіе. Табунный караулъ состоялъ изъ 30 казаковъ при офицерѣ и располагался станомъ верстахъ въ шести отъ укрѣпленія, но самый табунъ пасся еще шестью верстами далѣе, подъ прикрытіемъ всего двухъ казаковъ. Оба казака были легко ранены, а весь табунъ угнанъ, такъ что не осталось даже лошади, на которой бы можно было дать поскорѣе вѣсть въ укрѣпленіе. Къ счастью, нашъ конвойный табунъ пасся отдѣльно.

Разсказавъ обо всемъ Падурову и получивъ отъ него разрѣшеніе гнаться за хищниками, я послалъ за конвойными лошадьми, приказалъ уральцамъ захватить хлѣба и черезъ полчаса отправился въ путь. Прибывъ въ станъ караула, я былъ пораженъ господствующею въ немъ невозмутимою тишиною; оказалось, что всѣ караульные казаки, не исключая офицера, были пьяны и спали мертвецкимъ сномъ. Едва отыскавъ одного изъ двухъ раненыхъ казаковъ, оставшихся трезвыми, я посадилъ его на лошадь, чтобы онъ указалъ мнѣ мѣсто, откуда былъ сдѣланъ угонъ. Ночь была темная и мы долго блуждали, отыскивая слѣдъ табуна, пока не наткнулись на стогъ сѣна, принадлежавшій укрѣпленію. Убѣдившись въ безполезности ночного поиска, я спѣшилъ уральцевъ и сталъ ожидать разсвѣта. Вскорѣ ко мнѣ присоединились нѣсколько киргизъ, присланныхъ Падуровымъ. Когда стало свѣтать, я отправилъ казаковъ и киргизъ по одиночкѣ въ разныя стороны и приказалъ тому, кто откроетъ слѣдъ табуна, дать обычный маякъ, то есть тройной круговой вольтъ въ одну сторону, а прочимъ собираться къ маяку, самъ же остался при стогѣ. Въ это время ко мнѣ подъѣхалъ, верхомъ на годовомъ жеребенкѣ, караульный казачій офицеръ при табунѣ съ рапортомъ, о чемъ ужъ не знаю! Я приказалъ ему собрать свою команду, вернуться въ укрѣпленіе и явиться такъ къ коменданту; но онъ не соглашался, доказывая, что не имѣетъ права оставлять своего поста при табунѣ и что если онъ потерялъ послѣдній, то обязанъ его отыскать, потому долженъ остаться при мнѣ. Видно было, что онъ не отрезвился еще отъ вчерашней попойки. Строгимъ тономъ я повторилъ ему приказаніе, по-

совѣтовавъ при этомъ слѣзть съ жеребенка и идти пѣшкомъ во свояси, что онъ наконецъ и исполнилъ. Вскорѣ вдали замѣченъ былъ маякъ, команда моя собралась, мы поскакали по слѣду и черезъ часъ увидѣли впереди табунъ. По счету въ немъ оказалось 350 лошадей — число подходящее къ составу гарнизона. Прогнавъ табунъ въ укрѣпленіе, я спросилъ маіора, всѣ ли въ немъ лошади, на что получилъ утвердительный отвѣтъ,—значитъ угона не было и табунъ шарахнулся самъ собою; но въ тотъ же день вечеромъ оказалось, что въ немъ не достаетъ 50 лошадей. Былъ посланъ изъ укрѣпленія небольшой отрядъ казаковъ на поискъ. Казаки нашли и отбили лошадей у киргизъ, но у нихъ вторично ихъ отогнали. По слѣдствію, которое тянулось долго, оказалось, что табунъ, охраняемый 30 казаками, былъ угнанъ всего тремя киргизами.

Уральскій казакъ Соколовъ.

Во время отыскиванія табуна, вниманіе мое невольно обратилось на одного уральскаго казака, по фамиліи Соколова, который поразилъ меня своею опытностію, сметливостію и предпріимчивостію. Соколовъ окончилъ уже свой 25-лѣтній срокъ службы, но такъ привыкъ къ походамъ, что оставался въ степи вмѣсто своего сына. Онъ прибылъ на Сыръ-Дарью въ 1847 году и при постройкѣ шкуны Николай обратилъ на себя вниманіе генерала Обручева, который приказалъ ему приходить къ себѣ каждый день пить водку. На слѣдующій день, когда корпусный командиръ съ своею свитою садился обѣдать, явился Соколовъ. На вопросъ, что ему нужно, Соколовъ смѣло отвѣчалъ: „Ваше Высокопревосходительство изволили приказать мнѣ ежедневно приходить пить водку“. Корпусный командиръ указалъ ему на графинъ, стоявшій на отдѣльномъ столикѣ. Соколовъ подошелъ къ столику, презрительно посмотрѣлъ на миніатюрную рюмочку, отвернулъ полу своей шинели, вытащилъ изъ кармана огромный стаканъ и вылилъ въ него весь графинъ. Что ты дѣлаешь? невольно спросилъ экономный хозяинъ. „Я, Ваше Высокопревосходительство, старовѣръ и изъ чужой посуды не пью“, бойко отвѣчалъ Соколовъ. Между тѣмъ, для него рѣшительно все равно

было изъ чьей посуды пить, лишь бы только побольше. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться не разъ. Впрочемъ, узнавъ, что онъ былъ боленъ и по свойству болѣзни не долженъ пить водки, я не давалъ ее Соколову, пока онъ не выздоровѣлъ, но зато потомъ, въ концѣ похода, онъ постоянно получалъ двойную и иногда тройную порцію и всякій разъ благодарилъ меня, что спасъ его отъ болѣзни, съ которой совѣстно было бы показаться женѣ.

Охота на кабановъ.

По дорогѣ изъ Уральскаго укрѣпленія въ Оренбургское было много кабановъ и мы занимались охотою на нихъ. Въ борьбѣ съ кабанами казаки переломали свои пики, а нѣкоторые и сами были ранены; зато убили восемь животныхъ, но не могли ихъ ѣсть по случаю поста, строго соблюдаемаго уральцами, и принуждены были обременить ими свои повозки. Разъ два казака гнали на меня огромнаго кабана. Я стоялъ съ парою винтовыхъ пистолетовъ на берегу небольшой лощины, покрытой водою, и приготовился его встрѣтить. Кабанъ вбѣжалъ уже въ воду, я взвелъ пистолетъ и хотѣлъ спустить курокъ, но въ это мгновеніе одинъ изъ казаковъ, увлеченный преслѣдованіемъ, перескочилъ съ лошади на кабана и сидя на немъ верхомъ, сталъ рубить его саблею по спинѣ. Кабанъ повернулся назадъ, но съ той стороны другой казакъ кололъ его съ лошади пикою. Кабанъ вертѣлся кругомъ съ минуту и палъ мертвымъ.

Оренбургское укрѣпленіе и слѣдствіе о злоупотребленіяхъ его начальника.

Оренбургское укрѣпленіе обстроено лучше Уральскаго и Аральскаго, благодаря близости Наурзумскаго бора, впрочемъ существенная разность заключалась только въ томъ, что постройки были покрыты тесомъ. Мы пробыли на Тургаѣ двѣ недѣли, потому что кромѣ инспектированія пришлось, по предписанію Перовскаго, производить слѣдствіе о злоупотребленіяхъ начальника укрѣпленія маіора М., заключавшихся въ корыстномъ отношеніи его къ казенному имуществу и въ жестокомъ обращеніи съ нижними чинами. Слѣдствіе подтвердило оба эти обвиненія. По отчетамъ показывалось казеннаго сѣна прежняго заготовленія

54,850 пудовъ и нынѣшняго 21,000, а по измѣренію оказалось сѣна прежняго заготовленія только 14,910 пудовъ и нынѣшняго 66,530 пуд. Такая несообразность произошла отъ того, что маіоръ продалъ зимою значительное количество сѣна киргизамъ и чтобъ пополнить этотъ недостатокъ задержалъ въ укрѣпленіи всѣхъ транспортныхъ башкиръ, въ числѣ около 1,000 человѣкъ, болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, тогда какъ въ Аральскомъ укрѣпленіи, вдвое больше Оренбургскаго, оставлено было для сѣнокошенія всего 200 башкиръ на три недѣли. Между тѣмъ, расходы казны на содержаніе башкиръ съ ихъ лошадьми въ степи были огромны. Съ нижними чинами маіоръ обходился крайне жестоко и несправедливо. Одинъ казакъ показалъ на инспекторскомъ смотру, что маіоръ сильно наказалъ его розгами за то, что у одного изъ маіорскихъ барановъ, которыхъ онъ пасъ, повредился курдюкъ. Въ штрафномъ журналѣ пѣхотной роты, между прочимъ, было записано, что такой-то рядовой былъ наказанъ 600 розгами за то, что ударилъ собаку, принадлежавшую начальнику укрѣпленія. И не смотря на всѣ подобныя злоупотребленія, маіоръ оставался послѣ слѣдствія довольно долго на своемъ мѣстѣ. Сильная, но не безкорыстная рука молча покровительствовала ему въ Оренбургѣ. Слѣдственное дѣло было положено подъ сукно, а черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ генералъ Перовскій послалъ ко мнѣ одну бумагу съ резолюціей доложить ему о маіорѣ, я представилъ письменный докладъ, но и тотъ былъ спрятанъ подъ сукно. Мало того, маіоръ былъ еще настолько смѣлъ, что испортилъ карьеру, а можетъ быть даже погубилъ двухъ прекрасныхъ офицеровъ, которые болѣе другихъ лицъ укрѣпленія негодовали на его злоупотребленія и по молодости лѣтъ неосторожно выражали свой протестъ. Одинъ изъ нихъ, только что выпущенный изъ корпуса прапорщикъ, началъ борьбу противъ ненавистнаго маіора самымъ ребяческимъ образомъ. Въ укрѣпленіе прибылъ купецъ съ красными товарами. Прапорщикъ отправился къ нему и узнавъ, что маіорша купила себѣ на платье ситцу, взялъ того же ситцу для одной изъ солдатокъ. Въ слѣдующее воскресенье маіорша явилась въ новомъ платьѣ въ церковь, но увидавъ точно такое же платье на солдаткѣ, упала въ

обморокъ, а вечеромъ маіоръ отдалъ приказъ по укрѣпленію, чтобы жены нижнихъ чиновъ не смѣли носить нѣмецкаго платья. Этотъ знаменитый приказъ былъ отмѣненъ Падуровымъ, по неотступной просьбѣ явившихся къ нему солдатокъ. Со времени обморока маіорши, маіоръ возненавидѣлъ прапорщика, сталъ къ нему придираться и кончилъ тѣмъ, что отдалъ его подъ судъ за дерзость. Съ другимъ офицеромъ, инженеромъ, маіоръ поссорился изъ за щепокъ, оставшихся послѣ построекъ, и тоже отдалъ его подъ судъ. Уѣхавъ изъ Оренбурга въ концѣ 1853 года, я не знаю чѣмъ кончилось дѣло этихъ двухъ молодыхъ людей.

Кзендзъ - солдатъ.

Въ Оренбургскомъ укрѣпленіи мнѣ пришлось натолкнуться на курьезную личность. Разъ часовой на одномъ посту отдалъ мнѣ честь самымъ оригинальнымъ образомъ. Сдѣлавъ на караулъ, онъ выставилъ ружье впередъ лѣвою рукою, а правою снялъ шапку и раскланялся. Оказалось, что это кзендзъ, разжалованный въ солдаты. Онъ кончилъ курсъ богословскихъ наукъ въ Римѣ, получилъ ученую степень бакалавра и, возвратясь въ Царство Польское, такъ надоѣлъ своими интригами другимъ кзендзамъ, что тѣ упрятали его сначала куда-то на исправленіе, а потомъ въ солдаты. Въ укрѣпленіи онъ продолжалъ интриговать, за что его не любили даже его товарищи по несчастію, а на инспекторскомъ смотру показалъ претензію на фельдмаршала Паскевича, что отдалъ его въ солдаты вопреки каноническому праву.

Чумекеевскій аулъ.

Окончивъ инспектированіе и слѣдствіе, мы должны были отправиться въ путь, но такъ какъ по случаю сибирской язвы, свирѣпствовавшей въ укрѣпленіи, преимущественно среди лошадей, конвой нашъ стоялъ въ 30 верстахъ отъ него, то рѣшено было путевой провіантъ перевезти до конвоя на волахъ, а намъ проѣхать это пространство въ тарантасѣ на тройкѣ лошадей. Такое рѣшеніе не понравилось однако казачьему офицеру, принимавшему провіантъ, и онъ долго спорилъ, что для природнаго казака оскорбительно ѣхать на волахъ, наконецъ покорился силѣ необходимости. Выѣхавъ изъ Оренбургскаго укрѣпленія, мы встрѣ-

*

тили, версты за двѣ до конвоя, огромный и богатый аулъ киргизъ Чумекеевскаго рода и вышли изъ тарантаса. Насъ обступила толпа киргизъ и киргизокъ. Падуровъ, бывшій въ молодости, въ теченіе полугода, въ плѣну у киргизъ, отлично изучилъ ихъ языкъ и нравы. Онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, шутилъ съ киргизами, обнималъ киргизокъ, натравливалъ ихъ на бывшаго съ нами прапорщика, который отъ нихъ бѣгалъ, и въ довершеніе всего схватилъ двухъ красавицъ, посадилъ въ тарантасъ и умчался съ ними, но проскакавъ съ версту, отпустилъ. Киргизы, хорошо понимая шутку, хохотали отъ души.

Возвращеніе въ Оренбургъ и знакомство съ Перовскимъ.

Возвратясь въ Оренбургъ 27 августа, я нашелъ у себя на столѣ письмо и въ немъ другое, тоже запечатанное, съ французскою надписью на имя генерала Перовскаго, въ собственныя руки; при этомъ ко мнѣ не было приложено никакой записки. Только по почтовому штемпелю можно было видѣть, что письмо изъ Троицка, но въ Троицкѣ я не имѣлъ ни души знакомой. Я былъ въ недоумѣніи, что это значитъ и что мнѣ дѣлать? Отдать письмо по принадлежности? но можетъ быть въ немъ былъ пасквиль и какъ же мнѣ явиться съ нимъ въ первый разъ къ начальнику, который меня не знаетъ? Между тѣмъ, не отдавать—не считалъ себя въ правѣ... На другой день Падуровъ и я представлялись корпусному командиру. Перовскій принялъ насъ ласково, распрашивалъ о степныхъ дѣлахъ и наконецъ отпустилъ. Тогда, попросивъ дозволеніе остаться минуты на двѣ, я передалъ письмо, оговоривъ тѣ недоумѣнія, которыя меня тревожили. Перовскій распечаталъ письмо, которое оказалось написаннымъ на двухъ почтовыхъ листахъ, съ виньетками и стихами. Онъ посмотрѣлъ на виньетки, прочелъ въ слухъ, „прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“, и, обратясь ко мнѣ, сказалъ съ улыбкою: „такъ вотъ вы какія письма мнѣ передаете! Это должно быть отъ какого-нибудь сумашедшаго. Я разузнаю и сообщу вамъ“. Впослѣдствіи, однако, онъ никогда ни слова не говорилъ мнѣ объ этомъ письмѣ и не знаю до сихъ поръ, отъ кого оно и что въ немъ было написано.

VI.

Представленіе отчетовъ и дальнѣйшія работы.

Мое положеніе при Перовскомъ.

Сентябрь мѣсяцъ я весь употребилъ на составленіе отчетовъ о движеніи транспортовъ въ степныя укрѣпленія, о степныхъ укрѣпленіяхъ и объ обозрѣніи нижней части рѣки Сыра, какъ оборонительной линіи. Эти отчеты послужили исходными пунктами для дальнѣйшихъ моихъ работъ при генералѣ Перовскомъ. Я работалъ у себя на дому и имѣлъ во всякое время прямой докладъ у корпуснаго командира. По этимъ докладамъ Перовскій изучалъ мало знакомыя ему дѣла степныхъ укрѣпленій, часто со мною спорилъ, но въ концѣ почти всегда соглашался съ приводимыми мною мыслями. Работать при такихъ условіяхъ было чрезвычайно пріятно, но зато въ высшей степени утомительно, такъ какъ я не имѣлъ не только помощника, но даже собственнаго писаря. Въ теченіе года я такъ усталъ, что принужденъ былъ взять четырехмѣсячный отпускъ для отдыха. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались, положеніе мое нѣсколько измѣнилось, и потому, сдѣлавъ акъ-мечетскую экспедицію, я оставилъ край и отправился на Дунай. Но нравственная моя связь съ дѣломъ развитія русской колонизаціи въ киргизской степи такъ упрочилась, что и теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ послѣ того времени, когда мнѣ приходилось принимать непосредственное участіе въ немъ, я не могу безъ удовольствія вспомнить этого періода моей жизни.

Составленіе правилъ слѣдованія транспортовъ по степи и исправленіе маршрутовъ.

Прочитавъ отчетъ мой о движеніи транспортовъ по степи въ 1851 году, извлеченіе изъ котораго помѣщено ниже (прил. 1), Перовскій одобрилъ всѣ изложенныя въ немъ предположенія. Затѣмъ, согласясь со мною, что установившіяся до сихъ поръ правила для слѣдованія транспортовъ по степи недостаточно согласованы

съ мѣстными условіями, поручилъ мнѣ составить новыя. Исполнивъ эту работу, на основаніи, отчасти, прежнихъ правилъ, а главное указаній личнаго опыта, я просилъ подвергнуть ее тщательному обсужденію особой комиссіи, составленной изъ спеціалистовъ, но Перовскій не счелъ нужнымъ прибѣгать къ этой мѣрѣ. Разсмотрѣвъ правила самъ, онъ одобрилъ ихъ, приказалъ напечатать и принять къ руководству транспортамъ, отправлявшимся въ Аральское укрѣпленіе весною 1852 года, а черезъ годъ, передъ походомъ въ Акъ-мечеть, правила были пересмотрѣны мною вновь, перепечатаны и вторично утверждены для руководства при движеніи по степи колоннъ экспедиціоннаго отряда. Такимъ образомъ нѣкоторыя изъ вынесенныхъ мною изъ опыта мыслей о порядкѣ движенія транспортовъ и отрядовъ по степи, о сторожевой службѣ, о сохраненіи здоровья людей, о сбереженіи лошадей и прочее, получили права гражданства въ войскахъ Оренбургскаго корпуса.

Вмѣстѣ съ составленіемъ правилъ, я исправилъ маршруты съ линіи въ степныя укрѣпленія, такъ какъ прежніе были крайне невѣрны и затрудняли маршевыя распоряженія транспортныхъ начальниковъ.

Предложеніе о новомъ способѣ транспортировки тяжестей въ степныя укрѣпленія.

Ободренный постояннымъ успѣхомъ своихъ докладовъ, я рѣшился высказать Перовскому давно занимавшую меня, но казавшуюся въ то время чрезвычайно смѣлою, мысль объ измѣненіи главнаго способа транспортировки тяжестей въ степныя укрѣпленія. Ежегодное выкомандированіе для этой цѣли, на лѣтніе страдные мѣсяцы отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ башкиръ съ лошадьми и телѣгами было для нихъ крайне тяжело и разорительно, и въ то же время не дешево обходилось самой казнѣ, которая тратила большія суммы на прокормленіе во время степного похода, лишнихъ людей и лошадей и на вознагражденіе за палыхъ лошадей. Вычисливъ приблизительно ежегодныя потери башкиръ и казны отъ этой операціи, я пришелъ къ убѣжденію, что въ видахъ не только сбереженія башкиръ отъ окончательнаго разо-

ренія, но и самаго казеннаго интереса, было бы полезно замѣнить обязательный нарядъ башкирскихъ конныхъ подводъ вольнымъ наймомъ подводъ казачьихъ. Перовскій согласился съ этою мыслью и приказалъ, въ видѣ опыта, доставить въ 1852 году тяжести въ ближайшія степныя укрѣпленія на вольнонаемныхъ подводахъ. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, казна сберегла экономіи на 15 тысячъ рублей, и съ тѣхъ поръ обязательный нарядъ башкирскихъ подводъ былъ совершенно прекращенъ. Такимъ образомъ, отказываясь отъ даровыхъ вспомогательныхъ средствъ, мѣстное начальство сократило мѣстныя издержки, сняло съ народа тяжелую повинность и развило въ краѣ новую отрасль промышленности—извозничество.

Составленіе правилъ о почтовомъ сообщеніи между укрѣпленіями и линіею.

Весною 1852 года, по отправленіи транспортовъ въ степь мнѣ удалось сдѣлать другую экономію казнѣ, приведеніемъ въ порядокъ почтоваго сообщенія между степными укрѣпленіями и линіею, производившагося разъ въ мѣсяцъ, посредствомъ верховыхъ почтарей изъ киргизъ. Послѣ взятія Акъ-мечети, почтовое сообщеніе между укрѣпленіями получило, какъ будетъ сказано дальше, большее развитіе.

Уменьшеніе гарнизоновъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ.

Отчетъ о степныхъ укрѣпленіяхъ, извлеченіе изъ котораго помѣщено далѣе (прил. 2), сопровождался такимъ же успѣхомъ, какъ и о транспортахъ. Согласясь съ большею частію мѣръ, предложенныхъ въ отчетѣ и поручивъ мнѣ вести переписку по приведенію ихъ въ исполненіе, Перовскій съ своей стороны прибавилъ къ нимъ еще одну, довольно крупную. Не придавая укрѣпленіямъ значенія пунктовъ, упрочивающихъ порядокъ и русское вліяніе въ степи и допуская нѣкоторое политическое значеніе только за однимъ Аральскимъ укрѣпленіемъ, онъ нашелъ возможнымъ уменьшить гарнизоны Уральскаго и Оренбургскаго укрѣпленій, такъ какъ, съ его точки зрѣнія, первое служило только этапнымъ пунктомъ между линіею и Сыръ-Дарьею, а вто-

рое находилось совершенно въ сторонѣ отъ этой операціонной линіи и могло быть даже совсѣмъ упразднено. Уменьшеніе было сдѣлано ровно на половину и въ каждомъ изъ двухъ укрѣпленій было оставлено по взводу пѣхоты, сотнѣ казаковъ и нѣсколько орудій. Эти части размѣстились во всѣхъ оставшихся свободными постройкахъ и слѣдовательно гораздо просторнѣе прежняго.

Установленіе отчетности по степнымъ укрѣпленіямъ.

По поводу составленія отчета о степныхъ укрѣпленіяхъ я представилъ корпусному командиру еще слѣдующее предложеніе.

До сихъ поръ инспектирующимъ степныя укрѣпленія давалось только весьма неполное предписаніе о томъ, что подлежало ихъ осмотру, но не давалось никакой формы, по которой бы слѣдовало составлять отчетъ, и не обозначалось какія именно вѣдомости должны прикладываться къ отчету. Такой порядокъ чрезвычайно затруднялъ и начальниковъ укрѣпленій, и инспектирующихъ, и самое высшее начальство. Начальники укрѣпленій, недоумѣвая какія именно свѣдѣнія необходимы инспектирующему и въ какомъ числѣ экземпляровъ, представляли ему часто вѣдомости вовсе ненужныя и въ лишнемъ числѣ экземпляровъ и не доставляли необходимыхъ. Инспектирующіе требовали отъ нихъ или слишкомъ много вѣдомостей, или довольствовались тѣмъ, что получали. Въ первомъ случаѣ, при составленіи отчетовъ, они затруднялись обиліемъ разныхъ бумагъ, вѣдомостей, записокъ, просьбъ и прочее, и неимѣніемъ формы для приведенія всего этого въ порядокъ, и проводили, за составленіемъ отчетовъ, въ усиленныхъ личныхъ трудахъ, весьма много времени, въ теченіе котораго степныя дѣла задерживались. Во второмъ случаѣ инспектирующіе ие имѣли достаточно данныхъ для составленія отчетовъ. Случайныя свойства отчетовъ затрудняли, вѣроятно, и высшее начальство. Во избѣжаніе этихъ неудобствъ, я полагалъ полезнымъ установить такой порядокъ. Начальникъ каждаго укрѣпленія представляетъ инспектирующимъ годовой отчетъ о ввѣренномъ ему укрѣпленіи и находящихся въ немъ войскахъ и прикладываетъ къ нему вѣдомости. Инспектирующій, по осмотрѣ

укрѣпленія, дѣлаетъ на поляхъ этого отчета свои замѣчанія и распоряженія и записываетъ въ особую книгу всѣ полученные имъ, независимо отъ отчета, записки, рапорты, просьбы и проч. и сдѣланныя по нимъ распоряженія, а по возвращеніи на линію представляетъ корпусному командиру: а) означенные отчеты со всѣми приложеніями, которые потомъ должны храниться въ одномъ изъ отдѣленій корпуснаго штаба въ цѣлости, а не раздробляться по управленіямъ; б) записку о тѣхъ предметахъ, находящихся въ этихъ отчетахъ, которые требуютъ разрѣшенія, или должны быть доведены до свѣдѣнія корпуснаго командира; в) книгу, въ которой записаны особые рапорты, просьбы и прочее. Слѣдовательно, вмѣсто инструкціи инспектирующимъ степныя укрѣпленія, достаточно было бы установить сущность и форму годового отчета о степномъ укрѣпленіи. Перовскій согласился съ этимъ предложеніемъ и я составилъ форму отчета, но къ сожалѣнію не сохранилъ у себя черновой.

Составленіе плана и смѣты для Казалинскаго форта.

Кромѣ отчетовъ о движеніи транспортовъ и о степныхъ укрѣпленіяхъ, я представилъ еще записку о нижней части рѣки Сыра, какъ оборонительной линіи, помѣщаемую далѣе въ подлинникѣ (прил. 3), какъ для характеристики ограниченности нашихъ стремленій того времени на азіятскихъ окраинахъ, такъ и для объясненія причинъ возникновенія новаго русскаго осѣдлаго пункта на Сырѣ, сдѣлавшагося впослѣдствіи городомъ.

Прочитавъ записку, Перовскій одобрилъ мое предположеніе объ устройствѣ форта выше Казалы, на 130 человѣкъ гарнизона, и поручилъ мнѣ составить необходимые для этого планы и смѣты. Исполнивъ эту работу, я представилъ (30 декабря 1851 года): во 1-хъ, проекты плановъ форта и построекъ въ немъ; во 2-хъ, смѣты о количествѣ матеріаловъ, потребныхъ на каждую постройку, и въ 3-хъ, общую вѣдомость о всѣхъ потребныхъ для форта матеріаловъ, съ обозначеніемъ какіе изъ нихъ есть въ Аральскомъ укрѣпленіи и какіе нужно привезти съ линіи.

Фортъ предполагалось устроить между канавами Акъ-чикъ и Киргизъ, которыя усиливали бы его оборону, такъ какъ находи-

лись отъ него на ружейный выстрѣлъ, могли быть очищены и наводнены изъ Сыра и къ сторонѣ форта срѣзаны нанѣтъ. На канавахъ, въ двѣ сажени шириною каждая, полагалось имѣть легкіе накидные мостики, которые могли сниматься въ случаѣ опасности. Самый фортъ долженъ былъ имѣть форму редута, обыкновенной полевой профили, въ 30 и 32 сажени длины въ каждомъ боку, а всего по линіи огня 124 сажени. На двухъ углахъ редута должно было присыпать барбеты для помѣщенія двухъ орудій. Внутри форта, параллельно его бокамъ, предполагались двѣ казармы съ кухнями, лазаретъ съ комнатою для фельдшера, двѣ офицерскихъ квартиры, въ одну комнату съ передней каждая, магазинъ и конюшни; внѣ форта могли быть устраиваемы, по мѣрѣ надобности, мѣстными средствами Аральскаго укрѣпленія, второстепенныя постройки, какъ то: ледникъ, баня, временной загонъ для лошадей и прочее. Постройки, назначенныя внутри форта и вошедшія въ смѣту, предполагалось возводить изъ сырца, съ печами изъ жженаго кирпича, съ полами изъ битой глины и съ потолками и крышами изъ камыша; нары въ казармахъ положено дѣлать деревянныя.

Дальнѣйшая судьба форта.

Перовскій, разсмотрѣвъ составленные мною проекты и смѣты, утвердилъ ихъ, но вскорѣ все дѣло о фортѣ получило совершенно другой оборотъ. Въ Оренбургъ пріѣхалъ новый начальникъ инженеровъ, генералъ-маіоръ Богдановъ. Съ видомъ знатока онъ сталъ доказывать, что можно дѣлать своды изъ сырого кирпича и потомъ обжигать ихъ изнутри, и по порученію Перовскаго проектировалъ для Казалинскаго форта громадное сооруженіе оборонительной казармы изъ 50 сводчатыхъ казематовъ, въ 6 саженъ въ поперечникѣ каждый. Такіе широкіе размѣры форта ясно показывали желаніе Перовскаго смѣнить имъ Аральское укрѣпленіе, основанное его продшественникомъ, къ которому онъ относился съ видимымъ нерасположеніемъ. Тогда въ одномъ изъ письменныхъ докладовъ я возсталъ противъ этой задней мысли, доказывая, что на правомъ берегу нижней части теченія Сыра нѣтъ мѣста болѣе удобнаго для самостоятельнаго

укрѣпленія, какъ то, которое занято въ настоящее время. Отъ устья рѣки до истока изъ нея Казалы, полуостровъ Раимъ и въ военномъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ пунктъ самый выгодный; а долина Сыра выше Казалы слишкомъ удалена отъ Аральскаго моря и хотя имѣетъ довольно хорошіе луга, но такъ низменна, что на ней невозможно избрать удобнаго пункта для самостоятельнаго укрѣпленія, подобно Аральскому. Значитъ, если въ низовьяхъ Сыра должно существовать укрѣпленіе, то нѣтъ причины, чтобы оно было на другомъ мѣстѣ, а не на полуостровѣ Раимѣ, тѣмъ болѣе, что главное неудобство этого пункта, недостатокъ корма для лошадей и скота, можетъ быть устранено привозкою сѣна внизъ по рѣкѣ съ Учъ-урги и Казалы, на особо устроенныхъ на этотъ предметъ большихъ лодкахъ. Доставка такихъ лодокъ съ линіи сопряжена, конечно, съ издержками, но онѣ вознаградятся значительно меньшимъ отпускомъ въ укрѣпленіе овса. Что же касается до проекта Богданова, то, считая его, по несостоятельности теоретической основы, нелѣпымъ, я счелъ неумѣстнымъ о немъ даже упоминать. Тѣмъ не менѣе, однако, лѣтомъ 1853 года, во время похода Перовскаго къ Акъ-мечети, проектъ началъ приводиться въ исполненіе, а къ осени было уже готово три каземата. Въ одномъ изъ нихъ помѣстился на жительство самъ строитель со своимъ семействомъ и я обѣдалъ у него на возвратномъ пути изъ Акъ-мечети, но вскорѣ сильная трещина предупредила инженера объ опасности и едва успѣлъ онъ выбраться, какъ казематы повалились и вмѣстѣ съ ними пропало даромъ много тяжелаго труда. Фортъ начали строить по системѣ новаго начальника инженеровъ, генерала Бюрно, но и эта система оказалась неудобною, и пришли опять къ тому, съ чего начали. Только задняя мысль Перовскаго осуществилась. Въ 1855 году Аральское укрѣпленіе, съ поселеніемъ, было перенесено на мѣсто Казалинскаго форта и названо фортомъ № 1, а въ 1868 году изъ поселенія при немъ образовался городъ Казалинскъ.

Выбирая мѣсто для небольшого форта, я никакъ не думалъ, чтобы на немъ образовался впослѣдствіи городъ. Еслибы я могъ это предвидѣть и если-бы Сыръ-Дарья не считалась тогда нашею

государственною границею, то конечно указалъ бы на гору Каратюбе, какъ на мѣсто, болѣе удобное для города, чѣмъ настоящее, низменное и размываемое водою изъ рѣки Сыра, которая дѣлаетъ здѣсь крутой поворотъ.

1-е Приложеніе къ главѣ VI.

Извлеченіе изъ отчета о движеніи транспортовъ по степи въ 1851 г.

Составъ транспортовъ.

Въ 1851 году составъ транспортовъ былъ слѣдующій:

	Башкирскихъ подводъ.	Киргизскихъ верблюдовъ.
Оренбургскій	955 одноконн.	—
Карабутакскій	148 »	—
Уральскій	1.297 »	—
Аральскій изъ Орска . . .	530 пароконн.	1.920
» Илецка . .	59 »	833
Итого . .	2.989 »	2.753

Сверхъ чиновъ пѣхоты и артилеріи, слѣдовавшихъ при транспортахъ для укомплектованія гарнизоновъ укрѣпленій, при каждомъ изъ нихъ, за исключеніемъ Карабутакскаго, находилось по сотнѣ казаковъ, а при Орско-Аральскомъ $1^1/_2$ сотни и, кромѣ того, одно орудіе.

Сравнительно съ 1848 годомъ, транспорты Оренбургскій и Уральскій значительно увеличились, а Аральскій уменьшился, но въ общемъ итогѣ количество подъемной силы осталось почти тоже самое. Снаряженіе транспортовъ не измѣнилось, только въ Аральскомъ одноконныя подводы замѣнены пароконными, и это обстоятельство имѣло весьма благопріятныя послѣдствія относительно перехода черезъ Кара-кумъ. Величина прикрытія уменьшилась вдвое, благодаря спокойствію внутри степи.

Слѣдованіе ихъ въ укрѣпленія и обратно.

Всѣ транспорты выступили изъ Орска 22 мая, за исключеніемъ части Аральскаго, вышедшей изъ Илецкой защиты 10 мая. Транспорты: Карабутакскій, Уральскій и Аральскій (1,975 подводъ и 1,920 верблюдовъ) слѣдовали сначала вмѣстѣ. Въ Карабутакѣ къ нимъ присоединился транспортъ изъ Илецкой защиты и 31 мая была дана всѣмъ дневка. Далѣе транспорты шли двумя эшелонами, на переходъ разстоянія одинъ отъ другого: впереди Уральскій (1,297 подводъ) и сзади Аральскій (589 подводъ и 2,753 верблюда). 12 іюня, во время дневки въ Уральскомъ укрѣпленіи, Аральскій транспортъ укомплектовался для дальнѣйшаго слѣдованія до 700 слишкомъ пароконныхъ подводъ съ тяжестями въ 22 пуда каждая, и до 2,800 верблюдовъ, подъ прикрытіемъ 120 человѣкъ пѣхоты, одного орудія и 3 сотенъ казаковъ; а съ 15-го на рѣчкѣ Джаловлы раздѣлился на два эшелона, изъ которыхъ первый былъ составленъ изъ всѣхъ башкирскихъ подводъ, подъ прикрытіемъ пѣхоты, орудія и сотни казаковъ, а второй изъ всѣхъ верблюдовъ, подъ прикрытіемъ $1^1/_2$ сотни казаковъ; кромѣ того, $^1/_2$ сотни казаковъ были отправлены впередъ для заблаговременной очистки кудуковъ въ Кара-кумахъ. Въ пескахъ къ транспорту присоединились еще полъ сотни казаковъ съ орудіемъ, высланныхъ изъ Аральска, для усиленія его прикрытія. Транспортъ прибылъ въ Раимъ 28 іюня. Киргизы съ верблюдами, по прибытіи къ мѣсту назначенія и по складу провіанта, тотчасъ были отпущены по домамъ, а башкиры съ подводами оставались нѣкоторое время въ укрѣпленіяхъ, гдѣ занимались сѣнокошеніемъ для лошадей гарнизоновъ, и потомъ возвратились на линію, откуда уже и были распущены. Впрочемъ, башкиры съ подводами оставались въ укрѣпленіяхъ въ полномъ своемъ составѣ только изъ Оренбургскаго и Карабутакскаго транспортовъ, затѣмъ изъ Уральскаго всего 125 человѣкъ, а остальные частію пошли на укомплектованіе Аральскаго транспорта, а частію немедленно возвратились на линію; наконецъ, изъ Аральскаго транспорта оставались для сѣнокошенія только 200 башкиръ.

По приблизительному расчету, башкиры пробыли въ степномъ походѣ слѣдующее число дней:

	Въ передній путь.	Въ укрѣпленіи.	На обратномъ пути.	Итого.
Оренбургскаго транс. 955 чел.	21	31	18	70
Карабутакскаго 148	8	10	7	25
Уральскаго 1061	21	5	17	43
» 125	21	25	17	73
» 111	38	3	32	73
Аральскаго 330				
» 59	50	3	32	85
» 200	38	21	32	91

Въ среднемъ выводѣ 3,000 башкиръ съ подводами пробыли въ степи на казенномъ продовольствіи ровно два мѣсяца.

Во время похода въ транспортахъ пало отъ болѣзней и отъ изнуренія башкирскихъ лошадей:

	Въ передній путь.	Въ укрѣпленіи.	На обратномъ пути.	Итого.
Въ Оренбургскомъ изъ 955 лош. . .	4	54	31	89
» Карабутакскомъ » 148 » . .	—	2	1	3
» Уральскомъ » 1,297 » . .	23	12	37	72
» Аральскомъ » 1,178 » . .	37	5	173	215
Итого изъ 3,578 лош. . .	64	73	242	379

Число это гораздо менѣе, сравнительно съ предыдущими годами, но все еще было весьма значительно.

Мѣры для облегченія слѣдованія транспортовъ.

Успѣшное, сравнительно съ предыдущими годами, слѣдованіе Аральскаго транспорта слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, снаряженію его изъ пароконныхъ подводъ, а не одноконныхъ, какъ было прежде, но все еще подводы были тяжелы и и даже при проходѣ черезъ Кара-кумъ, когда число ихъ было значительно увеличено, каждая подымала болѣе 20 пудовъ грузу. Не менѣе благопріятное вліяніе на успѣшный ходъ транспорта имѣли слѣдующія распоряженія при проходѣ чрезъ Кара-кумъ: во 1-хъ, совершенное отдѣленіе верблюдовъ отъ подводъ, въ особый эшелонъ; во 2-хъ, заблаговременная высылка особой команды для очистки кудуковъ и нарядъ команды для присмотра за пра-

вильностью водопоя; наконецъ, въ 3-хъ, совершеніе переходовъ утромъ [illegible]хъ, 3-хъ или 4-хъ часовъ до наступленія сильныхъ жаровъ. Кромѣ того, опытъ указалъ еще на необходимость другихъ мѣръ, принятіе которыхъ зависѣло отъ усмотрѣнія корпуснаго командира, именно:

Во 1-хъ, въ транспортахъ пало на первыхъ же переходахъ довольно значительное число лошадей, преимущественно изъ тѣхъ башкирскихъ юртъ, которыя расположены въ горныхъ и лѣсныхъ мѣстахъ, и многія изъ нихъ не везли даже тяжестей, не были въ упряжи и значитъ не могли быть изнурены, слѣдовательно, пали единственно отъ перемѣны дубравнаго корма на степной; потому полезно было бы не наряжать башкиръ изъ горныхъ и лѣсныхъ мѣстъ въ степь.

Во 2-хъ, лучшія лошади изъ Уральскаго транспорта пошли на укомплектованіе Аральскаго, для успѣшнаго прохода черезъ Кара-кумъ. Мѣра эта, вызванная необходимостью, была несправедлива въ отношеніи башкиръ. Тѣ изъ нихъ, которые лучше сберегли своихъ лошадей и заслуживали бы за это поощренія, должны были отправиться съ ними сами, или отпустить ихъ, подъ ненадежнымъ присмотромъ другихъ, въ Аральскъ и такимъ образомъ нести бо́льшую службу, нежели ихъ товарищи, менѣе заботившіеся о своихъ лошадяхъ. Принимая въ соображеніе подобную неравномѣрность службы, полезно было бы считать башкирамъ походъ въ Аральское укрѣпленіе за $1^1/_2$ или за двѣ очереди.

Въ 3-хъ, въ Каракумѣ подножный кормъ весьма плохъ, а походъ, по причинѣ песковъ, крайне труденъ; поэтому, для поддержанія лошадей, полезно давать имъ въ Каракумѣ ежедневно 2 или 3 гарнца овса въ передній путь и, по крайней мѣрѣ, по 1 въ обратный. Правда, овесъ значительно увеличитъ транспорты, но для поднятія его могутъ быть употреблены верблюды. Вообще, полезно было бы доставлять въ Аральское укрѣпленіе бо́льшую часть предметовъ на верблюдахъ, которые для похода въ пескахъ несравненно удобнѣе подводъ.

Въ 4-хъ, большое число палыхъ лошадей во время обратнаго слѣдованія Аральскаго транспорта слѣдуетъ приписать тому

обстоятельству, что онѣ пробыли въ укрѣпленіи нѣсколько дней почти совершенно безъ корма. Было бы полезно на будущее время, по прибытіи транспорта въ Аральское укрѣпленіе, отгонять башкирскихъ лошадей, недѣли на двѣ на Ай-герикъ или Казалу, подъ прикрытіемъ части башкиръ, а другіе могутъ въ это время заняться работами для укрѣпленія. Тогда лошади, сдѣлавшія трудный переходъ чрезъ Кара-кумъ, успѣютъ отдохнуть, поправиться на хорошемъ корму и быть годными для возобновленія похода. Полезно также предписать всѣмъ начальникамъ укрѣпленій, чтобы они отводили для транспортовъ мѣста, имѣющія хорошій подножный кормъ, хотя бы и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ укрѣпленія, а не самыя плохія, какъ это дѣлаютъ они обыкновенно.

Въ 5-хъ, желательно было бы имѣть при каждомъ транспортѣ ветеринара, или, по крайней мѣрѣ, хорошаго коновала.

Наконецъ, въ 6-хъ, въ транспортахъ, при которыхъ слѣдуютъ въ прикрытіи пѣшіе люди, для сбереженія ихъ силъ и здоровья, необходимо имѣть по нѣсколько порожнихъ подводъ для усталыхъ, бочку съ водою и достаточное количество кошмъ (войлоковъ), которыя и выдавать людямъ на каждомъ ночлегѣ для подстилки, чего въ прежнее время никогда не дѣлали и люди спали на голой землѣ.

Слѣдованіе легкаго отряда съ инспекторомъ укрѣпленій.

Для сравненія, какъ велика разность въ скорости движенія по степи между большимъ и малымъ отрядами, представляется слѣдующій расчетъ марша легкаго отряда, сопровождавшаго инспектора укрѣпленій отъ Аральска, чрезъ Уральское и Оренбургское укрѣпленія, въ Орскую крѣпость. Отрядъ состоялъ изъ 5-ти офицеровъ, 26-ти уральскихъ казаковъ, 7-ми нестроевыхъ и 4-хъ киргизъ, всего изъ 42 человѣкъ, съ 50-ю лошадьми и 8-ю повозками. Выступивъ изъ Аральска 18 іюля, отрядъ прибылъ въ Уральское укрѣпленіе 26-го, слѣдовательно на 9-й день, тогда какъ на эти же 315 верстъ транспортъ употребилъ 14 сутокъ, не считая дневокъ. Отъ Уральскаго до Оренбургскаго укрѣпленія, 197 верстъ или 8 обыкновенныхъ переходовъ, отрядъ прошелъ

съ 31-го іюля по 4-е августа, менѣе чѣмъ въ 5 дней. Наконецъ отъ Оренбургскаго укрѣпленія до Орска, 415 верстъ или 20 переходовъ, съ 17-го по 24-е августа, въ 8 дней. Всего отрядъ сдѣлалъ, въ теченіе 22-хъ дней, 927 верстъ, съ двумя довольно продолжительными отдыхами въ Уральскомъ и Оренбургскомъ укрѣпленіи и съ перемѣною въ первомъ изъ нихъ только однихъ казенныхъ лошадей. При этомъ всѣ лошади были сбережены какъ нельзя лучше. Дорогой ихъ поддерживалъ овесъ, выдаваемый упряжнымъ лошадямъ по 2 гарнца въ сутки и верховымъ по одному и даже менѣе.

2-е приложеніе къ главѣ VI.

Извлеченіе изъ отчета о степныхъ укрѣпленіяхъ въ 1851 году.

Фортификаціонное устройство укрѣпленій и постройки въ нихъ.

Фортификаціонныя работы въ степныхъ укрѣпленіяхъ заключаются единственно въ брустверѣ со рвомъ обыкновенной полевой профили. Ни въ одномъ укрѣпленіи онѣ не были вполнѣ кончены и затѣмъ никогда не исправлялись. Нигдѣ не присыпано гласисовъ и вездѣ, кромѣ Карабутакскаго форта, построеннаго изъ камня, эскарпы осыпались, рвы засорились, брустверы осѣли и прочее. Внутреннее пространство въ укрѣпленіяхъ такъ тѣсно, что множество построекъ по необходимости располагается внѣ ихъ, безъ всякой защиты. Гарнизонные инженеры, разбивавшіе укрѣпленія, рутинно держась правилъ полевой фортификаціи, не приняли въ соображеніе, что строгая соразмѣрность линіи огня и величина укрѣпленія съ величиною гарнизона не пригодна для степныхъ укрѣпленій, такъ какъ, устраиваясь на продолжительное время, они требуютъ, для помѣщенія гарнизона, лошадей, провіанта, имущества и проч. мно-

жество построекъ, которыя нѣтъ возможности вмѣстить въ рамки, означенныя этою соразмѣрностью. Кромѣ того, инженеры не обратили вниманія на то, что по самому свойству непріятеля, укрѣпленія могутъ имѣть цѣлью только первоначальную защиту отъ нечаяннаго нападенія, а никакъ не правильную оборону. Плохой тотъ комендантъ, который бы въ случаѣ нападенія ордынцевъ, сталъ сидѣть за брустверомъ, а не вышелъ въ поле и не разбилъ непріятеля. Въ степи нѣтъ надобности въ сильныхъ укрѣпленіяхъ, но необходимы такія, которыя бы достаточно ограждали людей и имущество гарнизона отъ нечаяннаго, воровского вторженія и поддерживали въ немъ военную бдительность, но этому именно условію и не удовлетворяетъ ни одно изъ степныхъ укрѣпленій.

Всѣ постройки въ укрѣпленіяхъ возведены изъ сырого кирпича и покрыты камышемъ, и только въ Оренбургскомъ, благодаря близости Наурзумскаго бора, тесомъ. Въ каждомъ укрѣпленіи строится церковь: въ Аральскомъ (во имя Воскресенія Христова) и Уральскомъ (Святаго Владиміра) изъ жженаго кирпича, а въ Оренбургскомъ (Св. Георгія) деревянная. Не смотря на безпрерывныя работы, укрѣпленія, особенно Аральское, далеко не обстроены окончательно. Многія предполагаемыя постройки замѣняются еще временными землянками, а другія готовыя предназначаются уже къ сломкѣ по негодности. Постройки изъ сырого кирпича, сдѣланныя среди лѣта, когда каждый слой кладки хорошо просушивался на солнцѣ, оказываются весьма прочными; но сдѣланныя осенью, въ сырое время, разваливаются очень скоро. Построекъ недостаетъ, однако, большею частью холостыхъ, жилыя же почти всѣ окончены, но онѣ имѣютъ большіе недостатки: во 1-хъ, ни въ одной изъ нихъ нѣтъ двойныхъ рамъ, отчего зимою, при сильныхъ вѣтрахъ и морозахъ, доходящихъ до 25°, чины гарнизона сильно терпятъ отъ холода; во 2-хъ, во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ полы землебитные, отчего постоянно поднимается пыль, вредная для слабогрудыхъ и способствующая зарожденію необыкновеннаго множества блохъ; въ 3-хъ, нары въ казармахъ сложены изъ сырого кирпича и покрыты камышевыми матами вмѣсто матрацовъ, отчего еще болѣе

увеличивается неопрятность помѣщенія. Для сбереженія здоровья людей было бы полезно устроить въ жилыхъ строеніяхъ двойныя рамы, деревянные полы и деревянныя же подвижныя нары [1]).

Заготовленіе сѣна, топлива и овощей.

Кромѣ нескончаемыхъ работъ по постройкамъ, нижніе чины занимаются заготовленіемъ для укрѣпленія сѣна и топлива, а также огородами, бакчами и проч.

Степныя укрѣпленія нуждаются въ значительномъ количествѣ сѣна, для прокормленія лошадей казачьихъ, артилерійскихъ, подъемныхъ и проч. Годовая пропорція сѣна въ Карабутакскомъ укрѣпленіи простирается до 10 тысячъ, въ Уральскомъ и Оренбургскомъ укрѣпленіяхъ свыше 50 тысячъ, а въ Аральскомъ около 100 тысячъ пудовъ. Обширные поемные луга въ долинѣ Тургая стелются близъ самаго Оренбургскаго укрѣпленія и въ долинѣ Иргиза и Тилькори въ разстояніи отъ 3 до 25 верстъ отъ Уральскаго укрѣпленія. Въ Карабутакскомъ фортѣ покосныя мѣста внизъ по рѣчкѣ Карабутаку и по рѣкѣ Иргизу, отстоящему отъ форта верстахъ въ 30, несравненно хуже, а въ Аральскомъ укрѣпленіи, по берегу рѣки Сыра, хотя постоянно улучшаются, но едва-ли могутъ когда-либо достигнуть до степени полнаго удовлетворенія потребностей гарнизона въ сѣнѣ. Покосныя мѣста въ Аральскомъ укрѣпленіи составляетъ полоса земли по берегу Сыра отъ Тальбугута до Аманъ-уткуля, въ длину около 20-ти верстъ и въ ширину отъ 10 до 100 саженей. Качество сѣна въ этой полосѣ видимо улучшается. Въ началѣ существованія укрѣпленія, среди густого камыша, травы было вовсе не замѣтно, но потомъ мало по малу она (острецъ, ржаникъ и кой-гдѣ вязелъ) начала преобладать надъ камышемъ и послѣдній сталъ уже такъ мелокъ, что годится для фуража. Кромѣ того, самая полоса покосовъ съ каждымъ годомъ расширяется вслѣдствіе того, что для заготовленія годовой пропорціи сѣна, травы все-таки недостаточно и по необходимости приходится, кромѣ ея, захватывать сплошной камышъ, на мѣстѣ котораго, на

[1]) Ходатайство это, равно какъ и другія, изложенныя въ отчетѣ, было уважено корпуснымъ командиромъ.

*

слѣдующій годъ, начинаетъ уже появляться трава. Но съ другой стороны, видимо, расширеніе этой полосы достигло крайнихъ предѣловъ, потому что далѣе, отъ слишкомъ значительнаго задержанія разливовъ плотинами, образовались солонцы и переставъ расти самый камышъ. Такимъ образомъ, несмотря на нѣкоторое улучшеніе сѣнокошенія, не представляется надежды на полное обезпеченіе сѣномъ лошадей гарнизона. Зимою онѣ изнуряются до такой степени, что къ веснѣ приходятъ въ совершенную негодность къ употребленію и только пробывъ нѣсколько недѣль на подножномъ кормѣ, возвращаютъ свои силы. Чтобы имѣть всегда въ укрѣпленіи лошадей сытыхъ и способныхъ къ быстрому и продолжительному движенію, необходимо: во 1-хъ, не ограничивать въ зимнее время ежедневную дачу сѣна лошади 30-ю фунтами, потому что она далеко еще не такъ хороша, чтобы этого количества было достаточно, и во 2-хъ, выдавать, хотя по одному гарнцу овса на лошадь съ октября мѣсяца по мартъ. Мѣра эта, однако, недостаточна, такъ какъ по экономическимъ расчетамъ не можетъ распространиться на лѣтніе мѣсяцы, когда табуны пасутся на подножномъ кормѣ, верстъ за 20 и иногда даже за 50 отъ укрѣпленія, что представляетъ важныя неудобства въ отношеніи активной его силы. Лучшимъ средствомъ для отстраненія этихъ неудобствъ представляется устройство возможности пользованія для укрѣпленія лугами, находящимися въ долинѣ Сыра выше истока Казалы, посредствомъ заведенія тамъ передового поста, преимущественно для кавалеріи.

Топливомъ, заготовляемымъ гарнизонами, служитъ въ Аральскомъ укрѣпленіи исключительно камышъ, а въ прочихъ, кромѣ камыша, кизякъ и иногда корни и стебли нѣкоторыхъ дикихъ растеній и мелкій кустарникъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Аральскаго укрѣпленія, вслѣдствіе осушенія береговой полосы для покосовъ, камышъ оскудѣлъ и явилась опасность совершеннаго истребленія этого единственнаго матеріала для топлива. Чтобы предупредить истребленіе камыша, слѣдовало бы залить береговую полосу снова водою, но тогда укрѣпленіе лишилось бы своихъ покосовъ.

Огороды и бакчи во всѣхъ укрѣпленіяхъ, благодаря удобству

поливки, находятся въ хорошемъ состояніи. Особенно хороши огороды въ Аральскомъ укрѣпленіи, занимающіе по берегу Сыра, среди сѣнокосовъ, версты двѣ въ длину и раздѣляющіеся на части по командамъ. Здѣсь разводятся всевозможныя овощи (капуста, рѣдька, редиска, брюква, рѣпа, морковь, свекла, горохъ, бобы, лукъ, горчица, салатъ, укропъ, петрушка, шпинатъ, огурцы, арбузы, дыни, тыква, кукуруза и въ видѣ опыта джугара) и только картофель, вслѣдствіе сырой почвы на берегу Сыра, не удается; но заготовленіе овощей на зиму встрѣчаетъ препятствіе въ недостаткѣ хорошей соли, такъ какъ мѣстная, употребляемая въ укрѣпленіи, весьма слаба. Въ видахъ поощренія огородничества, было бы полезно отпускать въ степныя укрѣпленія, для соленія овощей, небольшое количество илецкой соли [1]).

Положеніе гарнизоновъ и состояніе здоровья въ укрѣпленіяхъ.

Занимаясь постоянно работами по постройкѣ, по заготовленію сѣна, топлива, овощей и даже, въ видѣ опыта, хлѣба, нижніе чины въ укрѣпленіяхъ не имѣютъ времени ни на какія собственно военныя упражненія и изъ строевыхъ войскъ обратились въ рабочія команды. Такое положеніе тяжело для людей и невыгодно

---

[1]) Въ Аральскомъ укрѣпленіи сдѣланы также попытки заведенія двухъ садовъ: одного на берегу Сыра и другого на берегу озера Раима. Поводомъ къ этой попыткѣ послужилъ садъ Тулюпъ, основанный, вмѣстѣ съ мечетью и медрессе, однимъ муллою на лѣвой сторонѣ Сыра, шестью верстами ниже разрушенной крѣпости Джанъ-кала. Садъ состоялъ изъ довольно большихъ и тѣнистыхъ деревьевъ тальника, тополя, джиды и тута и содержался въ порядкѣ учениками муллы. По основаніи Раима, мулла, изъ боязни русскихъ, откочевалъ на Куванъ-Дарью, гдѣ и умеръ, а два сына его вернулись къ саду, но не въ состояніи уже были его поддерживать. Поэтому деревья изъ сада были впослѣдствіи перевезены въ Аральское укрѣпленіе, но вскорѣ затѣмъ самое укрѣпленіе было упразднено. Такимъ образомъ погибъ садъ Тулюпъ, но онъ убѣдилъ, по крайней мѣрѣ, въ возможности садоводства въ низовьяхъ Сыра. Одинъ артилерійскій офицеръ, штабсъ-капитанъ Ромишевскій, съ любовью занялся этимъ дѣломъ и уже къ 1853 году имѣлъ удовольствіе поднести генералу Перовскому, возвращавшемуся изъ завоеванной имъ крѣпости Акъ-мечеть, блюдо воздѣланнаго имъ самимъ винограду. Не смотря, однако, на эти блестящіе опыты, садоводство до сихъ поръ слабо развивается.

въ смыслѣ военномъ [1]). Войска не всегда могутъ во время дать руку помощи несчастнымъ киргизамъ, грабимымъ сосѣдями. Иногда служба отправляется даже видимо небрежно. При другой обстановкѣ гарнизоновъ, случай угона тремя киргизами 400 лошадей, изъ-подъ караула въ 30 казаковъ, былъ бы не мыслимъ. Въ Уральскомъ укрѣпленіи замѣчается въ этомъ отношеніи особенная беззаботность, и потому начальнику его предписано: имѣть при укрѣпленіи всегда готовый конный резервъ, не менѣе какъ въ 30 казаковъ, лошади которыхъ должны стоять на корму въ конюшнѣ и не употребляться ни въ какую работу; кромѣ того, строго наблюдать, чтобы солдаты, казаки и поселенцы, отправляясь по какимъ-либо надобностямъ изъ укрѣпленія на пашни, въ табунъ, за топливомъ и прочее, слѣдовали непремѣнно партіями, были хорошо вооружены и принимали должныя мѣры осторожности.

Нижніе чины въ укрѣпленіяхъ содержатся по возможности хорошо. Больныхъ въ лазаретахъ среднимъ числомъ за годъ было: въ Оренбургскомъ укрѣпленіи 32 человѣка, въ Уральскомъ—28 и въ Аральскомъ, несмотря на двойное количество гарнизона, только 25.

Господствующею болѣзнію во всѣхъ укрѣпленіяхъ была цынга, развившаяся преимущественно зимою, отъ тѣсноты помѣщенія, обилія работъ въ холодную и ненастную погоду и иногда нѣкоторыхъ недостатковъ въ пищѣ. Тѣснотою помѣщенія особенно страдаетъ Карабутакскій фортъ. Для устраненія этого представляется два средства: или увеличить фортъ и внутри его поставить другую казарму для части гарнизона и для лазарета, или, не увеличивая его, возвести эту казарму внѣ. Послѣдняя мѣра избавила бы чиновъ гарнизона отъ трудной работы расширенія форта, при каменистомъ грунтѣ, и не представила бы особенныхъ неудобствъ въ оборонительномъ отношеніи. Фортъ, самъ по себѣ сильный, можно сказать даже неприступный для азіятцевъ, будучи занятъ пѣхотинцами и артилеристами, могъ бы служить цита-

[1]) Въ отчетѣ я не рѣшился предложить радикальныя мѣры для устраненія этого зла, такъ какъ хорошо зналъ, что не представлялось никакой надежды на увеличеніе средствъ, отпускаемыхъ на устройство и содержаніе укрѣпленій.

делью, подъ выстрѣлами которой находились бы казачья казарма и другія постройки, приспособленныя къ оборонѣ [1]),

Вообще же, во избѣжаніе развитія цынги, начальникамъ укрѣпленій предложено: держать въ лѣтнее время нижнихъ чиновъ болѣе на воздухѣ, чѣмъ въ тѣсныхъ и душныхъ казармахъ, а въ зимнее время очищать воздухъ въ покояхъ, посредствомъ отдушинъ, наблюдать, чтобы больные и слабые по возможности отдѣлялись отъ здоровыхъ, чтобы они не сидѣли на одномъ мѣстѣ, а имѣли бы движеніе и прочее. Для облегченія гарнизоновъ въ работахъ, генералъ Обручевъ началъ выкомандировывать въ укрѣпленія на извѣстное время башкирскія сѣнокосныя команды, но эта мѣра оказалась слишкомъ тяжелою для башкиръ и невыгодною для казны. Кромѣ того, она не избавляетъ чиновъ гарнизона отъ особенно трудныхъ осеннихъ и зимнихъ работъ, какъ напримѣръ по добыванію топлива среди глубокихъ снѣговъ. Наконецъ, относительно пищи надобно замѣтить, что хотя вообще она хороша, но однообразна, и въ частности случались нѣкоторые недостатки. Такъ, въ Аральскомъ укрѣпленіи зимою мясо было не всегда хорошаго качества, вслѣдствіе изнуренія порціоннаго скота отъ недостатка корма. Иногда въ укрѣпленіяхъ являлся недостатокъ въ водкѣ, табакѣ и даже въ нѣкоторыхъ овощахъ. Вслѣдствіе этого начальникамъ укрѣпленій предложено: въ случаѣ худобы быковъ принимать отъ подрядчиковъ барановъ, своевременно обращаться съ требованіями предметовъ, необходимыхъ для нижнихъ чиновъ, и вообще прилагать особенное попеченіе, чтобы они имѣли всегда хорошо выпеченный хлѣбъ, хорошій квасъ и пищу сытную и по возможности разнообразную.

Послѣ цынги, главныя болѣзни были простудныя, развивавшіяся преимущественно осенью и зимою, и тифозныя. Простуднымъ болѣзнямъ особенно содѣйствуетъ мѣстоположеніе Оренбургскаго укрѣпленія на возвышенности, имѣющей отлогія покатости во всѣ стороны и подвергающейся вліянію всѣхъ вѣтровъ. Зимою

[1]) Перовскій разрѣшилъ эту мѣру и теперь, вокругъ маленькаго первоначальнаго форта, въ которомъ остался только складъ провіанта и казеннаго имущества, выросло мало по малу цѣлое селеніе.

бураны дѣйствуютъ здѣсь необыкновенно сильно. Случалось, что нижніе чины ходили въ это время къ столу въ кухню не иначе, какъ по веревкѣ. Случалось даже, что снѣгъ покрывалъ всѣ постройки въ укрѣпленіяхъ и чины гарнизона вылѣзали на улицу съ чердаковъ, чрезъ слуховыя окна, чтобы отгрести снѣгъ отъ наружныхъ дверей и прочистить ходы. При этихъ условіяхъ люди поставлены, между тѣмъ, въ необходимость брать постоянно воду, не ближе, чѣмъ за версту отъ рѣки Тургая. Въ Аральскомъ укрѣпленіи и въ Карабутакскомъ фортѣ доступъ къ водѣ также затруднителенъ, по причинѣ крутости спусковъ, а въ Уральскомъ вода въ Иргизѣ близка, но зато лѣтомъ во время жаровъ солоновата и производитъ поносы. Для предотвращенія этой болѣзни, начальнику укрѣпленія предложено: въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ подвозить воду, для питья и варенья пищи, изъ озера, находящагося верстахъ въ 5-ти отъ укрѣпленія.

Сифилисъ въ укрѣпленіяхъ распространенъ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ сношеній нижнихъ чиновъ съ окрестными байгушами, среди которыхъ болѣзнь эта сильно развита. Особенно вниманіе аральскихъ медиковъ было обращено на мѣстныя воспаленія, сопровождавшія венерическія и другія язвы и весьма наклонныя къ омертвленію.

Говоря о болѣзняхъ, господствовавшихъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ, нельзя умолчать о сибирской язвѣ, которая хотя рѣдко поражала людей, но на лошадяхъ часто свирѣпствовала въ Оренбургскомъ укрѣпленіи, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ мая по августъ. Въ это время киргизы никогда не держатъ здѣсь никакого скота. По замѣчанію туземцевъ, развитіе этой болѣзни находится въ зависимости отъ степени разлитія рѣки Тургая, урожая травы бидемкъ, растущей въ окрестностяхъ укрѣпленія и обилія слѣпней. Когда, вслѣдствіе большого разлива, трава бидемкъ густа, то она стелется по землѣ, и подъ нею слѣпни, находя для себя теплоту, разводятся въ изобиліи, а вмѣстѣ съ ними развивается и сибирская язва. Наоборотъ, когда вслѣдствіе слабаго разлива, трава бидемкъ рѣдка, то стоитъ на корнѣ и не даетъ убѣжища слѣпнямъ отъ холода, и въ эти годы нѣтъ

сибирской язвы. Такъ въ 1850 году трава бидемкъ была очень рѣдка, вслѣдствіе-ли того, что большая часть ея была выжжена, или вслѣдствіе незначительности разлива рѣки Тургая, но слѣпней почти вовсе не было и не было также язвы. Въ 1851 году язва почти вовсе не касалась табуна, пасшагося верстахъ въ 40 отъ укрѣпленія по Тургаю, гдѣ слѣпней было мало, и обнаружилась только на лошадяхъ, оставшихся при укрѣпленіи. Конечно, сибирская язва происходитъ не отъ слѣпней, но несомнѣнно, что, обиліе ихъ способствуетъ развитію этой болѣзни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо видѣть мученія несчастной лошади, когда она бываетъ облѣплена оводомъ до такой степени, что почти невозможно отличить ея масти, когда она бьется изъ всѣхъ силъ и наконецъ падаетъ отъ изнеможенія. Порча крови, происходящая отъ этихъ мученій, безъ сомнѣнія содѣйствуетъ развитію язвы. Для предохраненія лошадей Оренбургскаго укрѣпленія отъ слѣпней, генералъ Обручевъ прибѣгнулъ было къ мѣрѣ довольно дорогой, но безъ всякаго успѣха. По его приказанію была сдѣлана для всѣхъ лошадей одежда изъ парусины, пропитанной дегтемъ, но лишь только лошадей одѣли и пустили въ табунъ, какъ онѣ испугались другъ друга и разбѣжались по степи во всѣ стороны, и потомъ съ большимъ трудомъ удалось ихъ собрать и раздѣть.

Устройство поселеній при укрѣпленіяхъ.

Войска въ укрѣпленіяхъ, не смотря на постоянныя работы, добываютъ на мѣстѣ только сырой кирпичъ, сѣно, топливо и огородныя овощи, затѣмъ все необходимое получаютъ съ линіи и слѣдовательно обходятся казнѣ дорого. Въ видахъ облегченія расходовъ казны, генералъ Обручевъ думалъ развить въ укрѣпленіяхъ мѣстную производительность и съ этою цѣлью обратилъ, прежде всего, вниманіе на женатыхъ нижнихъ чиновъ. Онъ выписалъ ихъ семейства съ мѣстъ родины, приказалъ разбить для нихъ подлѣ укрѣпленій особенныя слободки и предоставилъ имъ заводить свои небольшія хозяйства. Этими мѣрами и небольшими льготами онъ надѣялся привязать нижнихъ чиновъ къ мѣстамъ новаго своего поселенія и удержать ихъ отъ возвращенія на

родину, по полученіи отставки. Расчеты эти не могли, однако, оправдаться. Не имѣя капиталовъ, женатые нижніе чины, живя въ землянкахъ, все свое хозяйство ограничиваютъ небольшими огородами, да содержаніемъ домашнихъ птицъ. Затѣмъ въ 1849 г. Обручевъ завелъ, въ видѣ опыта, при каждомъ укрѣпленіи по одному земледѣльческому поселенію изъ казаковъ Оренбургскаго войска, въ слѣдующемъ составѣ:

Въ Новопетровскомъ изъ . .	18	семействъ.
„ Аральскомъ изъ	26	„
„ Оренбургскомъ изъ . . .	10	„
„ Уральскомъ изъ	10	„
„ Карабутакскомъ изъ . .	4	„

Поселенцы помѣщены подлѣ укрѣпленій, въ особыхъ слободкахъ, разбитыхъ по утвержденному плану и обнесенныхъ небольшимъ брустверомъ со рвомъ. Дома поселенцевъ довольно велики и удобны, но холостыхъ построекъ устроено еще очень мало.

Хлѣбопашество въ Аральскомъ и другихъ укрѣпленіяхъ.

Главное занятіе поселенцевъ, по мысли генерала Обручева, должно было заключаться въ хлѣбопашествѣ и потому необходимо обратить вниманіе на первые опыты русскаго хлѣбопашества въ окрестностяхъ Аральскаго и другихъ укрѣпленій.

Земледѣліе на Сыръ-Дарьѣ подчинено совершенно инымъ условіямъ, нежели внутри Россіи. Долина Сыра, подобно долинамъ Аму въ Хивинскомъ ханствѣ и Нила въ Египтѣ, весьма плодородна, но только при условіи искусственнаго орошенія, требующаго значительныхъ работъ по устройству арыковъ (каналовъ и канавъ разной величины), резервуаровъ и плотинъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Аральскаго укрѣпленія представляются только два мѣста, которыя изрѣзаны арыками во всѣхъ направленіяхъ, отличаются удобствомъ орошенія и употребляются съ давнихъ временъ киргизами подъ пашни. Это долина Айгерикъ и берега озера Камышлы-баша. Долина Айгерикъ, направляющаяся къ сѣверу отъ нижнихъ частей протока Казалы и имѣющая въ длину около 30 и въ ширину мѣстами до 10 верстъ,

орошается водою, скопляемою въ низовьяхъ Казалы, посредствомъ распруживанія плотинъ Анетей и Бикъ-бау и считается киргизами самымъ плодороднымъ мѣстомъ по Сыру. Что же касается до береговъ озера Камышлы-башъ, то они осушаются подъ пашни, задерживаніемъ воды плотиною Кара-бугутъ, устроенною на протокѣ, соединяющемъ его съ рѣкою. При постепенномъ осушиваніи береговъ Камышлы-баша, киргизы всегда бросаютъ полосу, освободившуюся изъ-подъ воды въ прошломъ году, такъ какъ трудно бываетъ ее поливать и, сверхъ того, влажная, илистая полоса становится сухою и солонцеватою. По словамъ киргизъ, Айгерикъ и озеро Камышлы-башъ, въ отношеніи земледѣльческаго хозяйства, находились въ прежнее время въ тѣсной зависимости другъ отъ друга. Такъ, когда земля на Айгерикѣ истощалась, то долину пополняли водою и въ то-же время возстановляли плотину Карабугутъ и устраивали поля по берегамъ озера Камышлы-башъ, по мѣрѣ его высыханія. Озеро высыхало въ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ долина Айгерикъ, находясь подъ водою, возстановляла свои силы къ производству вновь хлѣба. Такъ, въ 1841 году, во время рекогносцировки полковника Бларамберга, вода покрывала Айгерикъ до самаго озера Акная и въ 1847 году занимала еще значительную часть долины, но въ 1848 году сохранялась только въ южныхъ озерахъ или резервуарахъ, около которыхъ сосредоточивались преимущественно пашни. Если система поочередной обработки Айгерика и Камышлы-баша дѣйствительно существовала, то съ прибытіемъ русскихъ на Дарью, она видимо начала нарушаться. Такъ озеро Камышлы-башъ осушалось и по берегамъ его разводились пашни, а между тѣмъ долина Айгерикъ не была залита. Въ началѣ пришельцы мало соображались съ мѣстными условіями, которыя не были ими порядочно развѣданы, и руководились болѣе или менѣе случайными обстоятельствами.

На другой годъ по основаніи Аральскаго укрѣпленія, поселенцевъ еще не было, но въ видѣ опыта былъ сдѣланъ посѣвъ хлѣба казною на берегу озера Камышлы-башъ на урочищѣ Чумышкуль и въ долинѣ Айгерикъ. Такъ какъ берегъ озера былъ довольно возвышенъ, то для орошенія его была вырыта

глубокая канава, около которой образовалось до 40 десятинъ пахотной земли, которую и заняла казна, пополамъ съ киргизами, подъ посѣвы. Опытъ былъ весьма удаченъ, но особенное вниманіе въ этомъ году обратили на себя киргизскія пашни на Айгерикѣ. Урожай на нихъ былъ такъ хорошъ, что осенью игенчи (земледѣльцы) отправили во внутрь степи хлѣба болѣе, чѣмъ на 2 тысячахъ верблюдахъ. Съ тѣхъ поръ такого урожая уже не было, да и число игенчей значительно уменьшилось. Многіе изъ нихъ, разбогатѣвъ скотомъ, бросили хлѣбопашество и откочевали въ степь, а другіе, боясь мщенія хивинцевъ за миролюбивое сосѣдство съ русскими, перебрались на Куванъ-Дарью.

Въ 1849 году прибыли въ укрѣпленіе поселенцы. Руководясь опытомъ прошлаго года, начальникъ укрѣпленія указалъ имъ подъ пашни урочище Чумышкуль; но вода въ Камышлы-башѣ такъ понизилась, что поливка ихъ сдѣлалась невозможною, а углубленіе старой канавы и проведеніе нѣсколькихъ новыхъ было не подъ силу поселенцамъ, и потому они оставили указанное имъ мѣсто и осенью посѣяли озимой хлѣбъ на другомъ мѣстѣ, тоже на берегу озера Камышлы-башъ (въ вершинахъ его, противъ горы Темирга). Всходы были хороши, но весною на пашняхъ оказалась соль и рожь перестала расти. Казенный хлѣбъ на Айгерикѣ (озеро Макпаль-куль) не далъ даже въ 1849 году всходовъ, вслѣдствіе задержанія киргизами воды для своихъ пашенъ.

Въ 1850 году посѣвы на Айгерикѣ, поселенскіе (на озерѣ Анетеѣ или Джалтырь-кулѣ) и казенные (верстами тремя южнѣе горы Якши-Айгерикъ) дали довольно удовлетворительные урожаи.

Въ 1851 году было засѣяно поселенцами на томъ же урочищѣ Анетей пшеницею, ярицею, овсомъ и просомъ болѣе 100 десятинъ. Всходы были очень хороши, но, во время нашего пребыванія въ укрѣпленіи, прорвалась плотина Анетей и залила пашни, поэтому урожай хлѣба былъ неудовлетворителенъ, именно пшеница родилась только самъ-четвертъ, ярица самъ-другъ, а съ овса не сняты были даже сѣмена.

Послѣ этихъ опытовъ необходимо было наконецъ выбрать постоянныя мѣста для пашенъ поселенцевъ. Въ видахъ справедливости генералъ Обручевъ желалъ, чтобы имъ были даны мѣста, не за-

нятыя киргизами. Но хлѣбопашество на Сыръ-Дарьѣ производится такъ давно, что трудно предполагать, чтобы киргизы не воспользовались до сихъ поръ всѣми удобными для этого мѣстами, и если такія мѣста могли представиться, то только по берегамъ Сыра, покрытымъ сплошными камышами, необходимыми для киргизскихъ зимовокъ и находящимися далеко отъ укрѣпленія, какъ-то выше Тальбугута и ниже Аманъ-уткуля. Кромѣ того, для обработки этихъ мѣстъ потребовались-бы огромныя работы, и еще сомнительно, чтобы онѣ увѣнчались успѣхомъ. Генералъ Обручевъ думалъ, между прочимъ, осушить подъ поселенскія пашни озеро Раимъ. Озеро это имѣетъ дно илистое и на берегахъ его, орошаемыхъ водою, растетъ камышъ, но лишь только берегъ осыхаетъ, камышъ перестаетъ расти и является солонцеватая почва. Это даетъ право думать, что озеро Раимъ имѣетъ совершенно одинаковыя свойства съ озеромъ Камышлы-башъ и что пашни на нихъ не будутъ довольствоваться орошеніемъ разъ въ годъ, какъ это дѣлается на Айгерикѣ, а потребуютъ постоянной поливки, удобоисполнимой только при незначительномъ ихъ количествѣ и при устройствѣ множества резервуаровъ и канавъ разной величины. Кромѣ того, при постепенномъ осушеніи озера, гніеніе воды, особенно въ камышахъ, можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье гарнизона Аральскаго укрѣпленія и въ особенности поселенцевъ, живущихъ на самомъ берегу озера. Такъ по берегамъ озера Камышлы-башъ, постепенно осушаемаго уже нѣсколько лѣтъ, воздухъ весьма тяжелъ и едва-ли здоровъ для людей, не привыкшихъ къ нему. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, поселенцы остановились на выборѣ подъ пашни долины Айгерикъ. Выборъ этотъ оправдывался, между прочимъ, еще тѣмъ, что берега озера Камышлы-башъ были заняты бѣднѣйшими игенчами, и отнимать у нихъ пашни значило-бы лишать ихъ послѣднихъ средствъ къ существованію, между тѣмъ какъ долина Айгерикъ, считающаяся самымъ плодороднымъ мѣстомъ по Сыру, была временно брошена большею частію игенчей, изъ боязни набѣговъ сначала хивинцевъ, а потомъ коканцевъ, и на ней земли могло быть достаточно какъ для поселенцевъ, такъ и для небольшого числа киргизъ, даже съ раздѣленіемъ долины на

нѣсколько полей. Поселенцы намѣревались осенью 1851 года открыть плотины Анетей и Бикъ-бау и залить долину водою, а будущею весною закрыть снова плотину Бикъ-бау, чрезъ что вода въ долинахъ останется только въ озерахъ или резервуарахъ, а остальныя мѣста осушатся и на нихъ можно будетъ устраивать пашни. Расчетъ этотъ соображенъ съ прежними дѣйствіями киргизъ, но для заведенія постояннаго хлѣбопашества на Айгерикѣ недостаточенъ, потому что низовья Казалы могутъ служить хорошимъ резервуаромъ для орошенія долины только при высокой водѣ въ Сырѣ. Чтобы не подвергаться случайности низкой воды, опытные киргизы полагали необходимымъ провести канаву отъ низовьевъ Казалы до плотины Бикъ-бау, длиною примѣрно около 10 верстъ, шириною въ три сажени и глубиною въ одну сажень, и такимъ образомъ всю воду протока Казалы обратить на орошеніе полей Айгерика, а для обезпеченія ихъ отъ совершеннаго потопленія упрочить плотину Бикъ-бау и устроить въ ней надежный шлюзъ. Средство это казалось тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что, по словамъ киргизъ, въ протокѣ Казалы вода никогда не пересыхаетъ, имѣетъ глубину болѣе сажени и теченіе постоянное. Предположеніе это могло-бы быть исполнено поселенцами вмѣстѣ съ киргизами, которымъ въ такомъ случаѣ необходимо дать участіе въ пашняхъ на Айгерикѣ. Подобное же вознагражденіе необходимо сдѣлать и для тѣхъ киргизъ, которые могли-бы понести какія-либо потери отъ занятія русскими Айгерика.

Четырехъ-лѣтніе опыты хлѣбопашества на Сырѣ достаточно выяснили занимающій высшее начальство вопросъ: можетъ-ли Аральское укрѣпленіе въ настоящемъ своемъ положеніи имѣть надежду на обезпеченіе своего продовольствія мѣстными средствами, посредствомъ развитія русскаго или киргизскаго хлѣбопашества. Настоящее число поселенцевъ при Аральскомъ укрѣпленіи слишкомъ незначительно, чтобы могло кормить его гарнизонъ, а между тѣмъ оно уже затрудняетъ мѣстное начальство пріисканіемъ для нихъ достаточнаго количества пахотной земли. На Сыръ-Дарьѣ почти всѣ удобныя для хлѣбопашества мѣста заняты киргизами и составляютъ единственный источникъ ихъ пропитанія, поэтому они отдаютъ свои пашни весьма неохотно

и приэтомъ вѣроятно теряютъ нѣсколько убѣжденіе въ справедливости и безкорыстной заботливости русскихъ объ ихъ благосостояніи. Кромѣ того, русское хлѣбопашество на Сырѣ не можетъ быть такъ успѣшно, какъ киргизское, и не столько отъ незнанія пришельцами мѣстныхъ условій, сколько отъ несоотвѣтственности этихъ условій съ ихъ привычками и характеромъ. Сыръ-Дарьинскій киргизъ по необходимости весьма умѣренъ въ пищѣ. Онъ заботится только о поддержаніи своего существованія и для скуднаго куска хлѣба готовъ на самыя трудныя работы. Для нѣсколькихъ пудовъ ячменя или проса онъ проводитъ на значительное протяженіе канаву, пригодную часто на одинъ только годъ, потомъ засѣваетъ клочекъ земли въ нѣсколько квадратныхъ саженъ и около этого клочка проводитъ въ работѣ день и ночь. Днемъ какимъ-нибудь черпакомъ, повѣшаннымъ на перекладину, онъ едва успѣваетъ накачивать воду изъ канавы на пашню, а ночью постояннымъ крикомъ оберегаетъ свои посѣвы отъ звѣрей и птицъ, и это продолжается въ теченіе всего періода созрѣванія хлѣба. Русскій не будетъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ киргизъ, и если даже необходимость заставитъ его работать изъ куска хлѣба, то изъ куска сытнаго, какого не лишены у насъ даже нищіе. Ему нужно не нѣсколько квадратныхъ саженъ, а цѣлое поле, а между тѣмъ онъ не станетъ работать такъ усиленно и съ такимъ самопожертвованіемъ, какъ киргизъ. Значитъ, пашня его не можетъ быть также хорошо обработана и дать такой урожай, какъ киргизская. До сихъ поръ поселенцы, дѣлая, по приказанію начальства, малоуспѣшные опыты хлѣбопашества, жили на счетъ казны, и если они обезпечатъ со временемъ свое существованіе собственными средствами, то, конечно, не земледѣліемъ, и слѣдовательно нельзя расчитывать, чтобы Аральское укрѣпленіе могло когда-либо кормиться однимъ русскимъ хлѣбопашествомъ на Сырѣ. Что-же касается до киргизскаго хлѣбопашества, то укрѣпленіе можетъ пользоваться имъ двумя способами: наймомъ киргизъ для обработки пашенъ и покупкою у нихъ хлѣба. Первый способъ многимъ кажется выгоднымъ, потому что Сыръ-Дарьинскіе киргизы такъ бѣдны, что часто не имѣютъ сѣмянъ для посѣва и въ такомъ случаѣ готовы принять на себя

какія угодно обязательства относительно обработки пашенъ, лишь бы имъ были даны сѣмена и нѣкоторое участіе въ урожаѣ, но такія сдѣлки неминуемо повели-бы къ порабощенію киргизъ и потому ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть допущены. Второй способъ, то есть покупка киргизскаго хлѣба, не можетъ обезпечить Аральское укрѣпленіе въ настоящемъ его положеніи, потому что въ ближайшихъ окрестностяхъ его, на которые оно утвердило свое вліяніе, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ хивинцевъ и коканцевъ, игенчей мало, да и тѣ такъ обнищали, что едва производятъ хлѣбъ на собственное свое продовольствіе. Слѣдовательно, Аральское укрѣпленіе можетъ надѣяться на продовольствованіе мѣстными средствами только тогда, когда расширитъ кругъ своего непосредственнаго вліянія, какъ на весь правый берегъ Сыра вверхъ по крайней мѣрѣ до Майлибаша, такъ и на пространство между рѣками Сыромъ и Куваномъ, на которомъ находится много удобныхъ къ хлѣбопашеству мѣстъ и живетъ значительное число игенчей, и когда обезпечитъ вполнѣ земледѣльцевъ всего этого раіона отъ хищныхъ набѣговъ хивинцевъ и коканцевъ.

Опыты хлѣбопашества въ другихъ укрѣпленіяхъ производились безъ искусственнаго орошенія и имѣли еще меньшій успѣхъ. Въ Уральскомъ укрѣпленіи поселенскія пашни находятся верстахъ въ 20-ти къ западу отъ укрѣпленія, на мѣстности, лишенной всякой возможности къ поливкѣ. Всходы хлѣба бывали хороши, но потомъ засыхали и въ концѣ концевъ поселенцы едва собирали сѣмена. Трехъ-лѣтняя попытка хлѣбопашества неудалась и не даетъ никакой надежды въ будущемъ. Въ окрестностяхъ укрѣпленія киргизы сѣютъ хлѣбъ только на Китай-кулѣ, но эта мѣстность находится въ сорока верстахъ отъ укрѣпленія, хлѣбъ родится на ней съ помощію усиленной поливки, къ которой русскіе поселенцы неспособны, и наконецъ, было-бы несправедливо отымать Китай-куль отъ бѣдныхъ игенчей. Что же касается до береговъ Иргиза, то сомнительно, чтобы они были пригодны для хлѣбопашества, такъ какъ во многихъ мѣстахъ сильно песчаны, а въ другихъ высоки и неудобны для поливки.

Въ Оренбургскомъ укрѣпленіи поселенцы сѣютъ хлѣбъ въ ближайшихъ лощинахъ и низменностяхъ, но и здѣсь, также какъ

въ Уральскомъ укрѣпленіи, засуха постоянно истребляла всходы, и только въ 1851 году, благодаря дождямъ, хлѣбъ родился порядочно. Изъ этого видно, что не только на Сыръ-Дарьѣ, но и вообще въ Киргизской степи успѣшное хлѣбопашество возможно только при условіи ирригаціи.

Въ Карабутакскомъ фортѣ поселенскія пашни разбросаны по лощинамъ и низменностямъ, въ разстояніи отъ 2 до 15 верстъ отъ форта. Въ 1850 году, первомъ для полевого хозяйства поселенцевъ, не только хлѣба и овощи, но и травы были поѣдены на корнѣ мышами, появившимися во множествѣ въ окрестностяхъ форта и во многихъ другихъ мѣстахъ степи; въ 1851 году всходы хлѣба были удовлетворительны.

Вообще трехъ-лѣтніе опыты русскаго хлѣбопашества въ Киргизской степи неудались и не даютъ надежды на успѣхъ въ будущемъ. Поселенцы не всегда собирали даже посѣянныя сѣмена и потому не только не могли помогать хлѣбомъ укрѣпленіямъ, но содержались сами на счетъ казны. Даже огороды ихъ находятся несравненно въ худшемъ положеніи, чѣмъ принадлежащіе чинамъ гарнизоновъ. Мысль генерала Обручева объ устройствѣ въ степи русскихъ земледѣльческихъ поселеній оказалась несостоятельною. Но изъ этого несвоевременно было-бы заключать, чтобы самыя поселенія были безполезны. Ошибка генерала Обручева заключалась не въ устройствѣ поселеній, а въ томъ, что онъ непремѣнно хотѣлъ имъ придать характеръ земледѣльческій, и вслѣдствіе этого заставлялъ поселенцевъ волею-неволею тратить труды и время на безплодную обработку земли и отвлекалъ ихъ отъ другихъ занятій. Если-бы онъ предоставилъ поселенцамъ свободу труда, то, конечно, они бы скоро обезпечили свое существованіе другими, болѣе выгодными для нихъ промыслами, и принесли бы несомнѣнную пользу не только укрѣпленіямъ, но и вообще развитію нашего вліянія въ степи.

Прочіе промыслы поселенцевъ.

Такими промыслами на первое время являются слѣдующіе. Скотоводство можетъ служить поселенцамъ для сбыта мяса въ укрѣпленіе и для перевозки товаровъ и казенныхъ тяжестей на

линію и обратно, но развитіе этого промысла затрудняется въ Аральскомъ поселеніи недостаткомъ сѣнокосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ, а въ Оренбургскомъ — частымъ появленіемъ сибирской язвы, отъ которой оно уже потеряло въ два года своего существованія 60 лошадей, 37 штукъ рогатаго скота и 80 барановъ. Въ 1850 году, во избѣжаніе потери отъ язвы, Оренбургскіе поселенцы отправили свой скотъ на лѣтнія кочевки киргизъ, оставивъ при себѣ, для полевыхъ работъ, только самое необходимое число лошадей, но язва не пощадила и этихъ послѣднихъ. Звѣроловствомъ и особенно охотою на кабановъ занимаются поселенцы Уральскаго и Оренбургскаго укрѣпленій и Карабутакскаго форта. Кабанина обезпечивала мясное довольствіе не только поселенцевъ, но отчасти и гарнизоновъ укрѣпленій. Рыболовствомъ занимаются поселенцы всѣхъ укрѣпленій, такъ какъ въ степныхъ рѣчкахъ рыбы много и она почти не ловится киргизами. Наемка поселенцевъ на казачью службу въ укрѣпленіяхъ служитъ также подспорьемъ для обезпеченія ихъ существованія на первое время. Но главнымъ промысломъ поселенцевъ, который долженъ упрочить ихъ положеніе, представляется мелочная торговля съ киргизами. Съ перваго взгляда кажется, что, по недостатку капиталовъ, поселенцы не могутъ выдерживать торговой конкуренціи съ большими оренбургскими капиталистами, разсылающими въ степь своихъ приказчиковъ, но опытъ показалъ, что такая разсылка не въ состояніи удовлетворить вполнѣ потребностей киргизъ и что, слѣдовательно, конкуренція не опасна для поселенцевъ. Мелочная торговля даетъ имъ хорошіе барыши и изъ земледѣльцевъ они естественно стремятся обратиться мало по-малу въ мелкихъ промышленниковъ, въ торговцевъ, въ горожанъ. Такимъ образомъ сила вещей измѣняетъ сама собою характеръ несоотвѣтствовавшаго ей административнаго мѣропріятія.

3-е приложеніе къ главѣ VI.

Записка о нижней части рѣки Сыра, какъ оборонительной линіи.

Долина праваго берега Сыра, отъ устья до Кошъ-кургана.

Долина праваго берега рѣки Сыра, начиная отъ ея устья до Коканскаго укрѣпленія Кошъ-курганъ (390 верстъ), раздѣляется на три части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой отличительный характеръ.

Отъ устья рѣки до истока Казалы (150 верстъ) долина Сыра низменна, покрыта густымъ камышемъ, залитымъ водою, и не представляетъ никакихъ удобствъ, особенно въ лѣтнее время, къ переправѣ черезъ рѣку, за исключеніемъ трехъ мѣстъ, гдѣ нагорный солонцеватый берегъ близко подходитъ къ Сыру, именно: Ханъ-уткуль, Аманъ-уткуль и Таль-бугутъ.

Отъ истока Казалы до переправы Майлибашъ (60 верстъ) долина Сыра также низменна, но не залита водою и судя по всѣмъ признакамъ должна быть плодородна. Окаймляясь съ сѣвера песками Кара-Кумъ, она имѣетъ ширину противъ истока Казалы около 15 верстъ и противъ урочища Учъ-урга около 10 верстъ, а отъ могилы Багъ-кара до Майлибаша тянется уже узкою полосою. Все это пространство изрѣзано канавами различной величины, что доказываетъ, что прежде здѣсь производилось хлѣбопашество въ довольно большихъ размѣрахъ. Нынѣ же, изъ боязни нападеній со стороны коканцевъ и хивинцевъ, киргизы вовсе не кочуютъ на этихъ мѣстахъ, не смотря на то, что послѣднія покрыты прекрасными лугами, на которыхъ растетъ ржаникъ, острецъ, частію вязелъ и мелкій камышъ. Переправы черезъ Сыръ здѣсь вездѣ возможны, но удобнѣйшими считаются: Майтюбекъ, Кара-тюбе, Учъ-урга, Сакутты и Майлибашъ. Надобно однако замѣтить, что ниже Учъ-урги, по ту сторону Сыра, встрѣчается множество весьма широкихъ и глубокихъ канавъ, которыя во время полноводія препятствуютъ движенію каравановъ и потому въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ лучшими переправами должно считать Учъ-ургу и Майлибашъ.

*

Отъ Майлибаша до Кошъ-кургана (около 180 верстъ) къ рѣкѣ Сыру примыкаютъ сначала пески Кара-Кумъ, а потомъ солонцеватая степь, потому правый берегъ безплоденъ и даже узенькія полоски луговъ встрѣчаются здѣсь рѣдко.

Обезпеченіе раіона Аральскаго укрѣпленія съ фронта.

Аральское укрѣпленіе основано по серединѣ самой нижней части теченія рѣки Сыра, верстахъ въ 70-ти отъ ея устья и въ 80-ти отъ истока Казалы. Оно владѣетъ моремъ и обезпечивается спереди фортами, устроенными на Косъ-аралѣ и на ближайшихъ къ укрѣпленію переправахъ Аманъ-уткулѣ и Тальбугутѣ. Затѣмъ, только одна переправа Ханъ-уткуль остается на этомъ пространствѣ незанятою. Для наблюденія за нею, а также для обезпеченія коннаго табуна, который пасется обыкновенно въ лѣтнее время по берегу Сыра отъ Аманъ-уткуля до острова Балыкчикосъ-аралъ, было бы полезно держать на Ханъ-уткулѣ наблюдательный постъ, не болѣе, какъ въ 15 казаковъ, которые могутъ быть отдѣлены изъ числа 50-ти, находящихся на Аманъ-уткулѣ.

Необходимость устройства форта на Сырѣ выше укрѣпленія.

Съ правой стороны Аральское укрѣпленіе съ своими угодьями и кочующими около него киргизами прикрыто моремъ, а съ лѣвой оно не имѣетъ никакого обезпеченія, между тѣмъ какъ въ этой именно странѣ и находятся самыя удобныя мѣста по Сыру, какъ-то: плодородная долина Айгерикъ, урочище Арыкъ-балыкъ и пространство, лежащее выше Казалы. Непріязненныя шайки имѣютъ всегда возможность, переправясь черезъ Сыръ выше Казалы, неожиданно явиться на одномъ изъ означенныхъ урочищъ и даже подъ самымъ укрѣпленіемъ, разграбить киргизъ и потомъ безнаказанно ускакать за Сыръ, прежде нежели въ укрѣпленіи успѣетъ сформироваться команда, для преслѣдованія ихъ, какъ это и было 6 марта 1848 года. Поэтому, чтобы обезпечить съ лѣвой стороны раіонъ Аральскаго укрѣпленія отъ неожиданныхъ нападеній, необходимо устроить передовой фортъ въ плодородной долинѣ Сыра, находящейся выше истока Казалы, или того пункта, отъ котораго рѣка начинаетъ имѣть вездѣ сво-

бодныя переправы. Устройство такого форта принесетъ слѣдующія выгоды:

1) Обезпечитъ, какъ уже сказано, Аральское укрѣпленіе и кочующихъ около него киргизъ отъ нечаянныхъ нападеній.

2) Это вселитъ въ туземныхъ киргизахъ, пришедшихъ въ крайнюю бѣдность отъ частыхъ грабежей хищниковъ, болѣе довѣрія къ русскимъ и дастъ имъ возможность постепенно поправить свое состояніе.

3) Обезпечитъ русское и киргизское хлѣбопашество на Арыкъ-балыкѣ, Айгерикѣ и прочее, и тѣмъ будетъ способствовать развитію этой важной отрасли промышленности въ окрестностяхъ укрѣпленія.

4) Дастъ поселенцамъ возможность вполнѣ владѣть водою протока Казалы, необходимою для хлѣбопашества на Айгерикѣ.

5) Предоставитъ во владѣніе русскихъ незанятыя нынѣ никѣмъ луга, лежащіе по Сыру выше Казалы, и тѣмъ обезпечитъ фуражное довольствіе подвижного резерва укрѣпленія.

6) Дастъ возможность возобновить по Сыру выше Казалы хлѣбопашество, оставленное нынѣ киргизами изъ боязни коканцевъ и хивинцевъ.

7) Облегчитъ содѣйствіе бухарскимъ каравanамъ при переправѣ ихъ черезъ рѣку Сыръ, производимое нынѣ высылкою изъ укрѣпленія барказовъ, или дастъ возможность держать перевозъ для каравановъ и для перекочевывающихъ киргизъ поселенцамъ и тѣмъ откроетъ для нихъ новый промыселъ.

Выборъ мѣста для форта.

Вверхъ отъ истока Казалы до самаго Майлибаша, правый берегъ Сыра чрезвычайно низменъ и едва превышаетъ уровень рѣки во время ея полноводія. Не только горъ, подобныхъ Каратюбе, лежащей на лѣвой сторонѣ Сыра, но даже нѣсколько возвышенныхъ мѣстъ, удобныхъ для возведенія на нихъ форта на всемъ этомъ пространствѣ совершенно нѣтъ; поэтому, при выборѣ пункта для форта, приходится обращать исключительное вниманіе на тѣ мѣста, которыя имѣютъ командованіе надъ окрестностями въ нѣсколько футовъ и почти даже дюймовъ. Съ дру-

гой стороны, выборъ пункта облегчается тѣмъ, что долина Сыра, начиная отъ истока Казалы до Учъ-урги и даже до могилы Сакутты, имѣетъ почти одинаковыя свойства и значитъ одинаковыя удобства для заведенія поселенія, съ тою только разницею, что, по мѣрѣ отдаленія отъ Казалы, увеличивается разстояніе отъ камышей, годныхъ для топлива, потому что эти камыши растутъ только по притоку Казалы.

Принимая въ соображеніе эти и другія обстоятельства, лучшимъ мѣстомъ для возведенія передового форта оказывается то, которое находится въ $2^1/_2$ верстахъ выше истока Казалы, въ верстѣ выше переправы Майтюбекъ и въ полуверстѣ отъ берега Сыра, между канавами Акъ-чикъ и Киргизъ и около могилы Тукачъ, какъ значится въ прилагаемомъ при семъ планѣ, снятомъ инструментально въ масштабѣ 200 саженъ въ англійскомъ дюймѣ [1]). Это мѣсто находится въ 45 верстахъ отъ Аральскаго укрѣпленія по сухому пути и слишкомъ въ 90 верстахъ отъ Сыръ-Дарьинской пристани по рѣкѣ. Оно имѣетъ преимущество передъ другими, лежащими по Сыру выше: во 1-хъ, потому что ближе отъ укрѣпленія, во 2-хъ, требуетъ значитъ менѣе гарнизона для форта, въ 3-хъ, имѣетъ лучшее и безопаснѣйшее сообщеніе съ укрѣпленіемъ, въ 4-хъ, непосредственно владѣетъ протокомъ Казалы и прикрываетъ хлѣбородное урочище Арыкъ-балыкъ; въ 5-хъ, съ утвержденіемъ на немъ не оставляется до самаго устья рѣки ни одной не занятой переправы, и въ 6-хъ, лучше другого пункта обезпечивается топливомъ.

Мѣсто около могилы Тукачъ нѣсколько выше окрестныхъ и, должно полагать, никогда не заливается водою, что подтверждаютъ и киргизы. Оно имѣетъ также постоянное сухое сообщеніе со степью. Киргизы говорятъ, что и окрестныя мѣста, не смотря на свою низменность, тоже не заливаются, чему можно повѣрить, потому что обозрѣніе долины производилось во время полноводія рѣки Сыра и протока Казалы, а между тѣмъ залитыхъ здѣсь мѣстъ не встрѣчалось.

---

[1]) Планъ этотъ, сохранившійся у меня, не считаю особенно нужнымъ воспроизводить здѣсь.

Берега Сыра выше Казалы и берега самаго протока, судя по всѣмъ даннымъ, должны быть весьма плодородны. По Казалѣ и по другимъ канавамъ, лежащимъ вблизи ея, разбросаны нынѣ кой-гдѣ небольшія киргизскія пашни, на которыхъ хлѣбъ родится съ поливкою очень хорошо. Въ луговыхъ и пастбищныхъ мѣстахъ предполагаемый около могилы Тукачъ фортъ также никогда не будетъ имѣть недостатка, такъ какъ изъ нихъ состоитъ вся долина Сыра отъ Казалы до Учъ-урги и далѣе. Топливомъ для форта можетъ служить камышъ, который растетъ въ изобиліи по лѣвую сторону протока Казалы, а также кустарникъ чингилъ (весьма колючій) и джангылъ или гребенщикъ; какъ тотъ, такъ и другой растетъ во множествѣ на выгонныхъ мѣстахъ вблизи истока Казалы. При всѣхъ этихъ выгодахъ избранное мѣсто имѣетъ одно неудобство, заключающееся въ томъ, что лѣтомъ здѣсь бываетъ необыкновенное множество комаровъ и слѣпней, скопляющихся особенно около камышей и кустарниковъ чингила.

Опредѣленіе силы форта.

Казалинскій фортъ не имѣетъ назначенія быть самостоятельнымъ пунктомъ, а только передовымъ постомъ для Аральскаго укрѣпленія, поэтому величина гарнизона его не должна быть слишкомъ значительна, иначе она ослабитъ главный пунктъ. Съ другой стороны, фортъ долженъ имѣть не одну оборонительную силу, а даже и наступательную, для того, чтобы имѣть возможность не только наблюдать за окрестными мѣстами, но и преслѣдовать иногда даже значительныя партіи хищниковъ. Соображая эти условія, можно положить для гарнизона форта: человѣкъ 50 пѣхоты и одно орудіе съ соразмѣрнымъ числомъ артилерійской прислуги собственно для обороны самаго пункта и человѣкъ 60 казаковъ и одно орудіе на случай преслѣдованія хищниковъ.

Примѣрное распредѣленіе войскъ, находящихся въ Аральскомъ укрѣпленіи.

Казалинскій фортъ и другіе посты и форты, расположенные по Сыръ-Дарьѣ, требуютъ около трети всѣхъ войскъ, находящихся нынѣ въ этомъ краѣ, и затѣмъ въ самомъ Аральскомъ укрѣпленіи останется около двухъ третей [1]).

[1]) Въ подлинникѣ помѣщено подробное распредѣленіе войскъ въ Аральскомъ укрѣпленіи и по его передовымъ частямъ.

Отдѣленіе трети гарнизона Аральскаго укрѣпленія для передовыхъ постовъ и фортовъ можетъ быть допущено, но дальнѣйшее усиленіе послѣднихъ на счетъ укрѣпленія кажется уже неудобнымъ и еслибы потребовалось такое усиленіе или занятіе новыхъ пунктовъ по Сыру или за рѣкою, то необходимо будетъ увеличить число войскъ въ этомъ краѣ.

Мѣста по Сыру выше Казалинскаго форта, которыя въ случаѣ надобности могутъ быть заняты.

При настоящихъ обстоятельствахъ Казалинскій фортъ достаточенъ для обезпеченія лѣваго фланга раіона Аральскаго укрѣпленія и для владѣнія плодородною долиною Сыра до Учъ-урги и далѣе; поэтому устройство фортовъ по Сыру выше могилы Тукачъ оказывается излишнимъ; впрочемъ, еслибы представилась къ этому надобность, то могутъ быть заняты подъ форты слѣдующія мѣста:

Кара-тюбе—гора, лежащая въ полуверстѣ отъ берега рѣки Сыра и по прямой линіи въ 4-хъ верстахъ выше мѣста, выбраннаго для предполагаемаго форта, а по рѣкѣ около 5-ти верстъ. Она имѣетъ въ длину, вдоль теченія, около 75-ти саженъ, въ ширину около 50-ти и въ вышину около 5-ти. Къ юго-западной сторонѣ ея примыкаетъ уступъ, длиною саженъ въ 50. Гора имѣетъ грунтъ земли глинисто-солонцеватый и покрыта чингиломъ, гребенщикомъ и еще какимъ-то низенькимъ кустарникомъ, имѣющимъ ягоды, похожія на видъ и на вкусъ на мелкія вишни. Киргизы говорятъ, что гора эта искусственная и что на ней былъ когда-то городъ. Кругомъ Кара-тюбе разстилается во всѣ стороны равнина, покрытая небольшимъ камышемъ съ травою, нѣсколько худшею, однако, чѣмъ на правомъ берегу Сыра. Противъ горы производится иногда переправа черезъ рѣку.

Полуостровъ *Учъ-урга*, около котораго переправляются обыкновенно нынче бухарскіе караваны, когда идутъ въ Россію, есть луговая низменность, окруженная съ трехъ сторонъ Сыромъ, а съ четвертой къ ней примыкаютъ песчаные бугры. Полуостровъ не заливается водою, да если бы и былъ подвергнутъ наводненіямъ, то могъ бы избавиться отъ нихъ устройствомъ небольшой бере-

говой насыпи, подобной той, какая находится по берегу Сыра отъ Таль-бугута до Аманъ-уткуля. Въ окрестностяхъ полуострова находятся лучшія и обширнѣйшія покосные луга по Сыру, но зато можетъ встрѣтиться недостатокъ въ топливѣ.

Мѣсто между могилами *Сакутты* и *Муртукъ*, откуда луговыя мѣста начинаютъ тянуться уже по Сыру узкою полосою, можетъ быть тоже занято въ случаѣ надобности подъ фортъ, равно какъ и около переправы *Майлибашъ*, къ которой подходятъ уже пески Кара-Кумъ.

Выше Майлибаша, сколько извѣстно изъ рекогносцировокъ подполковника Бларамберга въ 1841 году и прапорщика Рыбина въ нынѣшнемъ году, не представляется уже по Сыру до самаго Кошъ-кургана мѣстъ, удобныхъ къ занятію подъ форты.

Польза занятія пункта на Куванѣ.

Занятіе мѣстъ по Сыру выше Казалинскаго форта не имѣетъ, какъ уже сказано, существенной необходимости и важности для Аральскаго укрѣпленія. Гораздо полезнѣе было бы, для обезпеченія нашихъ владѣній на Сырѣ и для развитія въ нихъ самобытныхъ промысловъ, занять удобный и сильный пунктъ на Куванѣ. Киргизы, кочующіе зимою между рѣками Сыромъ и Куваномъ, имѣютъ лѣтнія кочевки въ нашихъ степяхъ, платятъ русскимъ кибитный сборъ и считаются русскими подданными. Игенчи, остающіеся и лѣтомъ на этомъ пространствѣ, съ возведенія Аральскаго укрѣпленія начинаютъ считать тоже свои земли какъ бы принадлежащими русскимъ и желаютъ, сколько извѣстно, избавиться отъ невыгоднаго для нихъ подданства Хивѣ. Сами хивинцы, которыхъ число здѣсь ограничивается, можетъ быть, нѣсколькими человѣками, раздѣляютъ нѣкоторымъ образомъ мнѣніе игенчей относительно права владѣнія мѣстами, окрестными Аральскому укрѣпленію. Ходжаніасъ, хивинскій чиновникъ, собирающій подати съ киргизъ, кочующихъ между рѣками Аму и Сыромъ и имѣющій мѣстопребываніе въ крѣпости, устроенной на Куванѣ противъ Кошъ-кургана, не беретъ зякета съ киргизъ, кочующихъ, хотя и по ту сторону Сыра, но вблизи Аральскаго укрѣпленія, и тѣмъ признаетъ вліяніе послѣдняго большимъ, нежели

оно есть на самомъ дѣлѣ. Конечно, по праву хивинцы считаютъ пространство между Куваномъ и Сыромъ своею собственностью, но своими же владѣніями они считаютъ и многія другія мѣста, лежащія въ нашей степи и на дѣлѣ давно принадлежащія русскимъ.

Утвержденіе русскихъ на Куванѣ лишитъ хивинцевъ опоры въ этомъ краѣ и вліянія на него. Они оттѣснятся на Аму и наши владѣнія отдѣлятся отъ хивинскихъ пустынною полосою песковъ, Кизылъ-Кумъ, простирающеюся на нѣсколько сотъ верстъ. Тогда хивинцы лишатся возможности съ удобностью дѣлать нападенія на Сыръ и всѣ выгоды въ этомъ отношеніи перейдутъ на сторону владѣющаго краемъ.

Кромѣ того, занятіе пространства между Сыромъ и Куваномъ русскими и обезпечиваніе его отъ насильственныхъ дѣйствій хивинцевъ привлечетъ въ этотъ край многихъ киргизъ, разовьетъ въ немъ упавшее нынѣ, но, сколько извѣстно, еще довольно значительное земледѣліе, и изъ этого пространства можетъ со временемъ образоваться плодородный и населенный оазисъ земли, въ родѣ хивинскаго ханства. Тогда упрочится наше вліяніе на киргизскую степь и пріобрѣтется твердая опора для политическихъ и торговыхъ сношеній съ Ташкентомъ, Коканомъ, Бухарою и проч. внутри самой Средней Азіи.

Третье путешествіе въ 1853 году.

VII.

Занятія, предшествовавшія акъ-мечетской экспедиціи.

Перемѣна направленія нашего движенія въ Среднюю Азію.

Въ 1852 году въ Оренбургѣ произошла перемѣна въ направленіи нашего движенія въ Среднюю Азію. До этого года оренбургское начальство, при всѣхъ своихъ политическихъ соображеніяхъ, имѣло въ виду исключительно Хиву, а съ этого времени обратило преимущественное вниманіе на Коканъ. Такая перемѣна не была задумана заранѣе, а произошла также слу-

чайно, какъ завелись случайно русскія поселенія въ Оренбургской киргизской степи и на Сыръ-Дарьѣ. Еще весною 1852 года, когда съ одной стороны на окрестности Аральска былъ сдѣланъ изъ Акъ-мечети новый набѣгъ, въ которомъ приняли непосредственное участіе коканцы и даже хивинцы, а съ другой министерство предлагало оренбургскому начальству занять все низовье Сыръ-Дарьи, для связи передовыхъ укрѣпленій оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ, генералъ Перовскій отказался отъ движенія впередъ, а лѣтомъ того же года, вслѣдствіе обстоятельства неважнаго и вызваннаго имъ самимъ, началъ это движеніе, по собственной иниціативѣ и вопреки желанія свыше. Разскажу по порядку обстоятельства, приведшія Перовскаго къ акъ-мечетской экспедиціи.

Дѣло съ коканцами и хивинцами 4 марта 1852 года.

Непрерывавшіеся съ 1850 года набѣги акъ-мечетскихъ киргизъ вызывали подобные же набѣги со стороны нашихъ киргизъ. Сначала эти обоюдные грабежи имѣли характеръ обыкновенной взаимной киргизской баранты; но въ мартѣ 1852 года въ ней приняли непосредственное участіе коканцы и даже хивинцы. Скопище составилось подъ начальствомъ самого акъ-мечетскаго Якубъ-бека, изъ гарнизоновъ подвѣдомственныхъ ему коканскихъ укрѣпленій Джулека, Акъ-мечети, Кумышъ-кургана, Чимъ-кургана, Кошъ-кургана и хивинскаго укрѣпленія Ходженіаса, а также изъ киргизъ, кочевавшихъ въ окрестностяхъ этихъ укрѣпленій. Число коканцевъ простиралось до 1,000 человѣкъ, а хивинцевъ до 130. Послѣдніе вооружились для захвата султана Ирмухамеда Касымова, или просто Илекея, бѣжавшаго къ намъ изъ Хивы и попавшаго, не смотря на свое прошлое, въ милость Перовскаго. Скопище собралось у Кумышъ-кургана, переправилось черезъ рѣку Сыръ у Кошъ-кургана, слѣдовало степью и вечеромъ 3 марта, прибывъ на Айгерикъ, разграбило до 100 киргизскихъ ауловъ.

Начальникъ Аральскаго укрѣпленія маіоръ Энгманъ, получивъ извѣстіе о грабежѣ, производимомъ на Айгерикѣ, въ тотъ же день выступилъ изъ укрѣпленія, съ отрядомъ изъ 100 чело-

вѣкъ при одномъ горномъ единорогѣ. На другой день къ нему присоединилось нѣсколько киргизъ и въ 4 часа пополудни онъ нагналъ скопище на урочищѣ Акчи-булатъ. Маіоръ Энгманъ открылъ огонь изъ единорога. Хищники разсыпались и окружили его отрядъ со всѣхъ сторонъ двойною цѣпью, на разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла; но огонь изъ единорога и ружей заставилъ ихъ податься назадъ. Не смотря, однако, на это, многіе наѣздники подъѣзжали къ самому отряду и вступали съ казаками въ бой на пикахъ. Перестрѣлка продолжалась до сумерокъ.

Съ разсвѣтомъ другого дня скопища уже не было на полѣ битвы, оно поспѣшно бѣжало къ Кошъ-кургану, угнавъ съ собою только незначительную часть награбленнаго имъ скота (около $2^1/_2$ тысячъ головъ). Быстрое и неожиданное появленіе нашего отряда и стойкость его во время дѣла изумили коканцевъ и дали имъ поводъ думать, что русскіе направятся для разоренія ихъ укрѣпленій, оставленныхъ безъ защиты, что и послужило причиною поспѣшнаго бѣгства шайки. Въ дѣлѣ 4 марта въ нашемъ отрядѣ убитыхъ не было, а ранено 4 человѣка, а у непріятеля убито до 100 человѣкъ и ранено очень много, въ томъ числѣ начальникъ киргизъ батырь Бухарбай. 5-го и 6-го марта маіоръ Энгманъ стоялъ на мѣстѣ, собирая брошенный непріятелемъ въ степи скотъ, а 10-го вернулся въ укрѣпленіе, возвративъ разграбленнымъ киргизамъ 53 тысячи барановъ и небольшое число лошадей, верблюдовъ и рогатаго скота.

Мнѣніе о Якубъ-бекѣ султана Ахмеда.

Дѣло 4 марта 1852 года было единственное, въ которомъ знаменитый впослѣдствіи Якубъ-бекъ непосредственно сражался съ русскими. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ Батырь-басы. До этого же дѣла онъ не принималъ личнаго участія въ набѣгахъ акъ-мечетскихъ киргизъ на нашихъ, хотя эти набѣги дѣлались, конечно, съ согласія, а можетъ быть даже и по иниціативѣ его; по крайней мѣрѣ, такъ думали въ Оренбургѣ и въ Киргизской степи. Покойный султанъ—правитель восточной части орды Ахмедъ-джанъ-тюринъ, выдававшійся

изъ ряда киргизскихъ султановъ отличнымъ знаніемъ русскаго языка и извѣстною степенью европейскаго образованія, выразился письменно о Якубъ-бекѣ такъ: „онъ не знаетъ сегодня будетъ ли грабить своихъ сосѣдей завтра. Все это случается по внезапнымъ приказаніямъ ташкентскаго Кушъ-бека, отъ котораго онъ зависитъ, или отъ собственной нужды въ деньгахъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, акъ-мечетскій бекъ тотчасъ же посылаетъ всегда готовую шайку на грабежъ киргизъ, обираетъ ихъ до послѣдней крайности и только тѣ ордынцы, которые безпрекословно исполняютъ при этомъ всѣ тяжкія требованія хищниковъ, не подвергаются насилію".

Приводя слова султана Ахмеда, не могу не вспомнить разсказы младшаго его брата, воспитывавшагося въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, о грустной кончинѣ этого достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, одинаково уважаемаго какъ русскими, такъ и киргизами. Окруженный семьею, султанъ умиралъ въ страданіяхъ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, и ничего уже не могъ говорить. Мулла читалъ отходную мѣрнымъ заунывнымъ голосомъ. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о загробной тишинѣ, молчаніи, и произнесъ арабское слово *сакынъ*, молчаніе, султанъ сдѣлалъ напряженіе и тихо сказалъ *сакынъ мулла*, молчи мулла! Мулла не обратилъ на его слова ни малѣйшаго вниманія. Султанъ сдѣлалъ новое усиліе и громко, явственно повторилъ: *сакынъ мулла!* Мулла продолжалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Тогда султанъ собралъ всѣ оставшіяся въ немъ силы, приподнялся на постели, съ энергіей и достоинствомъ произнесъ: „Султанъ Ахмедъ приказываетъ тебѣ *сакынъ мулла!*" и съ этими словами упалъ на подушку мертвый. А мулла продолжалъ читать. И вы не остановили этого осла? невольно вырвалось у Осмоловскаго, слушавшаго разсказъ.—Какъ же можно, отвѣчалъ разсказчикъ, вѣдь онъ не успѣлъ бы тогда во-время напутствовать душу брата, оставлявшую его тѣло.

Мысль о соединеніи линіею передовыхъ укрѣпленій оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ.

Весною 1852 года было прислано изъ С.-Петербурга, на заключеніе Перовскаго, мнѣніе генералъ-адъютанта Анненкова, производившаго передъ тѣмъ ревизію въ Западной Сибири, о необхо-

димости связать между собою линіею передовыя степныя укрѣпленія оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ (Аральскъ и Копалъ). Докладывая это мнѣніе Перовскому, я выразилъ мысль, что если правительство находитъ необходимымъ двигаться въ Среднюю Азію впередъ, то слѣдуетъ согласиться съ предложеніемъ Анненкова, такъ какъ исполненіе его вполнѣ возможно; если же оно предпочитаетъ оборонительную роль наступательной, то можно даже снять Аральское укрѣпленіе, такъ какъ послѣднее не приноситъ намъ существенной пользы, не ограждаетъ даже каравановъ и окрестныхъ киргизъ отъ набѣговъ хивинцевъ и коканцевъ, а между тѣмъ стоитъ очень дорого. На это Василій Алексѣевичъ Перовскій отвѣтилъ: „если бы я былъ моложе, то согласился бы съ предложеніемъ Анненкова, а теперь не могу. За мною неудача хивинскаго похода, а что если она повторится на Сыръ-Дарьѣ и у меня не хватитъ здоровья и можетъ быть даже жизни, чтобы ее исправить? Хорошо начинать дѣло, когда есть надежда его кончить, а вы видите мое здоровье. Аральское укрѣпленіе само по себѣ дѣйствительно безполезно, но снять его нельзя, потому что тамъ построена церковь. Напишите отрицательный отвѣтъ и мотивируйте его какъ знаете“. Это были подлинныя слова человѣка сильнаго, вліятельнаго и съ характеромъ, но они не были имъ сдержаны. Не прошло двухъ—трехъ мѣсяцевъ, какъ коканцы помѣшали нашей съемкѣ въ степи и Перовскій послалъ отрядъ взять Акъ-мечеть, а когда это предпріятіе не удалось, отправился туда, на слѣдующій годъ, самъ, не смотря на сильныя возраженія изъ С.-Петербурга; затѣмъ, по взятіи Акъ-мечети, устраивая Сыръ-Дарьинскую линію, уничтожилъ Аральскъ, не смотря на церковь. Такимъ образомъ мы сдѣлали экспромтомъ еще шагъ въ Азію, вопреки первоначальнаго желанія даже самого руководителя этимъ дѣломъ и какъ бы въ подтвержденіе вывода изъ вѣкового опыта, что наше движеніе на востокъ подчиняется историческому закону, который стоитъ выше личныхъ желаній и произвола.

Командировка полковника Бларамберга.

Почти одновременно съ отправкою отрицательнаго отвѣта на мнѣніе Анненкова, Перовскій утвердилъ представленное корпус-

нымъ оберъ-квартирмейстеромъ полковникомъ Бларамбергомъ предположеніе о производствѣ въ теченіе предстоящаго лѣта топографическихъ съемокъ, въ числѣ которыхъ была и рекогносцировка части степи, окрестной Акъ-мечети и другимъ коканскимъ постамъ. Когда рекогносцирующій отрядъ, подъ начальствомъ корпуса топографовъ прапорщика Голова, приблизился къ послѣднимъ, коканцы попросили его удалиться, угрожая, въ противномъ случаѣ, прогнать силою. Получа объ этомъ донесеніе въ началѣ іюня, Перовскій немедленно приказалъ полковнику Бларамбергу отправиться въ Аральскъ, сформировать тамъ отрядъ, неожиданно явиться съ нимъ передъ Акъ-мечетью и, не входя съ коканцами ни въ какія письменныя сношенія, взять и разрушить крѣпость. Чтобы обезпечить неожиданное появленіе отряда подъ Акъ-мечетью, необходимо было скрыть мѣсто и цѣль командировки Бларамберга отъ самого населенія Оренбурга, среди котораго жило довольно много среднеазіятскихъ купцовъ, умѣющихъ необыкновенно быстро передавать извѣстіе по назначенію. Въ этомъ расчетѣ Перовскій самъ написалъ предписаніе Бларамбергу и сообщилъ о немъ только тремъ лицамъ, предсѣдателю пограничной комиссіи генералъ-маіору Ладыженскому, начальнику корпуснаго штаба генералъ-маіору Фонтонъ-де-Верраіону и мнѣ, назначенному предписаніемъ отъ 3 іюня, за отъѣздомъ Бларамберга, исправлять должность оберъ-квартирмейстера. Секретъ былъ соблюденъ такъ хорошо, что коканцы дѣйствительно были атакованы неожиданно, а въ Оренбургѣ узнали, что Бларамбергъ уѣхалъ не въ Башкирію на осмотръ съемокъ, а въ степь, только по окончаніи похода.

Бларамбергъ, прибывъ въ Аральскъ, сформировалъ тамъ отрядъ, изъ полуроты пѣхоты, 2-хъ сотенъ уральскихъ казаковъ и 5-ти орудій съ прислугою, всего въ числѣ 470 человѣкъ, и взявъ съ собою продовольствія на $1^1/_2$ мѣсяца, выступилъ 3 іюля, а 19-го былъ уже надъ стѣнами Акъ-мечети. Начальникъ крѣпости, Батырь-бассы, незадолго до этого смѣнившій Якубъ-бека, выслалъ къ нему письмо, говорятъ, съ предложеніемъ очистить крѣпость къ 6-ти часамъ утра, но Бларамбергъ, буквально держась даннаго ему предписанія, не принялъ письма, а на другой день

пошелъ на штурмъ крѣпости, въ которой, по показаніямъ киргизъ, сидѣло около 30 сипаевъ или коканскихъ воиновъ и до 50 коканскихъ и бухарскихъ купцовъ, а по другимъ извѣстіямъ, 50 сипаевъ и до 150 купцовъ. Наружное укрѣпленіе Акъ-мечети было взято, но взобраться на четырехъ-саженной высоты стѣну самой крѣпости, безъ штурмовыхъ лѣстницъ, не было никакой возможности, и отрядъ, потерявъ 20 человѣкъ убитыми и имѣя 52 раненыхъ, принужденъ былъ отступить. Неудача подъ Акъ-мечетью не могла быть вознаграждена взятіемъ 4 августа приступомъ коканскаго укрѣпленія Чимъ-курганъ, въ которомъ защищалось 8 коканцевъ, и разрушеніемъ Кошъ и Кумышъ-Кургановъ, брошенныхъ коканцами безъ обороны. 21 августа Бларамбергъ вернулся въ Аральскъ.

Составленіе реляціи о походѣ Бларамберга.

Перовскій пріѣхалъ изъ своей лѣтней кочевки въ Оренбургъ для прощальной аудіенціи съ бухарскими посланцами, когда было получено донесеніе отъ Бларамберга о неудачѣ его подъ Акъ-мечетью. Оно такъ огорчило Перовскаго, что онъ тотчасъ же вернулся на кочевку, приславъ мнѣ сказать, чтобы я взялъ съ собою дѣло о командировкѣ Бларамберга и ѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Вечеромъ того же дня, проскакавъ въ 8 часовъ 140 верстъ, я былъ уже на кочевкѣ и тотчасъ же явился къ Перовскому. Онъ былъ видимо взволнованъ, далъ мнѣ прочитать донесеніе и когда я кончилъ, посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „ну, что вы скажете? Я этого никакъ не ожидалъ, но я не оставлю коканцевъ безъ наказанія“. Потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ: „Если я васъ пошлю въ Акъ-мечеть, возьмете вы крѣпость?“ Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что я смутился, но чрезъ секунду отвѣчалъ,—возьму, если вы дадите мнѣ свободу дѣйствій и средствъ“.—„Разумѣется“, сказалъ Перовскій, „но теперь намъ надо написать донесеніе въ Петербургъ, я бы хотѣлъ смягчить неудачу Бларамберга и вмѣстѣ съ тѣмъ расположить министерство въ пользу повторенія похода въ Акъ-мечеть, займитесь этимъ, а завтра утромъ мы съ вами увидимся и поговоримъ“. Я раскланялся и отправился въ отведенный мнѣ домикъ.

На другой день утромъ Перовскій самъ зашелъ ко мнѣ и, поговоривъ немного о дѣлѣ, прибавилъ: „когда кончите, приходите, я васъ буду ждать“. Я не замедлилъ явиться, но моя работа не удовлетворила его и пришлось ее передѣлать. Затѣмъ, въ теченіе трехъ дней, каждое утро и вечеръ повторялась та же исторія. Между нами было недоразумѣніе, но я не могъ придумать средства, какъ его отстранить. Видимо было, что корпусный командиръ не желалъ принять на себя отвѣтственности за безцѣльную потерю людей; а между тѣмъ начальникъ отряда, имѣя въ своихъ рукахъ предписаніе, въ точности имъ исполненное, съ своей стороны былъ въ правѣ отклонить ее отъ себя. Лавируя между предписаніемъ корпуснаго командира и донесеніемъ начальника отряда, я передѣлывалъ реляцію, пока не пріѣхалъ изъ Уфы оренбургскій губернаторъ Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ, вѣроятно, вызванный на кочевку по этому же дѣлу. Тогда Василій Алексѣевичъ Перовскій отпустилъ меня, сказавъ: „У васъ много дѣла въ Оренбургѣ и скоро почтовый день, потому я не буду васъ болѣе задерживать. Оставьте вашу работу и дѣло, я прикажу переписать донесеніе, подпишу его и пришлю къ вамъ съ нарочнымъ, а вы занумеруйте его и отправьте въ Петербургъ съ первою почтою“.

Чрезъ нѣсколько дней нарочный принесъ подписанное донесеніе и дѣло. Недоразумѣніе мое разрѣшилось; походъ Бларамберга былъ представленъ рекогносцировкою, мирный характеръ которой былъ нарушенъ коварствомъ коканцевъ. Это возрѣніе противорѣчило предписанію... и отпуска его въ дѣлѣ не оказалось. Вскорѣ вернулся изъ степи Бларамбергъ. Корпусный командиръ взялъ у него подлинное предписаніе, распекъ его и представилъ за отличіе въ генералы. Я былъ настолько еще молодъ, что все это мнѣ показалось страннымъ, тѣмъ болѣе, что я искренно любилъ и уважалъ Перовскаго.

Лѣтняя кочевка Перовскаго.

Лѣтняя кочевка Перовскаго состояла изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ по прекрасной долинѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ одинъ отъ другаго. Въ одномъ изъ нихъ жилъ самъ хозяинъ, а въ другихъ его свита

и гости. Въ серединѣ кочевки была общая столовая, куда собирались всѣ къ обѣду, чаю и ужину и гдѣ безъ хозяина засиживались иногда за стаканами шампанскаго далеко за полночь. Во время дождя, гостямъ и свитѣ подавались верховыя лошади для проѣзда въ столовую или домой. Вообще жизнь на кочевкѣ велась безъ стѣсненія и съ большимъ комфортомъ, а окрестная природа давала возможность разнообразить прогулки. Къ сѣверу возвышались высокія горы, а за ними разстилалась широкая, зеленая долина, по которой лентой извивалась рѣка Бѣлая. Прекрасный видъ съ горъ на долину, вѣроятно, и былъ причиною выбора этого мѣста для кочевки, но нѣсколько далѣе отъ Оренбурга, во время моей поѣздки въ 1850 году въ Пермскую губернію, я видѣлъ въ Башкиріи много еще болѣе живописныхъ и симпатичныхъ мѣстностей.

Недалеко отъ кочевки располагался лагеремъ башкирскій учебный полкъ, сформированный Перовскимъ, который поручилъ его обученіе своему адъютанту поручику Эверсману. Однажды Эверсманъ стоялъ передъ полкомъ, построеннымъ въ развернутомъ фронтѣ, и объяснялъ ему различныя эволюціи, какъ вдругъ раздались звуки: „га! гу!“, полкъ понесся въ разсыпную впередъ и скоро скрылся за горизонтомъ. Ошеломленный неожиданною атакою, осиротѣлый командиръ постоялъ въ степи и вернулся въ свою палатку, а подъ вечеръ стали по одиночкѣ возвращаться въ лагерь и башкиры. Оказалось, что во время ученія они увидали передъ собою тушканчика и не могли удержаться, чтобы не погнаться за нимъ. Забавными примѣрами наивности башкиръ можно бы было наполнить цѣлыя книги, но я разскажу еще только о старикѣ башкирѣ, который дѣлалъ кумысъ для Перовскаго и съ которымъ я познакомился на кочевкѣ. Въ 1814 году, въ бытность свою въ Парижѣ, онъ схватилъ съ бульвара какого-то француза и заперъ его у себя въ конюшнѣ; когда продѣлка его была открыта и его спросили: что это значитъ? онъ наивно отвѣчалъ: „домой возьму, работникъ будетъ“. Впослѣдствіи онъ дѣлалъ кумысъ въ Петергофѣ для Императрицы Маріи Ѳеодоровны и съ тѣхъ поръ постоянно разсказывалъ о своей дружбѣ съ различными вельможами, князьями и графами.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ на кочевку, я былъ свидѣтелемъ замѣчательнаго физическаго явленія. Разъ въ 11 часу вечера мы сидѣли въ столовой за ужиномъ. Въ окнѣ показалось что-то свѣтлое. Мы было подумали, что это какая-нибудь новая шалость сына Перовскаго, но, чтобы удостовѣриться, вышли на воздухъ и увидали на небѣ свѣтлый шаръ, величиною разъ въ десять болѣе полной луны съ длиннымъ хвостомъ. Шаръ видимо двигался отъ сѣвера къ югу и минутъ черезъ десять исчезъ за горизонтомъ. На другой день я былъ у помѣщика Звенигородскаго, усадьба котораго Тугустемеръ отстоитъ отъ кочевки верстахъ въ 30, и тамъ мнѣ сказали, что видѣли шаръ наканунѣ въ тотъ же самый часъ, а впослѣдствіи я узналъ, что его видѣли въ то же время за 150 верстъ. Адъютантъ Перовскаго, подполковникъ И. А. Кирѣевскій, сообщилъ описаніе этого явленія въ Казанскій университетъ и въ одно берлинское ученое общество.

Опытъ летучей почты.

Въ началѣ сентября Перовскій поручилъ мнѣ взять изъ лагеря башкирскаго учебнаго полка конную команду и устроить, для опыта, летучую почту между кочевкою и Оренбургомъ, на протяженіи 137 верстъ и 6 почтовыхъ перегоновъ. Взявъ изъ учебнаго полка конную команду изъ 51 башкира, при 6 урядникахъ и 1 офицерѣ, я отправилъ на каждую почтовую станцію по нѣсколько башкиръ съ урядникомъ, а 7-го и 8-го сентября занялся разстановкою ихъ по два человѣка на пикетъ; но такъ какъ по дорогѣ не вездѣ была вода и подножный кормъ, то пришлось сворачивать съ нея, и слѣдовательно общая линія пикетовъ вышла нѣсколько длиннѣе 137 верстъ. Всѣхъ пикетовъ было поставлено 24, слѣдовательно среднее разстояніе между ними было около 6 верстъ. На каждомъ пикетѣ было приказано одному изъ башкиръ имѣть въ теченіе дня лошадь совершенно готовую, садиться на нее, лишь только завидитъ скачущаго гонца съ сосѣдняго пикета, пускаться по направленію пути депеши, постепенно усиливая аллюръ, и перехватывать сумку на скаку. При этомъ условіи не должно было теряться ни секунды времени. 9-го и 10-го сентября были сдѣланы пробы устроенной, такимъ образомъ, почты и дали слѣдующій результатъ:

*

Депеша:	Отправлено.	Получено.	Была на пути.
9 сентября изъ Оренбурга . . .	6 ч. — м. утра	10 ч. 58 м.	4 ч. 58 м.
Обратно » » . . .	11 » 7 »	4 » 6½ »	4 » 59½ »
10 сентября » » . . .	6 » — » утра	11 » 15 »	5 » 15 »
Обратно » » . . .	11 » 45 »	4 » 40 »	4 » 55 »

Среднимъ числомъ можно положить, что депеша передавалась въ теченіе 5 часовъ, дѣлая около 28 верстъ въ часъ.

Работы въ виду предстоящей экспедиціи въ Акъ-мечеть.

По пріѣздѣ Бларамберга, я сдалъ ему 16 сентября должность оберъ-квартирмейстера и принялся за окончаніе подготовленнаго мною въ теченіе лѣта подробнаго описанія низовьевъ рѣки Сыра отъ Акъ-мечети до Аральскаго моря и предложеній о занятіи ихъ русскими, а 2 ноября представилъ объ эти работы корпусному командиру.

Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи, составленное на основаніи всѣхъ бывшихъ топографическихъ рекогносцировокъ въ краѣ и свѣдѣній о немъ, собранныхъ разными лицами, начиная съ Рычкова, автора „Оренбургской топографіи“, до Осмоловскаго, участвовавшаго въ походѣ Бларамберга, касалось природы и жителей края, старинныхъ развалинъ и новѣйшихъ хивинскихъ и коканскихъ укрѣпленій или кургановъ и проч. Къ описанію приложены были планы хивинскихъ укрѣпленій Бишъ и Джанъ-Кала и коканскихъ Акъ-мечети, Кумышъ, Чимъ и Кошъ-кургановъ. Въ 1853 году описаніе было мною лично провѣрено на мѣстѣ и дополнено нѣкоторыми свѣдѣніями и планами бывшихъ коканскихъ укрѣпленій Мамысеитъ и Кулъ-Икъ. Въ 1856 году я сдѣлалъ извлеченіе изъ описанія и напечаталъ его въ 9-й книжкѣ Морскаго Сборника, обративъ при этомъ особенное вниманіе на топографическія свойства мѣстности, чтобы дать будущему изслѣдователю положительныя данныя, на основаніи которыхъ онъ бы могъ дѣлать вѣрныя заключенія объ ея измѣняемости, составляющей крупную характеристическую черту среднеазіятскихъ оазисовъ.

Предположеніе о занятіи низовьевъ р. Сыра, послужившее исходною точкою для послѣдующихъ соображеній по этому предмету, помѣщено ниже въ Приложеніи въ томъ видѣ, въ какомъ оно

было составлено мною и собственноручно исправлено Перовскимъ, съ исключеніемъ только вѣдомостей.

Кромѣ того, во время составленія описанія низовьевъ Сыръ-Дарьи отъ Акъ-мечети до устья, мнѣ удалось распространить предѣлы описываемаго пространства снятіемъ весьма любопытнаго, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, показанія двухъ сибирскихъ казаковъ, только-что вернувшихся изъ трехъ-лѣтняго плѣна у коканцевъ. Эти показанія, съ моими примѣчаніями, были потомъ напечатаны въ „Вѣстникѣ Географическаго Общества“ 1856 года, томъ 17-й.

Четырехъ-мѣсячный отпускъ и исполненіе порученія Перовскаго въ С.-Петербургѣ.

Работы мои, предшествовавшія акъ-мечетской экспедиціи и сдѣланныя въ короткое время, и вообще усиленныя занятія, продолжавшіяся болѣе года, до того меня утомили, что я чувствовалъ сильную потребность въ отдыхѣ, принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ работъ по снаряженію предстоявшей въ будущемъ году экспедиціи, и 21 ноября уѣхалъ въ четырехъ-мѣсячный отпускъ. При прощаніи Перовскій сказалъ мнѣ: „Когда будете въ Петербургѣ, явитесь къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса генералу Витовтову и попросите его отъ меня, чтобы онъ далъ вамъ возможность познакомиться съ употребленіемъ гальваническихъ приборовъ, такъ какъ, вѣроятно, придется къ нимъ прибѣгнуть для взрыва стѣны въ Акъ-мечети и я хочу поручить это дѣло вамъ. Узнайте тамъ, что именно для этого нужно и если вамъ не затруднительно, привезите съ собою, или напишите ко мнѣ, чтобы я успѣлъ во-время выписать“.

Исполненіе порученія Перовскаго представляло серьезныя затрудненія. Примѣненіе гальванизма къ миннымъ работамъ составляло въ то время государственный секретъ, на соблюденіе котораго служащіе въ учебной гальванической командѣ давали особую присягу. Доступъ въ гальваническое учрежденіе былъ закрытъ для постороннихъ и, сверхъ того, оно не состояло даже въ непосредственной зависимости отъ генерала Витовтова. Не смотря на это, генералъ не хотѣлъ отказать Перовскому и, взявъ съ меня слово не говорить о порученіи никому, обѣщалъ устроить

дѣло частнымъ образомъ. Черезъ нѣсколько дней, утромъ, заѣхалъ ко мнѣ на квартиру начальникъ гальванической учебной команды, посадилъ къ себѣ въ карету и привезъ въ крѣпость, гдѣ мы и занимались съ нимъ до вечера. Изъ этихъ занятій я убѣдился, что не могу взять на себя отвѣтственности за доставку и употребленіе гальваническихъ приборовъ и написалъ Перовскому слѣдующее письмо: „Немедленно по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ (23 января), я имѣлъ честь представиться генералу Витовтову и былъ имъ допущенъ въ гальваническую учебную команду, находящуюся въ крѣпости, для ознакомленія съ гальваническими приборами, необходимыми для производства пороховыхъ взрывовъ. Теорія примѣненія гальванизма къ взрывамъ весьма проста, но обращеніе съ приборами требуетъ особенной тщательности и навыка, потому, если Вашему Высокопревосходительству угодно будетъ выписать гальваническую батарею, то, по мнѣнію генерала Витовтова, необходимо бы было потребовать вмѣстѣ съ нею нѣсколько человѣкъ саперъ изъ числа обученныхъ въ командѣ, которые бы могли привезти приборы на почтовыхъ въ Оренбургъ и оставаться тамъ во все время экспедиціи. Вмѣстѣ съ ними полезно бы было потребовать изъ той же команды опытнаго сапернаго офицера, на котораго бы можно было возложить отвѣтственность за доставку и употребленіе батареи. Представляя на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства вѣдомость гальваническимъ приборамъ, необходимымъ для производства одной сильной бреши въ стѣнѣ 4-хъ саженъ толщины и высоты и для предварительныхъ опытовъ, имѣю честь доложить, что при своевременномъ распоряженіи всѣ означенные въ ней предметы могутъ быть доставлены изъ Петербурга и нѣкоторые изъ нихъ изготовлены въ самомъ Оренбургѣ нынѣшнею весною“.

Проектъ занятія низовьевъ Сыръ-Дарьи.

20 марта 1853 года я вернулся изъ отпуска въ Оренбургъ, гдѣ всѣ были заняты приготовленіемъ къ экспедиціи. Проектъ занятія низовьевъ рѣки Сыра, окончательно выработанный послѣ отъѣзда моего въ отпускъ, былъ отправленъ въ С.-Петербургъ 29 января. Въ составъ его вошли четыре слѣдующія работы:

1) *Предположеніе о занятіи праваго берега рѣки Сыра отъ Акъ-мечети до устья*, заключавшееся только изъ одной первой половины моей работы. Это предположеніе требовало увеличенія войскъ на Сыръ-Дарьѣ и просило разрѣшенія о сформированіи еще одного линейнаго баталіона и батареи крѣпостной артилеріи, но согласія на это не послѣдовало. Тогда генералъ Перовскій рѣшилъ, перевезти на Сыръ-Дарью весь Оренбургскій линейный № 4 баталіонъ, а прочія укрѣпленія занимать одними казаками, для прислуги же къ орудіямъ въ четырехъ вновь предполагаемыхъ укрѣпленіяхъ (Акъ-мечеть, Чимъ-курганъ, Кошъ-курганъ и Казала) назначить временно чиновъ изъ конно-артилерійской бригады Оренбургскаго казачьяго войска.

2) *Записка о системѣ предполагаемыхъ укрѣпленій*, въ которой за основаніе былъ принятъ коканскій способъ постройки крѣпостей; но для Казалинскаго форта, какъ уже было сказано, проектировались сводчатые казематы изъ сырца.

3) *Денежныя смѣты*. Единовременный расходъ на первоначальное устройство четырехъ новыхъ укрѣпленій полагался изъ государственнаго казначейства въ 142 тысячи, то есть, въ такую же точно сумму, которая была употреблена на устройство Аральскаго укрѣпленія съ его передовыми постами. По окончаніи экспедиціи оказалось, однако, что устройство новыхъ укрѣпленій стоило гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось по смѣтѣ, и долго потомъ оренбургское начальство хлопотало о приведеніи въ порядокъ всѣхъ счетовъ. Затѣмъ, ежегодные расходы на степныя укрѣпленія, съ устройствомъ четырехъ новыхъ, должны были удвоиться, именно съ 165 тысячъ возрасти до 330 тысячъ; изъ нихъ 93 тысячи должны были пасть на государственное казначейство, а остальныя 237 тысячъ на мѣстныя средства.

4) *Предположеніе о самой экспедиціи*, написанное въ общихъ чертахъ. Государь Императоръ разрѣшилъ экспедицію, *подъ условіемъ личной отвѣтственности генерала Перовскаго за ея успѣхъ*.

Принятіемъ этого условія, послѣ неудачи хивинскаго похода 1839—40 года и похода Бларамберга 1852 года, объясняется особенная заботливость генерала Перовскаго о развитіи средствъ экспедиціи, принимавшей все болѣе и болѣе широкіе размѣры.

Въ экспедицію отправлялся самъ корпусный командиръ съ огромною свитою военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и изъ С.-Петербурга начали съѣзжаться лица разныхъ вѣдомствъ для принятія въ ней участія. Простое мѣстное предпріятіе противъ ничтожной коканской крѣпости усложнялось несоотвѣтственными ему приготовленіями и принимало видъ громкаго дѣла.

Приложеніе къ главѣ VII.

Предположеніе о занятіи низовьевъ рѣки Сыра.

Цѣли занятія Сыръ-Дарьи.

Занятіе низовьевъ рѣки Сыра необходимо въ двоякомъ отношеніи:

1) Съ обезпеченіемъ нашихъ южныхъ предѣловъ отъ опустошительныхъ вторженій коканцевъ и хивинцевъ, пріобрѣтется возможность къ лучшему административному устройству оренбургскихъ киргизъ, отстранятся поводы къ безпокойствамъ и барантамъ между ними, увеличится ихъ скотоводство и вообще умножится народное богатство, а въ соразмѣрности съ этимъ возрастутъ и доходы казны.

2) Прочное занятіе рѣки Сыра, сближая насъ съ среднеазіятскими владѣніями, доставитъ надежное и выгодное основаніе политическимъ и коммерческимъ съ ними сношеніямъ.

Недостаточность Аральскаго укрѣпленія въ этомъ отношеніи.

Одно Аральское укрѣпленіе не можетъ удовлетворить этимъ требованіямъ; оно не обезпечиваетъ нашихъ киргизъ отъ нападеній коканцевъ и хивинцевъ и не произвело никакого вліянія на наши сношенія съ Средней Азіей; но оно имѣетъ особенное значеніе какъ фланговой оплотъ, какъ исходный пунктъ къ занятію другихъ пунктовъ вверхъ по теченію Сыра.

Выборъ пунктовъ на правомъ берегу Сыра подъ укрѣпленія и опредѣленіе величины ихъ гарнизоновъ.

Мѣстность праваго берега рѣки Сыра не представляетъ возможности устроить цѣпь укрѣпленій въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, но въ этомъ не оказывается и надобности: обезпеченіе здѣшнихъ степей заключается не въ оборонѣ, а въ наступленіи. Среди кочеваго народа степное укрѣпленіе должно служить опорнымъ пунктомъ для наступательныхъ дѣйствій помѣщеннаго въ немъ гарнизона. Чѣмъ гарнизонъ подвижнѣе, тѣмъ надежнѣе обезпечиваетъ онъ охраняемый укрѣпленіемъ край. На правомъ берегу Сыра достаточно устроить три или четыре укрѣпленія. Выборъ этихъ пунктовъ, составъ и сила ихъ гарнизоновъ зависитъ отъ опредѣленія степени естественной обороны, представляемой рѣкою Сыръ.

Правый берегъ Сыра, начиная отъ ея устья до протока Сагазы, можно раздѣлить на четыре части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особенности:

1) *Отъ устья рѣки до урочища Майлибашъ* правый берегъ представляетъ сначала болота, заросшія камышемъ, и три переправы: Ханъ-уткуль, Аманъ-уткуль и Тальбугутъ, а далѣе вверхъ по теченію Казалинскую луговую долину. Аральское укрѣпленіе находится на солонцеватой окраинѣ болотъ между Аманъ-уткулемъ и Тальбугутомъ, въ разстояніи отъ моря сухимъ путемъ въ 60, а отъ Майлибаша въ 75 верстахъ. Съ правой стороны укрѣпленіе, съ своими угодьями и кочующими около него киргизами, прикрыто моремъ; съ фронта рѣкою Сыромъ, на берегу которой устроены Косъ-Аральскій фортъ и посты Аманъ-уткульскій и Тальбугутскій, а съ лѣвой, до сихъ поръ ничѣмъ еще незащищенной отъ нечаянныхъ нападеній, необходимо устроить передовой фортъ въ Казалинской долинѣ, гдѣ рѣка начинаетъ имѣть вездѣ свободныя переправы. Устройство здѣсь форта, обезпечивая окрестности Аральскаго укрѣпленія и правый берегъ вверхъ до Майлибаша, дастъ, сверхъ того, возможность къ усиленію хлѣбопашества въ окрестностяхъ Аральска, снабдитъ укрѣпленіе это сѣномъ, въ которомъ оно столько нуждается, и облегчитъ бухарскимъ караванамъ переправу черезъ Сыръ при урочищѣ Учъ-урга.

Въ настоящее время гарнизонъ Аральскаго укрѣпленія, со всѣми принадлежащими къ нему фортами и постами, состоитъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты (2 роты), 300 уральскихъ казаковъ и команды гарнизонной артилеріи при 19 орудіяхъ. Принимая въ соображеніе, что, съ устройствомъ Казалинскаго форта и другихъ укрѣпленій вверхъ по рѣкѣ, Аральское укрѣпленіе будетъ весьма достаточно прикрыто, можно въ составѣ гарнизона его допустить слѣдующія измѣненія: а) число казаковъ уменьшить до 200, б) число орудій уменьшить, употребивъ излишнія на вооруженіе другихъ укрѣпленій по рѣкѣ Сыру. Казалинскій фортъ, передовой постъ Аральскаго укрѣпленія, долженъ постоянно наблюдать за окрестными мѣстами и въ иныхъ случаяхъ преслѣдовать хищниковъ. Для этого назначенія достаточно имѣть въ немъ 100 человѣкъ пѣхоты, 100 казаковъ и нѣсколько орудій съ прислугою.

2) *Отъ урочища Майлибашъ до Кошъ-кургана* правый берегъ, на протяженіи 125 верстъ, представляетъ совершенную пустыню, простирающуюся отъ самой рѣки далеко на сѣверъ; даже узкія травяныя полоски и камыши встрѣчаются здѣсь рѣдко. Въ этой безплодной мѣстности не встрѣчается ни кочевокъ, ни игенчей [1]). Устройство здѣсь постояннаго жилья или укрѣпленія невозможно и не нужно; защитою этого пространства служитъ безпріютная и безплодная степь.

3) *Сухая часть Кошъ-курганскаго острова* имѣетъ въ длину отъ Кошъ-кургана до Чимъ-кургана 75 и въ ширину отъ 5 до 10 верстъ. Островъ богатъ пахотными мѣстами, а по берегу Сыра есть и небольшіе луга. Близъ соединенія протока Кара-узяка съ Сыромъ, въ 200 верстахъ отъ Аральска, на правомъ берегу болотистаго Кара-узяка, въ 190 верстахъ отъ Акъ-мечети, необходимо устроить укрѣпленіе для связи фланговыхъ пунктовъ Сыръ-Дарьинской линіи, для обезпеченія степи къ сторонѣ Майлибаша и для защиты всего Кошъ-курганскаго острова. Сообразно съ этимъ назначеніемъ гарнизонъ укрѣпленія предполагается

[1]) Игенчами называются киргизы, которые по бѣдности лишены средствъ къ кочеванію и занимаются хлѣбопашествомъ въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, для собственнаго лишь пропитанія.

составить изъ 200 человѣкъ пѣхоты, 125 казаковъ и нѣсколькихъ орудій съ прислугою. Черезъ протокъ Кара-узякъ необходимо имѣть переправу на плотахъ. Укрѣпленіе это не можетъ однако же достаточно прикрыть острова, имѣющаго болѣе 75 верстъ въ длину, если не занять на немъ еще пунктъ къ югу, около разореннаго нами коканскаго укрѣпленія Чимъ-кургана. Возведеніе здѣсь новаго форта облегчило бы вмѣстѣ съ тѣмъ сообщеніе Акъ-мечети съ Кошъ-курганомъ. Гарнизонъ предполагается: 100 человѣкъ пѣхоты, 75 казаковъ и нѣсколько орудій съ прислугою.

4) *Акъ-мечетскій островъ* особенно важенъ въ стратегическомъ отношеніи. Онъ прикрываетъ со стороны коканскихъ владѣній всѣ низовья рѣки Сыра и всю киргизскую степь оренбургскаго вѣдомства. Несмотря однако же на важность этого пункта, укрѣпленіе, которое будетъ здѣсь возведено, не потребуетъ слишкомъ многочисленнаго гарнизона: мѣстность, пересѣченная множествомъ канавъ, наполненныхъ водою, значительно облегчаетъ оборону. Сверхъ того, на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ острова тянутся голодныя степи, а на югъ за Сыромъ пески Кизылъ-кумъ, тѣ и другіе затрудняютъ набѣги хищниковъ. Для прочнаго занятія Акъ-мечети достаточно 400 человѣкъ пѣхоты и 150 казаковъ съ артилеріею. Изъ Акъ-мечети необходимо будетъ содержать небольшіе наблюдательные посты: около протока Сагазы, верстахъ въ 30 выше укрѣпленія, и около плотины, устроенной при выходѣ изъ рѣки Сыра Яны-Дарьи, верстахъ въ 20 ниже. Первый постъ нуженъ для наблюденія къ сторонѣ Туркестана, а второй—для охраненія плотины.

Итакъ, для занятія всего праваго берега рѣки Сыра, на протяженіи 440 верстъ по кратчайшему пути и 650 по изгибамъ рѣки, потребуется: 1,200 человѣкъ пѣхоты и 750 казаковъ съ артилеріею.

Подробности о средствахъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, съ которыми согласовано настоящее предположеніе, о числительномъ распредѣленіи по укрѣпленіямъ пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, изложены въ слѣдующихъ соображеніяхъ и вѣдомостяхъ.

Пѣхота. Въ настоящее время на Сыръ-Дарьѣ находится 400 человѣкъ пѣхоты, а по новому предположенію необходимо имѣть

1,200 человѣкъ, слѣдовательно 800 человѣкъ должны быть прибавлены; а такъ какъ число пѣхоты въ Оренбургскомъ корпусѣ едва достаточно для мѣстной службы, то нужно будетъ привести 4-й, 5-й и 6-й Оренбургскіе Линейные баталіоны изъ осмисотеннаго состава въ тысячный, по примѣру прочихъ оренбургскихъ баталіоновъ въ 1.000 человѣкъ, или сформировать новый баталіонъ въ 800 человѣкъ. Первое изъ этихъ средствъ не совсѣмъ удобно. Оно прибавило-бы къ настоящему числу пѣхоты Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса не 800, а только 600 человѣкъ. Для избѣжанія же излишняго раздробленія баталіоновъ и ротъ по пунктамъ, отстоящимъ одинъ отъ другого на значительное разстояніе, понадобится имѣть въ степи людей болѣе, чѣмъ требуетъ того необходимость, а тѣмъ самымъ число пѣхоты на линіи уменьшится, какъ это видно изъ слѣдующей дополнительной таблицы.

Вѣдомость № 1 о размѣщеніи баталіоновъ №№ 4, 5 и 6, въ случаѣ усиленія ихъ состава и въ случаѣ прибавленія новаго баталіона [1]).

До преобразованія 23-й пѣхотной дивизіи, послѣдовавшаго 8-го мая 1837 года, въ Киргизской степи не существовало ни одного укрѣпленія, между тѣмъ въ Оренбургскомъ корпусѣ состояло тогда 16 баталіоновъ, изъ числа коихъ 12 находились на линіи. Нынѣ въ Оренбургскомъ корпусѣ 10 баталіоновъ, изъ нихъ $1^1/_2$—занимаютъ степи и Новопетровское укрѣпленіе, 3—на горныхъ заводахъ, 1—на внутренней службѣ и только $4^1/_2$– находятся въ Оренбургѣ и на линіи. Притомъ, со времени основанія степныхъ укрѣпленій, одинъ баталіонъ содержится на суммы сбора съ башкирскаго народа; поэтому усиленіе пѣхоты Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса однимъ баталіономъ, оправдываемое необходимостью, не можетъ, кажется, быть признано новымъ для военнаго бюджета отягощеніемъ. Съ прибавленіемъ одного баталіона, нужно будетъ прибавить въ 23-й пѣхотной дивизіи одинъ бригадный Штабъ и измѣнить №№ нѣкоторыхъ баталіоновъ.

Вѣдомость № 2 о распредѣленіи бригадъ, баталіоновъ и ротъ 23-й пѣхотной дивизіи по новому предположенію въ 11 баталіоновъ.

---

[1]) Самая вѣдомость эта, какъ и послѣдующія, здѣсь пропускаются.

Вѣдомость № 3 о числительномъ распредѣленіи чиновъ 5-го и 6-го баталіоновъ по укрѣпленіямъ.

Кавалерія. Занятіе праваго берега рѣки Сыра потребуетъ 350 казаковъ, болѣе настоящаго ихъ числа въ Аральскомъ укрѣпленіи. На Сыръ-Дарьѣ полезно-бы было имѣть преимущественно Уральскихъ казаковъ, но, дабы не обременять Уральское войско излишнимъ нарядомъ, можно: изъ 650 казаковъ, назначаемыхъ на Сыръ-Дарью, 400 наряжать изъ уральцевъ и 250 изъ башкиръ, выбранныхъ изъ числа самыхъ надежныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вѣдомость № 4 о числительномъ распредѣленіи по степнымъ укрѣпленіямъ казаковъ Уральскаго (400), Башкирскаго (250) и Оренбургскаго (300) войскъ.

Артилерія. *Вѣдомость № 5* о распредѣленіи 111 мѣдныхъ и 31 чугунныхъ орудій разнаго качества Оренбургскаго артилерійскаго округа.

Относительно прислуги для орудій надобно замѣтить слѣдующее. Въ настоящее время Оренбургскій округъ артилерійскихъ гарнизоновъ раздѣляется на $3^1/_2$ роты: 2—въ Оренбургѣ, 1—въ Орскѣ и $^1/_2$—въ Троицкѣ, отъ которыхъ командируются люди къ орудіямъ, состоящимъ на линіи и въ степныхъ укрѣпленіяхъ, а также на горныхъ заводахъ Уральскаго хребта. По вновь предполагаемымъ измѣненіямъ, составъ Оренбургскаго артилерійскаго крѣпостнаго округа будетъ слѣдующій: $1^1/_2$ батареи въ г. Оренбургѣ, 1—въ Орской крѣпости, $^1/_2$—въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, $^1/_2$—въ Аральскомъ укрѣпленіи. Затѣмъ откомандированіе людей изъ Оренбургскихъ батарей на горные заводы и въ степныя укрѣпленія прекратится. Съ устройствомъ укрѣпленій на правомъ берегу рѣки Сыра необходимо: или прибавить еще одну крѣпостную батарею; или откомандировать на Сыръ-Дарью одну конную батарею Оренбургскаго казачьяго войска.

Вѣдомость № 6 о распредѣленіи одной съ половиною крѣпостной батареи по степнымъ укрѣпленіямъ.

Прочіе чины въ укрѣпленіяхъ. Кромѣ пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, въ укрѣпленіяхъ должны быть еще слѣдующіе чины:

Вѣдомость № 7. На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ таблицъ, составъ гарнизоновъ укрѣпленій опредѣлится слѣдующею вѣдомостью.

Вѣдомость № 8 о предполагаемомъ составѣ гарнизоновъ укрѣпленій на р. Сыръ-Дарьѣ и прочихъ.

Примѣчаніе. Полезно-бы было имѣть въ Аральскомъ укрѣпленіи инспектора Сыръ-Дарьинской линіи (генерала или полковника) и при немъ: офицера генеральнаго штаба, адъютанта, переводчика, топографа, инженернаго кондуктора и 3 писарей.

О средствахъ къ существованію укрѣпленій на рѣкѣ Сырѣ.

Для существованія гарнизоновъ степныхъ укрѣпленій необходимъ привозъ съ линіи продовольственныхъ и военныхъ припасовъ, лѣсныхъ матеріаловъ и разныхъ другихъ предметовъ для устройства жилищъ и проч. Въ Аральское укрѣпленіе, на гарнизонъ, простиравшійся до 850 человѣкъ, тяжести привозились ежегодно на слѣдующемъ числѣ:

	Верблюдовъ.	Подводъ.
въ 1847 году	3.826	1.252
» 1848 »	3.723	1.570
» 1849 »	1.826	1.247
» 1850 »	1.569	1.065
» 1851 »	2.841	589
» 1852 »	1.835	1.115

Среднимъ числомъ на 2.600 верблюдахъ и 1.140 конныхъ подводахъ; значитъ, на каждаго человѣка гарнизона приходилось по 3 верблюда и по $1^1/_3$ подводъ. По этому расчету на всѣ Сыръ-Дарьинскія укрѣпленія понадобится ежегодно:

	Верблюдовъ.	Подводъ.
въ Аральскъ съ постами	2.500	1.100
» Казалинскій фортъ	800	350
» Кошъ-курганъ	1.200	550
» Чимъ-курганъ	700	300
» Акъ-мечеть	2.400	1.100
	7.600	3.400

Верблюды и подводы должны проходить:

	Изъ Орской крѣпости.	Изъ Илецкой защиты.
въ Аральскъ	700 верстъ.	895 верстъ.
» Казалинскій фортъ . . .	730 »	925 »
» Кошъ-курганъ	900 »	1.095 »
» Чимъ-курганъ	975 »	1.170 »
» Акъ-мечеть	1.090 »	1.285 »

Разстоянія эти слишкомъ велики для успѣшнаго слѣдованія тяжестей, и кромѣ того верблюды, хотя и весьма хорошо идутъ до Аральскаго укрѣпленія, но дальнѣйшее слѣдованіе ихъ будетъ затруднительно, потому что травы въ низовьяхъ Сыра вредны для верблюдовъ; а конныя подводы и теперь едва доходятъ до Аральска, на дальнѣйшее же слѣдованіе ихъ вверхъ по Сыру рѣшительно нельзя полагать никакой надежды. Поэтому необходимо было бы доводить транспорты только до Аральска и Казалинскаго форта, а отъ Казалинскаго форта вести ихъ помощію имѣющихся уже пароходовъ и буксирныхъ судовъ, которые необходимо построить, въ Кошъ и Чимъ-курганы и Акъ-мечеть. Такой способъ транспортировки тяжестей могъ бы сверхъ того сократить наемъ верблюдовъ почти на половину, потому что въ теченіе лѣта верблюды могли бы пройти пространство отъ линіи до Аральска и обратно, вмѣсто одного, два раза. Что касается до подводъ, то со временемъ представится, можетъ быть, возможность замѣнить конныя башкирскія—воловьими наемными; тогда самое число подводъ могло бы уменьшиться до 2.000.

Транспортировка тяжестей съ линіи сопряжена съ большими затрудненіями и издержками; но этотъ способъ снабженія укрѣпленій продовольствіемъ и прочими предметами, неминуемый въ первое время, значительно облегчится впослѣдствіи съ развитіемъ извозничества въ Киргизской степи, земледѣлія на Сыръ-Дарьѣ и торговли съ азіятцами.

Киргизы неохотно даютъ верблюдовъ въ русскіе транспорты, не потому чтобы это было для нихъ невыгодно, но они не любятъ ходить съ нашими отрядами, начальники которыхъ, заботясь единственно о соблюденіи порядка, не соображаются съ привычками верблюдовъ и портятъ ихъ, сами того не подозрѣвая. Нѣтъ сомнѣнія, что если нанимаемымъ киргизамъ съ ихъ верблюдами

будетъ предоставлена полная свобода въ слѣдованіи и если конвойные отряды не будутъ стѣснять ихъ, то киргизы охотно будутъ наниматься въ извозъ. Вѣроятно также, что опытъ доставки тяжестей въ степныя укрѣпленія на наемныхъ воловьихъ подводахъ не останется безплоднымъ и повлечетъ за собою весьма важные результаты, какъ для казеннаго интереса, такъ и для развитія новой отрасли промышленности въ Оренбургскомъ краѣ.

Огражденіе низовьевъ рѣки Сыра отъ грабежей и насильствъ, безъ сомнѣнія, разовьетъ въ этомъ краѣ земледѣліе и будетъ содѣйствовать къ обезпеченію провіантскаго и фуражнаго довольствія гарнизоновъ укрѣпленій мѣстными средствами. Коканскія и хивинскія укрѣпленія, несмотря на упадокъ въ настоящее время хлѣбопашества на Сырѣ, довольствуются мѣстными средствами. Къ этимъ фактамъ прибавимъ еще, что хивинскій оазисъ, свойствами своими весьма похожій на низовья рѣки Сыра, производитъ хлѣба такъ много, что довольствуетъ не только всѣхъ осѣдлыхъ и кочующихъ своихъ жителей (до 300 тысячъ душъ), но еще многихъ туркменъ.

Развитіе безпошлинной торговли съ азіятцами на рѣкѣ Сырѣ имѣло бы благодѣтельное вліяніе, какъ на край, такъ, въ особенности, на существованіе укрѣпленій. Для этого полезно бы завести при укрѣпленіяхъ казенные магазины съ разными простыми товарами (бумажными, желѣзными, посудою, мелкими галантерейными вещами и проч.) для киргизъ и прочихъ азіятцевъ, у которыхъ можно было бы вымѣнивать хлѣбъ и разные азіятскіе товары.

Объ отношеніяхъ укрѣпленій къ киргизамъ.

Въ настоящее время степныя укрѣпленія не имѣютъ почти никакого вліянія на киргизъ и если проявляются по временамъ нѣкоторыя отношенія между тѣми и другими, то большею частію изъ-за пользованія поземельными угодьями. Кажется, было бы весьма полезно сосредоточить въ каждомъ степномъ укрѣпленіи интересы окрестныхъ киргизъ, заведя въ нихъ киргизское управленіе, киргизскій судъ, мечеть съ муллою, базаръ и проч. Тогда киргизы убѣдились бы на самомъ дѣлѣ, что укрѣпленія устроиваются для ихъ собственнаго благоденствія и привыкли бы смо-

трѣть на нихъ какъ на свои города. Тогда сѣмена цивилизаціи, брошенныя въ киргизской степи, принялись бы и возросли. Здѣсь не лишнее замѣтить, что по способностямъ своимъ киргизы съ выгодою могутъ быть употреблены для развѣдокъ и сообщеній по степи, поэтому, въ случаѣ увеличенія народонаселенія въ низовьяхъ рѣки Сыра, можно будетъ устроить со временемъ между укрѣпленіями наблюдательные посты изъ киргизъ.

Необходимость признать за государственную границу Россіи русло Куванъ-Дарьи.

Въ заключеніе надобно замѣтить, что для упроченія существованія укрѣпленій на правомъ берегу Сыръ-Дарьи необходимо бы было имѣть безраздѣльное господство въ низовьяхъ этой рѣки, признавъ за государственную границу русло Куванъ-Дарьи. Тогда только киргизская степь надежно прикроется съ юга и пріобрѣтется твердая опора для самостоятельнаго существованія русскихъ осѣдлыхъ пунктовъ на рѣкѣ Сырѣ и для политическихъ и торговыхъ сношеній съ владѣніями Средней Азіи.

Рычковъ въ своей „Топографіи Оренбургской губерніи“, изданной въ 1762 году, считаетъ пространство между рѣками Сыромъ и Куваномъ русскимъ и принимаетъ за государственную границу Россіи въ этомъ краѣ 40° сѣв. шир. Въ настоящее время на этомъ пространствѣ обитаютъ киргизы зимующіе и игенчи. Зимующіе киргизы имѣютъ лѣтнія кочевки въ нашихъ степяхъ, платятъ намъ кибиточныя деньги и считаютъ себя русскими подданными; но между тѣмъ, по недостаточности хорошихъ зимовокъ по сю сторону Сыра, они необходимо должны прикочевывать на зиму къ хивинцамъ и коканцамъ, вносить имъ обременительныя подати и терпѣть отъ нихъ всевозможныя притѣсненія. Игенчи, остающіеся за Сыръ-Дарьею и лѣтомъ, несутъ еще болѣе тяжкое иго отъ хивинцевъ и коканцевъ и искренне желаютъ возвратиться въ законное подданство Россіи вмѣстѣ съ своими землями. Сами хивинцы, которыхъ число ограничивается здѣсь, также какъ и коканцевъ, нѣсколькими десятками, раздѣляютъ нѣкоторымъ образомъ мнѣніе игенчей относительно незаконности и временности права своего владѣнія и въ послѣдніе годы не берутъ зякета съ киргизъ, кочующихъ хотя и по ту сторону рѣки

Сыра, но вблизи отъ Аральскаго укрѣпленія, и тѣмъ признаютъ вліяніе послѣдняго большее, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ.

Утвержденіе русскихъ на Куванъ-Дарьѣ лишитъ хивинцевъ и коканцевъ опоры въ низовьяхъ рѣки Сыра и нетолько избавитъ кочующихъ здѣсь киргизъ отъ постояннаго ига, но и оградитъ ихъ отъ набѣговъ. Хивинцы оттѣснятся тогда къ Аму-Дарьѣ, а коканцы—вверхъ по рѣкѣ Сыру. Наши владѣнія отдѣлятся отъ хивинскихъ пустыннымъ пространствомъ, простирающимся на нѣсколько сотъ верстъ. Тогда набѣги со стороны Хивы будутъ весьма затруднительны и всѣ выгоды въ этомъ случаѣ перейдутъ на сторону владѣющаго краемъ.

Со стороны коканскихъ владѣній низовья рѣки Сыра могутъ быть совершенно обезпечены русскимъ укрѣпленіемъ, поставленнымъ тамъ, гдѣ нынѣ находится Акъ-мечеть.

Совершенно другіе результаты будутъ, если за постоянную границу Россіи признается не Куванъ, а Сыръ-Дарья; тогда наши киргизы, кочующіе между этими рѣками попрежнему будутъ страдать отъ ига коканцевъ и хивинцевъ и послѣдніе будутъ имѣть всегда возможность производить опустошительные набѣги даже на правый берегъ рѣки Сыра, потому что занять эту рѣку частыми пунктами нѣтъ никакихъ средствъ.

Признаніе пространства между рѣками Сыромъ и Куваномъ русскимъ и обезпеченіе его отъ насильственныхъ дѣйствій хивинцевъ и коканцевъ принесетъ еще другую важную выгоду, именно привлечетъ въ этотъ край многихъ киргизъ и разовьетъ въ немъ упавшее нынѣ земледѣліе, такъ что изъ низовьевъ рѣки Сыра можетъ со временемъ образоваться довольно плодородный и населенный оазисъ земли, подобный хивинскому ханству, оазисъ, въ которомъ явятся, можетъ быть, кромѣ земледѣлія и другіе промыслы и возникнутъ прямыя торговыя сношенія съ Оренбургскою линіею, Ташкентомъ и Бухарою. Существованіе русскихъ осѣдлыхъ пунктовъ на рѣкѣ Сырѣ облегчится тогда мѣстными средствами и мы пріобрѣтемъ надежную базу для непосредственнаго вліянія на Среднюю Азію.

Достиженіе этихъ важныхъ результатовъ невозможно, если мы не пріобрѣтемъ власть надъ всѣмъ бассейномъ нижней части

теченія рѣки Сыра, а ограничимся владѣніемъ одного праваго берега рѣки. Тогда не обезпеченное Сыръ-Дарьинское земледѣліе никогда не разовьется до значительной степени и существованіе русскихъ осѣдлыхъ пунктовъ не облегчится мѣстными средствами, а потребуетъ постоянныхъ огромныхъ расходовъ казны; хивинцы и коканцы, оставшись по ту сторону рѣки Сыра, вблизи отъ нашихъ укрѣпленій, не перестанутъ питать къ намъ непріязненнаго чувства и будутъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вредить намъ и нашимъ киргизамъ; дружественныя отношенія съ ними не возстановятся и мы не пріобрѣтемъ выгоднаго для насъ вліянія, особенно торговаго на сосѣднія владѣнія.

Не смотря однако на всѣ выгоды признанія рѣки Кувана государственною границею, главные опорные укрѣпленные пункты, разумѣется, должны быть на рѣкѣ Сырѣ, какъ на отличной естественной оборонительной линіи. Эти самые укрѣпленные пункты могутъ имѣть наблюденіе за рѣкою Куваномъ, удаляющеюся отъ рѣки Сыръ-Дарьи на разстояніе отъ 20 до 60 верстъ, затѣмъ мѣстныя условія потребуютъ занятія едва-ли болѣе одного или двухъ пунктовъ собственно на Куванѣ, и это занятіе не можетъ быть произведено при настоящихъ обстоятельствахъ, во 1-хъ, потому что пространство между рѣками Сыромъ и Куваномъ еще не изслѣдовано и во 2-хъ, потому что мы находимся довольно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Хивою, которая считаетъ лѣвый берегъ нижней части теченія рѣки Сыра, примѣрно отъ коканскаго укрѣпленія Кошъ-кургана, своимъ. Итакъ, при настоящихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ обратить относительное вниманіе на занятіе и обезпеченіе праваго берега рѣки Сыра.

Объ экспедиціи для занятія праваго берега рѣки Сыра.

Занятіе праваго берега рѣки Сыра полезно произвести какъ можно скорѣе, дабы не дать время коканцамъ усилиться въ низовьяхъ этой рѣки.

Экспедиція для этой цѣли должна быть отправлена съ линіи раннею весною, дабы могла выступить изъ Аральска не позже 1-го іюля, по примѣру экспедиціи полковника Бларамберга. Правда, въ это время полноводіе можетъ затруднить слѣдованіе экспе-

диціи, но это препятствіе преодолимо, между тѣмъ какъ зимній походъ, при холодахъ и недостаткѣ подножнаго корма для скота, весьма ненадеженъ, а осенній хотя и удобенъ, но, по занятіи коканскихъ укрѣпленій, не дастъ достаточно времени для приготовленія жилищъ на зиму, чрезъ что неминуемо разовьется въ войскахъ скорбутъ и другія болѣзни.

Число войскъ для экспедиціи достаточно положить то, которымъ предполагается занять укрѣпленія Акъ-мечеть, Чимъ и Кошъ-курганы. Продовольствіе на 3 мѣсяца можетъ быть взято на верблюдахъ, а остальное, на годъ, подвезено послѣ. Предметы, потребные для штурма и перваго занятія укрѣпленій, необходимо взять на подводахъ. Пароходы должны содѣйствовать экспедиціи обстрѣливаніемъ непріятельскихъ укрѣпленій со стороны рѣки, производствомъ сообщеній между отрядами и, главное, подвозомъ предметовъ, необходимыхъ для штурма и перваго занятія непріятельскихъ пунктовъ.

Экспедицію удобно раздѣлить на три части: 1-я—для занятія Акъ-мечети, 2-я—для занятія Кошъ и Чимъ-кургановъ и 3-я—пароходы.

Акъ-мечетскій отрядъ, въ составѣ 2-хъ ротъ пѣхоты, 150 казаковъ, 12 орудій разнаго калибра съ прислугою и взводъ конной артилеріи, сверхъ военныхъ и продовольственныхъ припасовъ, долженъ быть непремѣнно снабженъ: нѣсколькими бударами или маленькими лодками, бревнами и слегами, для составленія изъ нихъ, въ случаѣ надобности, моста или плота, штурмовыми лѣстницами, которыя бы могли быть связываемы по двѣ, шанцовыми инструментами, холщевыми мѣшками, гальваническою батареею, походною кузницею и проч. Отъ Аральска до Акъ-мечети считается по правому берегу рѣки Сыра и Кара-узякскихъ болотъ 390 верстъ и 16 переходовъ. По прибытіи къ Акъ-мечети главнѣйшими средствами отряда для овладѣнія крѣпостію будутъ:

1) *Конгревовы ракеты*, которыя, безъ сомнѣнія, обнаружатъ сильное дѣйствіе, особенно моральное, на невѣжественныхъ и суевѣрныхъ коканцевъ.

Артилерія прежде всего должна сбить непріятельскія орудія; затѣмъ стрѣлять во внутренность цитадели навѣсно гранатами

изъ отряда и съ пароходовъ. Пробитіе же полевыми орудіями бреши въ весьма толстой и крѣпкой стѣнѣ цитадели — дѣло едва-ли возможное, потому лучше и не тратить на этотъ предметъ снарядовъ.

3) Въ числѣ средствъ, подготовительныхъ для штурма, можно испытать *мины*, устраиваемыя въ самой стѣнѣ, подъ защитою особенно приготовленныхъ на этотъ предметъ щитовъ.

4) Послѣ сильнаго дѣйствія конгревовыхъ ракетъ и гранатъ, *штурмъ* безъ сомнѣнія удастся, даже безъ бреши, съ помощію лѣстницъ. При этомъ необходимо окружить крѣпость съ нѣсколькихъ сторонъ, дабы развлечь вниманіе обороняющихся и ослабить оборону каждаго фаса, взятаго отдѣльно.

Кошъ-курганскій отрядъ, въ составѣ $1^1/_2$ роты пѣхоты, 200 казаковъ, 5 орудій съ прислугою и 3-хъ конныхъ, выступитъ изъ Аральска вслѣдъ за акъ-мечетскимъ, дойдя до урочища Карманчи (200 верстъ и 9 переходовъ), переправится черезъ Кара-узякъ, займетъ частію войскъ Кошъ-курганъ, гдѣ оставитъ часть провіанта; дойдя до Чимъ-кургана (75 верстъ и 2 или 3 перехода), займетъ этотъ пунктъ и оставитъ тамъ другую часть отряда и провіанта. Затѣмъ остальная часть, переправясь чрезъ рѣку Сыръ, направится къ Кумышъ-кургану, разрушитъ до основанія эту крѣпостцу, произведетъ рекогносцировку вверхъ по лѣвому берегу рѣки Сыра до Акъ-мечети (верстъ 100) и возвратится на Кошъ-курганскій островъ. Появленіе этого отряда на лѣвомъ берегу противъ Акъ-мечети можетъ содѣйствовать успѣху войскъ, осаждающихъ эту крѣпость.

Пароходы должны буксировать небольшія лодки и лѣсъ въ гонкахъ, а также принять на себя перевозку предметовъ, необходимыхъ для перваго обзаведенія во вновь занятыхъ пунктахъ. Плаваніе свое вверхъ по рѣкѣ Сыру они должны соображать съ движеніемъ отрядовъ по берегу, чтобы облегчить занятіе Кошъ и Чимъ-кургановъ и завладѣніе Акъ-мечетью. По прибытіи къ этому пункту, для единства дѣйствій, пароходы должны поступить въ распоряженіе начальника акъ-мечетскаго отряда.

VIII.

Третій походъ на Сыръ-Дарью, въ составѣ акъ-мечетской экспедиціи.

Мое назначеніе въ экспедицію.

18-го апрѣля я получилъ предписаніе состоять при начальникѣ экспедиціоннаго отряда, наказномъ атаманѣ Оренбургскаго казачьяго войска, генералъ-маіорѣ Подуровѣ, завѣдывая дѣлами отряднаго штаба и, сверхъ того, всѣми съемками и рекогносцировками на Сыръ-Дарьѣ. Для послѣдней цѣли, въ мое распоряженіе должны были поступить въ Аральскѣ изъ корпуса топографовъ 6 офицеровъ и 4 унтеръ-офицера. По выступленіи войскъ съ линіи, въ Оренбургъ пріѣхалъ для экспедиціи генеральнаго штаба полковникъ Маркъ и былъ назначенъ начальникомъ штаба экспедиціоннаго отряда, но, въ сущности, это не измѣнило моего положенія, такъ какъ всѣ штабныя дѣла остались по прежнему за мною. Сохранивъ у себя копіи съ важнѣйшихъ бумагъ, на основаніи ихъ сдѣлаю описаніе акъ-мечетской экспедиціи, въ послѣдовательномъ порядкѣ, дополнивъ его личными воспоминаніями.

Приготовительныя работы въ Оренбургѣ.

Воспоминанія эти связаны прежде всего съ лихорадкою, которую я захватилъ, возвращаясь въ распутицу изъ отпуска, и которая съ перерывами продолжалась почти во все время экспедиціи. Сильные пароксизмы въ началѣ не дали мнѣ возможности принять непосредственное участіе въ снаряженіи экспедиціи, и я успѣлъ только пересмотрѣть составленные мною еще прежде маршруты и правила для руководства при движеніи по степи колоннъ экспедиціоннаго отряда, которыя были утверждены корпуснымъ командиромъ, напечатаны и розданы въ отрядѣ.

Выѣздъ.

1-го мая я отправился на почтовыхъ изъ Оренбурга въ Орскъ. Въ первую ночь я спалъ въ тарантасѣ, когда перепрягали лошадей на одной изъ станцій. Почувствовавъ, что лошади понесли, проснулся и вижу, что въ тарантасѣ нѣтъ ни моего спутника, ни человѣка, ни ямщика. Я хотѣлъ было схватить возжи, но онѣ

упали съ козелъ. Ночь была такъ темна, что зги не было видно. Чувствовалось только, что лошади несутъ не по дорогѣ. Тарантасъ опустился было съ какой-то кручи, но тотчасъ же взлетѣлъ на верхъ. Вскорѣ изъ мрака выдѣлился передо мною широкій разливъ Урала, а влѣво — какой-то небольшой рѣчки. Лошади мчались къ Уралу, но за нѣсколько саженъ круто повернули влѣво, внеслись въ рѣчку и завязли выше брюха. Сидя въ тарантасѣ, какъ на островѣ, я не рѣшился опуститься въ воду, изъ опасенія пароксизма, и сталъ выжидать не придутъ-ли на звонъ колокольчика ямщики. Дѣйствительно, ямщики скоро прибѣжали, вытащили меня и принялись за вытаскиваніе лошадей и тарантаса, а я съ проводникомъ направился по грязи къ станицѣ. Случай этотъ прошелъ однако для меня безъ дурныхъ послѣдствій. Чрезъ нѣсколько часовъ я продолжалъ свой путь, а 4-го мая выступилъ съ отрядомъ въ степь.

Войска, назначенныя для занятія низовьевъ рѣки Сыра.

Для занятія низовьевъ Сыръ-Дарьи и для экспедиціи въ Акъмечеть назначались слѣдующія войска:

Пѣхота. Оренбургскій линейный № 4 баталіонъ, изъ котораго 1-я и 2-я роты были расположены въ Аральскѣ, 3-я—въ Орскѣ и 4-я—въ Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ. 3-я рота и люди, назначенные на укомплектованіе баталіона, должны были слѣдовать изъ Орска и Оренбурга, присоединить къ себѣ въ Уральскомъ укрѣпленіи 4-ю роту и въ Аральскѣ вмѣстѣ съ прочими ротами составить комплектный баталіонъ.

Кавалерія. Уральскаго казачьяго войска $5^1/_2$ сотенъ, изъ которыхъ 3 находились въ Аральскѣ, а остальныя — должны были слѣдовать изъ Оренбурга, въ томъ числѣ $^1/_2$ сотни въ конвоѣ корпуснаго командира и его свиты. Оренбургскаго казачьяго войска 2 сотни должны были слѣдовать изъ Орска, откуда направлялось также по сотнѣ въ Оренбургское и Уральское укрѣпленія, для замѣны пѣхоты. Башкиро-Мещерякскаго войска 5 конныхъ сотенъ сосредоточивались для похода въ Оренбургѣ и Орскѣ. Всего на Сыръ-Дарью назначалось $12^1/_2$ сотенъ.

Артилерія. Прислуга къ 36 орудіямъ разнаго калибра, находившимся въ Аральскѣ и взятымъ изъ Оренбургской и Орской крѣпостей, назначалась изъ чиновъ гарнизонной артилеріи Аральска и Орска конной и артилерійской бригады Оренбургскаго казачьяго войска. Кромѣ того изъ С.-Петербурга прибыла ракетная команда, подъ начальствомъ гвардейской конной артилеріи прапорщика Іогонсона.

Инженерныя войска. Прибывшая изъ С.-Петербурга саперная команда, подъ начальствомъ гвардейскаго сапернаго баталіоннаго штабсъ-капитана Орловскаго, съ гальваническою батареею.

Обозъ. Для поднятія экспедиціонныхъ тяжестей, въ Оренбургѣ и Орскѣ формировался обозъ подводъ изъ 500, изъ которыхъ нѣсколько было наемныхъ пароволовьихъ, а остальныя пароконныя, казенныя, собственныя и башкирскія, принадлежащія командируемой въ походъ башкирской сѣнокосной командѣ слишкомъ въ 400 человѣкъ; а для поднятія провіанта изъ Оренбурга, Верхнеозерной станицы и Орска назначалось до 1.700 наемныхъ верблюдовъ, при которыхъ было до 300 вожатыхъ киргизъ.

Флотилія. Для экспедиціи предполагалось воспользоваться привезенными на Сыръ-Дарью въ 1852 году и собранными весною 1853 года 40-сильнымъ пароходомъ „Перовскій“ и 12-сильнымъ желѣзнымъ баркасомъ „Обручевъ“, на которыхъ находилась особая флотская команда. Кромѣ того изъ морскаго вѣдомства прибыли для экспедиціи капитанъ-лейтенантъ Ивашинцевъ для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ на Сырѣ и лейтенантъ Сколковъ.

Войска и обозы, назначенные въ походъ, собирались въ Оренбургѣ, Верхнеозерской станицѣ и Орскѣ, откуда и должны были выступить, соединиться потомъ у Карабутакскаго форта и слѣдовать на Сыръ-Дарью подъ начальствомъ генералъ-маіора Подурова. Корпусный командиръ и его свита отправлялись въ экспедицію позже войскъ, съ конвоемъ изъ полусотни Уральскихъ казаковъ, который долженъ былъ усиливаться казаками, оставленными для этой цѣли въ попутныхъ укрѣпленіяхъ.

Движеніе войскъ съ линіи до Аральска.

Изъ Оренбурга чины, назначенные на укомплектованіе Оренбургскаго линейнаго № 4 баталіона, 2 сотни Уральскихъ каза-

ковъ, 3 сотни башкирцевъ, чины конной артилеріи съ 6-ю орудіями, ракетная и гальваническая команды и обозъ почти изъ 200 подводъ и болѣе 750 верблюдовъ выступили, подъ начальствомъ подполковника Іонея, 25-го апрѣля. Изъ Верхнеозерской станицы караванъ почти изъ 700 верблюдовъ выступилъ 2-го мая. Наконецъ изъ Орска выступили, подъ начальствомъ маіора Бажанова, 4-го мая: 3-я рота и чины, назначенные на укомплектованіе 4-го баталіона, 2 сотни Оренбургскихъ казаковъ, не считая тѣхъ, которые назначались для смѣны пѣхоты въ Карабутакѣ и Уральскомъ укрѣпленіи, 2 сотни башкирцевъ, чины гарнизонной артилеріи съ 6-ю орудіями и обозъ болѣе чѣмъ изъ 300 подводъ и 250 верблюдовъ. Начальникъ экспедиціоннаго отряда генералъ-маіоръ Подуровъ находился при лѣвой, орской колоннѣ.

14-го мая всѣ эти части соединились у Карабутакскаго форта, изъ котораго поступили еще въ отрядъ пѣшіе солдаты и гдѣ были оставлены казаки, назначенные туда на службы и въ конвой корпуснаго командира. Далѣе отрядъ слѣдовалъ двумя эшелонами, изъ которыхъ первый составился изъ войскъ и обозовъ, выступившихъ изъ Орска и Верхнеозерской станицы, а второй— изъ оренбургской колонны.

19-го мая генералъ Подуровъ, руководясь разсказами какого-то киргиза, повелъ отрядъ отъ переправы черезъ рѣку Иргизъ не на Кызылъ-яръ, какъ слѣдовало по испытанному въ прошломъ году и утвержденному корпуснымъ командиромъ маршруту, а прямо къ Уральскому укрѣпленію, но прямой путь не сократилъ время движенія отряда. Во время ночлега на безыменномъ озерѣ въ первомъ эшелонѣ шарахнулся табунъ и лошади разбѣжались въ разныя стороны. Утромъ 20-го мая разосланы были по степи партіи казаковъ и башкиръ, которыя и собрали лошадей, не успѣвъ отыскать пятнадцати.

23-го мая отрядъ присоединилъ къ себѣ изъ Уральскаго укрѣпленія 4-ю роту и оставилъ въ немъ больныхъ и слабыхъ 4-го баталіона, а также казаковъ, назначенныхъ туда на службу и въ конвой корпуснаго командира.

Съ рѣчки Джалавлы первый эшелонъ выслалъ впередъ команду для очистки кудуковъ, а съ Куль-кудука оба эшелона, по случаю

недостатка воды въ послѣднихъ копаняхъ, отдѣлили отъ себя верблюдовъ и пустили ихъ впередъ. Такимъ образомъ отрядъ раздѣлился на пять эшелоновъ, которые должны были прибыть въ Аральскъ съ 5-го по 9-е іюня.

5-го іюня корпусный командиръ со свитою и съ конвоемъ изъ сотни казаковъ, въ томъ числѣ полусотни уральцевъ, слѣдовавшихъ съ нимъ изъ Оренбурга, прибылъ въ колонну генерала Подурова на Акъ-кудукѣ и прослѣдовалъ съ нею на другой день до Сапака. Перовскій былъ очень доволенъ тѣмъ стройнымъ порядкомъ, который замѣтилъ въ нашей колоннѣ, какъ во время расположенія ея на ночлегъ, такъ и во время движенія; но многіе изъ его свиты говорили, что порядокъ нарочно былъ подготовленъ для показа корпусному командиру. Этимъ они выражали свое полное незнаніе условій степныхъ походовъ; иначе поняли бы, что подготовить порядокъ въ отрядѣ невозможно, если его нѣтъ въ дѣйствительности. Что же касается до удивившей ихъ наружной правильности въ расположеніи и движеніи отряда, то устройство ея, хотя и требовало настойчивыхъ хлопотъ, но только въ теченіе первыхъ переходовъ, и затѣмъ эта правильность соблюдалась сама собою, по привычкѣ. Никто, напримѣръ, изъ свиты не замѣтилъ, что 6-го іюня переходъ и расположеніе на ночлегъ колонны были сдѣланы безъ колоновожатаго и квартирмейстера. Выпустивъ колонну съ Акъ-кудука, я остался на нѣсколько времени въ слѣдующемъ эшелонѣ, не успѣвъ сказать объ этомъ никому, но тамъ меня задержали и я прискакалъ въ свой отрядъ, когда уже онъ прошелъ переходъ и расположился на Сапакѣ.

На Акъ-кудукѣ я представилъ корпусному командиру предположеніе о производствѣ съемокъ и рекогносцировокъ на рѣкѣ Сырѣ въ 1853 году, но онъ объявилъ, что разрѣшитъ съемки не ранѣе, какъ подъ Акъ-мечетью.

7-го іюня генералъ Подуровъ направилъ, съ послѣдняго ночлега у Купа-кудука около Камышлы-баша, половину кавалеріи отряда прямо на Учь-ургу и прибылъ въ Аральскъ 8-го іюня.

Всего до Аральска войска сдѣлали: колонна генерала Подурова 687 верстъ въ 36 дней (съ 4-го мая до 8-го іюня), изъ которыхъ 5—были употреблены на дневки и 31—на переходы; а

колонна подполковника Іонея—930 верстъ въ 46 дней (съ 25-го апрѣля до 9-го іюня), тогда какъ то же самое пространство корпусный командиръ съ легкимъ отрядомъ прошелъ въ 24 дня (выступилъ изъ Оренбурга 6-го мая, прослѣдовалъ чрезъ Карабутакъ, 428 верстъ, 25-го чрезъ Уральское укрѣпленіе, 187 вер., 30-го, и прибылъ въ Аральскъ, 315 верстъ, 7-го іюня).

Движеніе экспедиціоннаго отряда отъ Аральска.

Изъ собравшихся на Сыръ-Дарью войскъ, въ Аральскомъ укрѣпленіи и на Казалѣ было оставлено: 4-я рота баталіона, 4 сотни казаковъ, въ томъ числѣ $1^1/_2$—Уральскаго, $^1/_2$—Оренбургскаго и 2—Башкирскаго войскъ, и 13 орудій съ прислугою гарнизонной артилеріи. Остальныя войска вошли въ составъ экспедиціоннаго отряда, который, послѣ недѣльнаго отдыха въ Аральскѣ, двинулся къ Акъ-мечети по слѣдующему маршруту:

1)	Озеро Анетей	20 вер.	6)	Урочище Акъ-джаръ . .	21 вер.
2)	Урочище Казала	29 »	7)	» Ильчибай . . .	24 »
3)	» Басъ-кара . . .	22 »	8)	» Кара-Тугай . .	23 »
4)	» Майлибашъ . .	20 »	9)	» Харъ-Хутъ . .	18 »
5)	» Акъ-суатъ . . .	22 »	10)	» Кармакчи . .	20 »
				Итого	220 вер.
11)	Урочище Аксы	33 вер.	15)	Урочище Батыстынъ . .	31 вер.
12)	» Бергунды . . .	25 »	16)	» Акъ-мечеть . .	45 »
13)	» Уйсунъ-куль . .	28 »		Итого	190 вер.
14)	» Тюря-тамъ . . .	28 »		Всего	410 »

Экспедиціонный отрядъ слѣдовалъ 4-мя эшелонами:

1-й — подъ начальствомъ полковника Марка, изъ роты пѣхоты, 2 сотенъ казаковъ, 3 орудій съ прислугою, ракетной и гальванической командъ, выступилъ 15-го іюня и прибылъ къ мѣсту назначенія 3-го іюля.

2-й—генералъ-маіора Подурова, изъ роты пѣхоты, $1^1/_2$ сотенъ казаковъ и 6 орудій, выступилъ изъ Аральска и прибылъ къ Акъ-мечети одновременно съ 1-мъ эшелономъ, хотя и слѣдовалъ отдѣльно отъ него.

3-й—подполковника Іонея, изъ роты пѣхоты, $1^1/_2$ сотенъ казаковъ и 6 орудій,—днемъ позже 1-го и 2-го эшелоновъ.

4-й—войсковаго старшины Филатова, изъ 2 сотенъ казаковъ, 2 орудій и большей части обоза, выступилъ днемъ позже и прибылъ двумя днями позже 1-го и 2-го эшелоновъ.

Корпусный командиръ, имѣя свой особый конвой, изъ $1^1/_2$ сотенъ казаковъ и 1 орудія, слѣдовалъ независимо отъ эшелоновъ, выступилъ изъ Аральска днемъ позже и прибылъ подъ Акъ-мечеть днемъ раньше 1-го и 2-го эшелоновъ.

Экспедиціонный отрядъ, двигаясь отъ Аральска вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, вдоль праваго берега ея и Кара-узякскихъ разливовъ, прошелъ до Акъ-мечети 410 верстъ въ 16 переходовъ съ 3-мя дневками.

17-го іюня корпусный командиръ дневалъ на выбранномъ мною мѣстѣ для предполагаемаго Казалинскаго форта, когда эшелонъ Подурова подошелъ сюда на ночлегъ. Перовскій немедленно позвалъ меня къ себѣ и выразилъ удовольствіе за выборъ мѣста, которое ему очень понравилось, и неудовольствіе за то, что я не предупредилъ его о неудобствѣ для ѣзды въ экипажѣ дороги отъ Аральска до Казалы. Я молча выслушалъ какъ благодарность, такъ и замѣчаніе; первую—потому что не одобрялъ сдѣланныхъ уже имъ распоряженій о закладкѣ на Казалѣ огромнаго казематированнаго укрѣпленія изъ сыраго кирпича, а второе—считалъ неумѣстнымъ, такъ какъ въ средѣ его многочисленной свиты находился офицеръ генеральнаго штаба, бывшій послѣ меня въ Аральскѣ и въ Казалѣ.

Въ тотъ же день совершенно неожиданно явился въ отрядъ генералъ-маіоръ Хрулевъ, пріѣхавшій въ экспедицію изъ С.-Петербурга. Перовскій былъ крайне недоволенъ пріѣздомъ непрошеннаго гостя, принялъ его холодно и до самой Акъ-мечети не говорилъ съ нимъ ни слова.

Отъ Майлибаша до соединенія Караузяка съ Джаманъ-Дарьею экспедиціонный отрядъ шелъ по правому пустынному и слегка всхолмленному берегу Сыръ-Дарьи. Только у самой рѣки, при подошвѣ нагорнаго берега, попадались мѣстами узкія полосы камыша съ травою, но не было видно никакихъ признаковъ земледѣлія и постоянныхъ кочевокъ. Зато встрѣчались любопытные памятники туземнаго зодчества, въ кладбищахъ, похожихъ, какъ спра-

ведливо выразился баронъ Мейндорфъ, на города. Кладбища эти состоятъ изъ *мулъ*, или простыхъ земляныхъ могилъ, и *тамъ*, или большихъ надгробныхъ памятниковъ, устроенныхъ изъ глины, а иногда изъ жженаго кирпича, большею частью въ видѣ киргизской кибитки, или конуса съ пустотою въ срединѣ, или въ видѣ квадрата. Таковы кладбища *Копъ-мечеть* или *Бердибекъ*, четырьмя верстами выше Майлибаша, и *Харъ-Хутъ*. Послѣднее получило названіе отъ находящейся здѣсь гробницы какого-то святаго, пришедшаго, по словамъ киргизъ, на рѣку Сыръ проповѣдывать исламъ еще во времена пророка Магомета. Святой былъ человѣкъ необыкновеннаго роста: насыпь надъ его могилою имѣетъ сажени двѣ длины внутри тамы и настолько же простирается внѣ, гдѣ лежатъ его ноги. Около гробницы святаго находится множество старинныхъ тамъ и мулъ, слаженныхъ весьма крѣпко; глина около Харъ-Хута весьма хорошаго качества.

25-го іюня эшелонъ нашъ дневалъ на Харъ-Хутѣ, когда корпусный командиръ основывалъ промежуточный фортъ на урочищѣ Кармакчи, при соединеніи Караузяка съ Джаманъ-Дарьею, близъ бывшаго коканскаго поста Кошъ-курганъ. Онъ оставилъ въ немъ изъ экспедиціоннаго отряда 50 солдатъ изъ 3-й роты, полъ-сотни Уральскихъ казаковъ и $^1/_4$ пудовой единорогъ съ прислугою, подъ начальствомъ инженера подпоручика Антоновича.

На другой день, выступая съ ночлега, мы оставляли Сыръ-Дарью, чтобы встрѣтиться съ нею вновь только подъ Акъ-мечетью. Не имѣя пароксизма уже болѣе мѣсяца и думая, что лихорадка совсѣмъ меня оставила, я, проводивъ колонну, остался купаться въ рѣкѣ; но едва успѣлъ выдти изъ воды, какъ потерялъ сознаніе въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ. Вѣстовой казакъ далъ знать въ аріергардъ. Меня привязали къ лошади, довезли до отряда и уложили въ лазаретную фуру, гдѣ я пролежалъ въ бреду цѣлые сутки.

Отъ Кармакчи отрядъ шелъ вдоль праваго берега Караузякскихъ болотъ, изрѣзаннаго во многихъ мѣстахъ брошенными арыками и покрытаго камышемъ и иглистымъ кустарникомъ. 28-го іюня мы шли значительную часть перехода къ Бергунды по густому слою саранчи, объѣвшей весь камышъ и кустарникъ.

Ускореніе походнаго движенія.

29-го іюня, послѣ дневки у Бергунды, корпусный командиръ со свитою и особымъ отрядомъ выдвинулся изъ перваго эшелона на переходъ впередъ и послалъ генеральнаго штаба капитана Дандевиля съ легкимъ отрядомъ еще впередъ узнать, не загородили-ли коканцы путь у Бишъ-арны посредствомъ искусственныхъ разливовъ; но 1-го іюля, сдѣлавъ два перехода, догналъ Дандевиля у этого пункта, а 2-го—явился подъ Акъ-мечетью.

На другой день рано утромъ, когда первые два эшелона были еще въ двухъ переходахъ отъ Акъ-мечети, я получилъ отъ Дандевиля, завѣдывавшаго личною канцеляріею корпуснаго командира, слѣдующее письмо:

„Спѣшу увѣдомить Васъ о пріятной новости. Коканцы запер„лись, въ числѣ 300 человѣкъ, и рѣшились зашищаться. Дока„зательствомъ этому есть слѣдующее обстоятельство. Пришедши „подъ Акъ-мечеть, мы расположились лагеремъ за канавой, огра„ничивающей съемку окрестностей Акъ-мечети съ востока. Часу „въ 3-мъ Василій Алексѣевичъ поѣхалъ къ крѣпости для пере„говоровъ съ гарнизономъ. Мы подъѣхали саженъ на 60 и выс„лали впередъ киргиза для вызова переговорщиковъ. Съ нами „были Голавъ, Ремишевскій, Іогансонъ, Батаршинъ, Орловскій и „4 черкеса. Коканцы отвѣчали посланному, чтобы онъ въѣхалъ „въ крѣпость, но только что онъ подъѣхалъ къ воротамъ, по „немъ дали два выстрѣла, потомъ пошла пальба по насъ изъ „разныхъ ружей и изъ пушекъ. Мы отъѣхали шагомъ! Послѣ 6 „пушечныхъ и многихъ ружейныхъ выстрѣловъ пальба кончи„лась. Выстрѣлы долетали въ лагеръ. Когда мы подъѣхали къ „лагерю, ранили лошадь у урядника и киргиза, который выѣз„жалъ; не знаю, что будетъ ночью. Приходите скорѣе; не надо „дать имъ отдыха, сохраните пѣхоту, а главное привозите мѣшки „холщевые. Вамъ придется встать правѣе насъ, чтобы ближе „быть къ батареямъ“.

Придавъ излишнюю важность экспедиціи, корпусный командиръ естественно боялся, чтобы коканцы не бросили крѣпость до прихода русскихъ, а свита его раздѣляла это опасеніе изъ боязни, чтобы не улетучились предстоящія награды. Этимъ объ-

ясняется радость, что коканцы заперлись въ Акъ-мечети и намѣрены защищаться. Я показалъ письмо Подурову, доложивъ отъ себя, что ускорять движеніе экспедиціоннаго отряда было бы крайне тяжело, особенно для пѣхоты, да и едва-ли необходимо, такъ какъ отрядъ корпуснаго командира, состоящій изъ 3 сотенъ Уральскихъ казаковъ съ 3 орудіями и командами ракетною и саперною, совершенно безопасно можетъ пробыть лишнія сутки безъ подкрѣпленія противъ крѣпости, въ которой всего 300 человѣкъ гарнизону; но Подуровъ не согласился со мною и приказалъ всѣмъ эшелонамъ двинуться форсированными переходами. Такимъ образомъ въ сильную жару эшелоны должны были дѣлать двойные переходы и прибыли подъ Акъ-мечеть, конечно, сильно утомленные форсированнымъ маршемъ, оказавшимся совершенно излишнимъ, такъ какъ корпусный командиръ вовсе не намѣренъ былъ торопиться взятіемъ крѣпости.

Прибытіе подъ Акъ-мечеть.

3-го іюня, дойдя съ 1-мъ и 2-мъ эшелонами до Бишь-арны и оставивъ ихъ тамъ на привалѣ, я поскакалъ впередъ къ корпусному командиру за приказаніемъ, гдѣ и какъ размѣщать войска. Акъ-мечетская крѣпость показалась вдали. Силуэтъ ея мало по малу сталъ выдѣляться и среди степной полдневной тишины послышались рѣдкіе, пушечные выстрѣлы, сначала глухіе, а потомъ все болѣе отчетливые. Въ лагерѣ корпуснаго командира непріятельскія ядра летали надъ головами и ложились далеко сзади. Доложивъ Перовскому о приближеніи войскъ и получивъ отъ него приказаніе, вмѣстѣ съ подаркомъ небольшаго куска кисеи, для защиты отъ комаровъ, которыхъ на берегу Сыра страшно много, я отправился въ кибитку, гдѣ помѣщалась столовая его свиты. Тамъ мнѣ передали la grande nouvelle du jour. Наканунѣ вечеромъ корпусный командиръ собралъ окрестныхъ киргизъ и приказалъ имъ насыпать плотину чрезъ широкій и глубокій арыкъ, находившійся передъ лагеремъ. Киргизы работали цѣлую ночь, но и въ отрядѣ никто не спалъ это время, по причинѣ комаровъ. Перовскій часто выходилъ изъ своей кибитки и постоянно видѣлъ, какъ Хрулевъ суетился около рабочихъ. Это

ему понравилось и чтобы дать какое-либо положеніе генералу, который былъ старше въ чинѣ начальника экспедиціоннаго отряда, отдалъ утромъ приказъ по Отдѣльному Оренбургскому Корпусу о назначеніи Хрулева начальникомъ артиллеріи всѣхъ степныхъ укрѣпленій.

1-й и 2-й эшелоны экспедиціоннаго отряда прибыли, послѣ усиленнаго марша въ 45 верстъ, только въ 8 часовъ вечера, а 3-й—на другой день въ 10 часовъ утра, сдѣлавъ въ полторы сутки 76 верстъ. 5-го іюля рано утромъ пароходъ „Перовскій“ бросилъ якорь верстами двумя выше крѣпости, и отрядъ тотчасъ же открылъ съ нимъ сообщеніе, принявъ отъ него тяжести и перевезя ихъ на верблюдахъ сѣвернѣе крѣпости; а въ 7 часовъ вечера прибылъ 4-й и послѣдній эшелонъ.

Составъ и числительность отряда.

Такимъ образомъ подъ Акъ-мечетью собрались всѣ войска экспедиціоннаго отряда, именно: 3 роты пѣхоты (Оренбургскаго линейнаго № 4-й баталіона); 8 сотенъ казаковъ ($3^1/_2$ Уральскаго, $1^1/_2$ Оренбургскаго и 3 Башкирскаго войскъ); 17 орудій (одна 12-ти фунтовая и двѣ 6-ти фунтовыхъ пушекъ, два $^1/_2$ пудовыхъ, четыре $^1/_4$ пудовыхъ и три 3 фунтовыхъ единороговъ и 6 кегорновыхъ мортиръ (съ прислугою оренбургской казачьей и гарнизонной артиллеріи); ракетная и гальваническая команды, обозъ изъ 500 подводъ съ башкирскою командою въ 400 человѣкъ и 1,350 верблюдовъ съ 300 возчиками-киргизами; наконецъ, при отрядѣ находился султанъ Ирмугамедъ Касымовъ, извѣстный подъ именемъ Илекея, и при немъ человѣкъ 200 киргизъ, употреблявшихся во время осады для развѣдокъ. Сверхъ того, подъ Акъ-мечетью находился пароходъ „Перовскій“ съ командою. Всего въ экспедиціонномъ отрядѣ состояло около 2,850 человѣкъ, въ томъ числѣ около 100 человѣкъ офицеровъ, чиновниковъ и зауряд-офицеровъ, 2,250 нижнихъ чиновъ и 500 киргизъ, и съ ними до 2,600 лошадей и 1,350 верблюдовъ (приложенія 1-е и 2-е).

Крѣпость Акъ-мечеть и расположеніе осаждавшихъ войскъ.

Крѣпость Акъ-мечеть, построенная на разстояніи четверти версты отъ праваго берега рѣки Сыра, представляла видъ редута

съ башнями на углахъ и на серединахъ фасовъ, имѣвшихъ болѣе 50 саженъ длины каждый. Глиняныя стѣны имѣли до 5 саженъ высоты и столько же толщины при основаніи и были окружены широкимъ и глубокимъ водянымъ рвомъ. Внѣшнее укрѣпленіе, взятое въ 1852 году полковникомъ Бларамбергомъ, было разрушено, но слѣды бывшихъ построекъ остались и ими осаждавшій могъ воспользоваться. Въ крѣпости сидѣло человѣкъ триста, имѣвшихъ три мѣдныхъ орудія малаго калибра, которыя, во время обороны, переносились, по мѣрѣ надобности, съ одной башни на другую, нѣсколько фалконетовъ и довольно много винтовочныхъ ружей, установленныхъ на подставкахъ. Ядра летали версты на двѣ, не причиняя осаждавшему большого вреда, но изъ ружей коканцы стрѣляли довольно мѣтко, даже на 250 саженъ.

Осаждавшія войска расположились лагеремъ, слишкомъ въ 600 саженяхъ къ востоку отъ крѣпости. Впереди, вдоль большого арыка, размѣстилась пѣхота по-ротно, а на лѣвомъ флангѣ, у самой Сыръ-Дарьи, корпусный командиръ со свитою и казачьимъ конвоемъ и вся артилерія; сзади стали обозъ отдѣльными кареями въ шахматномъ порядкѣ, казаки и наконецъ киргизы султана Илекея.

Мѣстность между лагеремъ и крѣпостью, изрѣзанная арыками, частію наполненными водою и частію сухими, представлена на приложенномъ планѣ съ показаніями осадныхъ работъ [1]).

Молебенъ и сигнальные огни.

5-го іюля, въ 8 часовъ утра, въ отрядѣ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Перовскій, отведя меня въ сторону, спросилъ: „какъ бы вы думали брать крѣпость?“ Я отвѣчалъ: въ крѣпости сидитъ не болѣе 300 азіятцевъ съ тремя маленькими пушками; а у насъ около $2^1/_2$ тысячъ войска, 17 орудій съ тройнымъ комплектомъ снарядовъ, 250 конгревовыхъ ракетъ и есть всѣ приспособленія для осады и штурма; поэтому я бы думалъ немедленно же, въ теченіе сутокъ или двухъ, обстрѣлять крѣпость сильнѣйшимъ артилерійскимъ огнемъ и если, паче чаянія, послѣ этого она не сдастся, штурмовать ее съ нѣсколькихъ сторонъ. „Это значитъ, возразилъ Перовскій, вы хотите повторить

[1]) Планъ утерянъ.

неудачу Бларамберга?“—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ я. Бларамбергъ пошелъ на штурмъ зря, не подготовивъ его и не имѣя съ собою даже лѣстницъ, а у насъ все есть. Продолжительная осада отыметъ гораздо болѣе людей, нежели хорошо подготовленный штурмъ. Мы еще не начинали осадныхъ работъ, а уже потеряли вчера одного солдата. Ежедневныя небольшія потери, сопряженныя съ постоянными работами, утомятъ солдатъ физически и нравственно, а въ концѣ концовъ, если непріятелю не надоѣстъ сидѣть въ крѣпости, все же придется ее штурмовать. Перовскій слушалъ съ видимымъ неудовольствіемъ и, когда я кончилъ, не сказавъ ни слова, отошелъ къ офицерской группѣ и между прочимъ объявилъ, что сегодня ночью будетъ заложена первая батарея, а для отвлеченія вниманія непріятеля съ 11 часовъ вечера на пароходѣ будутъ жечь сигнальные огни и пускать съ него ракеты.

Ночью, часу въ первомъ, когда я занимался вмѣстѣ съ Падуровымъ и Маркомъ нарядами на работы слѣдующаго дня, явился за мною казакъ отъ корпуснаго командира. Я отправился и засталъ Перовскаго со свитою на возвышеніи около арыка. Увидавъ меня, онъ повелъ къ себѣ въ кибитку и, когда усѣлись, началъ говорить: „скажите откровенно, вы должны это знать, за что Падуровъ и Маркъ недовольны мною и почему постоянно отъ меня удаляются? Сегодня, напримѣръ, я сказалъ имъ, что на пароходѣ будутъ жечь сигнальные огни, но ни тотъ, ни другой не пришли ко мнѣ смотрѣть на фейерверкъ“.—Хотя я нахожусь почти постоянно вмѣстѣ съ Падуровымъ и Маркомъ, отвѣчалъ я, но никогда не слыхалъ выраженій какого-либо неудовольствія. Если же оно дѣйствительно существуетъ, то можетъ быть объяснено нѣсколько неловкимъ въ настоящее время служебнымъ ихъ положеніемъ. Одинъ носитъ названіе начальника, а другой начальника штаба экспедиціоннаго отряда, а между тѣмъ всѣ распоряженія по отряду дѣлаются безъ всякаго ихъ участія и на ихъ долю достаются только наряды на работы и передача приказаній. Что же касается до того, что ни Падуровъ, ни Маркъ, ни я не явились на фейерверкъ, то мы смотрѣли на это, какъ на развлеченіе и не считали себя въ правѣ отрываться для него отъ прямой своей обязанности. Вечеромъ скопляется у

насъ очень много работы: получаются записки изъ вашей канцеляріи нарядить на ночь и на слѣдующій день столько-то людей на тѣ или другія работы, въ караулы и проч. Надо все это сообразить, распредѣлить по командамъ, вытребовать изъ командъ толковыхъ людей, передать и объяснить имъ приказанія, и на эти объясненія тратится очень много времени, особенно когда имѣешь дѣло съ башкирами, которые почти совсѣмъ не понимаютъ по-русски. Вчера мы окончили наряды въ 3 часа ночи, а сегодня придется, можетъ быть, проработать еще долѣе. Не возражая на мои замѣчанія, Перовскій долго и горячо говорилъ о томъ, что на войнѣ между всѣми чинами должно быть полное единодушіе, что личныя неудовольствія не должны имѣть мѣста и проч. Наконецъ, вставъ, прибавилъ: „передайте все, что я вамъ говорилъ, Падурову и Марку и если кто-либо изъ нихъ захочетъ со мною объясниться, пусть явится немедленно, я буду ждать". Возвратясь къ себѣ въ лагерь, я засталъ Падурова и Марка за ужиномъ и передалъ имъ слово въ слово разговоръ мой съ Перовскимъ. Падуровъ былъ сильно смущенъ, увѣрялъ, что онъ никогда не имѣлъ никакого неудовольствія на Василія Алексѣевича и сожалѣлъ, что я намекнулъ на неловкость служебнаго его положенія. Маркъ отнесся къ дѣлу совершенно иначе. Онъ поблагодарилъ меня именно за этотъ намекъ, но нашелъ, что онъ выраженъ слабо, мягко и отправился объясняться лично къ Перовскому.

Устройство батарей и артилерійскій огонь.

Артилерійскою частію, при осадѣ Акъ-мечети, то есть назначеніемъ мѣстъ для батарей и дѣйствіемъ ихъ, завѣдывалъ генералъ Хрулевъ. Ночью на 6-е іюля была устроена батарея № 1, въ 250 саженяхъ къ сѣверу отъ крѣпости, но не была занята и на другой день коканцы ее нѣсколько попортили. На 7-е іюля была заложена батарея № 2, на лѣвомъ берегу рѣки Сыра, въ 315 саженяхъ отъ крѣпости; а для отвлеченія вниманія отъ этой работы корпусный командиръ послалъ меня съ ротою пѣхоты на сѣверо-востокъ отъ крѣпости, чтобы занять бивакъ и зажечь огни. Ночью на 8-е іюля были устроены батареи: № 3, въ 250 са-

*

женяхъ противъ восточнаго фаса крѣпости; № 4, ракетная, противъ сѣверо-восточной угловой башни (А), по направленію діагонали крѣпости; наконецъ № 5, въ 140 саженяхъ къ западу отъ крѣпости, во рву разрушеннаго наружнаго укрѣпленія, за остатками его вала. Батареи были вооружены: № 1—двумя 6 фунтовыми пушками и однимъ $^1/_4$ пудовымъ единорогомъ; № 2—двумя $^1/_2$ пудовыми единорогами; № 3—одною 12 фунтовою пушкою и тремя $^1/_4$ пудовыми единорогами; № 4—ракетными станками и одною кегорновою мортиркою; наконецъ, № 5—четырьмя мортирками. Вмѣстѣ съ этими мортирками, для занятія позиціи съ западной стороны крѣпости, были посланы $^1/_2$ роты пѣхоты подъ начальствомъ маіора Кузьмина-Караваева, и въ резервъ къ пѣхотѣ полъ-сотни казаковъ съ двумя 3 фунтовыми единорогами Во второмъ часу ночи пѣхота съ мортирами прибыла на мѣсто и расположилась, какъ уже сказано, во рву разрушеннаго укрѣпленія за остатками его вала. Изъ крѣпости открыли огонь, на который отвѣчали мортирки и за ними $^1/_2$ пудовые единороги съ батареи № 2. Во время перестрѣлки, продолжавшейся до 3-хъ часовъ, контужены маіоръ Кузьминъ-Караваевъ, гарнизонной артиллеріи подпоручикъ Корнилевскій и 5 нижнихъ чиновъ. Въ офиціальномъ донесеніи одновременная контузія 7 человѣкъ была приписана разрыву одного изъ огненныхъ шаровъ, которые, будто бы, бросались непріятелемъ изъ фалконетовъ и состояли изъ пороха, завернутаго въ кожу, потомъ крѣпко и толсто обмотаннаго стеклядью или струнами и, наконецъ, со вставленною гранатною трубкою, покрытою смолою; но на самомъ дѣлѣ контузія произошла отъ неосторожнаго обращенія съ собственною мортиркою.

8-го іюля, въ $3^1/_2$ часа утра, приказано было открыть прицѣльную и навѣсную стрѣльбу со всѣхъ батарей, по сигналу, данному съ батареи № 1. Корпусный командиръ послалъ меня на батарею № 1 наблюдать за полетомъ снарядовъ и особенно боевыхъ ракетъ и присылать ему записки послѣ каждаго прекращенія пальбы. Въ первую перестрѣлку сдѣлано было изъ каждаго орудія по 10 выстрѣловъ и выпущено 40 ракетъ. Прапорщикъ Іогансонъ, замѣтивъ, что ракеты не долетаютъ до крѣпости, выдвинулся съ батареи № 4 впередъ на 70 саженъ, и съ

новой позиціи почти всѣ ракеты ложились внутри крѣпости. Дѣйствіе изъ орудій было менѣе удачно. Прицѣльные выстрѣлы, не причиняя никакого вреда глинянымъ стѣнамъ пятисаженной толщины, сбивали только иногда зубцы съ нихъ. Большею же частію снаряды перелетали крѣпость и ложились съ батареи № 3 около батареи № 5, а съ батареи № 2—около батареи № 1 и проч. Вообще расположеніе батарей было крайне неудачно. Непріятель отвѣчалъ на нашъ огонь пальбою изъ пушекъ, фалконетовъ и крѣпостныхъ ружей и по прекращеніи общей перестрѣлки преслѣдовалъ выстрѣлами въ теченіе цѣлаго дня людей, переходившихъ изъ батарей въ лагерь.

По окончаніи первой перестрѣлки я отправилъ къ корпусному командиру свои наблюденія и ежеминутно ожидалъ второй перестрѣлки, но напрасно. Наступилъ вечеръ, солдаты уже нѣсколько разъ поѣли, а человѣкъ мой, не зная гдѣ я, не принесъ мнѣ обѣда. Побуждаемый голодомъ, я послалъ казака съ запискою къ Дандевилю, прося его спросить корпуснаго командира, будетъ ли сегодня вторичная перестрѣлка. Перовскій тотчасъ же отвѣтилъ, что не будетъ и что я могу возвратиться въ лагерь и сильно распекъ офицера, завѣдывавшаго его хозяйствомъ и кухнею, что тотъ не отправилъ ко мнѣ обѣда на батарею.

Послѣ первой перестрѣлки батарея № 4 получила первостепенное значеніе. Въ ночь на 9-е іюля она была перенесена впередъ на то мѣсто, откуда Іогансонъ бросалъ ракеты, то есть на 200 саженъ отъ крѣпости, и вооружена, кромѣ ракетъ, однимъ $^1/_2$ пудовымъ единорогомъ и тремя мортирками, на слѣдующую ночь была расширена и на нее свезены всѣ три пушки и четыре $^1/_4$ пудовыхъ единорога, наконецъ, на 12-е іюля еще одинъ $^1/_2$ пудовой единорогъ. Такимъ образомъ на батареѣ № 4 сосредоточилось 12 орудій; затѣмъ на батареяхъ №№ 1 и 3 и въ лагерѣ оставлено по одному 3 фунтовому единорогу и на батареѣ № 5 двѣ мортирки; батарея же № 2 была упразднена. Орудія съ батарей ежедневно въ опредѣленный часъ дѣлали по десяти выстрѣловъ, на которые непріятель отвѣчалъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, а иногда, стрѣляя по нашимъ работамъ, и самъ затѣвалъ перестрѣлку. Вообще, дѣйствіе нашей артиллеріи во время

осады было довольно безцѣльно. Только 11-го іюля батарея № 4, сдѣлавъ нѣсколько залповъ по сѣверо-восточной башнѣ (А), произвела въ ней значительный обвалъ и затѣмъ до сумерокъ расчищала брешь одиночными выстрѣлами; но въ теченіе ночи непріятель успѣлъ задѣлать брешь земляными мѣшками. На другой день вновь была сдѣлана брешь и непріятель не отвѣчалъ даже на нашъ огонь, но и на этотъ разъ никто не думалъ воспользоваться успѣхомъ, и ночью брешь была опять задѣлана. Затѣмъ артиллерія наша, сосредоточившись было на нѣсколько дней на батареѣ № 4, стала опять раздробляться. Въ ночь на 13-е іюля, кромѣ перенесенія ракетной батареи саженъ на 30 вправо отъ батареи № 4, была построена батарея № 6, въ 100 саженяхъ отъ западнаго фаса крѣпости и вооружена 12 фунтовою пушкою и двумя $^1/_2$ пудовыми единорогами, а на 16-е число 12 фунтовая пушка была замѣнена 3 фунтовымъ единорогомъ и всѣ пять мортирокъ соединились опять на батареѣ № 5. 18-го и 19-го іюля, вслѣдствіе слуховъ о приближеніи отъ Ташкента $1^1/_2$ тысячи коканцевъ на помощь осажденнымъ, значительная часть орудій была переведена въ лагерь и на батареяхъ осталось: на № 4—12 фунтовая и 6 фунтовая пушки, на № 5—пять кегорновыхъ мортиръ и на № 6—два $^1/_2$ пудовыхъ единорога. Въ послѣднее время осады на батареѣ № 4 штабсъ-капитана Ремишевскаго были всѣ три пушки, а на батареѣ № 7 есаула Харитонова, устроенной взамѣнъ батареи № 6, въ ночь на 22-е іюля, саженяхъ въ 100 противъ сѣвернаго фаса,—два $^1/_2$ пудовые единорога. Постоянное перемѣщеніе орудій съ мѣста на мѣсто ясно показываетъ, что артиллерія употреблялась при осадѣ Акъ-мечети безъ всякой опредѣленной мысли и потому мало содѣйствовала ускоренію взятія крѣпости.

Веденіе траншей.

Инженерными работами при осадѣ Акъ-мечети, по крайней мѣрѣ до перехода черезъ ровъ, завѣдывалъ также Хрулевъ, хотя и не официально.

Первая траншея (а), отъ батареи № 4 къ сѣверо-восточной башнѣ (А), была начата ночью на 10-е іюля. На 12-е число въ

ней былъ устроенъ ложементъ для штуцерной команды, которая стрѣляла по людямъ, являвшимся на стѣнахъ и башняхъ для ихъ исправленія. Траншея была окончена на 17-е число. Въ эту ночь непріятель не прекращалъ ружейной пальбы, освѣщая окрестности краснымъ огнемъ съ юго-восточной башни (Д) и зажженными бревнами, которыя ставилъ на стѣнахъ и опускалъ внизъ. Для развлеченія вниманія непріятеля, вокругъ всей крѣпости была разсыпана по канавамъ пѣхота, которая поддерживала ружейную перестрѣлку внѣ направленія нашихъ работъ въ траншеяхъ, которыя велись съ востока (а) и запада (г). Тѣмъ не менѣе мы потеряли 5 человѣкъ убитыми. На другой день, для постояннаго занятія траншей, къ выставленной 8-го іюля полуротѣ пѣхоты на правомъ флангѣ, послана другая полурота на лѣвый флангъ.

10-го іюля была устроено башкирами, подъ руководствомъ войскового старшины Филатова, траншея отъ праваго фланга лагеря до батареи № 4, и такъ какъ при этомъ не было потерь, то полагали безопаснымъ продолжать работы башкирами днемъ, даже вблизи крѣпости, но вскорѣ принуждены были отъ этого отказаться. Ночью на 11-е число была начата съ двухъ концовъ параллель (б) между батареями №№ 4 и 5, и продолжалась днемъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, которымъ было ранено 7 башкиръ. На 12-е число параллель была доведена отъ батареи № 5 на 280 саженъ и концы остались не соединенными на 60 саженъ; а на 13-е число на разливахъ изъ канавы незамкнутаго пространства были постланы фашины, по которымъ можно было провозить орудія. Боковое же прикрытіе къ сторонѣ крѣпости было устроено только въ ночь на 18-е іюля; до этого времени люди проходили незамкнутое пространство постоянно подъ непріятельскимъ огнемъ.

Апрошъ (в) отъ батареи № 5 къ юго-западной башнѣ (с) былъ начатъ на 13-е іюля и продолжался въ слѣдующія ночи, подъ прикрытіемъ мантилета, и оконченъ на 16-е число. Во время этой работы въ первую ночь ранено 2 рядовыхъ, а во вторую— подпоручикъ Лифляндъ. Апрошъ (г) отъ параллели къ сѣверо-западной башнѣ (В) былъ начатъ и оконченъ сутками позже

предыдущаго. Въ этомъ апрошѣ (г) и въ вѣнчаніи гласиса (д) было два зигзага, прямо направлявшіеся на стѣну крѣпости, на которой непріятель поставилъ противъ нихъ крѣпостныя ружья и лишь только кто показывался въ зигзагѣ, тотчасъ же раздавался выстрѣлъ.

Вѣнчаніе гласиса (д) началось, подъ прикрытіемъ туровъ, въ ночь на 16-е іюля отъ траншеи *в* влѣво, на 18-е число было поведено одновременно, вправо и влѣво отъ траншей *в* и *е*, причемъ было смертельно ранено 2 рядовыхъ, а на слѣдующую ночь также и отъ траншеи *а*, причемъ раненъ одинъ рядовой. 19-го іюля въ 3 часа пополудни человѣкъ двадцать коканцевъ, выйдя незамѣтно изъ воротъ крѣпости, находившихся на южномъ фасѣ, бросились на двухъ часовыхъ, стоявшихъ въ вѣнчаніи гласиса, схватили ихъ, утащили въ крѣпость и тамъ, какъ оказалось впослѣдствіи, казнили самымъ варварскимъ образомъ, снявъ съ живыхъ кожи. 22-го іюля они хотѣли повторить предпріятіе, напавъ врасплохъ на траншейный караулъ, и въ 4 часа утра уже нѣсколько коканцевъ спустились по веревкамъ съ южной стѣны крѣпости, но были замѣчены, встрѣчены ружейнымъ огнемъ караула и вернулись. Вѣнчаніе гласиса было окончено почти передъ самымъ штурмомъ, 25-го іюля, одновременно съ переходомъ черезъ ровъ.

Переговоры съ непріятелемъ.

13-го іюля въ половинѣ 11-го часа корпусный командиръ послалъ въ крѣпость киргиза съ слѣдующимъ письмомъ:

„Отъ Оренбургскаго Генералъ-Губернатора
Начальнику Акъ-мечетской крѣпости.

„По приказанію Государя моего, Императора Всероссійскаго, пришелъ я взять Акъ-мечеть, построенную коканцами на русской землѣ, для притѣсненія киргизъ, нашихъ подданныхъ".

„Акъ-мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до единаго".

„Напрасно исправляете вы стѣны: въ Акъ-мечеть я войду въ ворота, потому что въ свою собственную крѣпость черезъ стѣны

не лазятъ. Если бы эти стѣны были не мои, то я не жалѣлъ бы ихъ, вы знаете, что я имѣю силу разрушить ихъ совершенно". (Въ офиціальномъ донесеніи это мѣсто было пропущено).

„Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена, на годъ они не пойдутъ".

„Хотите остаться живы, просите пощады; хотите умереть въ Акъ-мечети, и это въ вашей волѣ, мнѣ не къ спѣху, я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться съ вами, а бить, покуда не отворите ворота".

„Все это сказалъ бы я вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подъѣзжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, еслибы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не водится между честными воинами".

Въ 8 часовъ вечера крѣпость иллюминовалась флагами. Мы съ Падуровымъ и султаномъ Илекеемъ сидѣли за чаемъ, когда корпусный командиръ подъѣхалъ къ намъ верхомъ и, обратясь къ султану, спросилъ: „что значатъ эти флаги: покорность или вызовъ?" Илекей, внимательно посмотрѣвъ на крѣпость, отвѣчалъ—вызовъ. Перовскій пришпорилъ лошадь и, прибывъ на батарею, приказалъ начать обычный огонь въ десять выстрѣловъ. Киргизъ привезъ отвѣтъ отъ начальника Акъ-мечети, въ которомъ было сказано, что: „теперешнее правительство Коканіи не обязано отвѣчать за несправедливости, сдѣланныя въ управленіе страною кипчаками; русскій отрядъ подошелъ къ крѣпости, безъ объявленія войны, начальникъ Акъ-мечети готовъ очистить крѣпость, но чтобы русскіе дали ему сроку 15 дней, въ теченіе которыхъ отошли бы за Бишь-арны; иначе будутъ сопротивляться, пока „ружья у нихъ останутся на ложахъ, ефесы сабель и древки копій не переломятся и не истощатся въ крѣпости кизяки (куски глины, бросаемые въ осаждающихъ)".

Постройка бараковъ и обиліе работъ.

На другой день, то есть 14-го іюля, по распоряженію корпуснаго командира, была начата постройка бараковъ около лагеря но съ какою цѣлью?—не могъ ни отъ кого узнать. Говорили, что корпусный командиръ хотѣлъ показать гарнизону, что онъ не

нуждается въ ихъ крѣпости, но вѣрнѣе, что онъ боялся замедленія осады до осени, хотя и эта боязнь была довольно странна. Хорошо еще, что для постройки бараковъ были наняты киргизы, а то чины отряда и безъ того были утомлены до крайности дневными и ночными караулами въ траншеяхъ и въ лагерѣ, заготовленіемъ за рѣкою осадныхъ матеріаловъ, сѣна для лошадей и множествомъ другихъ самыхъ разнообразныхъ службъ и работъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ передавалъ я приказанія въ команды о нарядѣ людей, по распоряженію свыше, видя, что многимъ приходилось отбывать службу по нѣсколько сутокъ безсмѣнно, безъ отдыха и безъ сна. Особенно тяжела была служба безотвѣтныхъ башкиръ и усталыхъ и оборвавшихся отъ похода пѣхотныхъ солдатъ. Физическое и нравственное состояніе солдата во время осады Акъ-мечети лучше всего характеризуется слѣдующимъ случаемъ. Разъ въ полдень солдатъ вышелъ изъ батареи (№ 4) и направился прямо къ крѣпости, перешелъ черезъ водяный ровъ, полѣзъ на башню (А) и достигнувъ болѣе половины ея высоты, вытащилъ изъ нея земляной мѣшокъ и высыпалъ изъ него землю, потомъ другой и третій, затѣмъ слѣзъ съ башни и тѣмъ же путемъ пошелъ, не торопясь, назадъ. Коканцы открыли по немъ огонь, но онъ вернулся благополучно на батарею, и когда начальство стало его спрашивать, зачѣмъ онъ ходилъ къ крѣпости, солдатъ спокойно отвѣчалъ: „у меня рубашка совсѣмъ оборвалась, такъ я сходилъ за мѣшками, чтобы сшить изъ нихъ новую“. Издали этотъ поступокъ можетъ показаться молодечествомъ, геройствомъ, но вблизи было видно только полнѣйшее равнодушіе къ жизни, апатія.

Первая рекогносцировка къ Сагазы.

18-го іюля, вслѣдствіе слуховъ о приближеніи отъ Ташкента помощи къ Акъ-мечети, корпусный командиръ послалъ Падурова и меня съ легкимъ отрядомъ къ переправѣ Сагазы, для рекогносцировки дороги и разузнанія отъ киргизъ о непріятелѣ, а въ лагерѣ сформировалъ, на случай движенія къ нему на встрѣчу, отрядъ въ 500 казаковъ съ $^1/_4$ пудовымъ и тремя 3-хъ фунтовыми единорогами, взятыми съ батарей.

Чтобы объяснить что такое Сагазы, необходимо сказать, что крѣпость Акъ-мечеть была окружена со всѣхъ сторонъ водою, именно Сыръ-Дарьею и разливами ея рукавовъ Беръ-казана и Кара-узяка и находилась такимъ образомъ на островѣ, простиравшемся верстъ на 35 отъ запада къ востоку и на 15 отъ сѣвера къ югу. Удобныхъ переправъ черезъ рукавъ Беръ-казанъ, ограждающій островъ съ сѣвера и востока, было только двѣ: одна при истокѣ рукава, носившемъ названіе *Сагазы*, могла быть производима только на плотахъ и лодкахъ; а другая *Бишь-арны* (пять протоковъ), недалеко отъ бабыстынскихъ или караузякскихъ болотъ, въ бродъ. Переправы эти были весьма важны для сообщенія Акъ-мечети съ коканскими и русскими владѣніями. Пройдя слишкомъ 30 верстъ до Сагазы, мы въ тотъ же день вернулись назадъ, доложивъ корпусному командиру, что для провода артиллеріи дорога требуетъ предварительнаго исправленія и что киргизы ничего не знаютъ о приближеніи коканцевъ.

Вторая рекогносцировка къ Сагазы, исправленіе дороги и разстановка передовыхъ постовъ.

На другой день, то есть 19-го іюля, съ утра отправленъ былъ сотникъ Михайловъ съ партіею уральскихъ казаковъ поставить наблюдательный постъ въ 15 человѣкъ у переправы чрезъ Сагазы и другой постъ въ 10 человѣкъ на половинѣ дороги оттуда къ крѣпости; а вечеромъ посланы были изъ лагеря: войсковой старшина Буренинъ съ двумя сотнями уральскихъ казаковъ и 3-хъ фунтовымъ единорогомъ къ Сагазы и эсаулъ Саратовцевъ, съ сотнею уральцевъ и 3-хъ фунтовымъ единорогомъ, къ Бишь-арны, для охраненія этихъ пунктовъ, а также небольшія партіи казаковъ на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи. Мнѣ было приказано слѣдовать съ отрядомъ Буренина, исправить дорогу до Сагазы для провода орудій, размѣстить отрядъ и посты на Беръ-казанѣ по своему усмотрѣнію и потомъ вернуться. Пройдя нѣсколько верстъ, мы ночевали, не разсѣдлывая лошадей, на берегу небольшого озерка. Желая испытать, какъ ходятъ казаки въ военное время безъ посторонняго начальства, я не вмѣшивался въ ихъ распоряженія, но къ великому удивленію замѣтилъ, что ника-

кихъ распоряженій не было сдѣлано и казаки преспокойно улеглись всѣ спать, не выставивъ ни одного часового. Я цѣлую ночь не спалъ, но когда солнце встало и мнѣ надоѣло быть безсмѣннымъ часовымъ, разбудилъ Буренина, предложивъ ему выступать, такъ какъ въ теченіе дня предстояло много работы. Дорога отъ Акъ-мечети до Беръ-казанскаго протока пересѣкалась множествомъ канавъ и разливовъ, во многихъ мѣстахъ тянулась узкою тропою между густымъ и колючимъ кустарникомъ и только подходя къ Сагазы пролегала среди прекрасныхъ джидовыхъ лѣсовъ. 20-го іюля, пользуясь смѣтливостію и расторопностію уральцевъ, мнѣ удалось разработать дорогу до такой степени, что по ней можно было провозить орудія и подводы, и затѣмъ осталось еще времени для осмотра Беръ-казанскаго протока и размѣщенія постовъ.

Поискъ въ Джулеку.

Ночевавъ на Сагазы, рано утромъ 21-го іюля я возвращался къ Акъ-мечети, но не доѣзжая до нее верстъ пять, встрѣтилъ Падурова съ полусотнею оренбургскихъ казаковъ и полусотнею Башкирцевъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что корпусный командиръ приказалъ ему слѣдовать на Сагазы, гдѣ, присоединивъ къ себѣ $1^1/_2$ сотни Уральскихъ казаковъ съ 3-хъ фунтовымъ единорогомъ переправиться чрезъ протокъ и двинуться, вмѣстѣ со мною и со всѣмъ отрядомъ, на встрѣчу коканцевъ, слухи о приближеніи которыхъ продолжались, разбить ихъ, дойти до коканской крѣпости Джулекъ, взять и разрушить ее и потомъ вернуться. Провіанта на отрядъ въ $2^1/_2$ сотни съ орудіемъ взято на 7 дней. „Отпуская меня“, прибавилъ Падуровъ, „Василій Алексѣевичъ приказалъ распорядиться такъ, чтобы у насъ въ отрядѣ не было ни одного убитаго или раненаго и я далъ ему слово, что свято исполню его приказаніе“. — Напрасно торопились, возразилъ я.—На войнѣ нельзя расчитывать на вѣрную невредимость.—„Я надѣюсь на васъ“, продолжалъ Падуровъ, „дорогой вы придумаете что намъ дѣлать и по старой дружбѣ поможете мнѣ сдержать мое необдуманное слово“.

Къ 2 часамъ пополудни отрядъ нашъ сосредоточился у Сагазы и началъ переправу чрезъ Беръ-казанскій протокъ, имѣвшій

20 саженъ ширины и $1^1/_2$ сажени глубины, при пособіи одной киргизской лодки, одной киргизской же будары и одного плота изъ сухого камыша. Переправа продолжалась до 7 часовъ вечера, слѣдовательно ровно 5 часовъ. Отрядъ ночевалъ около брошеннаго коканскаго кургана или укрѣпленія Мамы-сентъ, на канавѣ.

22-го іюля отрядъ прошелъ около 50 верстъ и ночевалъ на озерѣ Итъ-аякъ. Воды на пути было довольно, кормъ всегда порядочный. Дорога пролегала среди кустарниковъ, состоявшихъ изъ джиды, саксаула, гребенщика (джангылъ), колючки (чингилъ), ивы и тополя (туранга). Около дороги встрѣчалось много пашень и ауловъ киргизъ, сначала Джапасскаго, а потомъ Кипчакскаго родовъ. Разливы изъ канавъ и густота кустарника, особенно колючки, представляли затрудненія для слѣдованія орудія и подводъ, но они были устраняемы передовою командою, разрабатывавшею дорогу.

23-го іюля мѣстность представляла тѣ же свойства, какъ и наканунѣ. Сдѣлавъ верстъ 30, отрядъ остановился на привалъ въ лощинѣ, на которой было довольно много киргизскихъ кибитокъ, а поднявшись изъ лощины на высоту, виднѣлась уже крѣпость Джулекъ, отстоявшая отъ этого мѣста верстъ на 15. Съ согласія Падурова, я пригласилъ къ себѣ болѣе значительныхъ киргизъ на чай и узнавъ, что многіе изъ нихъ имѣютъ родныхъ въ Джулекѣ и что тамъ сидитъ не болѣе 40 коканцевъ, сказалъ своимъ гостямъ: „намъ приказано выгнать изъ Джулека коканцевъ и разрушить крѣпость и мы не можемъ вернуться, не исполнивъ приказанія высшаго начальства. Съ боя, или безъ боя, но мы займемъ Джулекъ. Вы знаете крѣпость и видите теперь наши силы, значитъ можете сами судить на чьей сторонѣ превосходство, а сзади за нами, подъ Акъ-мечетью, которая не сегодня, такъ завтра сдастся, у насъ еще болѣе войскъ. При всемъ томъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія проливать понапрасну человѣческую кровь и если коканцы очистятъ Джулекъ при нашемъ приближеніи, даю слово, что мы ихъ не будемъ преслѣдовать и не тронемъ. Намъ нужна крѣпость, а не они“. Послѣ этой рѣчи киргизъ Тургай вызвался съѣздить въ Джулекъ сооб-

щить начальнику о нашемъ приближеніи, посовѣтовать ему оставить крѣпость и вернуться къ намъ съ отвѣтомъ. Переговоривъ вторично съ Падуровымъ и заручившись отъ него безусловнымъ carte blanche, я отправилъ Тургая въ Джулекъ. Затѣмъ, расчитавъ время, когда онъ долженъ былъ прибыть въ крѣпость и передавать начальнику ея о приближеніи русскихъ войскъ, я выдвинулъ отрядъ на высоту и направилъ его по песчаной дорогѣ ниткой въ одинъ конь, на разстояніи нѣсколько саженей одинъ отъ другого, чтобы по возможности увеличить массу пыли, видной изъ далека, и подкрѣпить фактомъ разсказъ киргиза о нашей силѣ, безъ сомнѣнія, преувеличенной. Въ этомъ порядкѣ мы подошли верстъ на пять къ крѣпости, когда замѣтили, что отъ нея потянулся столбъ пыли по направленію къ Туркестану. Казаки безъ приказанія начали стягиваться и строиться въ сотни, для преслѣдованія бѣжавшихъ изъ Джулека коканцевъ. Самъ Падуровъ позабылъ уже объ обѣщаніи не трогать ихъ и торопливо подтягивалъ казаковъ. Не ожидая такого оборота, я былъ сконфуженъ, но скоро оправился, поскакалъ съ вожакомъ впередъ на полъ версты, поговорилъ съ нимъ, вернулся и при сомкнувшемся уже отрядѣ доложилъ громко Падурову, что впереди глубокій водяной арыкъ, что нѣтъ возможности переправить черезъ него скоро отрядъ съ орудіемъ и что необходимо сдѣлать обходъ верстъ въ пять. Падуровъ началъ возражать, но я предложилъ ему удостовѣриться самому и когда онъ поскакалъ со мною впередъ, я сказалъ ему, что никакого препятствія къ преслѣдованію нѣтъ, кромѣ даннаго обѣщанія. „Стоитъ ли церемониться съ Азіятами“, отвѣчалъ онъ и хотѣлъ уже вернуться, но я остановилъ его порывъ замѣчаніемъ, что на это иначе посмотритъ Василій Алексѣевичъ. Тогда, доскакавъ до назначеннаго арыка и вернувшись въ отрядъ, Падуровъ объявилъ, что дѣйствительно нельзя идти прямо и необходимо сдѣлать обходъ, но мы успѣемъ еще догнать коканцевъ, а между тѣмъ солнце приближалось уже къ закату. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ взять десять казаковъ, ѣхать прямо къ Джулеку и занять засвѣтло крѣпость.

Довольный, что мнѣ удалось отклонить казачій порывъ, я поскакалъ къ Джулеку, на пути встрѣтилъ Тургая съ извѣстіемъ

объ уходѣ коканцевъ и потомъ депутацію отъ окрестныхъ киргизъ съ поздравленіемъ, по случаю нашего благополучнаго прибытія, и направилъ ихъ къ Падурову, а самъ достигъ наконецъ цѣли нашего поиска и остановился у воротъ крѣпости, которыя были затворены. Спѣшивъ казаковъ и оставивъ двухъ изъ нихъ съ лошадьми и одного у воротъ, съ приказаніемъ никого чрезъ нихъ не пропускать, съ остальными вошелъ въ крѣпость, чрезъ какой то темный и извилистый коридоръ, въ нишахъ котораго мы нашли 19 ружей разной длины и разнаго калибра съ фитильными замками. Внутренность крѣпости была покрыта цѣлымъ лабиринтомъ глиняныхъ построекъ, среди которыхъ выдавался по удобствамъ для жизни только домъ начальника, имѣвшій впереди глиняную платформу въ аршинъ вышины. Въ одной изъ комнатъ этого дома, во вмазанномъ надъ очагомъ котлѣ, мы застали воду еще совершенно горячую, а недалеко отъ дома нашли большую рѣдкость въ степи—превосходный колодезь съ холодною ключевою водою. Разсматривая коканскія постройки, я разослалъ казаковъ по крѣпости отыскивать имущество бѣжавшихъ и сносить все на платформу. Изъ военныхъ предметовъ, кромѣ ружей, найдено было: 185 мелкихъ чугунныхъ ядръ, 205 свинцовыхъ пуль, 3 пуда 14 фунтовъ свинцу, форма для пуль, древко отъ бунчука, выкрашенное зеленою краскою, барабанъ и пуда полтора пороху, которые я употребилъ на другой день для взрыва одной изъ башенъ. Кромѣ того казаки притащили нѣсколько большихъ мѣшковъ рису, изюму и табаку, 6 штукъ рогатаго скота и ученаго для охоты беркута, который цѣнился киргизами по крайней мѣрѣ въ 100 барановъ. Все это отдано было въ отрядъ за исключеніемъ беркута, котораго я подарилъ Тургаю за оказанную имъ услугу. Черезъ часъ или полтора послѣ меня, уже послѣ заката солнца, прибылъ къ Джулеку Падуровъ съ отрядомъ и я сдалъ ему крѣпость и найденное въ ней имущество. Отрядъ расположился на ночлегъ вдоль южнаго фаса крѣпости, гдѣ были ворота и противъ нихъ рядъ тополей.

24-го іюля я посвятилъ съемкѣ плана и профилей крѣпости и построекъ въ ней и разрушенію двухъ башенъ и всѣхъ стѣнокъ бруствера выше банкета; а находящіеся при мнѣ топографы

дополняли свою маршрутную съемку отъ Акъ-мечети до Джулека рекогносцировкою окрестностей послѣдняго пункта.

По съемкѣ крѣпости (чертежъ 1) оказалось, что она имѣла видъ правильнаго четырехъугольника, коего бока сѣверный и южный простирались на 30, а восточный и западный на 45 саженъ, слѣдовательно вся крѣпость имѣла въ окружности 150 саженъ. Ворота находились среди южнаго фаса. Стѣны имѣли толщины при основаніи $1^1/_2$ сажени и высоты $2^1/_2$. По угламъ четырехъугольника возвышались башни, изъ которыхъ одна юго-восточная была сплошная, а прочія пустыя, сѣверовосточная въ три, а западныя въ два яруса. Вокругъ крѣпости, на разстояніи 2 саженъ отъ стѣнъ, былъ ровъ шириною въ 3 и глубиною $1^1/_2$ сажени; воды въ немъ было немного.

По окончаніи съемки крѣпости я занялся съемкою внутреннихъ построекъ, около юго-восточной башни, но вскорѣ почувствовалъ дымъ, который быстро усиливался, такъ что вблизи нельзя было ничего видѣть. Ощупью добрался я до платформы, откуда стоявшій тутъ часовой съ пришедшими къ нему на помощь двумя-тремя казаками, забирали порохъ, ружья и прочее, и вмѣстѣ съ ними выбѣжалъ изъ крѣпости, въ которую затѣмъ войти уже не было никакой возможности. Все деревянное и камышевое въ крышахъ и стѣнахъ построекъ горѣло, пламени не было видно, но густой дымъ покрылъ все укрѣпленіе. Продолжать съемку не было ни малѣйшей возможности и я дополнилъ только начатую работу наброскою на глазъ, съ высоты сплошной башни, контуровъ главнѣйшихъ построекъ и стѣнъ. Кто и зачѣмъ зажегъ крѣпость, или она загорѣлась случайно—мы не могли узнать.

Послѣ съемокъ я занялся минными работами, чтобы испытать, на какомъ разстояніи безопасно находиться отъ взрываемыхъ глиняныхъ стѣнъ. Подъ Акъ-мечетью, готовясь къ заложенію мины въ стѣнѣ крѣпости, хотѣли отводить войска, передъ взрывомъ, на версту, но мнѣ казалось это напраснымъ въ отношеніи безопасности и совершенно вреднымъ въ отношеніи штурма бреши, такъ такъ войскамъ пробѣжать версту въ порядкѣ все же нужно 10 минутъ, а въ это время обороняющійся можетъ оправиться и дать серьезный отпоръ. Первую мину въ $1^1/_2$ пуда ко-

канскаго пороха я заложилъ подъ трехъярусную сѣверовосточную башню и воспламенилъ ее помощью стопина на разстояніи 20 саженъ. Взлетѣвъ на воздухъ густымъ облакомъ пыли, башня разсыпалась, не причинивъ мнѣ ни малѣйшаго вреда. Другую мину въ 3 пуда русскаго пороху я заложилъ подъ сплошною юговосточною башнею и зажегъ ее съ контръ-эскарпа, слѣдовательно съ разстоянія не болѣе 6 саженъ, густой слой пыли покрылъ меня съ головы до ногъ, но я тотчасъ же взбѣжалъ чрезъ наполнившійся землею ровъ на разрушенную башню. Эти опыты могли бы предостеречь акъ-мечетскихъ дѣятелей отъ отвода войскъ во время взрыва на слишкомъ дальнее разстояніе; но я вернулся въ Акъ-мечеть, когда уже все касающееся взрыва мины и штурма было порѣшено.

Въ заключеніе нашей дневки около Джулека, казаки разрушили своими плечами тонкія верхушки стѣнъ.

25-го іюля отрядъ выступилъ въ обратный путь и ночевалъ на озерѣ Итъ-аякъ.

26-го іюля отрядъ, сдѣлавъ 50 верстъ, былъ къ 6 часамъ вечера на Беръ-казанскомъ протокѣ и тотчасъ же началъ переправу съ помощію плошкота, высланнаго изъ акъ-мечетскаго лагеря, киргизскихъ лодки и будары и камышеваго плота. Въ 8 часовъ вечера было получено отъ корпуснаго командира приказаніе отряду прибыть въ лагерь къ разсвѣту, по случаю ожиданія конца минныхъ работъ и необходимости вслѣдъ затѣмъ приступа. Падуровъ съ переправившеюся уже сотнею казаковъ тотчасъ же поскакалъ впередъ и не смотря на страшную темноту и скверную дорогу мы были въ лагерѣ въ 11 часовъ вечера, сдѣлавъ въ этотъ день 80 верстъ и значительную переправу черезъ рѣку; но насъ было всего 5—6 человѣкъ. Остальные разсыпались по дорогѣ и только на другой день поздно вечеромъ, дѣйствительно передъ штурмомъ, весь нашъ отрядъ собрался въ лагерь.

Перовскій, въ своихъ подробныхъ донесеніяхъ въ Петербургъ объ осадѣ Акъ-мечети, упомянулъ о поискѣ въ Джулекѣ только слегка, вѣроятно для того, чтобы никому не пришло въ голову сдѣлать сравненіе дѣйствій подъ этими двумя совершенно однородными коканскими крѣпостцами.

Послѣдній періодъ осады.

Инженерныя работы въ послѣдній періодъ осады велись подъ руководствомъ штабсъ-капитана Орловскаго и саперъ гальванической команды.

20-го іюля съ ранняго утра начатъ спускъ въ ровъ, нѣсколько западнѣе сѣверо-восточной башни и къ вечеру доведенъ до поверхности воды. Осаждающій цѣлый день производилъ по немъ сильный ружейный огонь и пытался даже открывать пушечный, но батарея № 4 своими выстрѣлами всякій разъ заставляла снимать орудіе. Въ теченіе сутокъ убито 2 рядовыхъ и ранено 4.

21-го съ утра начатъ сапою переходъ черезъ водяной ровъ, который загружался фашинами съ привязанными къ нимъ земляными мѣшками, а къ вечеру доведенъ до половины рва. Работавшіе прикрывались огнемъ штуцерныхъ изъ параллели, вѣнчавшей гласисъ, и пушечнымъ—съ батарей №№ 4 и 7. Убитыхъ было 2 и раненыхъ 2.

22-го работа подвигалась медленно, по причинѣ большой глубины рва. Въ сумерки 4 охотника спустились въ ровъ, поставили козлы къ сдѣланной плотинѣ, положили переводины однимъ концемъ на козлы, а другимъ на эскарпъ, укрѣпили ихъ и вернулись. Въ теченіе сутокъ убитъ 1, ранены 3 и ушиблены 2 охотника кусками битой глины, которые коканцы бросали въ нихъ со стѣнъ.

23-го продолжалась работа перехода черезъ ровъ, подъ прикрытіемъ мантелета, подвигавшагося по переводинамъ, и къ вечеру осталась только одна сажень незагруженнаго пространства до эскарпа. Убитъ 1 и ранено 2 рядовыхъ.

24-го работы по переходу черезъ ровъ были пріостановлены, въ ожиданіи окончанія вѣнчанія гласиса. Ранено 2 человѣка.

25-го оконченъ, вмѣстѣ съ вѣнчаніемъ гласиса, переходъ черезъ ровъ и начата, подъ прикрытіемъ мантелета, подземная галерея, съ помощью голландскихъ брусчатыхъ рамъ, черезъ берму, оказавшуюся шириною въ 5 саженъ.

26-го утромъ обнаружилась у подошвы крѣпости яма, въ которой показалось два коканца, и изъ галереи слышна была подземная работа контръ-мины. Нѣсколько ручныхъ гранатъ,

брошенныхъ изъ-за мантелета, увеличили яму и открыли ходъ въ нее изъ-подъ стѣны, а брошенныя съ вѣнчанія гласиса гранаты изъ кегорновыхъ мортиръ и конгревовыя ракеты окончательно разрушили непріятельскій подкопъ. Убитъ 1 рядовой.

27-го іюля галерея была окончена, мина въ стѣнѣ крѣпости заложена и по отряду отдана диспозиція къ штурму, составленная, сколько мнѣ извѣстно, генералъ-маіоромъ Хрулевымъ.

Штурмъ Акъ-мечети 28-го іюля.

Диспозиція эта, кромѣ своей, мало понятной для войскъ, редакціи съ большими и малыми, французскими и русскими, буквами, заключала въ себѣ капитальныя ошибки, которыя весьма неблагопріятно отозвались въ излишней нашей потерѣ. Во 1-хъ, отводя войска на 300 саженъ отъ взрыва, безъ всякаго на то опытнаго основанія, и затѣмъ останавливая войска, разъ пущенныя на штурмъ, мы дали время непріятелю оправиться и встрѣтить насъ сильнымъ отпоромъ, причинившимъ намъ значительныя потери. Во 2-хъ, раздѣлять штурмъ такой маленькой крѣпости, какъ Акъ-мечеть, на два періода: на занятіе сначала стѣнъ двумя ротами и потомъ уже внутренности, наполненной массою построекъ, удобныхъ для упорной обороны, только взводомъ, было крайне непрактично; а приказывать ротамъ, занявшимъ стѣны, не стоять на ногахъ, а присѣсть на закорки и отстрѣливаться—противно элементарнымъ понятіямъ о штурмѣ. На штурмъ слѣдовало бы вести войска съ незаряженными ружьями, чтобы не было даже соблазна стрѣлять, а уже никакъ не совѣтовать имъ присѣсть на закорки и отстрѣливаться. Эта ошибка причинила намъ опять таки потерю нѣсколькихъ лишнихъ людей и, что всего грустнѣе, отъ своихъ же собственныхъ выстрѣловъ.

По фальшивымъ сигналамъ и тревогамъ въ 12, 2 и 3 часа ночи на 28 іюля войска изъ траншей отступили по частямъ и заняли слѣдующія мѣста: 1-я рота оренбургскаго линейнаго № 4 баталіона съ охотниками и полусотнею казаковъ около батареи № 4, гдѣ помѣстились также полъ сотни башкиръ, назначенныхъ для подноса, въ случаѣ надобности, лѣстницъ, туровъ и прочее; 2-я рота съ полусотнею казаковъ—сзади 1-й около первоначаль-

ной батареи № 4; 1-й взводъ 3-й роты съ полутора сотнями казаковъ—въ 300 саженяхъ къ сѣверозападу отъ крѣпости; 2-й взводъ 3-й роты, около сотни казаковъ и полторы сотни башкиръ, съ тремя $^1/_4$ пудовыми и двумя фунтовыми единорогами—къ югу и юговостоку отъ крѣпости, около Сыръ-Дарьи; наконецъ 25 казаковъ и полъ сотни башкиръ съ 3-хъ фунтовымъ единорогомъ за рѣкою около бывшей батареи № 2. Такимъ образомъ на позиціяхъ передъ штурмомъ стояли: всѣ три роты пѣхоты, $3^1/_2$ сотни казаковъ, $2^1/_2$ сотни башкиръ, 6 орудій на батареяхъ №№ 4 и 7 и 6 при войскахъ. Прочіе казаки и башкиры остались для охраненія лагеря.

Корпусный командиръ со свитою и штабомъ находился на батареѣ № 4. Въ $3^1/_2$ часа послѣдовалъ взрывъ мины и образовалась брешь шириною въ 10 саженъ. Батареи № 4 и 7 начали обстрѣливать ее картечью и войска пошли на штурмъ. Мимо батареи № 4 пробѣжала по траншеямъ 1-я рота и за нею 2-я. Корпусный командиръ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „ведите на штурмъ 2-ю роту“. Я догналъ ее толпящуюся въ траншеяхъ около сѣверовосточной башни, съ которой осыпали ее сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Баталіонный командиръ, подполковникъ Іоней, оставаясь сзади роты, подгонялъ людей ругательствами и усердно нагибался отъ выстрѣловъ. Обогнавъ роту, я вывелъ голову ее изъ траншей и повелъ къ бреши за 1-ю ротою, которая два раза была отбита оправившимися коканцами, но въ третій сбила ихъ и быстро начала занимать стѣны крѣпости, вправо и влѣво отъ бреши. Я съ головою 2-й роты бросился за бѣжавшими коканцами во внутрь крѣпости, но попалъ подъ перекрестный огонь 1-й роты, начавшей, по диспозиціи, стрѣлять со стѣнъ во внутрь, къ сожалѣнію въ своихъ. За однимъ изъ выстрѣловъ, прожужжавшихъ у самого моего уха, раздался сзади меня стонъ; я оглянулся и вижу солдата, вылѣзавшаго изъ какой-то норы развалившейся сакли и въ этотъ моментъ раненаго. Тутъ только я сообразилъ, что поступилъ вопреки диспозиціи, бросившись во внутрь крѣпости и направилъ своихъ солдатъ на стѣну. Около Сыръ-Дарьи слышны были крики „ура“, коканцы бѣжали изъ крѣпости, спустясь съ юго-западной башни къ Сыръ-Дарьѣ, но тамъ были встрѣ-

чены 2-мъ взводомъ 3-й роты, казаками и башкирами, которые забирали ихъ въ плѣнъ, а не сдававшихся добивали на сушѣ и на рѣкѣ. Перестрѣлка со стѣнъ прекратилась, 1-й взводъ 3-й роты занималъ внутренность крѣпости и на юго-восточной башнѣ поднятъ былъ Хрулевымъ бѣлый платокъ, за неимѣніемъ подъ рукою русскаго флага, который, хотя и былъ заранѣе приготовленъ лейтенантомъ Сколковымъ, но затѣмъ забытъ въ лагерѣ. Къ 4-мъ часамъ штурмъ былъ оконченъ и крѣпость была въ нашихъ рукахъ. Я вернулся на батарею одновременно съ посланнымъ отъ Хрулева офицеромъ, который, подойдя къ корпусному командиру и держа руку подъ козырькомъ, проговорилъ: „генералъ Хрулевъ приказалъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что Акъ-мечеть взята, коканцевъ въ ней нѣтъ и Ваше Высокопревосходительство безопасно можете въѣхать въ крѣпость“. Эти неловкія слова задѣли было на мгновеніе самолюбіе Перовскаго и онъ началъ отвѣчать: „скажите генералу Хрулеву, что я не въ крѣпости не потому, что тамъ опасно“, но остановился и замолчалъ.

Послѣ штурма на перевязочномъ пунктѣ.

Послѣ штурма закипѣла работа на перевязочномъ пунктѣ. Тутъ истиннымъ героемъ явился штабъ-лекарь Любомудровъ, опытный хирургъ, любившій солдатъ и любимый ими. Съ спокойствіемъ, знаніемъ дѣла и ловкостью дѣлалъ онъ ампутаціи, вынималъ пули изъ ранъ и перевязывалъ ихъ, разговаривая при этомъ съ своими паціентами самымъ успокаивающимъ образомъ. Я придерживалъ раненаго солдата, когда Любомудровъ отыскивалъ у него пулю подъ лопаткою. Солдатъ вскрикнулъ отъ боли. „Потерпи землякъ“, спокойно сказалъ докторъ, „пожалуй подумаютъ, что малый ребенокъ кричитъ, а небось у тебя самого есть хозяйка и ребята“.—Есть хозяйка, Ваше Высокоблагородіе, болѣе спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ солдатъ. „Ну, такъ отдай ей это на память о храбрости мужа“ сказалъ докторъ, передалъ ему пулю и принялся за перевязку раны.—Спасибо Вамъ, Ваше Высокоблагородіе, теперь совсѣмъ облегчало, вѣчно буду за Васъ Богу молить, а хозяйкѣ отдамъ пулю по Вашему приказанію“. Въ такомъ родѣ онъ балагурилъ съ ранеными, облегчая ихъ

физическія страданія. Другой дѣятель на перевязочномъ пунктѣ былъ молодой медикъ Круневичъ, разжалованный въ рядовые. Вдвоемъ они сдѣлали на полѣ около ста перевязокъ, значительною частію съ ампутаціями. Остальные два медика не были на перевязочныхъ пунктахъ; впрочемъ, одинъ изъ нихъ состоялъ не при отрядѣ, а при особѣ Перовскаго и въ отрядѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ доктора артиллеріи, такъ какъ никого не лечилъ, но давалъ совѣты, какъ нужно было бы дѣйствовать съ пушками.

Потери наши и непріятельскія.

Наша потеря во все время Акъ-мечетской экспедиціи состояла, по официальнымъ показаніямъ изъ: 10 умершихъ, 27 убитыхъ и смертельно раненыхъ (1 офиц.), 62 раненыхъ (3 офицера), 15 контуженныхъ и ушибленныхъ (3 офиц.).

По дневнымъ показаніямъ значилось:

	Убитыхъ и смертельно раненыхъ.	Раненыхъ.	Контуженныхъ и ушибленныхъ.
а) при осадѣ:			
4 іюля	1	—	—
8 »	—	—	7 (2 офиц.).
9 »	—	—	1 (офиц.).
11 »	—	7	—
13 »	—	2	—
14 »	—	1 (офиц.)	—
17 »	5	—	—
18 »	2	—	—
19 »	2	1	—
20 »	2	4	—
21 »	2	2	—
22 »	1	3	2
23 »	1	2	—
24 »	—	2	—
26 »	1	—	—
	17	24 (1 офиц.).	10 (3 офиц.).
б) при штурмѣ:			
28 іюля	13 (1 офиц.).	34 (2 офиц.).	6
Итого . . .	30 (1 офиц.).	58 (3 офиц.).	16 (3 офиц.).

Эти два показанія нѣсколько разнятся и эта разность, относящаяся до потери нижнихъ чиновъ при осадѣ, произошла вѣроятно потому, что при составленіи общей таблицы 3 смертельно раненыхъ и 1 контуженный помѣщены въ раненые.

Изъ общаго числа коканцевъ, сидѣвшихъ въ Акъ-мечети, человѣкъ 30 было убито во время осады и затѣмъ при штурмѣ:

	Убито.	Взято въ плѣнъ. Раненыхъ.	Здоровыхъ.	Всего.
Мужчинъ	206	35	39	280
Женщинъ	4	7	73	84
Дѣтей	2	10	53	65
Всего	212	52	165	429
		217		

Плѣнные и трофеи.

Плѣнные коканцы были приведены, подъ конвоемъ, раненые на перевязочный пунктъ, а здоровые въ лагерь. Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ въ кандалахъ, оказавшійся русскимъ. Онъ громко взывалъ ко всѣмъ встрѣчнымъ. „Здравствуйте, родные! слава Тебѣ, Господи, удалось вернуться къ своимъ, а то измучили меня въ чужой сторонѣ богопротивные азіяты“, и т. д. въ томъ же родѣ. Говорилъ онъ очень плавно и складно, но слова его не звучали искренней радостью. Изъ распросовъ плѣнныхъ оказалось потомъ, что онъ самъ бѣжалъ къ нимъ изъ Россіи, принималъ самое дѣятельное участіе въ оборонѣ Акъ-мечети, постоянно возставалъ противъ сдачи крѣпости и настаивалъ на жестокой казни двухъ русскихъ мучениковъ, попавшихся въ руки коканцевъ, а наканунѣ штурма хотѣлъ бѣжать, но былъ пойманъ, скованъ и посаженъ въ тюрьму. Когда Перовскій узналъ всѣ его продѣлки, то хотѣлъ немедленно разстрѣлять, но опытный авантюристъ заявилъ священнику, что онъ давно уже обрѣзанъ и желаетъ возвратиться въ лоно православной церкви. Священникъ донесъ объ этомъ Перовскому, прибавивъ, что до возвращенія въ нѣдро церкви казнить его смертью нельзя. „Ну такъ возвращайте скорѣе“, возразилъ Перовскій, „а потомъ я его разстрѣляю“. Священникъ отвѣчалъ, что по церковнымъ уставамъ онъ не имѣетъ права этого сдѣлать безъ полномочія отъ архіерея. Чѣмъ кончилось это дѣло?—не знаю, но авантюристъ вѣроятно ухитрился избавиться отъ заслуженной имъ казни. Перовскій уѣхалъ изъ Акъ-мечети, не рѣшивъ его судьбы; остальные же плѣнные были отпущены имъ по домамъ.

Акъ-мечетскія женщины, большею частью киргизки изъ осѣдлыхъ ауловъ, и дѣти собрались во время штурма вмѣстѣ и такимъ образомъ были выведены изъ крѣпости, понеся относительно меньшую потерю, но все же среди ихъ было 6 убитыхъ и 17 раненыхъ. Я засталъ несчастныхъ женщинъ сидящими въ кружокъ на истоптанномъ бакчи передъ брешью, чрезъ которую таскали крючьями изъ крѣпости трупы ихъ мужей въ халатахъ, большею частью горѣвшихъ и распространявшихъ смрадъ. Трупы счетомъ складывали въ кучу и потомъ засыпали. Убитыя горемъ женщины молча сидѣли, повидимому вовсе не сознавая, что вокругъ нихъ дѣлается. Вниманіе мое долго приковывала одна изъ нихъ, прислонившаяся головою на плечо своей сосѣдки и какъ то особенно неподвижно покоившаяся. Я заглянулъ ей въ лицо и увидѣлъ, что она мертвая, и что сосѣдка не замѣчаетъ даже, что держитъ на плечѣ трупъ. А вокругъ женщинъ беззаботно бѣгали дѣти, на половину голыя, и собирали разбросанныя по бакчѣ дынныя корочки!.....

Внутри крѣпости было смрадно удушливо и глазу представлялись только свѣжіе слѣды разрушенія. Жилыя постройки обратились въ груды земли, среди которой кое гдѣ торчали отдѣльныя стѣнки. Нигдѣ не было видно никакой утвари, вещи—все уже было отчасти взято въ лагерь, въ видѣ военной добычи, а частію растаскано; но изъ-подъ рыхлой земли высовывалась иногда то рука, то нога не убраннаго еще трупа.

Войска, оставленныя во вновь занятомъ краѣ.

Корпусный командиръ выступилъ изъ-подъ Акъ-мечети въ обратный путь 5-го августа, оставивъ во вновь занятомъ краѣ 3 роты Оренбургскаго линейнаго № 4 баталіона, 2 сотни Уральскихъ казаковъ, $^1/_2$ сотни башкиръ и 17 орудій.

Награды.

За покореніе Акъ-мечети Василій Алексѣевичъ Перовскій удостоился получить Высочайшій рескриптъ, въ которомъ, для увѣковѣченія памяти его подвига, повелѣно было, чтобы крѣпость

Акъ-мечетъ именовалась отнынѣ фортомъ Перовскій. Всѣмъ чинамъ экспедиціоннаго отряда выдано было не въ зачетъ годовое жалованье. Кромѣ того пожаловано было: 36 лицамъ ордена и золотыя сабли, 67—чины и 14—денежныя награды, всего 117 наградъ. Нижнимъ чинамъ болѣе отличившимся роздано было 50 знаковъ отличія военнаго ордена и 12 такихъ же знаковъ, установленныхъ для чиновъ мусульманскаго исповѣданія.

1-е приложеніе къ главѣ VIII.

ВѢДОМОСТЬ

о числительности русскихъ войскъ подъ Акъ-мечетью.

	Офицер. чиновъ.					Нижнихъ чиновъ.					
	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Оберъ-офиц.	Заур.-офиц.	Гражд. чин.	Унт.-офиц.	Музыкант.	Рядовыхъ.	Нестроев.	Деньщиковъ.	Киргизъ.
Корпусный командиръ и состоящіе при немъ	2	3	7	—	8	—	—	—	1	27	—
Начальникъ экспедиціон. отряда и его адъютанты	1	—	2	—	—	—	—	—	—	4	—
Генеральный штабъ	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2	—
Корпуса топографовъ	—	—	6	—	—	3	—	—	—	3	—
Провіантскаго вѣдомства	—	—	—	—	2	—	—	—	4	—	—
Медицинскаго	—	—	—	—	2	—	—	—	2	2	—
Священникъ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Вожаки и посыльные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Итого въ штабѣ	3	4	16	—	13	3	—	—	7	38	16
Оренбург. линейнаго № 4 баталіона 1, 2 и 3 роты	—	2	13	—	—	59	18	706	6	11	—
Уральскаго казач. войска $3^1/_2$ сотн.	—	2	9	—	—	20	—	325	—	5	—
Оренбургскаго » » $1^1/_2$ »	—	2	8	—	—	13	—	162	—	5	—
Башкирскаго » » 3 »	—	—	2	6	—	19	—	299	—	—	—
Гарнизонной артил. при 17 ор.	—	—	2	—	—	2	—	10	1	—	—
Оренб. каз. арт. бр. при 17 ор.	—	—	2	—	—	8	—	73	2	2	—
Ракетной команды	—	—	1	—	—	2	—	9	—	—	—
Гарнизонныхъ инженеровъ	—	—	1	—	1	1	—	—	—	2	—
Саперной гальванической команды	—	—	1	—	—	2	—	19	—	1	—
Морского вѣдомства на пароходѣ	—	2	3	—	—	?	—	?	—	?	—
Итого въ войскахъ	—	8	42	6	1	126	18	1,603	9	26	—
Башкирской сѣнокосной команды	—	—	—	4	—	8	—	414	—	—	—
Верблюдовожатыхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	281
Итого въ обозѣ	—	—	—	4	—	8	—	414	—	—	281
ВСЕГО	3	12	58	10	14	137	18	2,017	16	64	297
			97					2,252			

При отрядѣ находилось:

лошадей	2,605	верблюдовъ	1,333
воловъ	18	телѣгъ	506

Кромѣ того при отрядѣ находился султанъ Илекей и при немъ чел. 200 киргизъ.

2-е приложеніе къ главѣ VIII.

Списокъ лицъ офицерскаго званія, бывшихъ подъ Акъ-мечетью.

Корпусный командиръ и его свита.

1. Генералъ-адъютантъ Перовскій.
2. Генералъ-маіоръ Хрулевъ.
3. Маіоръ Кузьминъ-Караваевъ.
4. Гвардіи корнетъ князь Чингисъ.
5. По особ. поруч. маіоръ Житковъ.
6. » » » ротмистръ Докиргофъ.
7. Адъютантъ подполковникъ Кирѣевскій.
8. Есаулъ Эверсманъ.
9. Штабсъ-капитанъ Толмачевъ.
10. Штабсъ-ротмистръ Курбатовъ.
11. Генеральнаго штаба капитанъ Дандевиль.
12. Флота лейтенантъ Сколковъ.
13. Статскій совѣтникъ Григорьевъ.
14. Коллежскій ассесоръ Бончъ Осмоловскій (переводч.).
15. » » Батыршинъ (переводч.).
16. Коллежскій регистраторъ Дѣтковъ.
17. Лекарь Эверсманъ.
18. Титулярный совѣтникъ Вельяминовъ Зерновъ (оріенталистъ).
19. Коллежскій регистраторъ Скорняковъ (препараторъ).
20. Горановичъ (живописецъ).

Начальникъ экспедиціоннаго отряда и его штабъ.

21. Генералъ-маіоръ Падуровъ.
22. Адъютантъ есаулъ Крашенинниковъ.
23. » подпоручикъ Крашенинниковъ.
24. Генеральнаго штаба полковникъ Маркъ.
25. » » капитанъ Макшеевъ.
26. Корп. топогр. подпоручикъ Головъ.
27. » » прапорщикъ Недорѣзовъ.
28. » » » Рыбинъ (на пароходѣ).
29. Прик. къ корп. топогр. прапорщикъ Христофоровъ.
30. » » » » » Чернышевъ.
31. » » » » » Алексѣевъ.
32. Пров. вѣд. коллежскій ассесоръ Ермаковскій.
33. » » » регистраторъ Тимофеевъ.
34. Штабъ лекарь Любомудровъ.
35. » » Койсевичъ.
36. Священникъ.

Оренбургскаго линейнаго № 4 баталіона.

37. Подполковникъ Іоней.
38. Маіоръ Баженовъ.
39. Капитанъ Шкупъ.
40. Штабсъ-капитанъ Андрюковъ.
41. Поручикъ Погурскій.
42. » Назаровъ.
43. Подпоручикъ Эйсмондъ 1-й.
44. » Лифляндъ.
45. » Слевицкій.
46. » Стерлинговъ.
47. Прапорщикъ Котурьенко.
48. » Кузьминъ.
49. » Смирьяновъ.
50. » Крейцмаръ.
51. » Гурьевъ.

Уральскаго казачьяго войска.

52. Войсковой старшина Бородинъ.
53. » » Буренинъ.
54. Есаулъ Еремеевъ.
55. » Саратовцевъ.
56. » Ерпклинцевъ.
57. Сотникъ Щаповъ.
58. » Михайловъ.
59. » Жигинъ.
60. » Глущенковъ.
61. » Мизиновъ.
62. Хорунжій Бородинъ.

Оренбургскаго казачьяго войска.

63. Войсковой старшина Деменевъ.
64. » » Филатовъ.
65. Есаулъ Сильновъ.
66. » Печенкинъ.
67. Сотникъ Круторожинъ.
68. Хорунжій Жариковъ.
69. » Савинъ.
70. Подпоручикъ Ковалевскій.
71. Корнетъ Трамовъ.
72. » Захаровъ.

Башкиро-Мещерякскаго войска.

73. Сотникъ Карамышевъ.
74. Хорунжій Шарыповъ (словесный переводчикъ).

Гарнизонной артилеріи.

75. Штабсъ-капитанъ Ремишевскій.
76. Подпоручикъ Корнилевскій.

Оренбургской казачьей конной артилеріи.

77. Есаулъ Харитоновъ.
78. Сотникъ Соколовъ.

Ракетной команды.

79. Гвардіи прапорщикъ Іогансонъ.

Гарнизонныхъ инженеровъ.

80. Прапорщикъ Алексѣевъ.
81. Унтеръ-цейхв. Каширинъ.

Саперной гальванической команды.

82. Штабсъ-капитанъ Орловскій.

Морского вѣдомства на пароходѣ.

83. Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ.
84. » Ивашинцевъ.
85. Лейтенантъ Эрдели.
86. Корп. флотс. штурмановъ подпоручикъ Поспѣловъ.
87. Корп. флотс. инженеровъ прапорщикъ Синкони.

3-е приложеніе къ главѣ VIII.

ВѢДОМОСТЬ

о числительности отряда, производившаго поискъ къ Джулеку.

	Генераловъ.	Шт.-Офиц.	Оберъ-Офиц.	Унт.-Офиц.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.
Начальникъ отряда	1	—	—	—	—	1
При немъ:						
Генеральнаго штаба	—	—	1	—	—	—
Корпуса топографовъ	—	—	1	2	—	—
Адъютантовъ	—	—	1	—	—	1
Переводчикъ	—	—	1	—	—	—
Оренб. лин. № 4 баталіона	—	—	—	1	1	—
Башкиръ при подводахъ	—	—	—	—	5	—
Войска:						
Уральскаго казачьяго войска	—	1	1	9	140	—
Оренбургскаго » »	—	—	2	3	51	—
Башкирскаго » »	—	—	1	2	50	—
Казачьей конной арт. при 3-хъ фунт. един.	—	—	—	1	6	—
Ракетной команды	—	—	—	1	2	—
Киргизъ:						
При верблюдахъ	—	—	—	—	—	7
Вожаковъ и посыльныхъ	—	—	—	—	—	2
Развѣдочная партія	—	—	—	—	—	16
Итого	1	1	8	19	255	27

Примѣчаніе. Лошадей въ отрядѣ, кромѣ принадлежащихъ киргизамъ, было 301. Изъ нихъ 2, принадлежащія Уральскимъ казакамъ и 2 Башкирцамъ, во время поиска пали.

4-е приложеніе къ главѣ VIII.

Диспозиція къ штурму Акъ-мечети.

Дѣйствіе войскъ послѣ взрыва минной галлереи 28-го іюля.

Словесное приказаніе.

1. Въ 10 часовъ вечера сего 27-го іюля, съ двухъ пунктовъ пустить конгревовы ракеты въ крѣпостной валъ. Въ 11 часовъ съ батареи Харитонова по одному выстрѣлу изъ орудій. Въ часъ ночи на 28-е іюля съ батареи Ремишевскаго по одному выстрѣлу изъ орудій. Въ 12 часовъ и въ 2 часа ночи ударить фальшивую тревогу, дабы удостовѣрить крѣпостной гарнизонъ, что пѣхота окружающая крѣпость находится на своихъ мѣстахъ. Выстрѣлы изъ орудій, ракеты и двѣ тревоги къ разсвѣту утомятъ коканцевъ, убѣдятъ ихъ въ томъ, что въ эту ночь не будетъ штурма и чрезъ что къ разсвѣту въ крѣпости всѣ вѣроятно будутъ спать.

2. Послѣ первой тревоги въ 12 часовъ ночи начинается отступленіе въ обѣихъ ротахъ по полуротно.

a) Первой роты первый взводъ, съ прапорщикомъ Гурьевымъ, отступаетъ по траншеѣ къ батареѣ Ремишевскаго и располагается на отдыхъ въ ближайшей къ ней траншеѣ. Второй взводъ остается противъ спуска въ ровъ, съ капитаномъ Шкупомъ, отъ котораго выставлена съ вечера цѣпь стрѣлковъ противъ фасовъ *AB* и *AD*.

b) Третья рота послѣ первой тревоги въ 12 часовъ начинаетъ отступленіе: 1-й взводъ подъ командою поручика Эйсманна съ прапорщикомъ Котурьенко по траншеямъ къ остаткамъ каменной стѣны (*Ж*), а оттуда къ остаткамъ другой каменной стѣны, и далѣе къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ на пунктъ *E*, отстоящій отъ взрыва на 238 саженъ. Второй взводъ остается противъ воротъ, подъ командою штабсъ-капитана Андрюкова, отъ котораго выставлена цѣпь стрѣлковъ по фасамъ *CD* и *CB*.

3. Послѣ второй тревоги, въ 2 часа ночи, цѣпь выставленная по фасамъ присоединяется къ своимъ резервамъ, а потомъ первые полувзводы вторыхъ взводовъ начинаютъ отступленіе.

a) Первой роты полувзводъ, при унтеръ-офицерѣ, къ батареѣ Ремишевскаго и присоединяется къ своему первому взводу.

b) Третьей роты полувзводъ, при унтеръ-офицерѣ, къ остаткамъ крѣпостной стѣны *Ж*, и далѣе на пунктъ *Ф*, отстоящій отъ взрыва на 250 саженей.

4. Оставшіеся два полувзвода около крѣпости наблюдаютъ: отъ первой роты—спускъ, отъ третьей роты—плотину передъ воротами.

5. Предъ разсвѣтомъ въ три часа будетъ пущено три ракеты, вслѣдъ одна за другой, по которымъ начинаютъ отступать послѣдніе два полувзвода, оставленные при крѣпостномъ рвѣ:

a) 1-й роты полувзводъ къ батареѣ Ремишевскаго.

b) 3-й роты полувзводъ на пунктъ (*Ф*). Когда 2-й взводъ 3-й роты соединится на пунктѣ (*Ф*), тогда штабсъ-капитанъ Андрюковъ долженъ отступить, дабы быть отъ взрыва на 300 саженъ; равномѣрно и 1-й взводъ этой роты отходитъ на разстояніе 300 саженъ.

По сигналу тѣхъ же трехъ ракетъ отступившая къ батареѣ Ремишевскаго 1-я рота размѣщается въ закрытыхъ траншеяхъ; а остальныя затѣмъ отходятъ по траншеѣ ближе къ лагерю.

6. Команды штуцерныхъ и съ мушкетонами, въ числѣ 21 человѣка, отступаютъ послѣднія и располагаются на лѣвомъ флангѣ батареи Ремишевскаго, дабы послѣ взрыва быть въ головѣ наступающихъ.

7. Когда по расчету пройдетъ достаточное время для отступленія отъ крѣпостного рва послѣднихъ солдатъ, на разстояніе 300 саженъ, тогда вторично пускаютъ три ракеты ($3^1/_2$ часа) одну за другою; черезъ пять минутъ послѣдуетъ взрывъ.

8. Послѣ взрыва 1-я рота выходитъ изъ закрытыхъ траншей и шестирядною колонной изъ середины идетъ къ мѣсту взрыва, по траншеямъ, гдѣ и останавливается противъ башни *А*, ожидая приказанія;—ибо въ это время производится пальба съ батареи Харитонова картечью, а штабсъ-капитана Ремишевскаго ядрами, и сверхъ того, чтобы дать время 3-й ротѣ занять въ траншеяхъ по гласису: 1-му взводу фасъ *BC* и половину фаса *CD*, второму половину фаса *CD* и фасъ *AD*.

9. Въ головѣ 1-й роты находятся пары стрѣлковъ съ мушкетонами и штуцерами, подъ командою лейтенанта Эрдели.

10. 2-я рота идетъ изъ лагеря шестирядною колонною изъ середины на мѣсто взрыва немедленно по воспослѣдованіи онаго и останавливается въ концѣ траншеи отъ башни *A* до приказанія.

11. При каждой ротѣ будутъ находиться по 50 казаковъ изъ охотниковъ.

12. Когда всѣ будутъ на своихъ мѣстахъ, тогда 1-я рота съ казаками бѣгомъ выходитъ въ сдѣланную брешь и выстраиваются вправо и влѣво кругомъ вала (постоянно оставляя брешь открытою для входа другихъ); вслѣдъ за ними идетъ 2-я рота, съ своими казаками, а 1-я рота, между тѣмъ, распространяется по фасамъ, стараясь занять заднюю половину крѣпости по стѣнамъ *DC* и до среднихъ башенъ отъ *D* къ *A* и отъ *C* къ *B*. А 2-я рота занимаетъ остальную половину крѣпостныхъ стѣнъ, обращенную къ бреши. При этомъ солдатамъ не стоять на ногахъ, а присѣсть на закорки и отстрѣливаться.

13. 1-й взводъ 3-й роты съ казаками, усмотрѣвъ наши ружья и значки на стѣнахъ крѣпости, идетъ въ брешь безъ выстрѣла въ штыки и врывается во внутренность; вмѣстѣ съ тѣмъ 1-я и 2-я роты перестаютъ стрѣлять и подкрѣпляютъ 3-ю роту. Затѣмъ 2-й взводъ 3-й роты остается въ резервѣ.

14. Лейтенантъ Эрдели со штуцерами и мушкетонами немедленно долженъ отыскать пороховой погребъ и приставить къ нему караулъ.

15. Промежутокъ отъ башни *C* до рѣки долженъ быть занятъ особою командою, постепенно приближающеюся къ крѣпости. Равномѣрно промежутокъ отъ башни *D* до рѣки тоже занять заблаговременно.

16. На лѣвомъ берегу рѣки усилить казаковъ башкирцами, для содержанія цѣпи и поимки бѣгущихъ изъ крѣпости.

17. Четверть пудовой единорогъ съ батареи Харитонова, подъ командою сотника Соколова, долженъ быть готовъ къ перевозкѣ на брешь, для очищенія оной картечью.

18. Лѣстницы для первой и второй роты должны находиться на батареѣ Ремишевскаго, для третьей роты—у каменной стѣны,

которыя взять съ собою на всякій случай. Перевязочные пункты должны находиться: главный докторъ на батареѣ Ремишевскаго, а другой у каменной стѣны съ фельдшерами. Шанцевый инструментъ долженъ быть взятъ при пѣхотѣ.

27-го іюля, лагерь подъ Акъ-мечетью.

5-е приложеніе къ главѣ VIII

ВѢДОМОСТЬ

объ умершихъ, убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ во время акъ-мечетской экспедиціи.

	Умерло.		Убито и смертельно ранено.		Ранено.		Контужено и ушиблено.		ИТОГО.	
	Въ передній путь.	Въ обратный путь.	При осадѣ.	При штурмѣ.	При осадѣ.	При штурмѣ.	При осадѣ.	При штурмѣ.	Умершихъ и убитыхъ.	Раненыхъ и контужен.
Офицеровъ [1])	—	—	—	1	1	2	3	—	1	6
Нижнихъ чиновъ:										
Оренб. лин. № 4 бат.	2	—	10	11	13	26	2	6	23	47
Уральск. каз. войска	—	—	—	1	2	4	1	—	1	7
Оренб. » »	—	—	—	—	1	1	—	—	—	2
» » артил.	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Башкир. в. строевыхъ	1	1	—	—	4	—	—	—	2	4
Башкир. в. обозныхъ	1	4	2	—	4	—	—	—	7	4
Гарниз. артил.	—	—	1	—	—	—	3	—	1	3
Саперн. ком.	—	—	1	—	3	—	—	—	1	3
Флотскихъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Итого . . .	5	5	14	12	27	32	6	6	36	71
ВСЕГО . . .	5	5	14	13	28	34	9	6	37	77
	10		27		62		15			

Лошадей пало:

Въ перед. путь 70
» Акъ-мечети 185
» обрат. путь 210

Итого . . . 465

---

[1]) 8 іюля контуженъ маіоръ Кузьминъ-Короваевъ.
8 » » подпор. Корнилевскій
9 » » капит. Шкупъ.
14 » раненъ подпор. Лифляндъ.
28 » (при штурмѣ) смерт. раненъ прапор. Гурьевъ.
28 » » раненъ поруч. Назаровъ.
28 » » » хорунж. Савинъ.

6-е приложеніе къ главѣ VIII.

ВѢДОМОСТЬ

предметовъ, взятыхъ, въ видѣ военной добычи, въ Акъ-мечети.

2 бунчука.
8 значковъ.
2 мѣдныхъ орудія вѣсомъ въ 6 пудовъ 3 фунта; третье было разорвано во время обороны.
3 фалконета.
66 крѣпостныхъ ружей.
15 простыхъ ружей.
34 шашки.
2 кольчуги.
2 барабана.
1 мѣдная труба.
5 пудовъ 17 фунтовъ пороху.
783 большихъ ядеръ.
920 малыхъ ядеръ.
33 пуда 18 фунтовъ свинцу.
2 формы для пуль.
5 пробойныхъ досокъ.
2 кузнечныхъ клещей.
5 молотковъ.
1 кошень для шлифовки.
6 шейныхъ кандаловъ.
2 сѣдла, изъ которыхъ одно съ принадлежностями и барсовымъ чепракомъ, а другое безъ принадлежностей.
120 лошадей.

7-е приложеніе къ главѣ VIII.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ войскъ, оставленныхъ въ Акъ-мечети и принадлежащихъ къ ней укрѣпленіяхъ и постахъ.

	Шт.-Офицеровъ.	Оберъ-Офицеровъ.	Унт.-Офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ. Офицер. чиновъ.	Нестроевыхъ. Нижн. чиновъ.
Въ Акъ-мечети.							
Начальникъ укрѣпленія	1	—	—	—	—	—	—
Генеральн. штаба временно	—	1	—	—	—	—	—
Корп. Топогр. временно	—	1	1	—	—	—	—
Переводчикъ	—	—	—	—	—	1	—
Артилерійскаго вѣдомства	—	1	—	—	—	—	2
Инженернаго »	—	2	—	—	—	1	3
Провіант. временно	—	—	—	—	—	1	—
» постоянно	—	—	—	—	—	1	3
Медицинскаго	—	—	—	—	—	1	2
Чиновникъ, завѣдыв. киргизами	—	—	—	—	—	1	—
1-я, 2-я и 3-я роты Орен. Лин. № 4 бат.	—	8	54	10	590	—	—
Уральск. казач. войска	1	1	4	—	85	—	—
Башкирскаго войска	—	1	3	—	30	—	—
Казач. конной арт. временно съ 15 оруд.	—	2	8	1	68	—	—
Итого	2	17	70	11	773	6	10
На Сагазы Уральскихъ казаковъ	—	1	1	—	10	—	—
» Башкиръ	—	—	—	—	10	—	—
На Бишь-арны Уральск. казаковъ	—	—	1	—	10	—	—
На высотѣ Кубачъ Уральск. казаковъ	—	—	1	—	10	—	—
На плотинѣ Карабугутъ Уральск. каз.	—	1	1	—	10	—	—
» » Башкиръ	—	—	—	—	10	—	—
Въ Кумышъ-Курганѣ пѣхоты изъ 3-й р.	1	1	3	1	50	—	—
» » Уральск. казаковъ	—	—	1	—	25	—	—
» » гор. арт. съ 1 ор.	—	—	1	—	6	—	—
Въ Кармакчи пѣхоты изъ 3-й р.	—	1	3	1	50	—	—
» Уральск. казаковъ	—	1	3	—	50	—	—
» горн. арт. съ 1 ор.	—	—	1	—	6	—	—
» Медицинск. вѣдомства	—	—	—	—	—	1	1
Всего	3	22	86	13	1020	7	11
					1162		

8-е приложеніе къ главѣ VIII.

ПРИКАЗЫ

по отдѣльному Оренбургскому корпусу.

1-й). *Г. Оренбургъ. Сентября 12 дня 1853 года. № 190.*

По всеподданнѣйшему моему донесенію ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о покореніи коканской крѣпости Акъ-мечети, о мужествѣ и объ отличной храбрости, оказанныхъ войсками отряда, дѣйствовавшаго при осадѣ и штурмѣ этой крѣпости, я удостоился счастія получить слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

„Василій Алексѣевичъ. Получивъ донесеніе ваше о покореніи „крѣпости Акъ-мечети, Я поспѣшаю выразить вамъ душевную „Мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою русское оружіе. Онъ вполнѣ увѣнчалъ всѣ „распоряженія ваши, отъ коихъ Я не могъ не ожидать успѣха, „зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность; но вы „не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій. Вы пренебрегли „трудность предстоявшаго при слѣдованіи къ Акъ-мечети по„хода, — не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично на„чальство надъ отрядомъ, для взятія этой крѣпости назначен„нымъ, и не преставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и „опасности. Столь похвальное самоотверженіе служитъ Мнѣ но„вымъ доказательствомъ вашей ко Мнѣ привязанности, которую „Я оцѣняю въ полной мѣрѣ. Повторяя вамъ сердечную Мою „благодарность и желая увѣковѣчить память вашего подвига, „повелѣваю: чтобы крѣпость Акъ-мечеть именовалась отнынѣ „фортомъ Перовскимъ".

„Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ „храбрыхъ войскъ, находившимся подъ вашимъ предводитель„ствомъ, особенное Мое благоволеніе за твердость ихъ, соревно„ваніе другъ предъ другомъ и отличное ихъ мужество въ бою".

„Пребываю вамъ навсегда благосклонный".

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*".

Петергофъ.
26 Августа 1853 года.

Въ то же время увѣдомилъ меня Г. Военный Министръ, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, во вниманіе къ лишеніямъ и трудамъ преодолѣннымъ войсками экспедиціоннаго отряда и къ мужеству ихъ, повелѣть соизволилъ: 1) разрѣшить мнѣ войти съ представленіемъ о чинахъ заслужившихъ право на Всемилостивѣйшее вниманіе, 2) въ награду нижнимъ чинамъ болѣе отличившимся раздать 25 знаковъ отличія военнаго ордена, въ дополненіе къ 25-ти таковымъ же прежде розданнымъ и кромѣ того 12 такихъ же знаковъ установленныхъ для чиновъ мусульманскаго исповѣданія и 3) всѣмъ чинамъ отряда выдать не въ зачетъ годовое жалованье, по окладу каждымъ изъ нихъ получаемому.

Объявляя симъ Высочайшую волю, выраженную во Всемилостивѣйшемъ ко мнѣ рескриптѣ, считаю при томъ долгомъ благодарить участвовавшихъ въ экспедиціи и отъ своего имени: мужеству ихъ и честной службѣ обязанъ я величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни — достойно исполнить священную волю ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, порадовать тѣмъ отеческое Его сердце, и видѣть, вмѣстѣ съ сотрудниками моими, столь многомилостивое къ намъ изъявленіе Монаршаго Его благоволенія.

Пріемля съ благоговѣніемъ великія милости, излитыя на насъ щедрою рукою Царя, потщимся и впредь всѣ силы тѣла и духа нашего полагать на службу Государю и Отечеству.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ Перовскій.*

IX.

Занятія на Сыръ-Дарьѣ послѣ взятія Акъ-мечети.

Мое назначеніе по взятіи Акъ-мечети.

Послѣ взятія Акъ-мечети, корпусный командиръ часто призывалъ меня къ себѣ толковать объ устройствѣ вновь занятаго края. Ему видимо хотѣлось оставить меня начальникомъ Акъ-мечети, но онъ желалъ, чтобы я самъ вызвался на этотъ постъ. Съ своей стороны меня крайне занимало устройство новаго края

и я охотно остался бы для этой цѣли на Сыръ-Дарьѣ, но съ условіемъ, чтобы мнѣ былъ сохраненъ мундиръ генеральнаго штаба и были развязаны руки дѣйствовать по своему убѣжденію, и потому не желалъ напрашиваться на назначеніе, а ожидалъ предложенія. Въ этомъ взаимномъ блужданіи около заколдованнаго пункта проведено было безъ всякаго результата нѣсколько дней; наконецъ Перовскій принужденъ былъ назначить временно начальникомъ Акъ-мечети командира Оренбургскаго линейнаго № 4 баталіона подполковника Іонея, а я получилъ 3-го августа предписаніе остаться, также временно, на Сыръ-Дарьѣ для исполненія слѣдующихъ порученій:

во 1-хъ) привести брошенное коканское укрѣпленіе Кумышъ-курганъ, которое предположено занять небольшимъ отрядомъ, въ оборонительное положеніе;

во 2-хъ) выбрать пункты для наблюдательныхъ постовъ близъ плотины Кара-бугутъ на рѣкѣ Яны-Дарьѣ, на протокѣ Беръ-казанъ, на Бишь-арнѣ и на переправѣ черезъ р. Сыръ по дорогѣ въ Кумышъ-курганъ, близъ высоты Кубасъ. По размѣщеніи постовъ, снабдить ихъ краткими инструкціями объ ихъ обязанностяхъ;

въ 3-хъ) указать начальнику Акъ-мечети пункты, гдѣ должны быть устроены мосты на канавахъ по дорогамъ между постами и укрѣпленіемъ;

въ 4-хъ) измѣнить и дополнить составленныя мною прежде правила о почтовомъ сообщеніи по степи, принявъ въ основаніе, что почта должна ходить чрезъ каждые 10 дней, и представить ихъ корпусному командиру на утвержденіе;

въ 5-хъ) продолжать завѣдываніе съемками и рекогносцировками, производимыми на Сыръ-Дарьѣ въ 1853 году, и кромѣ того поручить одному офицеру корпуса топографовъ сдѣлать въ зимнее время рекогносцировку Караузякскихъ разливовъ и раннею весною—Голодной степи къ сѣверу отъ Кошъ-кургана и Акъ-мечети, сдѣлавъ съ начальникомъ Акъ-мечети сношеніе относительно сформированія для него небольшого прикрытія и снабженія его вожаками и всѣмъ необходимымъ.

По приведеніи къ окончанію всего мнѣ порученнаго, предписано мнѣ отправиться въ половинѣ сентября въ Оренбургъ и донести обо всемъ корпусному командиру, представивъ при этомъ записку о мѣрахъ, которыя, по моему мнѣнію, должны быть приняты по военной и хозяйственной части, для улучшенія новыхъ трехъ укрѣпленій (Акъ-мечети, Кумышъ-кургана и Кармакчи) и существованія ихъ гарнизоновъ, и вообще объ ихъ потребностяхъ и недостаткахъ.

Отправляясь изъ-подъ Акъ-мечети, корпусный командиръ прислалъ мнѣ съ дороги отъ 11-го числа дополнительное предписаніе слѣдующаго содержанія.

„Значительную и столь для насъ невыгодную убыль воды въ „р. Сырѣ можно кажется безошибочно приписать разрушенію „плотины Кара-бугутъ на р. Яны-Дарьѣ. Съ отдѣленіемъ воды „въ рѣку Яны-Дарью, киргизы, занимающіеся хлѣбопашествомъ „близъ Акъ-мечети, лишенные возможности орошать поля свои, „будутъ вынуждены перекочевывать въ хивинскія владѣнія и „заводить тамъ свои пашни; убыль воды въ Беръ-казанѣ и Бишь-„арны ослабитъ оборону Акъ-мечетскаго острова, а въ рѣкѣ „Сырѣ, кромѣ того, затрудняетъ уже плаваніе парохода и можетъ „со временемъ лишить насъ весьма важнаго способа сообщенія „между флангами Сыръ-Дарьинской линіи; наконецъ самый путь „отъ форта Кармакчи, идущій по окраинамъ камышей Караузя-„ка, можетъ со временемъ сдѣлаться непроходимымъ отъ недо-„статка воды. Все это доказываетъ необходимость безотлагатель-„наго исправленія прежней или устройство новой плотины на „рѣкѣ Яны-Дарьѣ, если послѣднее будетъ признано удобнѣй-„шимъ. Рекогносцировка покажетъ, которое изъ этихъ двухъ „средствъ надлежитъ избрать; во всякомъ случаѣ Вашему Высо-„коблагородію поручается, по тщательномъ осмотрѣ разливовъ „Яны-Дарьи, назначить мѣсто предполагаемой плотины. Для этой „значительной работы будутъ употреблены сами киргизы, о чемъ „предписано вмѣстѣ съ тѣмъ Г. Титулярному Совѣтнику Осмо-„ловскому; самая же работа должна быть произведена подъ при-„крытіемъ, коего сила опредѣлится согласно мѣстности“.

Пребываніе въ Акъ-мечети.

5-го августа я простился съ Перовскимъ навсегда. Два года я былъ съ нимъ въ непрерывныхъ близкихъ сношеніяхъ и очень часто бесѣдовалъ за-просто, съ глазу на глазъ. Въ немъ было много сердечнаго, притягивающаго къ себѣ, но тѣмъ грустнѣе было замѣчать, что онъ уважалъ правду только до тѣхъ поръ, пока она не становилась въ разрѣзъ съ его самолюбіемъ. Онъ требовалъ отъ окружающихъ служенія не столько дѣлу, сколько его личности. Я понялъ, что этотъ путь не по мнѣ и рѣшился оставить Оренбургъ, хотя мнѣ жаль было покинуть край, въ которомъ готовъ былъ положить всѣ свои силы. Но въ ожиданіи возвращенія на линію я принялся, послѣ отъѣзда Перовскаго изъ-подъ Акъ-мечети, съ прежнимъ рвеніемъ за исполненіе письменныхъ и словесныхъ его порученій. 6-го августа разбилъ, близъ крѣпости, лагерь для акъ-мечетскаго гарнизона, такъ какъ крѣпость не была очищена и въ ней не было устроено никакихъ помѣщеній, 7-го—размѣстилъ войска въ лагерѣ, а 8-го—ѣздилъ на Бишь-арну устанавливать постъ,—на Бишь-казанѣ онъ уже былъ поставленъ мною прежде.

10-го августа вечеромъ, наканунѣ выступленія моего въ Кумышъ-курганъ, пришелъ ко мнѣ назначенный корпуснымъ командиромъ въ это укрѣпленіе врачъ рядовой Круневичъ и передалъ, что штабъ-лекарь Любомудровъ сильно заболѣлъ и не можетъ посѣщать переполненнаго больными и ранеными лазарета, который, такимъ образомъ, остается на рукахъ несвѣдущаго фельдшера, что сегодня у прапорщика Гурьева, послѣ неловкой перевязки раны отъ отнятой руки, открылось сильное кровотеченіе, которое фельдшеръ не могъ остановить безъ его пособія и что тяжело раненыхъ, кромѣ Гурьева, въ лазаретѣ довольно много. Поэтому опасаясь за ихъ выздоровленіе безъ врача, онъ справедливо находилъ, что присутствіе его въ Акъ-мечети гораздо болѣе необходимо, чѣмъ въ Кумышъ-курганѣ, куда назначено менѣе ста человѣкъ совершенно здоровыхъ и куда бы можно было командировать, вмѣсто его, фельдшера. Я отправился къ Падурову, оканчивавшему распредѣленіе людей экспедиціоннаго отряда, просить объ оставленіи Круневича въ Акъ-мечети, но встрѣтилъ

совершенно неожиданный отпоръ: „Я не знаю никакого лекаря Круневича“, сказалъ онъ, „въ спискахъ значится только рядовой Круневичъ, котораго корпусный командиръ назначилъ въ Кумышъ-курганъ, и я не могу измѣнить распоряженію Его Высокопревосходительства. „Но этотъ рядовой“, возразилъ я, „имѣетъ дипломъ медика, который у него не отнятъ, и сдѣлалъ на нашихъ глазахъ порядочное число ампутацій въ день штурма. Корпусный командиръ не предвидѣлъ болѣзни Любомудрова, а то бы, конечно, самъ оставилъ Круневича въ Акъ-мечети.—Не знаю, „перебилъ Падуровъ“, но надежнѣе положиться на фельдшера, чѣмъ на разжалованнаго поляка“. И это говорилось черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ подобные же разжалованные поляки, Бѣликовичъ и Погаржельскій, первые легли на штурмѣ Акъ-мечети. Взглядъ Падурова, конечно, принадлежалъ лично ему и не раздѣлялся Перовскимъ, который произвелъ Круневича за Акъ-мечеть въ коллежскіе регистраторы, взялъ его къ себѣ и оставилъ до самой смерти своимъ личнымъ медикомъ, а послѣ смерти Перовскаго Круневичъ былъ гофъ-медикомъ и имѣлъ нѣсколько орденовъ. Мнѣ не удалось однако побѣдить упрямства Падурова. Круневичъ долженъ отправиться въ Кумышъ-курганъ, а чрезъ нѣсколько дней у Гурьева снова открылось кровотеченіе, котораго фельдшеръ не съумѣлъ остановить, и онъ умеръ въ первую пору своей цвѣтущей молодости. Можетъ быть, въ лазаретѣ были и другія жертвы упрямаго формализма и предубѣжденія, но тѣ остались неизвѣстными, а Гурьева всѣ очень любили и о немъ много сожалѣли.

Передвиженіе въ Кумышъ-курганъ.

11-го августа Кумышъ-курганскій отрядъ, подъ начальствомъ маіора Баженова, выступилъ изъ-подъ Акъ-мечети и, слѣдуя среди джидоваго лѣса, прошелъ 12 верстъ до переправы черезъ Сыръ-Дарью, въ верстѣ отъ раздѣленія ея на два рукава Караузякъ и Джаманъ-Дарью, противъ высоты Кубасъ. Переправа продолжалась съ 10 часовъ утра до 6 вечера. Поставивъ постъ на высотѣ Кубасъ, я поѣхалъ къ истоку Джаны-Дарьи, находящемуся верстами пятью выше переправы, осматривать Карабугутскую

плотину. Слѣдуя по берегу Сыра, я замѣтилъ впереди множество каркающихъ вороновъ, вскорѣ почувствовалъ сильный смрадъ и затѣмъ увидалъ совершенно разложившійся трупъ, около котораго пировали хищныя птицы. Трупъ этотъ принадлежалъ, конечно, одному изъ защитниковъ Акъ-мечети, бросившемуся во время штурма въ рѣку, потонувшему въ ней и выброшенному на берегъ. Представленіе яснаго неба, палящаго солнца, величественной рѣки среди степи, истлѣвшаго трупа и ликующихъ воронов, сильно запечатлѣлось въ моей памяти и какъ будто снова приняло для меня реальныя формы, когда я увидѣлъ картину Верещагина „Забытый“.

12-го августа отрядъ слѣдовалъ вдоль лѣваго берега сначала Джаманъ, а потомъ Куванъ-Дарьи. Въ 9 верстахъ отъ переправы, на берегу Джаманъ-Дарьи, возвышался значительный старинный курганъ Меде; 5-ю верстами далѣе отдѣлялась отъ Джаманъ-Дарьи Куванъ-Дарья, а пройдя еще 4 версты отрядъ остановился на ночлегъ на берегу Куванъ-Дарьи у кургана, на которомъ находились развалины коканской крѣпостцы Кулъ-ике, брошенной, какъ говорили киргизы, лѣтъ 15 тому назадъ.

13-го августа отрядъ, слѣдуя вдоль лѣваго берега Куванъ-Дарьи и пройдя 10 верстъ, остановился на привалъ около двухъ обширныхъ кургановъ Косъ-асиръ, обнесенныхъ рвомъ и усѣянныхъ обломками черепицъ. Затѣмъ, пройдя еще 15 верстъ, прибылъ въ Кумышъ-курганъ.

Первое письмо къ Перовскому.

14-го августа капитанъ-лейтенантъ Ивашинцевъ, слѣдовавшій съ отрядомъ до Кумышъ-кургана, для опредѣленія астрономическаго положенія этого мѣста, отправлялся, чрезъ Карманчу, Казалу и Аральскъ на линію, и я отправилъ съ нимъ первое письмо къ корпусному командиру слѣдующаго содержанія:

„По отъѣздѣ Вашего Высокопревосходительства изъ-подъ Акъ-мечети, я занялся составленіемъ плана и разбивкою временнаго лагеря для остающихся тамъ войскъ, размѣщеніемъ ихъ и разстановкою отдѣльныхъ постовъ въ окрестностяхъ укрѣпленія“.

„Лагерь расположенъ между крѣпостью и большою канавою, въ каре котораго каждый бокъ имѣетъ 110 саженъ. На двухъ противоположныхъ углахъ поставлена артилерія, а на двухъ другихъ должны быть люнеты, составленные, одинъ изъ склада провіанта, а другой изъ склада лѣсныхъ матеріаловъ и другого казеннаго имущества. Пороховой погребъ устроенъ на пригоркѣ внутри каре, на мѣстѣ совершенно безопасномъ".

„Наблюдательные посты выставлены, согласно приказанію Вашего Высокопревосходительства, на Беръ-казанскомъ протокѣ, на Бишь-арны и на переправѣ черезъ рѣку Сыръ. Послѣдній постъ расположенъ, въ 12 верстахъ отъ укрѣпленія, на высотѣ Кубасъ на лѣвомъ берегу рѣки, съ тѣмъ, чтобы могъ наблюдать за рѣкою Яны-Дарьею. Затѣмъ, постъ около разрушенной плотины Кара-бугутъ въ настоящемъ случаѣ можетъ быть, по моему мнѣнію, не занятъ, чрезъ что сохранится нѣсколько отъ раздробленія весьма незначительная Акъ-мечетская кавалерія".

„Планъ лагеря и подробности о постахъ, о дорогахъ къ нимъ и о прочемъ буду имѣть честь представить Вашему Высокопревосходительству по возвращеніи моемъ въ Оренбургъ".

„11-го августа Кумышъ-курганскій отрядъ выступилъ изъ подъ Акъ-мечети и прибылъ къ мѣсту своего назначенія 13-го. Мѣста по лѣвому берегу рѣки Сыра хорошія; земля, во многихъ мѣстахъ черноземная, покрыта травою и камышемъ; есть и кустарники—гребенщикъ и джида. Дорога, если разработается, будетъ очень хороша и едва ли не кратчайшая къ Кошъ-кургану, потому что отъ Акъ-мечети до Кумышъ-кургана никакъ не больше 60 верстъ".

„Мы нашли Кумышъ-курганъ [1]) полуразрушеннымъ: башни и верхнія стѣнки обвалились, внутренность укрѣпленія и ворота завалены обломками саклей; внѣ крѣпости на ружейный выстрѣлъ весьма много широкихъ и глубокихъ канавъ и ямъ разной величины. Въ окрестностяхъ укрѣпленія кочуетъ не болѣе 30 кибитокъ самыхъ бѣдныхъ игенчей. Всѣ они просятся къ намъ въ работу за самую умѣренную цѣну (по 10 копѣекъ серебромъ въ сутки). Наемъ ихъ былъ бы весьма полезенъ при значительности

[1]) См. чертежъ 2.

предстоящихъ работъ и позднемъ времени года; но, къ сожалѣнію, маіоръ Баженовъ не имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи никакихъ казенныхъ суммъ".

„Я полагаю распредѣлить работы слѣдующимъ образомъ: казаки (до 20 человѣкъ) займутся сѣнокошеніемъ (трава въ окрестностяхъ Кумышъ-кургана порядочная) и потомъ, если будетъ время, заготовленіемъ на зиму топлива, за которымъ придется ѣздить верстъ за 10, а пѣхота (до 40 человѣкъ)—приведеніемъ укрѣпленія въ оборонительное положеніе и потомъ, также если останется время и если доставятся сюда рамы со стеклами, двери и вообще лѣсные и желѣзные матеріалы и прочее, постройкою помѣщенія для гарнизона. Иначе необходимо доставить сюда своевременно изъ Акъ-мечети желѣзныя печи, кибитки и кошмы, послѣднія и теперь были бы нужны для сохраненія здоровья людей: 12-го и 13-го августа, во время нашего пути къ Кумышъ-кургану, шелъ весьма сильный дождь и теперь погода стоитъ довольно сырая".

Пребываніе въ Кумышъ-курганѣ.

Тихо и уединенно, послѣ акъ-мечетской суеты, провелъ я три недѣли въ Кумышъ-курганѣ, съ утра до вечера на работахъ въ укрѣпленіи и около. Все общество въ Курганѣ состояло изъ трехъ лицъ: маіора Баженова, медика Круневича и меня. Маіоръ Баженовъ былъ добрѣйшій человѣкъ, но вѣчно недовольный обстановкою и судьбою. Всегда онъ на что-нибудь жаловался и успокаивался только, когда вызовешь его на прочтеніе нѣсколькихъ изъ множества извѣстныхъ ему стихотвореній. Поэзія облегчала ему тяжесть одинокой, неуютной жизни въ глуши. Разсказы его о своихъ неудачахъ были иногда весьма комичны. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Послѣднее время осады Акъ-мечети я провелъ въ траншеяхъ. Разъ вечеромъ, утомленный, прохожу мимо Хрулева и вижу, что ему принесли изъ кухни корпуснаго командира ужинъ и нѣсколько бутылокъ вина. Хрулевъ приказалъ раскупорить бутылку портеру, а я до страсти люблю портеръ. Не вытерпѣлъ, подхожу къ нему и говорю: Ваше Превосходительство, позвольте и мнѣ стаканчикъ портеру, и уже протягиваю руку. А Хрулевъ какъ вскрикнетъ: „какъ вы смѣете просить портеръ

у генерала". Я отскочилъ, скрылся въ траншеяхъ и съ тѣхъ поръ далъ себѣ слово никогда ничего не просить у генераловъ и быть отъ нихъ подальше... Впрочемъ, продолжалъ онъ послѣ небольшой остановки, и тутъ есть свои неудобства. Вотъ я не попросилъ Падурова, онъ и далъ въ мой маленькій отрядикъ четырехъ огромныхъ воловъ въ мясную порцію, чуть ли не на полгода. Теперь мы и сидимъ безъ мяса, любуясь волами. А все оттого, что не попросилъ генерала". На этотъ разъ, однако, если бы онъ и попросилъ, то получилъ бы такой же отвѣтъ, какъ и отъ Хрулева, потому что барановъ негдѣ было взять, ихъ не заготовилъ подрядчикъ. А мы дѣйствительно сильно нуждались въ мясѣ и не могли достать его нигдѣ. Окрестные киргизы, въ числѣ около 30 кибитокъ, были до того бѣдны, что не имѣли ни одного барана; во всемъ аулѣ было только четыре козы. Хлѣба у киргизъ также не было ни горсти и они питались одними разваренными дынными корками. Когда мы пришли, они просили у насъ изъ милости хлѣба и работы. Не имѣя съ собою никакихъ суммъ, я послалъ въ Акъ-мечеть нарочнаго къ Падурову съ просьбою разрѣшить мнѣ нанимать киргизъ на работу и онъ позволилъ, но назначилъ только по 25 копѣекъ ассигнаціями въ сутки. Затѣмъ мнѣ удалось убѣдить Баженова выдавать, на мой страхъ, отъ 15 до 20 рабочимъ киргизамъ, ежедневно, хотя по десяти фунтовъ муки. Не смотря на такую скудную помощь, киргизы считали себя облагодѣтельствованными и работали чрезвычайно усердно.

Второе письмо къ Перовскому.

28-го августа я отправилъ второе письмо къ корпусному командиру слѣдующаго содержанія:

„Для приведенія Кумышъ-курганскаго укрѣпленія въ оборонительное положеніе, оказалось необходимымъ произвести на первый разъ слѣдующія работы:

А) Въ самомъ укрѣпленіи,—

1) расчистить и сравнять внутренность укрѣпленія;

2) исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны и выложить на всѣхъ фасахъ и башняхъ верхнія стѣнки высотою въ $4^1/_2$ фута;

3) выложить и насыпать почти вновь юго-восточную башню, разрушенную въ прошломъ году миною;

4) обложить внутренность юго-западной пустой башни новою стѣнкою, устроить потолокъ изъ деревянныхъ перекладинъ, камышевыхъ матъ и земли, и срѣзать верхушку башни, образовавъ такимъ образомъ изъ нея два этажа, съ тѣмъ, чтобы внизу былъ пороховой погребъ, а верхній этажъ служилъ для обороны;

5) исправить сѣверо-западную башню, приноровивъ ее для помѣщенія орудія и присыпавъ къ ней апарель;

6) исправить разсыпавшійся траверзъ и стѣны около входа въ укрѣпленіе;

7) устроить ворота и надъ ними крышу, дабы не было препятствія для сообщенія по всему сѣверному фасу;

8) исправить земляныя лѣсенки на банкетъ сѣвернаго фаса и устроить новую на юго-восточную башню.

В) Внѣ укрѣпленія,—

1) расчистить и сравнять пространство между стѣнами укрѣпленія и первымъ рвомъ;

2) расчистить первый ровъ;

3) эскарпъ второго рва срѣзать нанѣтъ и сравнять пространство между имъ и другими рвами;

4) третій ровъ засыпать или срѣзать его эскарпъ также нанѣтъ.

Для работъ внутри укрѣпленія употребляется пѣхота, которая занимается также дѣланіемъ воздушнаго кирпича (сдѣлано 5 т. штукъ) и кладкою печей за укрѣпленіемъ, для печенія хлѣбовъ и варки пищи. Казаки занимаются сѣнокошеніемъ (накошено 2 т. пудовъ). Внѣ укрѣпленія работаетъ ежедневно съ 20-го числа отъ 15 до 20 киргизъ, нанятыхъ, съ разрѣшенія генерала Падурова, по 25 копѣекъ ассигнаціями въ сутки".

„По 29-е августа половина работъ по приведенію укрѣпленія въ оборонительное положеніе уже окончена, такъ что около 10-го сентября я надѣюсь, что можно будетъ перевести туда гарнизонъ, расположенный теперь лагеремъ за третьей канавой. Остановка въ работѣ можетъ произойти только при отдѣлкѣ юго-восточной башни и воротъ, по совершенному неимѣнію здѣсь ни-

какихъ лѣсныхъ матеріаловъ. Недостатокъ лѣса и неимѣніе свѣдѣнія будетъ ли онъ доставленъ сюда къ зимѣ, или нѣтъ, препятствуютъ также составленію какихъ-либо соображеній на счетъ зимняго помѣщенія людей. Во всякомъ случаѣ нынѣшнею осенью нельзя успѣть построить казармы, и люди помѣстятся, вѣроятно, въ кибиткахъ. Если же изъ Акъ-мечети пришлютъ сюда нѣсколько лѣсу, хотя мелкаго, о чемъ я просилъ подполковника Іонея, то могутъ, кромѣ того, отдѣлать для временного жилья оставленныя на этотъ предметъ неразрушенными четыре сакли безъ потолковъ и прибавить къ нимъ, смотря по количеству лѣса, еще нѣсколько землянокъ".

„Порученіе Вашего Высокопревосходительства относительно указанія пунктовъ для постовъ въ окрестностяхъ Акъ-мечети, снабженія ихъ инструкціями и указанія, гдѣ и какъ должны быть исправлены дороги къ постамъ, я окончилъ; относительно же предстоящихъ рекогносцировокъ караузякскихъ разливовъ и Голодной степи и другія привожу къ окончанію. Подробные отчеты по всѣмъ этимъ предметамъ я буду имѣть честь представить Вашему Высокопревосходительству въ Оренбургѣ. По приведеніи Кумышъ-кургана въ оборонительное положеніе и по переводѣ туда людей, я намѣренъ отправиться въ Акъ-мечеть".

„21-го августа отъ Хаджи-Ніаза пріѣзжалъ сюда киргизъ узнать, есть ли въ Кумышъ-курганѣ русскіе, и сказалъ, что лишь только Хаджи-Ніазъ узнаетъ, что есть, то пришлетъ къ намъ настоящихъ посланцевъ и купцовъ съ товарами. Дѣйствительно, 24-го числа пріѣхалъ къ намъ братъ Хаджи-Ніаза Магомедъ-Латипъ съ двумя письмами, одно къ маіору Баженову, а другое къ Осмоловскому. Магомедъ-Латипъ, человѣкъ лѣтъ 50, съ весьма умнымъ и пріятнымъ лицомъ, говоритъ плавно, ясно, отвѣчаетъ на всѣ вопросы безъ видимой недовѣрчивости. Видно, что взятіе Акъ-мечети сильно подѣйствовало на Хаджи-Ніаза. „Братъ мой и я", говорилъ Магомедъ-Латипъ, теперь все равно, что русскіе подданные. Мы это понимаемъ и искренно желаемъ жить съ вами въ мирѣ и дружбѣ. Нужно вамъ что нибудь, присылайте къ намъ своихъ людей безъ взякаго опасенія, мы исполнимъ всѣ ваши требованія, пришлемъ купцовъ съ товарами и

если понадобится, дадимъ войско противъ коканцевъ. За товарами мы уже послали въ Хиву и ждемъ ихъ дней черезъ двадцать. Братъ мой очень жалѣетъ, что не зналъ о пребываніи генералъ-губернатора на Сыръ-Дарьѣ, а то бы онъ непремѣнно явился къ нему самъ". Выражая подобнымъ образомъ преданность свою русскимъ, хивинцы не забыли, однако, о своихъ собственныхъ интересахъ. Магомедъ-Латипъ просилъ, чтобы русскіе не препятствовали киргизамъ кочевать около Хаджи-Ніазовской крѣпости и не задерживали теченіе рѣки Яны-Дарьи".

„Ѣхать въ Акъ-мечеть Магомедъ-Латипъ не желалъ, отзываясь разными предлогами, хотя и изъявлялъ сильное желаніе видѣть Осмоловскаго, а между тѣмъ, въ Кумышъ-курганѣ, по неимѣнію переводчика, мы не могли ни прочитать письма, ни поговорить порядочно съ посланцами. Я немедленно же послалъ киргиза съ запискою къ Осмоловскому просить его пріѣхать въ Кумышъ-курганъ, если только это не можетъ уронить его достоинства въ глазахъ азіятцевъ. Посланный возвратился вечеромъ 26-го числа съ извѣстіемъ, что Осмоловскій пріѣхать не можетъ, по причинѣ обилія занятій, и что на русскій отрядъ въ 150 человѣкъ нападало у Беръ-Казаны до 15 т. коканцевъ, но что коканцы были разбиты и бѣжали, бросивъ на полѣ битвы всѣ пушки, а русскіе пошли ихъ преслѣдовать. Я не счелъ нужнымъ скрывать этого извѣстія отъ Магомедъ-Латипа. На другой день утромъ онъ уѣхалъ, весьма довольный нашимъ гостепріимствомъ".

Пріемъ посольства отъ Хаджи-Ніаза.

Къ этимъ свѣдѣніямъ о посольствѣ отъ Хаджи-Ніаза, правителя сыръ-дарьинскихъ киргизъ, которые оставались еще подвластными Хивѣ, прибавлю еще нѣсколько словъ. Мѣсто, гдѣ жилъ Хаджи-Ніазъ на Куванъ-Дарьѣ, хотя и находилось верстахъ въ 60 отъ Кумышъ-кургана, но было совершенно намъ неизвѣстно. Пользуясь любезнымъ посольствомъ сосѣда, мнѣ хотѣлось сдѣлать ему визитъ и осмотрѣть мѣста по Кувану, окрестныя Хаджи-Ніазовскому укрѣпленію, и поприсмотрѣться къ отношеніямъ между сыръ-дарьинскими хивинцами и киргизами. Съ этою цѣлью

я убѣдительно просилъ Осмоловскаго пріѣхать въ Кумышъ-курганъ посовѣтоваться, или по крайней мѣрѣ прислать ко мнѣ отвѣты на хивинскія письма, сообщивъ ихъ содержаніе, и вмѣстѣ съ ними хорошаго переводчика, съ которымъ бы я могъ отправиться къ Хаджи-Ніазу. Но Осмоловскій отказался удовлетворить мое желаніе, какъ потому, что дѣйствительно былъ въ это время очень занятъ, успокаивая киргизъ, взволновавшихся по поводу столкновенія русскихъ съ коканцами, такъ и потому, что не уполномоченъ генералъ-губернаторомъ вести дипломатическія сношенія съ сосѣдями и не можетъ помогать мнѣ въ этомъ отношеніи. Хотя я намѣренъ былъ придать своимъ сношеніямъ съ хивинцами характеръ вовсе не оффиціальный, а простой сосѣдской любезности, однако, безъ содѣйствія Осмоловскаго, не могъ ихъ продолжать и принужденъ былъ отказаться отъ задуманной мною въ то время весьма интересной поѣздки.

Въ ожиданіи отвѣта отъ Осмоловскаго, Магомедъ-Латипъ прожилъ трое сутокъ. Для угощенія его былъ принятъ быкъ, но на другой день мясо начало уже портиться и насъ вывели изъ затрудненія киргизы, пожертвовавъ одну изъ оставшихся у нихъ четырехъ козъ. Придумываніе увеселеній для гостя было еще болѣе затруднительно, чѣмъ устройство угощеній. Въ первый день я показывалъ ему нашу маленькую крѣпость, разсказывая по сколько пушекъ будетъ стоять на каждой башнѣ, тогда какъ у насъ всего было одно маленькое орудіе, а на другой день устроилъ катанье на лодкѣ по Куванъ-Дарьѣ съ пѣснями и этимъ программа развлеченій была истощена; но, къ счастію, на третій день вечеромъ, когда Магомедъ-Латипъ пилъ у меня чай въ шалашѣ, искусно сдѣланномъ изъ камыша, полученъ былъ давно ожидаемый отвѣтъ отъ Осмоловскаго. Прочитавъ письмо, я спокойно объявилъ Магомедъ-Латипу, что начальникъ сыръ-дарьинскихъ киргизъ извиняется, что въ настоящее время, по обилію занятій, не можетъ отвѣтить на дружеское письмо Хаджа-Ніаза. Третьяго дня отрядъ нашъ разбилъ около Беръ-казаны 15 тысячъ коканцевъ, забралъ у нихъ всѣ пушки и отправился преслѣдовать бѣжавшаго непріятеля. Подробности о сраженіи, прибавилъ я, еще неизвѣстны; но, вѣроятно, киргизъ, пріѣхавшій съ письмомъ,

слышалъ о нихъ что-нибудь въ Акъ-мечети, и приказалъ киргизу разсказывать, что онъ знаетъ о сраженіи. Поступая такъ, я не рисковалъ ничѣмъ, зная хорошо, что киргизъ скорѣе преувеличитъ побѣду, чѣмъ ослабитъ ее, а между тѣмъ не давалъ Магомедъ-Латипу малѣйшаго повода заподозрить меня въ утайкѣ, или умышленно невѣрной передачи извѣстій. Во время довольно продолжительнаго разсказа киргиза въ азіятскомъ вкусѣ, я внимательно слѣдилъ за физіономіею посланца и не замѣтилъ въ ней никакой перемѣны, никакихъ признаковъ удивленія или замѣшательства. Въ извѣстныхъ случаяхъ азіятцы поразительно умѣютъ владѣть собою! Магомедъ-Латипъ съ чувствомъ поздравилъ меня съ побѣдою и весьма просто, естественно продолжалъ бесѣду, какъ будто ничего непріятнаго для него не случилось. Между тѣмъ онъ былъ очень уменъ и прекрасно понималъ, что за изгнаніемъ коканцевъ съ низовьевъ Сыръ-Дарьи, и ему съ братомъ нельзя будетъ оставаться въ этомъ краѣ и наживать богатства на счетъ киргизъ и бухарскихъ каравановъ.

Дѣло съ коканцами 24 августа.

Дѣло съ коканцами, какъ разъяснилось потомъ, происходило такъ: 20 августа, вслѣдствіе вторично распространившихся слуховъ о приближеніи коканцевъ, подъ начальствомъ ташкентскаго правителя Садбанъ-хаджи, для отбитія потеряннаго ими края, изъ Акъ-мечети былъ выставленъ на Беръ-казанѣ отрядъ въ 150 казаковъ, подъ начальствомъ войскового старшины Уральскаго казачьяго войска Бородина, а 21-го—усиленъ еще 120 человѣками пѣхоты. При отрядѣ было три единорога, одинъ $^1/_4$ пудовой и два 3-хъ фунтовые. 24-го августа въ 5 часовъ утра Бородинъ, получивъ извѣстіе, что коканцы находятся на урочищѣ Кумъ-суатъ, въ 15 верстахъ выше Беръ-казаны, двинулся впередъ. Авангардъ встрѣтилъ человѣкъ двѣсти коканцевъ, занимавшихъ среди саксауловаго лѣса небольшое открытое мѣсто на берегу Сыра, бросился на нихъ вмѣстѣ съ нѣсколькими киргизами батыря Бухарбая и сбилъ, взявъ въ плѣнъ одного раненаго; затѣмъ, давъ знать Бородину о встрѣчѣ съ непріятелемъ, удержалъ позицію до прихода отряда, не смотря на двукратный

*

натискъ коканцевъ, число которыхъ безпрестанно увеличивалось. Прибывъ на позицію, Бородинъ занялъ отрядомъ открытое пространство на берегу Сыра, имѣвшее версту въ окружности, размѣстилъ войска цѣпью и поставилъ орудія на небольшую высоту. Коканцы, въ числѣ около 7 тысячъ человѣкъ, среди которыхъ было до 300 кольчужниковъ, съ крикомъ, трубными звуками и барабаннымъ боемъ, бросились въ атаку съ фронта, но были встрѣчены на самомъ близкомъ разстояніи картечью и ружейнымъ огнемъ и отброшены. Съ 11 часовъ утра до сумерокъ коканцы обстрѣливали отрядъ ружейнымъ огнемъ, изъ трехъ бывшихъ при нихъ пушекъ и безпрестанно повторяли атаки со всѣхъ сторонъ, а кольчужники вступали даже въ рукопашный бой съ солдатами и казаками; но не смотря на это отрядъ удержалъ за собою позицію, потерявъ въ теченіе дня 5 человѣкъ убитыми, а ранено было 2 офицера и 19 нижнихъ чиновъ. Въ сумерки, когда перестрѣлка и атаки прекратились, Бородинъ стянулъ отрядъ къ берегу Сыра, на пространство только около 170 саженъ въ окружности, и въ теченіе ночи прикрылъ новую позицію рвомъ и заваломъ, а въ Акъ-мечеть послалъ за помощью трехъ киргизъ, нанятыхъ за 50 рублей, и двухъ казаковъ черезъ рѣку вплавь. 25 августа съ разсвѣтомъ коканцы отступили. Бородинъ послалъ за ними казаковъ и киргизъ, а присоединивъ къ себѣ около полудня подкрѣпленіе изъ Акъ-мечети, отправилъ раненыхъ назадъ и двинулся самъ. 26 августа, дойдя до Сыры-чаганака, верстахъ въ 70 отъ Акъ-мечети и 55 отъ Джулека, и встрѣтя уже на дорогѣ 235 тѣлъ, брошенныхъ коканцами, Бородинъ получилъ извѣстіе, что они, не останавливаясь въ Джулекѣ, прослѣдовали далѣе, везя съ собою убитыхъ и раненыхъ на 96 верблюдахъ. Удостовѣрясь, такимъ образомъ, въ полномъ пораженіи коканцевъ, Бородинъ вернулся съ отрядомъ въ Акъ-мечеть 29 августа. За дѣло 24 августа при Кумъ-суатѣ Государю Императору благоугодно было пожаловать начальнику дѣйствовавшаго противъ коканскаго отряда Уральскаго казачьяго войска войсковому старшинѣ Бородину чинъ подполковника и нижнимъ чинамъ шесть знаковъ отличія военнаго ордена, а объ офицерахъ корпусный командиръ вошелъ съ особымъ ходатайствомъ.

Поѣздка въ Акъ-мечеть.

3-го сентября работы по приведенію Кумышъ-кургана въ оборонительное положеніе были настолько окончены, что въ него можно было перевести войска, а 4-го числа я отправился въ Акъ-мечеть и такъ какъ извѣстія о состояніи тамошняго лазарета, по случаю продолжавшейся болѣзни Любомудрова, были неутѣшительны, то я взялъ съ собою Круневича. Но по поводу его у меня опять произошло маленькое столкновеніе. Едва пріѣхалъ я въ Акъ-мечеть и расположился въ кибиткѣ Осмоловскаго, какъ услышалъ голосъ Іонея, распекающаго Круневича за то, что онъ осмѣлился пріѣхать въ Акъ-мечеть безъ его позволенія. Я тотчасъ вышелъ изъ кибитки и объяснилъ Іонею, что Круневичъ пріѣхалъ по моему приказанію и что если пріѣздъ его составляетъ преступленіе, то виноватъ не онъ, а я. Іоней тотчасъ же перемѣнилъ тонъ изъ грознаго на самый любезный и позволилъ Круневичу осмотрѣть лазаретъ и дать наставленія фельдшеру.

5-го и 6-го сентября я оканчивалъ письменныя дѣла въ Акъ-мечети, въ особенности относящіяся до съемокъ, а 7-го отправился вмѣстѣ съ Осмоловскимъ и нѣсколькими киргизами къ истокамъ Яны-Дарьи, гдѣ находились, какъ мнѣ было извѣстно по личной рекогносцировкѣ 11-го августа, остатки нѣсколькихъ плотинъ, существовавшихъ въ разное время. Хотя я не раздѣлялъ мнѣнія Перовскаго о пользѣ устройства плотины на Яны-Дарьѣ, но считалъ себя обязаннымъ добросовѣстно исполнить возложенное имъ на меня порученіе, указавъ такое мѣсто для плотины, которое бы обезпечивало ея прочность и удовлетворяло той цѣли, для которой она предполагалась.

По моему глубокому убѣжденію, это мѣсто было одно, именно при самомъ выходѣ Яны-Дарьи изъ Сыра. Плотина, устроенная на всякомъ другомъ мѣстѣ теченія рѣки Яны-Дарьи, была бы подвержена большому напору воды и могла бы быть прорвана скорѣе. Но устройство плотины при выходѣ требовало большихъ работъ. Яны-Дарья имѣетъ здѣсь около 40 саженъ ширины, отъ 1 до 2 футовъ глубины и грунтъ дна вязкій. Кромѣ того, независимо отъ огражденія русла, необходимо было провести въ обѣ стороны отъ него гати, по крайней мѣрѣ на версту, для удер-

жанія сыръ-дарьинской воды отъ разливовъ по низменнымъ берегамъ. Не смотря однако на всѣ затрудненія, я избралъ, для устройства плотины, именно это мѣсто, какъ единственно надежное, и желалъ показать его Осмоловскому. Дорогою киргизы увлекли насъ соколиною охотою на фазановъ, которую я видѣлъ въ первый разъ въ жизни; впрочемъ, у нихъ былъ не соколъ, а беркутъ, который хваталъ не только фазановъ, но и большихъ зайцевъ. Киргизы кружили насъ, сначала по сухимъ мѣстамъ, а потомъ по мокрымъ камышамъ цѣлый день, и привели обратно къ укрѣпленію уже послѣ заката солнца, оправдываясь, что они не виноваты, если мѣста, которыя были въ прошломъ году сухи, теперь обратились въ болота, неудобныя для проѣзда, но оправданія ихъ, при повсемѣстной тогда убыли воды, были неправдоподобны. Что побуждало киргизъ уклоняться отъ указанія дороги отъ Акъ-мечети къ плотинѣ, не знаю, но вѣроятно это происходило отъ неувѣренности ихъ въ прочномъ пребываніи русскихъ въ краѣ и изъ боязни коканцевъ. На другой день, 8-го сентября, мы вторично отправились на Яны-Дарью и уже безъ охоты. Достигнувъ истока ея, я сдѣлалъ измѣренія и чертежъ остаткамъ существовавшей здѣсь прежде плотины (чертежъ 3) и окончательно указавъ это именно мѣсто для возстановленія плотины, простился съ Осмоловскимъ и уѣхалъ въ Кумышъ-курганъ.

Воспоминаніе объ Осмоловскомъ.

Осипъ Яковлевичъ Бончъ-Осмоловскій принадлежалъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ и симпатичныхъ дѣятелей въ Оренбургской киргизской степи. Окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ, онъ состоялъ на службѣ чиновникомъ Азіятскаго департамента Министерства Иностранныхъ дѣлъ при Оренбургской Пограничной комисіи. Здѣсь, пользуясь частыми служебными командировками въ степь, онъ отлично изучилъ киргизскій народъ и не имѣя затѣмъ постоянныхъ опредѣленныхъ занятій, посвящалъ свой досугъ въ Оренбургѣ ученымъ трудамъ. Осмоловскій составилъ между прочимъ прекрасный сборникъ юридическихъ обычаевъ киргизъ, съ коментаріями, и представилъ его по начальству, но этотъ замѣча-

тельный трудъ остается до сихъ поръ погребеннымъ въ архивѣ. Въ 1852 году, состоя при отрядѣ Бларамберга, онъ собралъ весьма полныя и любопытныя свѣдѣнія о коканскомъ владычествѣ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи; а въ 1853 году Перовскій назначилъ его начальникомъ сыръ-дарьинскихъ киргизъ. Здѣсь представлялся широкій просторъ для приложенія къ дѣлу его блестящихъ способностей, соединенныхъ съ свѣтлымъ умомъ, обширными свѣдѣніями и чрезвычайно добрымъ и гуманнымъ сердцемъ; но онъ остался мало замѣченнымъ свыше, вслѣдствіе своей нѣсколько излишней скромности и недостатка практической предпріимчивости, иниціативы; зато снизу, подчиненные его обожали за безукоризненную честность и справедливость. Физическіе недостатки Осмоловскаго, состоящіе въ искривленномъ лицѣ и склонившейся на бокъ головѣ, были по всей вѣроятности причиною недостатка въ немъ самоувѣренности, но они, можетъ быть, и развили въ немъ многія прекрасныя нравственныя качества. Безкорыстіе Осмоловскаго доходило до непонятныхъ для азіятцевъ размѣровъ: онъ не только не бралъ отъ киргизъ никогда никакихъ подарковъ, но самъ помогалъ имъ изъ своего небольшого содержанія и платилъ вдвое и втрое, въ сравненіи съ другими, за каждую принесенную ему дыню. Сначала это ставило киргизъ въ совершенный тупикъ и они начали было пробовать разные способы, чтобы напасть на слабую струну своего начальника, но вскорѣ убѣдились, что всѣ ихъ ухитренія напрасны. Осмоловскій далъ благотворный толчекъ понятіямъ киргизъ не однимъ безкорыстіемъ, но также безпристрастною справедливостію при рѣшеніи ихъ дѣлъ. Первый случай его суда произвелъ сильное впечатлѣніе на окрестныхъ киргизъ и съ тѣхъ поръ они постоянно обращались къ нему во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ. Вотъ этотъ случай.

Вскорѣ послѣ взятія Акъ-мечети пришла къ нему киргизская дѣвушка, лѣтъ 14, съ просьбою вступиться за нее. Она была сирота, воспитывалась у муллы въ Акъ-мечети и когда крѣпость была взята русскими и плѣнныя женщины распущены по домамъ, не знала куда ей преклонить голову. Нашлось однако нѣсколько дальнихъ родственниковъ, которые ее пріютили, а теперь оспа-

ривают ее между собою и каждый желает отдать замужъ и получить калымъ, но она не хочетъ выходить ни за одного изъ предлагаемыхъ ей женіховъ. Осмоловскій собралъ къ себѣ въ кибитку, кромѣ дѣвушки и ея родственниковъ, всѣхъ окрестныхъ біевъ и послѣ угощенія чаемъ предложилъ родственникамъ доказывать свои права на дѣвушку, а біямъ рѣшить, кому она должна принадлежать. Начались горячія пренія, продолжавшіеся нѣсколько часовъ; наконецъ біи, обратясь къ Осмоловскому сказали, что они не могутъ согласиться между собой и просятъ его рѣшить дѣло по своему усмотрѣнію. Родственники присоединились также къ этой просьбѣ. Тогда Осмоловскій началъ говорить: „дѣвушка осталась ребенкомъ послѣ отца и матери и никто изъ родственниковъ не взялъ ее къ себѣ, не содержалъ и не воспитывалъ, слѣдовательно не имѣетъ на нее ни малѣйшаго права. Заботы воспитанія до самаго совершеннолѣтія принялъ на себя человѣкъ посторонній, мулла, и еслибы онъ еще жилъ, ему одному принадлежало бы право располагать рукою воспитанницы“. Такъ, такъ, единогласно прокричали киргизы. „Но онъ погибъ, защищая Акъ-мечеть. Крѣпость была завоевана храбростью и кровью русскихъ и всѣ права на находящееся въ ней имущество и людей перешли къ нимъ. Они одни сдѣлались владѣльцами и господами Акъ-мечети и всего въ ней находившагося, слѣдовательно и дѣвушки“. Вѣрно! Справедливо! проговорили киргизы. „Понятно, однако“, продолжалъ Осмоловскій, „что дѣвушка, считаясь собственностью русскихъ, на самомъ дѣлѣ можетъ принадлежать только одному лицу, представителю ихъ, которымъ въ настоящемъ случаѣ являюсь передъ вами я“. Киргизы, родственники и біи съ восторгомъ шумѣли, „дѣвушка должна быть твоя“, а сама виновница процесса искоса и нѣсколько изумленно смотрѣла на Осмоловскаго, который продолжалъ: „И такъ, вы находите справедливымъ, чтобы дѣвушка принадлежала мнѣ, и я принимаю на себя право располагать ею по своему усмотрѣнію“. Киргизы опять прервали рѣчь радостными криками, думая вѣроятно, что наконецъ нашли слабую струнку своего начальника, но Осмоловскій обратился къ дѣвушкѣ съ окончаніемъ рѣчи: „право, данное мнѣ біями, я передаю тебѣ самой; ты можешь сама выбрать

себѣ жениха и получить калымъ въ свою пользу". Дѣвушка и киргизы были сначала изумлены, потомъ пришли въ истинный восторгъ и прославили Осмоловскаго новымъ Соломономъ. Къ сожалѣнію этотъ скромный, но въ высшей степени полезный дѣятель не долго прожилъ на Сыръ-Дарьѣ и сошелъ въ могилу въ молодыхъ еще годахъ.

Обратное слѣдованіе на линію.

9-го сентября я оставилъ Кумышъ-курганъ. Переправясь чрезъ Куванъ-Дарью или Чиргайлы на плашкотѣ и пройдя верстъ 20 по волнистой равнинѣ, пересѣченной канавами и отчасти покрытой кустарникомъ и камышемъ, я долженъ былъ вторично переправляться чрезъ Джаманъ-Дарью, около бывшаго коканскаго укрѣпленія Чимъ-курганъ, но уже безъ всякихъ искусственныхъ пособій. Рѣка имѣетъ въ этомъ мѣстѣ около 100 саженъ ширины и по берегамъ довольно мелка, но въ серединѣ, на протяженіи отъ 5 до 10 саженъ, глубина достигала до 2 аршинъ. Мы переправлялись верхомъ на лошадяхъ вплавь, а тарантасъ мой и телѣги съ вещами раздѣтые казаки перетащили на рукахъ. Въ глубокомъ мѣстѣ они поддерживали ихъ на водѣ, сами плывя около.

10-го сентября, сдѣлавъ верстъ 17, мы останавливались на привалъ около кургана Кукъ-тунды, на которомъ, по словамъ киргизъ, находилось во времена каракалпаковъ укрѣпленіе, ночевали на Джаманъ-Дарьѣ, а 11-го сентября достигли бывшаго коканскаго укрѣпленія Кошъ-курганъ и пройдя еще версты двѣ, переправились на бударѣ въ Кармакчинское укрѣпленіе, чрезъ Кара-узякъ, имѣющій здѣсь около 50 саженъ ширины. Дорога отъ Чимъ-кургана до Кармакчи, длиною въ 75 верстъ, пролегала по острову между Джаманъ-Дарьею и разливами Караузяка, имѣющему отъ 5 до 10 верстъ ширины. По прибрежью Джаманъ-Дарьи встрѣчались луговыя мѣста, а остальное пространство перерѣзано множествомъ оставленныхъ ирригаціонныхъ канавъ и покрыто въ изобиліи кустарникомъ. Отъ Акъ-мечети до Кармакчи по сѣверной окраинѣ Караузякскихъ разливовъ 190 верстъ, тогда какъ по южной окраинѣ всего 150, но зато на послѣднемъ пути представляются четыре большія переправы чрезъ Сыръ-Дарью у

Кубаса, Куванъ-Дарью у Кумышъ-кургана, Джаманъ-Дарью у Чимъ-кургана и Караузякъ у Кармакчи. Впослѣдствіи дорога отъ Акъ-мечети сократилась еще болѣе, установясь чрезъ Кубасъ (переправа черезъ Сыръ), Куль-Ике (переправа черезъ Куванъ) и по лѣвому берегу Джаманъ-Дарьи въ Кармакчи (переправа черезъ Сыръ).

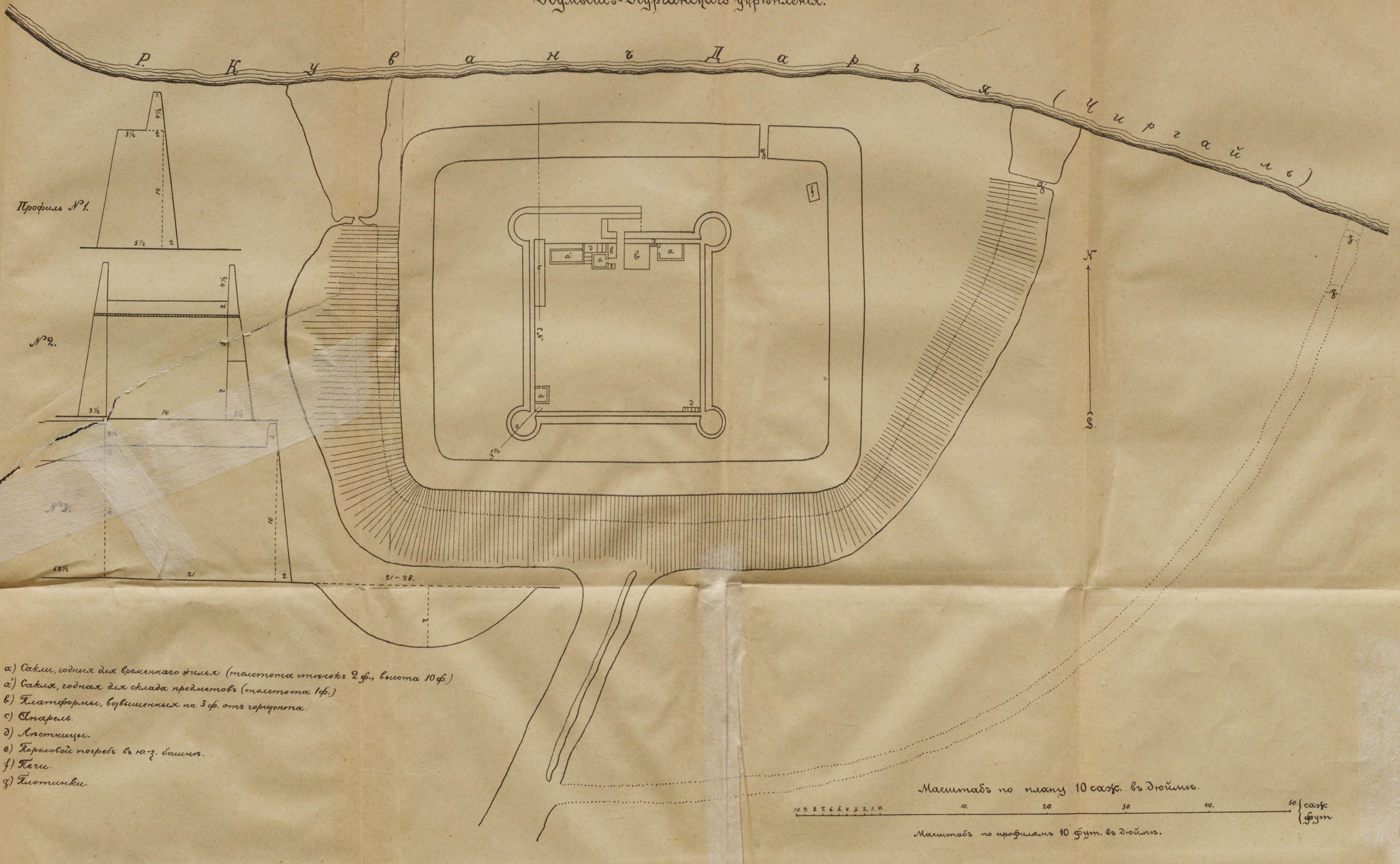
Отъ Акъ-мечети до Орска слишкомъ 1000 верстъ я сдѣлалъ съ небольшимъ въ мѣсяцъ. Конвой мой состоялъ изъ 5 казаковъ, но изъ попутныхъ укрѣпленій ко мнѣ присоединялись по одиночкѣ разныя лица, возвращавшіяся на линію, такъ что всего набралось до 20 человѣкъ и при нихъ до 30 лошадей и пять подводъ.

6-го октября насъ засталъ въ степи сильный буранъ. Пройдя 20 верстъ, я хотѣлъ было остановиться покормить лошадей на рѣчкѣ Яманъ-кайраклы, но лошади пугались, дрожали и ничего не ѣли, и я рѣшился, не останавливаясь, идти въ Карабутакъ, до котораго оставалось 32 версты. Разсчитывая, что мы можемъ добраться туда не ранѣе полуночи и что при буранѣ и особенно съ наступленіемъ темноты можемъ потерять дорогу, я послалъ впередъ киргиза предувѣдомить начальника форта о нашемъ прибытіи и просилъ заготовить для насъ теплыя квартиры и повѣсить на башни фонари или зажечь смолу. Дѣйствительно мы прибыли въ фортъ уже за полночь. Верховые люди до того перемерзли, что не могли сами слѣзть и ихъ стаскивали съ лошадей. На другой день утромъ къ начальнику форта, у котораго я остановился, пришли съ докладомъ, что ночью замерзло на дворахъ нѣсколько мелкихъ штукъ скота и почти всѣ куры. Степь была покрыта снѣгомъ и буранъ продолжался. Скрываясь отъ бурана, въ фортъ прибылъ киргизскій султанъ, который только что женился и везъ къ себѣ въ аулъ, находившійся около Орска, свою молодую жену, въ сопровожденіи ея брата, тоже султана, и работника. Онъ явился ко мнѣ и просилъ позволенія присоединиться къ моей партіи, такъ какъ въ осеннее время въ степи встрѣчаются барантовщики и онъ боится продолжать путь особнякомъ. 8-го октября буранъ утихъ, хотя стужа продолжалась, и мы выступили. Партія моя шла обычнымъ порядкомъ въ кучкѣ,

Планъ

Кумышъ-Курганскаго укрѣпленія.

Чертежъ 2 къ стр. 236.

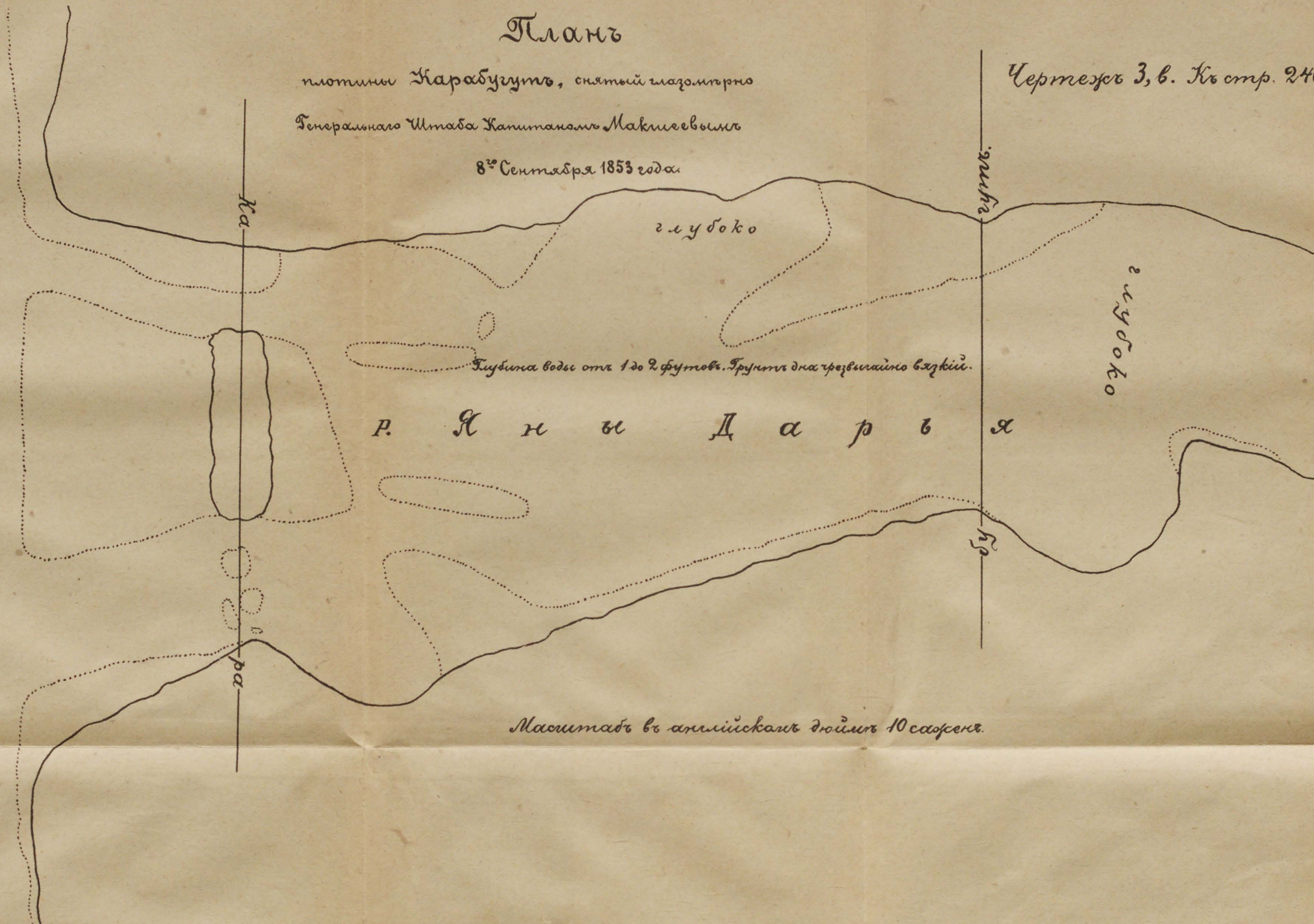


а) Сакли, годныя для временнаго жилья (толстота стѣнокъ 2 ф., высота 10 ф.)
а') Сакля, годная для склада предметовъ (толстота 1 ф.)
в) Платформы, возвышенныя на 3 ф. отъ горизонта.
c) Апарель.
д) Лѣстницы.
е) Пороховой погребъ въ ю.-з. башнѣ.
f) Печи.
ɀ) Плотинки.

План

плотины Карабугутъ, снятый глазомѣрно Генеральнаго Штаба Капитаномъ Макшеевымъ 8го Сентября 1853 года.

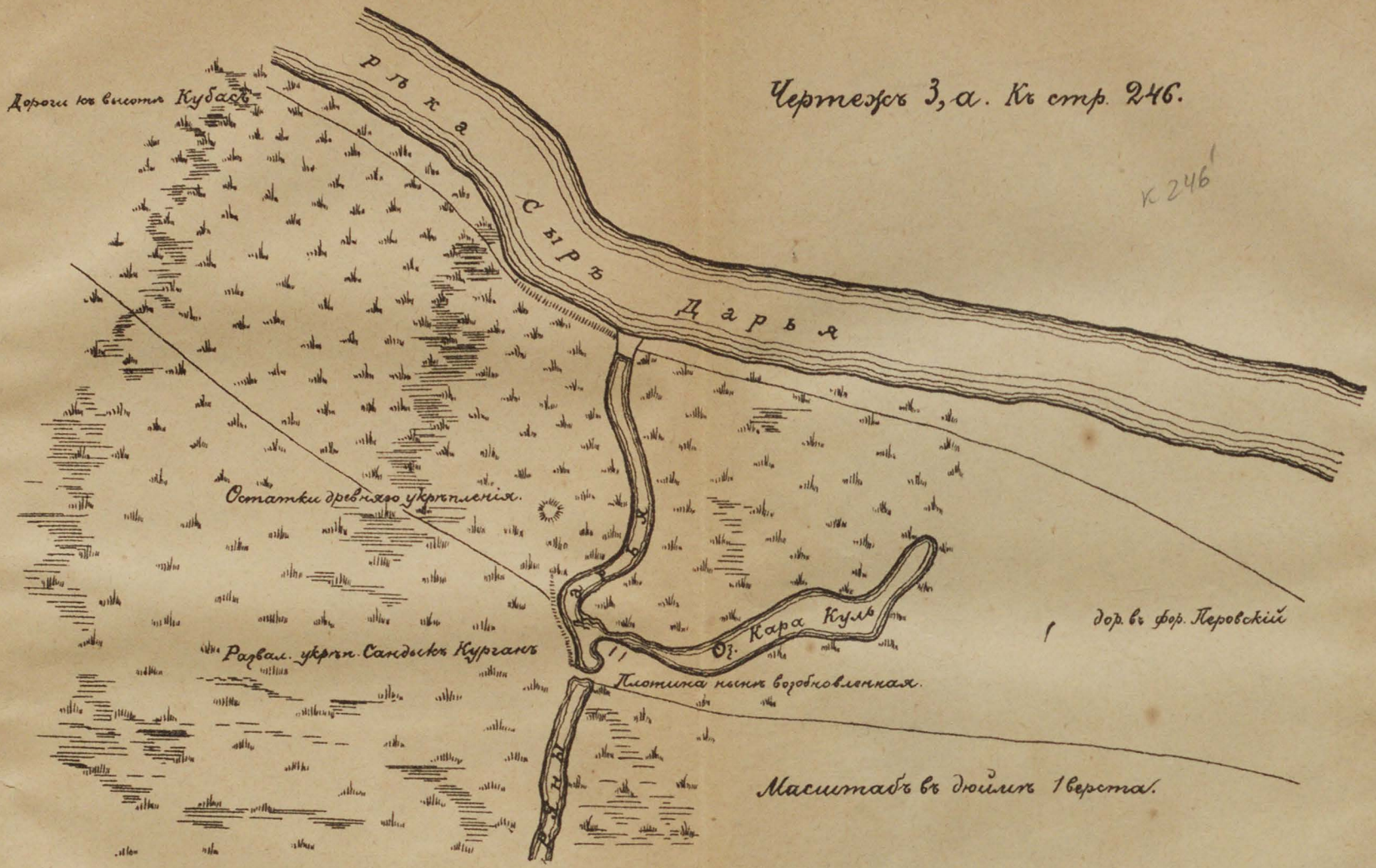
Чертежъ 3, в. Къ стр. 246.



Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ 10 саженъ.

Чертежъ 3, а. Къ стр. 246.

к 246



султанша ѣхала съ нами на верблюдѣ, котораго велъ работникъ, а султаны исчезли на цѣлый день, вѣроятно отыскивая по сторонамъ аулы, гдѣ бы можно было напиться кумысу и узнать новости. Султанша страшно перезябла и прислала ко мнѣ своего работника просить позволенія сѣсть въ тарантасъ. Я уступилъ ей свое мѣсто и пересѣлъ на свою верховую лошадь. На ночлегѣ султаны грѣлись у меня подъ джуламейкой. За чаемъ и ужиномъ молодой супругъ, забывъ законъ Магомеда, выпилъ цѣлый стаканъ спирта, а бѣдная его 15-лѣтняя жена, по восточному этикету, мерзла вдали около верблюда и считала за величайшее благодѣяніе, когда я прислалъ ей горячаго. Ночью пьяный султанъ хотѣлъ ее поймать и побить, вѣроятно изъ ревности, но она ловко увертывалась около верблюда. Эти сцены повторялись каждую ночь. Султанъ, какъ развращенный прилинейный киргизъ, не могъ вселить къ себѣ симпатіи молодой женщины, которая видимо его презирала и не скрывала своего желанія бѣжать отъ него на линію. И что ожидало ее впереди, когда приходилось проводить такимъ образомъ медовые дни!

Представленіе отчетовъ.

16-го октября я вернулся въ Оренбургъ и 26-го отправилъ при рапортѣ къ Перовскому, который находился въ это время въ Петербургѣ, отчетъ по исполненію возложенныхъ имъ на меня порученій на Сыръ-Дарьѣ, именно:

1) Копія съ рапорта моего начальнику Кармакчинскаго и Кумышъ-курганскаго фортовъ (маіору Бажанову), отъ 4 сентября, съ приложеніемъ: отчета о работахъ, произведенныхъ для приведенія Кумышъ-кургана въ оборонительное положеніе, съ 14-го августа по 5-е сентября, и мнѣнія моего, какія работы предстоитъ еще произвести въ нынѣшнемъ и будущемъ годахъ.

2) Планъ Кумышъ-кургана, снятый мною глазомѣрно, въ масштабѣ 10 саженъ въ дюймѣ, съ профилями.

3) Копія съ рапорта моего начальнику форта Перовскій, отъ 21-го августа, съ приложеніемъ: записки о пунктахъ для наблюдательныхъ постовъ въ окрестностяхъ форта, выбранныхъ и указанныхъ мною; инструкцій начальникамъ постовъ, для сообщенія

по принадлежности; и записки о дорогахъ отъ форта Перовскій къ постамъ, для принятія мѣръ къ исправленію ихъ.

4) Мнѣніе мое о наблюдательныхъ постахъ въ окрестностяхъ форта Перовскій и о сообщеніяхъ между фортами и постами лѣваго фланга сыръ-дарьинской линіи. Оно заключалось въ томъ: что посты на Бишъ-арны, Беръ-казанѣ, при переправѣ чрезъ Сыръ-Дарью у Кубаса и у истока Яны-Дарьи не имѣютъ серьезнаго значенія для охраны форта Перовскій отъ нечаянныхъ нападеній, но нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть полезны для сообщеній форта; что дорога изъ форта Перовскій въ Кармакчи, чрезъ предполагаемую плотину у истока Яны-Дарьи и укрѣпленія, занятое нами Кумышъ-курганъ и не занятое Чимъ-курганъ, имѣя 150 верстъ протяженія, на 40 верстъ короче дороги, пролегающей по правую сторону Караузякскихъ болотъ, и что для пользованія кратчайшею дорогою, устройство постовъ у истока Яны-Дарьи и въ Чимъ-курганѣ, какъ этапныхъ пунктовъ, было бы полезно.

5) Проектъ правилъ о почтовомъ сообщеніи степныхъ укрѣпленій съ линіею, на утвержденіе корпуснаго командира. По этимъ правиламъ полагалось: почтовое сообщеніе между степными укрѣпленіями и линіею, для казенной и безплатной простой частной корреспонденціи, производить три раза въ мѣсяцъ, или чрезъ десять дней, посредствомъ верховыхъ почтарей изъ киргизъ о двуконь, пробѣгающихъ по 60 верстъ въ сутки. Почтарей полагалось содержать въ Орской крѣпости и восьми степныхъ укрѣпленіяхъ 36 человѣкъ, отпуская имъ постоянно провіантъ, фуражъ, жалованье (по 5 руб. въ мѣсяцъ) и наградныя деньги за каждое исправное доставленіе почты (лѣтомъ по 1 и зимою по 2 копѣйки серебромъ за версту). По расчету жалованья и наградныхъ денегъ, ежегодный денежный расходъ казны на степную почту простирался на 3,516 руб. 16 к. серебромъ.

6) Копію съ рапорта моего корпусному оберъ-квартирмейстеру, отъ 22-го октября, съ приложеніемъ отчета о топографическихъ работахъ, произведенныхъ въ теченіе лѣта 1853 года въ окрестностяхъ форта Перовскій и имѣющихъ производиться въ теченіе предстоящихъ зимы и весны. Со времени осады Акъ-мечети,

десятью топографами, находившимися въ моемъ вѣдѣніи, между прочимъ были произведены слѣдующія работы: инструментальныя съемки окрестностей Акъ-мечети, въ масштабѣ 100 саженъ въ дюймѣ, и Джулека, въ масштабѣ 200 саж. въ дюймѣ; полуинструментальная съемка Акъ-мечетскаго острова, въ масштабѣ 1 версты въ дюймѣ (600 □ верстъ); маршрутная съемка отъ Акъ-мечети до Джулека, въ масштабѣ 2 верстъ дюймѣ (800 □ верстъ); рекогносцировка пространства отъ Акъ-мечетскаго острова до низовьевъ рѣкъ Сары-су и Чу, въ масштабѣ 2 верстъ въ дюймѣ (6000 □ верстъ); наконецъ, рекогносцировки лѣваго берега Сыръ-Дарьи отъ Акъ-мечети до Кумышъ-кургана въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ (4,500 □ верстъ). Затѣмъ двумъ топографамъ, оставленнымъ въ фортѣ Перовскій, предстояло произвести: въ зимнее время рекогносцировку Караузякскихъ разливовъ и раннею весною—голодной степи къ сѣверу отъ Кармакчи и форта Перовскій (примѣрно 10,600 □ верстъ). Къ отчету была приложена копія съ предписанія, даннаго мною корпуса топографовъ прапорщику Недорѣзову о производствѣ этихъ рекогносцировокъ, и съ сношеній по этому предмету съ начальникомъ форта Перовскій и съ завѣдующимъ сыръ-дарьинскими киргизами, отъ 1 сентября.

7) Копія съ отношенія моего къ завѣдующему сыръ-дарьинскими киргизами, отъ 21 сентября, о Карабугутской плотинѣ, съ приложеніемъ плана оной.

Отправивъ эти отчеты, я не счелъ возможнымъ представить записку о мѣрахъ, которыя должны быть приняты по военной и хозяйственной части для улучшенія новыхъ трехъ укрѣпленій и существованія ихъ гарнизоновъ и вообще объ ихъ потребностяхъ и недостаткахъ, потому что не имѣлъ ни времени, ни средствъ, чтобы сдѣлать тщательныя наблюденія. Я не былъ снабженъ правами офиціальнаго инспектора, а частнымъ образомъ вмѣшиваться въ дѣла старшихъ себя въ чинѣ считалъ неумѣстнымъ.

Послѣднее письмо къ Перовскому и оставленіе Оренбурга.

Лишь только я отправилъ отчеты, какъ получилъ письмо отъ Осмоловскаго, съ просьбою перемѣнить отношеніе къ нему отъ 21-го сентября, въ которомъ выбранъ, для возстановленія пло-

тины на Яны-Дарьѣ, истокъ этой рѣки, такъ какъ 8-го октября онъ устроилъ плотину, съ помощію киргизъ, двумя верстами ниже этого мѣста. Перемѣнить отношенія я уже не могъ, да еслибъ и могъ, то мнѣ трудно было бы отказаться отъ своего убѣжденія, даже ради дружбы; но чтобы отвратить непріятность отъ Осмоловскаго, съ слѣдующею же почтою, т. е. 3-го ноября, отправилъ въ Петербургъ къ Перовскому извѣстіе о возстановленіи плотины, въ одномъ письмѣ съ просьбою моею о переводѣ изъ Оренбурга. Вотъ его содержаніе:

„Возвратясь изъ степи, я имѣлъ честь представить Вашему Высокопревосходительству отчетъ объ исполненіи возложенныхъ на меня порученій въ Сыръ-Дарьинскомъ краѣ. Послѣ того я получилъ отъ Осмоловскаго отъ 10-го октября новыя свѣдѣнія о Карабугутской плотинѣ. Считаю для себя обязанностію довести ихъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства.

Киргизы, окрестные форту Перовскій всегда неохотно и сбивчиво отвѣчали на всѣ наши распросы о плотинѣ Карабугутъ, такъ что изъ ихъ словъ нельзя было сдѣлать никакого положительнаго заключенія относительно ея существованія въ разныя времена. Одинъ изъ нихъ, взявшійся указать мнѣ и Осмоловскому мѣсто, гдѣ была у коканцевъ плотина, кружилъ насъ по мокрымъ камышамъ цѣлый день (7-го сентября) и, не исполнивъ обѣщанія, привелъ обратно къ форту послѣ заката солнца, оправдываясь, что онъ не виноватъ, если мѣста, которыя были въ прошломъ году сухи, теперь обратились въ болота, неудобныя для проѣзда, но оправданія его, при повсемѣстной тогда убыли воды, были не совсѣмъ правдоподобны. Какіе виды побуждали киргизъ скрывать истину, опредѣлить трудно; но вѣроятно это происходило отъ неувѣренности ихъ въ прочномъ пребываніи русскихъ на Сырѣ и изъ боязни коканцевъ.

Съ отъѣзда моего съ береговъ р. Сыра, Осмоловскій имѣлъ конечно возможность узнать о плотинѣ вѣрнѣе и теперь сообщаетъ мнѣ слѣдующее:

„Лѣтъ 10 тому назадъ коканцы пытались запрудить истокъ рѣки Яны-Дарьи большою плотиною, остатки которой видны и теперь, но неудачно, поэтому и устроили плотину $1^1/_2$ или 2

верстами ниже, гдѣ дно немного возвышенніе и весьма вязкое. Въ прошломъ году батырь Бухарбай Истяковъ разрушилъ ее, но нынче (8-го октября) съ помощью киргизъ я снова ее возстановилъ. Плотина эта имѣетъ широты 20 шаговъ, длины 19 и высоты $8^1/_2$ аршинъ".

Для того, чтобы судить въ какой степени возобновленная плотина удержитъ воду, необходимо произвести тщательную нивелировку истоковъ Яны-Дарьи. Кажется, однако, что плотина при выходѣ этой рѣки была-бы надежнѣе, хотя конечно потребовала бы больше работы. Впрочемъ и теперь, съ возстановленіемъ старой плотины, работы не должны еще кончиться. Необходимо провести отъ нея въ обѣ стороны гати, какъ для удержанія сыръ-дарьинской воды отъ разливовъ по камышамъ, такъ и для сообщенія между фортомъ Перовскій и Кумышъ-курганомъ.

Окончивъ объясненіе по поводу Карабугутской плотины, осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство почтить благосклоннымъ вниманіемъ всепокорнѣйшую мою просьбу о переводѣ меня въ дѣйствующія войска, по усмотрѣнію высшаго начальства, такъ какъ я прослужилъ уже въ Оренбургскомъ краѣ 6 лѣтъ и теперь желалъ бы пріобрѣсти практику въ службѣ при регулярныхъ войскахъ, особенно въ военное время".

Перовскій былъ раздраженъ просьбою моею о переводѣ изъ-подъ его начальства и выразилъ свое неудовольствіе перемѣною чина подполковника, къ которому меня представилъ за Акъ-мечеть и съ которымъ предварительно поздравилъ чрезъ начальника корпуснаго штаба, на орденъ св. Анны съ короною и колкою резолюціею по поводу выбраннаго мною мѣста для плотины, одновременно съ благодарностью Осмоловскому. Но въ то время, когда въ Оренбургѣ читались эти резолюціи и благодарность, изъ Акъмечети было получено извѣстіе, что плотину, возстановленную Осмоловскимъ, смыло до основанія. Мнѣ было прискорбно убѣдиться окончательно въ выходящемъ изъ предѣловъ личнаго достоинства самолюбія человѣка, къ которому питалъ большую симпатію.

Нападеніе коканцевъ на Акъ-мечеть 14—19 декабря и разбитіе ихъ.

29-го декабря я оставилъ Оренбургъ и не успѣлъ доѣхать до Бухареста, какъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе о новой и послѣдней попыткѣ коканцевъ отбить Акъ-мечеть.

Подполковникъ Огаревъ, начальникъ пограничнаго на Сыръ-Дарьѣ форта нашего „Перовскій", донесъ отъ 19-го декабря минувшаго года о блистательномъ подвигѣ, совершенномъ войсками, составляющими гарнизонъ сего укрѣпленія.

14-го декабря коканскій отрядъ, числомъ отъ 12 до 13 тысячъ человѣкъ, съ 17 орудіями, подступилъ къ форту, съ твердымъ намѣреніемъ овладѣть имъ, и расположившись лагеремъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, началъ дѣйствовать по оному своею артилеріею. Подполковникъ Огаревъ немедленно отвѣчалъ на этотъ огонь изъ орудій форта, но видя, что, при многочисленности своей, коканцы могутъ обложить его и продолжительною осадою привести гарнизонъ въ затруднительное положеніе, онъ рѣшился поразить ихъ неожиданнымъ нападеніемъ. Для этого, выславъ въ ночь съ 18 на 19 число 350 человѣкъ пѣхоты и 190 казаковъ, при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ Оренбургскаго линейнаго баталіона № 4 маіора Шкупа, онъ приказалъ сему штабъ-офицеру съ разсвѣтомъ быстро атаковать коканскій лагерь. Приказаніе это было исполнено въ точности: коканцы пришли сначала въ безпорядокъ, но скоро опомнились и окружили нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. Тогда подполковникъ Огаревъ, безъ малѣйшей потери времени, отправилъ на подкрѣпленіе маіора Шкупа, подъ командою гарнизоннаго инженеръ-прапорщика Алексѣева и Оренбургскаго линейнаго баталіона № 4 штабсъ-капитана Погурскаго, два другихъ отряда по 80 человѣкъ изъ пѣхоты и матросовъ и однимъ орудіемъ при каждомъ. Они стремительно ударили на коканцевъ съ фланга и съ тыла, и заставивъ ихъ оступить, присоединились къ маіору Шкупу. Усиленный такимъ образомъ, главный отрядъ съ крикомъ ура! бросился на непріятеля въ штыки и шашки, опрокинулъ его, ворвался въ лагерь и овладѣлъ всею коканскою артилеріею. Съ этой минуты коканцы, не думая болѣе о своей защитѣ, обрати-

лись въ совершенное бѣгство, и преслѣдуемые безъ отдыха на протяженіи 4 верстъ казаками, башкирами и 4 сотнями преданныхъ намъ киргизовъ, подъ начальствомъ сотника Карамышева, понесли огромную потерю. Они лишились до 2 тысячъ убитыми Кромѣ того у нихъ взяты: весь лагерь, 17 орудій, 4 бунчука, 7 знаменъ, всѣ запасы пороха, провіанта и снарядовъ. Наша потеря въ этомъ дѣлѣ заключалась въ 2 раненыхъ оберъ-офицерахъ, въ 18 человѣкъ убитыхъ и 36 раненыхъ нижнихъ чинахъ. Незначительность этой потери въ сравненіи съ уономъ противниковъ объясняется внезапностію нападенія, благоразумными распоряженіями начальника, храбростію и устройствомъ нашихъ войскъ.

Государь Императоръ, по полученіи сего донесенія, повелѣть соизволилъ: подполковника Огарева произвесть въ генералъ-маіоры, а офицеровъ участвовавшихъ въ бою въ слѣдующіе чины; нижнимъ же чинамъ гарнизона форта Перовскаго пожаловалъ по 2 рубля серебромъ на человѣка. Въ награду же наиболѣе отличившимся—30 знаковъ военнаго ордена.

25 АПР 1944

22

2011109644